

Dr. J. K. ...

Оцифровка: Дервянко В.Н.
support@yargin-museum.ru

ИВАН ЯРЫГИН

IVAN YARIGIN

IVAN YARYGIN
SELF-PORTRAIT ON THE
BACKGROUND OF THE MAT

И В А Н

Я Р Ы Г И Н

АВТОПОРТРЕТ
НА ФОНЕ КОВРА

МОСКВА 1998

Наталья Ярыгина выражает сердечную благодарность
Ольге Бараш, Наталье Маркеловой, Сергею Стулову,
Захару Илиеву за помощь в издании этой книги

ISBN 5-88149-034-7

© Наталья Ярыгина, 1998

© Илья Урилов, послесловие, 1998

© Ольга Бараш, перевод на английский язык, 1998

© Сергей Стулов, макет и оформление, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

СПОРТСМЕН

ФОТОГРАФИЯ	9
«ЭТО ОТ МАМОЧКИ»	11
МОЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИЗАЯ	14
БЕЛАЯ ВЕРБЛЮДИЦА ЛАДА	20
ОТСТУПЛЕНИЕ В СЕГОДНЯ: КОГО ПОЖАЛЕЛА МАМА.....	25
ПОЯВЛЯЕТСЯ ЧАРКОВ.....	32
КАК МЕНЯ УКРАЛИ.....	42
ПЛЕЧИ МЕЧТЫ	47
ЧЕЛОВЕК С ДАРОМ «МЦНОБИ»	51
ЧЕМПИОН СССР.....	57
УРОК ПОСЛЕ ПОБЕДЫ.....	65
НАТАША.....	68
«НЕВЕСТА ИЗ САЛАВАТА».....	72
ЕЩЕ ОДНО ОТСТУПЛЕНИЕ	80
СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ.....	83
ТРИ ТУРНИРА	87
Я ЛЮБЛЮ ВАС, ПАРНИ	90
КРОВЬ ИЗ НОСУ	93
ТЕ САМЫЕ МЮНХЕНСКИЕ МИНУТЫ.....	97
АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЬ.....	102
ОТКРЫВАЮ АМЕРИКУ.....	107
В РОДНЫХ СТЕНАХ	110
СНОВА ЧЕРНАЯ ПОЛОСА	115
ОЧЕРЕДНАЯ ПОБЕДА ГУЛЮТКИНА.....	120
СЕМЕЙНАЯ СКОВОРОДА.....	122
ЧТО СКАЖЕТ ШАХМУРАДОВ	125
13: 2 И 19: 13	129
И НАСТАЛ ДЕНЬ	135
ПОСЛЕДНИЙ, ПОСЛЕДНЯЯ, ПОСЛЕДНЕЕ	137

ТРЕНЕР

МОЯ ВЕЛИКАЯ СБОРНАЯ.....	146
В ВОЗРАСТЕ ХРИСТА.....	150
ЗАНЯТИЕ ЖЕРТВЕННОЕ (Еще одно отступление)	159
СВОЙ ЗАПАХ.....	163
КАНУН СЕУЛЬСКОЙ.....	169
СЕУЛЬСКАЯ.....	173
ПРОЩАНИЕ В БАРСЕЛОНЕ.....	178

ПРЕЗИДЕНТ

ОТ ТОЛИДО ДО АТЛАНТЫ.....	187
ЛУЖНЕЦКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, 8.....	193
ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР ВОЛОДЯ.....	197
ЦЕРКОВЬ СВЯТОЙ ЕВДОКИИ	204
СНОВА АЛЬБОМ	209
КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ.....	212
РАСС ХЕЛИКСОН И ДРУГИЕ.....	218
ОТДАТЬ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ	222

CONTENTS

THE SPORTSMAN

THE SNAPSHOT.....	9
WITH YOUR MUM'S MILK.....	11
MY ECOLOGICAL SIZAYA	14
THE WHITE SHE-CAMEL LADA.....	20
DIGRESSION TO THE PRESENT: FOR WHOM MUM WAS SORRY.....	25
ENTER TCHARKOV.....	32
HOW I WAS STOLEN.....	42
THE SHOULDERS OF THE DREAM	47
A MAN WITH A GIFT OF «MTSNOBI».....	51
THE USSR CHAMPION.....	57
A LESSON AFTER VICTORY.....	65
NATASHA.....	68
«THE FIANCEE FROM SALAVAT».....	72
ONE MORE DIGRESSION	80
1971	83
THE THREE TOURNAMENTS.....	87
I LOVE YOU, LADS.....	90
AT THE COST OF BLEEDING NOSE.....	93
THOSE MOMENTS IN MUNICH	97
ALEXANDER MEDVED	102
MY DISCOVERY OF AMERICA	107
AT HOME.....	110
A BLACK STRIPE AGAIN	115
GULYUTKIN WINS AGAIN	120
THE FAMILY PAN.....	122
WHAT WILL SHAKHMURADOV SAY?	125
13: 2 AND 19: 13.....	129
AND THE DAY CAME	135
THE SAD WORD «LAST».....	137

THE COACH

MY GREAT NATIONAL TEAM.....	146
AT THE AGE OF CHRIST.....	150
A SACRIFICIAL OCCUPATION (Another digression)	159
ONE'S OWN SCENT	163
THE EVE OF THE OLYMPIC GAMES IN SEOUL ..	169
THE OLYMPIC GAMES IN SEOUL.....	173
A FAREWELL IN BARCELONA	178

THE PRESIDENT

FROM TOLEDO TO ATLANTA.....	187
THE LUZHNETSKAYA EMBANKMENT, 8.....	193
VICE-PREMIER VOLODIA.....	197
ST EUDOKIA'S CHURCH	204
THE ALBUM AGAIN.....	209
HOW YOUNG WE WERE	212
RASS HELIKSON AND OTHERS	218
TO GIVE IN ORDER TO REMAIN.....	222

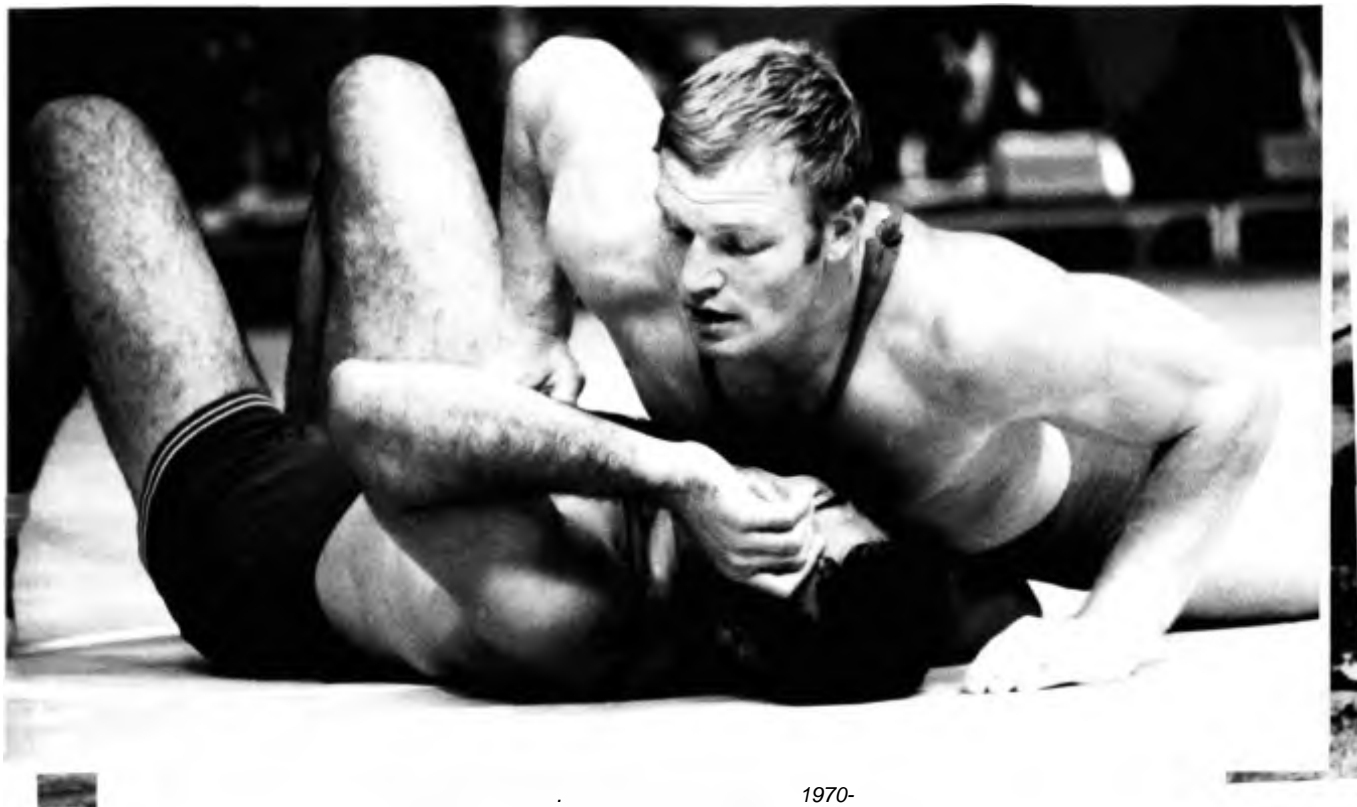
Моей жене Наталье
и детям, Анне и Сергею,
с любовью посвящаю

СПОРТСМЕН

The Sportsman

1970-

THE SNAPSHOT

ЭТА книга началась с фотографии. Однажды вечером я застал Наташу за нашим семейным альбомом. Она медленно переворачивала толстые листы белого картона и вдруг остановилась. Когда ваша жена ни с того ни с сего берется за старые фотографии, не знаю, как вы, но я всегда испытываю чувство тревоги. Тоскует? Недовольна чем-либо? Печалится о несбывшемся? Вспоминает уходящую молодость?

Заглянув через плечо Наташи, я увидел фотографию, на которой остановился ее взгляд, — 1972 год. Мое возвращение из олимпийского Мюнхена. Встреча в старом аэропорту, который тогда был в самом центре Красноярска. Нас задержали на первой ступеньке трапа, чтобы надеть почетные ленты. В суматохе перепутали их. На моей оказались слова: «Тренер олимпийского чемпиона», а на той, что досталась моему тренеру, — «Олимпийский чемпион». Все пространство у самолета и даже за оградой аэропорта было заполнено людьми. Они что-то кричали нам, бросали цветы, и, похоже, не только мы, но и эти люди не разобрались в наших лентах. А я знал, что где-то в этой толпе — Наташа, но никак не мог найти ее взглядом. Встретились мы только часа три спустя...

Я вспомнил тот мой прилет и все, что случи-

THIS book began with a snapshot. One evening I found Natasha looking through our family album. She was slowly turning the thick pages of white cardboard and suddenly stopped. As for me, I always feel alarmed when my wife suddenly begins to brood over old photos. What is the matter with her? Is she melancholy? Or displeased with something? Or sad about some unrealized hopes? Or remembering the passing youth?

Looking over Natasha's shoulder I saw the snapshot which had caught her eye. It dated back to 1972. It was my return from the Olympic Munich. The meeting at the old airport which at that time was located in the very center of Krasnoyarsk. We were detained on the first step of the gangway to be awarded honor bands. The bands were mixed up in the commotion. Mine read: «The Coach of Olympic Champion», and my coach's one had the words: «Olympic Champion». People were crowding near the plane and even behind the barriers of the airport. They shouted something to us, threw flowers, and not only we, but also these people seemed to fail to distinguish the inscriptions on our bands. And I knew that Natasha was somewhere in the crowd, but my eyes could not find her. We met only three hours later...

лось до него в Мюнхене, так ярко, так подробно, словно это было вчера, а не 26 лет назад. Удивился, как быстро пролетело время, и вдруг подумал: «Половина из твоих 48 лет была отдана тому, чтобы в памяти людей ты остался непревзойденным борцом. А вторую половину ты только тем и занимался, что стремился воспитать спортсмена, который превзошел бы тебя и тем самым перечеркнул все, что ты сделал тогда в Мюнхене, на Олимпийских играх. Не странно ли это?»

Появившись, эта мысль настолько поразила меня, что я ни о чем не стал расспрашивать жену, а ушел к себе в комнату.

Кем, когда и зачем именно так, а не иначе была запрограммирована моя жизнь, думал я в тот вечер. И вспоминал другие фотографии — черно-белые и цветные, запрессованные прозрачной пленкой в наших семейных альбомах. На многих из них я со спортсменами и тренерами, известными бизнесменами и политическими деятелями... Предвещало ли что-либо в моем детстве, в моей родной Сизой, что я буду знаком с этими людьми, а с некоторыми мы даже станем друзьями?

Сегодняшние городские мальчишки только лет до десяти мечтают быть шоферами, а у нас в Сизой пацаны и в шестнадцать рвались к баранке. Господи, как я сопротивлялся, когда меня пытались отлучить от нее. Но ведь случилось: вдруг в моей жизни появляется крепенький, черноволосый и круглолицый человек и представляется тренером по вольной борьбе...

Случайность? Конечно! Пришел человек посмотреть футбольный матч ничем не знаменитых команд и вдруг увидел рыжего худого верзилу вратаря, который, впрочем, время от времени брал абсолютно мертвые мячи. Увидел и что-то угадал в нем. Прошли годы, прежде чем я понял, что и его приход на матч, и все, что последовало за этим, — цепь закономерностей. Цепь, начало которой, может быть, за тысячи километров от Абаканского стадиона с его скверным полем и шатающимися воротами — в небольшой грузинской деревушке Чалаубани, что в солнечной Кахетии. А может, начало еще раньше. Но в таком случае — где?

В тот вечер я впервые почувствовал острое, как приступ радикулита, желание разобраться в своей жизни. В самом себе.

Это желание преследовало меня. И однажды я поделился им с другом.

«А знаешь, — сказал друг, — ты попробуй рассказать о себе...»

И я решил попробовать. Что из этого получилось — судить тебе, читатель.

I remembered that coming back and everything that had happened before, in Munich, so vividly as if it had been yesterday, not 26 year ago. Astonished at the time having passed so quickly, I suddenly thought: «Half of your 48 years passed in strife to become an unsurpassed wrestler in the memory of people. And the second half you did nothing but try to bring up a sportsman who would surpass you and make null and void every-thing you had done then in Munich, at the Olympic Games. Isn't it strange?»

This thought was so striking that I did not question my wife at all and went to my room.

By whom, when and what for had my life been programmed in such a way, I thought that evening. And I recollected other photos — black and white and colored — pressed with transparent film in our family albums. Many of them depict me with sportsmen and coaches, with famous businessmen and political leaders... Did anything in my childhood in my native Sizaya foretoken my acquaintance with all these people and even my friendship with some of them?

Nowadays the city boys dream of becoming drivers up to the age of ten, no older; but in Sizaya sixteen-year-old chaps longed to turn the wheel. Lord, how I resisted when someone tried to tear me off from it. But all the same it happened: suddenly a stodgy, blackhaired, roundfaced man appeared in my life and introduced himself as a free-style wrestling coach... Was it a chance? Of course. A man came to look at a football match of some obscure teams and suddenly saw a lanky fellow, the goalkeeper, who, nevertheless, sometimes took absolutely «dead» goals. And he guessed something about this chap. Years had passed before I understood that both his coming to the match and everything that had followed were a chain of regularities. A chain which had begun perhaps a thousand of miles from the Abakan stadium with its poor field and swaying gates, in a small Georgian village of Tchalaubani, in the sunny Kachetia. Maybe it had begun still earlier. But where then?

That evening I first felt a desire to make sense of my life and of myself. It was sharp as a lumbago attack.

This desire pursued me. One day I shared it with my friend.

«You know», my friend said, «You should try to tell about yourself...»

And I decided to try. Reader, it is for you to judge what has come out of it.

« »

«WITH YOUR MUM'S MILK»

ОПЫТНЫЙ тренер, думая о своем ученике, всегда видит, что в нем природное, а что благоприобретенное. Мой наставник Дмитрий Георгиевич Миндиашвили (Д. Г. — так я буду его называть время от времени) едва ли не с первого взгляда умеет определить это природное, полученное, как он говорит, «от мамочки, с ее молочком».

«Молочко», наверное, следует толковать расширительно, как наследственность. Кто они были, мои предки, ну хотя бы по отцовской линии, что звать их стали Ярыгинами?

В словаре у Даля я прочел: «Ярыга, ярыжка — низший служитель полиции, для рассылки, прислуги и исполнения разных приказаний». Произведенное от него «ярыжник» дает новую, не ахти какую привлекательную окраску: «пьяница, шатун, мошенник», в общем, человек во всех отношениях беспутный.

Боюсь, любому не понравилось бы обнаружить у себя такие гены. К счастью, на той же странице словаря указано — произошло слово «ярыга» от «яр», «крут». А уж «ярыый» имеет совсем другое значение. Тут тебе и «огненный», и «пылкий», «крепкий», «сильный», «резкий», «неудержимый».

У отца моего, Сергея Николаевича, с генами было все в порядке. Был он в самом прямом значении слова человек «огненный» — кузнец. И как в

WHEN an experienced coach thinks about his pupil he always knows what is inherent in him and what is acquired. My teacher Dmitri Georgievitch Mindashvili (D. G., as I will call him at times) can see these inherent capacities almost from the first sight. «You got it from your mum», he says.

«With your mum's milk».

Of course «mum's milk» should be understood in a broad sense, as heredity. Who were they, my ancestors on my father's side, why were they called «Yarygin»?

In V. Dal's dictionary of the Russian language I read: «Yaryga, yaryzhka — the lowest police officer for messages, services and various errands». Its derivative, «yaryznik», acquires a new shade of meaning, not a very nice one: «drunkard, bum, crook», in short, a total good-for-nothing.

I am afraid, no one would be glad to find such genes in them. Fortunately, on the same page of the dictionary it is pointed out that the word «yaryga» originated from «yar». As for «yar», it has quite a different meaning. A whole bunch of them: «fiery», «hot-tempered», «strong», «forceful», «fierce», «uncontrollable».

The genes of my father, Sergei Nikolaevitch, were all right. He was a «fiery» man in the literal sense of

словаре: «крепкий», «сильный». Невысокого роста, но кряжистый, весом в сто килограммов.

Уже взрослым парнем подался на заработки в Горную Шорию в старательскую артель. Здесь и встретил мою маму Евдокию Павловну, тогда, конечно, просто Дуню, дочь мужика богатого, крепкого, из тех, кого позже окрестили кулаками. Шестнадцатилетняя Дуня не была ровней пришлому Сергею Ярыгину ни по богатству, ни по годам. Но жила девушка не с матерью родной, а с мачехой, и отец счел за благо отдать ее замуж хоть за кого.

И по этой линии с генами у меня как будто полный порядок. Мамин отец был высок, необыкновенно силен, телом могуч. Мама утверждает, что я в деда с ее стороны.

А родила она меня 7 ноября 1948 года. И был я у нее шестым по счету.

Событие это произошло в семье Ярыгиных, когда жила она уже не в Таштаголе, откуда родом мать, а в селе Усть-Камзасс, что тоже в Горной Шории.

Отец жаждал самостоятельности. Никакого другого пути к ней, кроме упорной работы, он не знал и знать не хотел.

Вскоре после моего рождения хорошего кузнеца поманили большими заработками геологи. Базировалась экспедиция неподалеку от тувинской столицы Кызыла, в селе Усть-Уюг. Туда и перебралась семья.

the word: a blacksmith. And, in compliance with the dictionary, «strong», «forceful». He was short but stodgy, and weighed 100 kilograms.

As a grown-up fellow he went to Gornaya Shoria to earn some money at a gold-digger's artel. There he met my mother, Yevdokia Pavlovna, then, of course, called merely Dunya, the daughter of a rich, solid peasant. Such villagers were later labeled as «kulaks». The sixteen-year-old Dunya was not a match for the newcomer Sergei Yarygin either in wealth or in age. But the girl had a stepmother instead a mother, and her father thought he had better married her to anyone.

My genes on this side seem to be all right too. My mother's father was tall, amazingly strong, powerfully built. Mother says I have taken after her father.

It was on November 7, 1948 that she gave birth to me. I was her sixth child. This happened in the Yarygin family when it did not live in my mother's native Tashtagol any more, but in the village of Ust-Kamzas, which is also in Gornaya Shoria.

My father longed for independence. He did not know and did not want to know a way to it but hard work.

Soon after my birth the geologists lured the good blacksmith with high wages. The expedition was based near Kyzyl, the capital of Touva, in the village of Ust-Uyug. The family went to live there.

СПОРТСМЕН

Но батя не случайно носил фамилию Ярыгин: был он не только работащ, но и, как сказано, «неудержим». Не сиделось ему на одном месте. В газетах, по радио стали рассказывать о строительстве самой большой в мире Саяно-Шушенской ГЭС. Отец заговорил о новом переезде. Сначала как бы между прочим, вскользь, чтобы не гневить предстоящими хлопотами маму. Ей-то, как и всякой многодетной женщине, хотелось стабильности, укоренения. Нелегко было отцу уговорить свою Дуню отпустить его хотя бы на разведку. Но уговорил, поехал в Шушенское.

Вернулся и уже решительно скомандовал собираться. Мама ворчит, но отец так красочно расписывает будущую почти райскую жизнь, в которой Енисей каждого желающего запросто одаривает вкуснейшей на свете рыбой, а тайга — кедровым орехом, ягодой, грибами, что даже мама с ее трезвым умом не могла устоять. Однако самым главным, самым решающим доводом в пользу переезда стало сообщение отца о том, что леспромхоз, в который его приглашают кузнецом, готов построить нам дом. Да такой, что вся наша многочисленная семья сможет в нем жить, прибавляясь в детях хоть ежегодно. Сдалась мама. И мы оказались в Сизой — леспромхозовском поселке, получившем имя свое от чудесной речки, притока Енисея.

Сизую я считаю своей малой Родиной.

But it was not by chance that Dad's surname was Yarygin: he was not only hard-working, but also, as it was already mentioned, «uncontrollable». He could not sit in one place. The newspapers and the radio began to speak about the building of the Sayano-Shushenskaya hydro-electric power station, the largest in the world. Father began to talk about going there. First he mentioned it casually, in passing, for he understood it would be hard on Mother. For like any mother of many children she wanted stability and constancy. It was not easy for Father to persuade his Dunia to let him at least go and see. But at last he succeeded and went to Shushenskoye.

On coming back he gave a resolute command to pack. Mother grumbled, but Father described the future paradise, with the Yenisey full of wonderful fish, and the taiga abundant of cedar nuts, berries and mushrooms, so vividly that even Mother with her sober mind could not resist. But the principal, the decisive argument in favor of moving there was Father's announcement that the forestry which invited him to work as a blacksmith was ready to build a house for us. A house in which all our numerous family could live and have as many new children as we wanted. So Mum surrendered. And we settled in Sizaya — a forestry village named after a beautiful river, a tributary of the Yenisey.

I think of Sizaya as of my native land.

3-

—

MY ECOLOGICAL SIZAYA

ЧЕЛОВЕК — это не только характер, который может иметь корни в прошлом его дедов и прадедов. Человек — это еще и здоровье, которое, между прочим, тоже определяет поведение.

Любой вид спорта по сути своей — преодоление. Чаще всего времени и пространства, как в легкой атлетике: беге, прыжках, метании снарядов. Преодоление земного притяжения — как в тех же прыжках или тяжелой атлетике.

Но, пожалуй, именно борьба, вольная или классическая, в самой полной мере требует преодоления. Борец встречается с соперником — тело к телу, мускулы к мускулам, воля к воле. Ему сопротивляется чужая трепещущая плоть, наполненная хорошо тренированной силой, очень редко и, как правило, в незначительной мере уступающей твоей силе. Одолеть эту чужую силу надо в отведенный правилами срок, а по возможности и раньше. Поэтому твой противник — еще и время. Все вместе взятое требует умения выплеснуть таящуюся в тебе энергию расчетливо быстро. Затраты организма здесь с трудом поддаются точному измерению, они подразумевают коренное, базисное здоровье, без которого не может быть ни стремительной отдачи, ни быстрой реабилитации.

Опытные тренеры давно поняли значение этого базисного, коренного здоровья. Не случайно в таких наших борцовских республиках, как Осетия, Да-

A HUMAN is not only the character which can root in the past of his ancestors. A human is also health which, by the way, determines the behavior as well.

Any kind of sports is, in fact, overcoming. Most often it is overcoming space and time, like in track-and-field athletics, running, jumping, throwing. Or overcoming the gravity, like in jumping or heavy athletics.

But wrestling, free-style or classical, demands overcoming to the fullest measure. A wrestler meets his rival body to body, muscles to muscles, will to will. He meets the resistance of another man's quivering flesh full of well-trained strength which mostly is equal to his own strength. This another man's strength must be overcome in a period of time determined by the rules or even earlier. That is why time, too, is your rival. All this demands a quick and calculating use of your hidden energy. The bodily expenditures here are difficult to measure, they imply the essential, basic health without which there cannot be either rapid action or quick rehabilitation.

Experienced coaches have long understood the significance of such essential, basic health. It is not by chance that potential wrestlers are recruited in such «wrestling» republics as Ossetia, Dagestan, Chechnia, in the remotest mountain vil-

СПОРТСМЕН

1968
: 1972

гестан, Чечня, потенциальных борцов рекрутируют в самых отдаленных горных деревнях и аулах, где мальчишки дышат целебным воздухом, получают здоровую, экологически чистую пищу.

В Сизой в пору моего детства слово «экология» вряд ли кто-нибудь знал. К простым людям оно приходит лишь тогда, когда беда уже случилась. От Сизой беда была еще далеко.

О воздухе наших мест я уже говорил. Его чистоту определяла тайга — зеленые легкие планеты. Хрустально чистыми были воды Енисея и малых рек, его притоков — Сизой, Голубой, берущих свое начало в Саянах.

К тем чистым дарам рек и тайги, которые жи-

lages and auls where boys breathe healthy air and eat healthy, ecologically pure food.

I have already mentioned the air of our native village. Its purity was granted by the taiga — the green lungs of the planet. Crystalline pure were the waters of the Yenisey and its small tributaries: the Sizaya, the Golubaya, taking their sources in the Sayans.

But besides those pure gifts of the rivers and the taiga depicted by Father, we had the fruit of out family labors: the kitchen-garden, the orchard (even European appletrees bear magnificent fruit in Sizaya) and everything mooing, grunting and cackling in our pens and stables. Everything —

: 16-

вописал отец, следует добавить плоды наших семейных трудов: огород, сад (в Сизой великолепно плодоносят даже европейские яблони) и все, что хрюкало, мычало и кудахтало в наших «стайках», как в Сибири называют помещение для домашнего скота. Парное молоко, сметана, масло — все было свое и, несмотря на обилие ртов, в достатке. Две, а то и три коровы, которых держала мама, давали столько молочной «продукции», что ее в пору было обращать по формуле «товар — деньги». Но продавать еду мама считала грехом. Дарить, угощать — да. Продавать — ни в коем случае!

Конечно, все это наше хозяйство: огород, сад, коровы, свиньи и куры — требовало неустанных трудов. И я вместе с братьями и сестрами — а нас было десять — вкалывал на покосе, на огороде, на реке и в тайге не за страх, а за совесть, всякое отклонение от которой сурово каралось родителями. А еще охотно помогал отцу в его кузнице, прибавляя к природному здоровью то, что дает физический труд.

Неизгладимый отпечаток на детство наложил и быт моей Сизой.

Недавно в какой-то газете я прочел слова «Экология духовности и нравственности» — и понял, что жил тогда в нравственно экологической среде. Вспоминаю отца, его товарищей: вальщиков леса, трактористов, шоферов, — я сейчас сознаю, что

fresh milk, sour cream, butter — was our own, and, in spite of the numerous mouths, plentiful. The two or three cows Mother kept gave so much dairy that one might as well turn it according to the formula «goods — money». But Mother thought it sinful to sell food. She was glad to give it freely, to treat to it. But to sell it — never!

Of course, all this — the orchard, the kitchen-garden, the cows, the pigs, the chickens — demanded incessant labor. And all of us — myself and my brothers and sisters, ten in number, toiled at the meadows, at the river, at the kitchen-garden and in the taiga, and any attempt to shirk our work was severely punished by our parents. Besides. I gladly helped my father in his smithy, adding to my natural health the training by physical labor.

The everyday life of my Sizaya also affected my childhood.

Lately I have read in some newspaper the words: «Ecology of spirit and morality» — and understood that at that time I had lived in the environment of moral ecology.

Remembering my father and his pals — the woodcutters, the drivers, the tractor operators — I understand now that in spite of their different characters, education, professions, had a lot in

все они, несмотря на очень разные характеры, образование, профессию, испытывали общее для людей той поры, когда порушенное войной хозяйство было восстановлено и страна начала набирать силу и достаток, чувство подъема, стремление сделать жизнь вокруг себя красивой, богаче, интересней.

В маленькой Сизой это стремление выразилось в повальном увлечении спортом. Инициировал и всячески поддерживал его директор леспромхоза Мазунин. Человек из породы создателей, он отдавал свой талант не только производству, но и украшению жизни.

Как и многие другие сибирские поселения, Сизая строилась на месте сплошной вырубki. Ведь сибиряки-первожители изначально относились к тайге отнюдь не любовно, почти враждебно: чтобы отвоевать землю для изб, огородов, улиц, сначала надо было вырубить деревья, выкорчевать пни. Труд, когда в руках лишь пила и топор, — каторжный. И директор изо всех сил поощрял разбивку садов и палисадников, посадку декоративных деревьев вдоль недавно еще пыльных улиц.

По его же инициативе на общественных, как тогда говорили, началах был построен и вполне приличный стадион. Благодаря ему футбол из обычного увлечения пацанов постепенно стал спортом, к которому едва ли не поголовно приобщили-

common at the time when the economy ruined by the war was resurrected and the country began to gain power and wealth, when there appeared a sense of upheaval, a longing to make life more beautiful, rich and interesting.

In the small Sizaya this longing expressed itself as the common passion for sports. It was inspired and supported by the forestry director, Mazunin. Creative by nature, he gave his talent not only to production, but also to beautifying life.

Like many other Siberian settlements, Sizaya was built in the glade. The first Siberian colonists treated the taiga without love; it was almost an enemy. In order to conquer space for houses, kitchen-gardens, streets, they had to cut down the trees, to root out the stubs. It is a back-breaking work if you have nothing but an axe and a saw. And the director did everything he could to encourage planting orchards, front gardens, decorative trees along the formerly dusty streets.

It was at his initiative that a decent stadium was built. Thanks to him football became not just a usual hobby of boys, but a sport which attracted not only all young lads, but also mature men.

The football field in summer, the skatingrink on the river ice in winter became places which attracted me stronger than any magnet. My foot-

лись не только молодые парни, но и достаточно заматеревшие мужики.

Футбольное поле летом, каток на речном льду зимой (самодельными клюшками мы играли здесь в хоккей) стали местами, куда меня влекло посильней любого магнита. Быстро определилось и мое футбольное амплуа — голкипер. Благо рост разрешал: в мои пятнадцать лет я был самым длинным парнем в школе и, вскоре выяснилось, самым прыгучим. Так что играть приходилось не только за школьную команду, но и за взрослую, леспромхозовскую. Ездил с ней на матчи в Шушенское и даже в Абакан.

Отцу нравилась моя футбольная популярность, но это не мешало ему нет-нет да и прокричать из-за линии поля:

— Иван, а воду кто принесет? И дрова до сих пор не нарублены...

Интересно, весело, со вкусом жила Сизая.

Спросите: неужто не пили даже? Пили. Но, похоже, совсем не так, как пьют нынче в леспромохозах — не до кровавых драк и убийств. Пили семейно, под пристальным взглядом жен и детей, соседей и родственников. Пили главным образом по праздникам — семейным, революционным, религиозным. К последним относились весьма серьезно, искренне. Особенно в нашей семье, где тон всему задавала моя глубоко верующая мама.

О характере «пития» тех лет говорит то обстоятельство, что мы, дети, не только не боялись семейных застолий с вином, но и радостно ждали их. Не потому только, что нам доставался кусок вкуснейшего, с черемухой, праздничного пирога, а то и глоток сладкого вина или наливки, — просто нам нравилась атмосфера тех застолий, нравились разомлевшие, подобревшие от вина и дружеского общения взрослые. Частенько мне казалось: вся еда и питье — лишь необходимая подготовка к главному действу любой вечеринки — к танцам, а еще больше к песням. Ах, какие чудесные песни пела Сизая за столом! И те, что вывезли люди откуда-нибудь из Курской области или Рязанской губернии, а то с Украины или Молдавии. И те, которым научились от коренных сибиряков: про казака, скакавшего через долину, через маньчжурские поля, про отца — «природного» пахаря и про село, на которое напали «злые чехи»...

Как бы там ни было, мои отец и мама, моя Сизая уже к шестнадцати годам сотворили из меня вполне зрелого человека, которого не страшно было отпустить в далекую холодную Якутию к разведчикам нефти и газа.

Что и говорить, заработки там даже по меркам Сизой, где лесодобытчики получали вполне приличные деньги, были очень большими.

ball «speciality» was determined rather quickly: I became a goal-keeper. My height helped me: at fifteen I was the tallest fellow at school, and, as it was soon found out, the best jumper. So I had to play not only for the school team, but also for the adult, the forestry one. With that team I went to play matches to Shushenskoye and even to Abakan.

Father liked my football popularity, but this did not prevent him from shouting now and then from behind the field line:

«Ivan, and who will bring the water? And the firewood is not cut yet...»

The life in Sizaya was interesting, merry, full of gusto.

Someone will ask: and what about drinking? Didn't they even drink? Of course they did. But not in the way they drink nowadays in forestries — without bloody fights and murders. They drank at home, under the scrutinies of wives and children, neighbors and relatives. They drank mainly on holidays, family, revolutionary or religious. The latter were treated in a serious, sincere way, especially in our family the head of which was Mother, an earnest believer.

The character of the «drinking» of that time can be understood from the fact that we, children, were not afraid of family gatherings with wine; on the contrary, we looked forward to them. It was so not only because we always got a piece of delicious holiday pie with bird-cherry, and sometimes a sip of sweet wine or nalivka; we liked the atmosphere of those gatherings, we liked the adults mellow with wine and friendly talk. It often seemed to me that all eating and drinking was just a necessary prelude to the main entertainment of any party — to dancing and especially to singing, Oh, what wonderful songs Sizaya sang at table! Some of them were brought from some Kursk or Ryazan district, or else from the Ukraine or Moldavia. Others were learned from the native Siberians: songs about a cossack riding across the valley, about a ploughman and a village attacked by «wicked Czechs»...

In any case, thanks to Father and Mother, thanks to my Sizaya, by the age of sixteen I had become a mature man, and could be fearlessly allowed to go to cold Yakutia to work with oil and gas prospectors.

Frankly speaking, the wages there were very high even in comparison with Sizaya where the wood-cutters earned quite good money.

Now imagine a boy who had been surrounded by green taiga and mountains from his early childhood, for whom that landscape was as nat-

Представьте паренька, с детства окруженного зеленой тайгой и горами, для него этот пейзаж так же естественен, как стены и крыша дома, и вдруг он попадает в голую, поросшую редкими карликовыми деревьями, продуваемую свирепыми ветрами вилуюскую тундру. В первый же день ртутный столбик на термометре зашкалило на минус 50 градусов. Позже чуть потеплело, если так можно сказать, до минус сорока, но зато с реки потянуло ветерком. Крохотная, буквально в иголку диаметром дырочка в полушубке приводила к тому, что в этом месте ветерок сверлил меня почти насквозь. Спрятаться от него некуда, вся работа на «свежем воздухе». Вместе с другими гореыками ставлю полевые домики, таскаю тяжеленные ящики с оборудованием... Я не успел окончательно адаптироваться, как начальство напомнило, что принят я не подсобным рабочим, а вышкомонтажником. Редкий человек в наше время не видел буровую вышку хотя бы на фотографии, поэтому представить себе ее высоту можно. Ну а для тех, кто не в состоянии, скажу — достигает она пятидесяти и более метров. А теперь вообразите, как на такой высоте, обвеваемый «легким ветерком» из тундры, в пятидесятиградусный мороз работает монтажник, защищенный лишь телогрейкой и брезентовой курткой. Теплее не оденешься: там, на высоте, среди железных переплетений, в полушубке и меховых рукавицах дела своего не сделаешь. И хотя на вид это очень просто — гайки заворачивать, — но как-то не удастся, не отодрав при этом кусков кожи и мяса кусачему от мороза металлу. Худо-бедно, а вышкомонтажник Ярыгин со товарищи установил в тот год три вышки.

ural as walls and roof of a house, and who suddenly got to the waste Viluy tundra with its scarce dwarf trees and with its fierce winds. The very first day I came there the thermometer showed 50° C below zero. Then it became a bit «warmer» — 40° C below zero, but the breeze began to blow from the river. A tiny hole in the fircoat, no bigger than a pin in diameter — and the wind almost punctured my body in that spot. There was no place to hide from it, all the work was «in the open air». Together with other wretches I mounted field houses, carried heavy boxes with the equipment.

No sooner had I accommodated myself, that the management reminded me that I was not an auxiliary worker but a derrick-fitter. Nowadays there is hardly a person who has never seen a derrick or at least a photograph of one, so it is easy to imagine its height. For those who cannot, I will name it: 50 and more meters. And now imagine a fitter working at such a height, at 50° C below zero, fanned by the «breeze» from the tundra and protected only by a padded jacket and a tarpaulin.

One could not dress warmer, for it was impossible to work there, among iron interweavings, in a fircoat and mittens. And though it seems very easy to turn screwnuts, somehow one cannot do it without the biting cold metal tearing off pieces of skin and flesh. But, as it is, the derrickfitter Yarygin and company managed to mount three derricks that year.

THE WHITE SHE-CAMEL LADA

Я ВЕРНУЛСЯ в Сизую, чувствуя себя совершенно взрослым человеком, готовым взяться за осуществление своей мечты. О ней, об этой мальчишеской мечте стать шофером, я уже говорил раньше.

Со стороны родителей возражений не было. Водители лесовозов, люди трудной профессии, пользовались в Сизой уважением. Дороги с верхнего склада — места, где заготавливается древесина, — на нижний склад где она хранится и готовится к сплаву, трудны и опасны. Называют их «лежневками», эти дороги, состоящие из прижатых друг к другу стволов деревьев.

Позже на такой лежневке, проходящей по самому краю енисейского берега, не удержался и соскользнул с обрыва в воду трактор моего брата Василия. Брат не успел выскочить из машины — погиб. Не легче было и зимой. Не приведи Господи соскользнуть с узкой накатанной, а часто ледяной дороги в снег. Ждала тебя мука мученическая.

Но по труду и зарплата. А в большой семье, с ее многочисленными нуждами, деньги, естественно, ценились высоко.

Ближайшая автошкола была в Абакане, сейчас совершенно современном, сплошь застроенном ка-

I RETURNED to Sizaya feeling quite a grownup person ready to begin making my dream true. I have already spoken about that boyish dream of mine to become a driver.

My parents did not object. Drivers of log transporters, people of a difficult occupation, were respected in Sizaya. The roads from the upper warehouse of the place where timber was produced to the lower warehouse where it was stored, were troublesome and dangerous. These roads consisting of tree-trunks pressed to one another were called «lezhnevkas». Some time later the tractor of my brother Vassily slipped from such a «lezhnevka» which ran along the very brink of the Yenisey bank, and fell into the water. My brother had no time to jump out of the vehicle and perished. In winter it was not easier. Save God from slipping from the narrow, smooth, often ice-covered road into the snow. It was a real torture.

But the wages matched the labor. And in a large family with its numerous needs money was valued highly.

The nearest driving school was in Abakan. Now it is a modern city, with stone many-storied buildings, with boulevards, squares, with a beautiful the-

менными многоэтажками, с бульварами, скверами, красивым зданием театра, редкостным по содержанию музеем, а тогда городке сугубо провинциальном. В автошколе была приличная футбольная команда. Тренер и некоторые футболисты видели меня на районных соревнованиях, и я тут же стал вратарем.

Занятия в школе и футбол все-таки оставляли немало свободного времени. Здоровья и сил во мне хватало на пятерых, я решил, что следует начать подрабатывать. Устроиться было не просто: работать я мог лишь по вечерам. Но нашлась и такая работенка на Абаканском мясокомбинате: развозить на тяжелых тележках туши по цехам. Но повторяю, силушки и здоровья было мне не занимать, я ухитрялся даже играть за комбинатовскую футбольную команду. Футбол и свел меня с человеком, который на всю жизнь остался моим старшим и верным другом: Александром Сергеевичем Кардашом.

Вспоминая о нем, почему-то чаще всего вижу его не в директорском кабинете, не в цехах, которые Кардаш обходил ежедневно, не на стадионе — был он страстный поклонник спорта, — а... в зоопарке, любимой и главной директорской задумке, реализованной со многими выговорами, денежными начетами и прочими неприятностями.

atre and a rich museum. But then it was a provincial town. The driving school had a decent football team. The coach and some football-players had seen me at the district competitions, and I became goalkeeper at once.

The studies at school and football left a lot of spare time. My health and energy could suffice for five persons, and I decided to begin to earn extra. It was not easy to find a job, for I could work only in the evenings. At last I found it at the Abakan meat-packing plant, where I had to carry carcasses to shops on heavy carts. But, as I said, I had enough strength and health, and I managed even to play in the plant football team. Thanks to football I got acquainted to a man who remained my faithful senior friend for all my life, with Alexander Sergeevitch Kardash.

Thinking of him I usually imagine him not at the director's office, not at the shops which he attended every day, not at the stadium — he was a passionate sports fan... but at the Zoo. This was the favourite and the predominate idea of the director's, and bringing it into life was accompanied by numerous reprimands, money deficits and other troubles.

Five years later, at the championship of the USSR in free-style wrestling, I received a telegram

Пять лет спустя, на чемпионате СССР по вольной борьбе 1970 года, я получил от Александра Сергеевича подбадривающе-требовательную телеграмму и тут же представил его, невысокого, плотного, с мгновенно багровеющим лицом гипертоника, у загородки, где жила всеобщая любимица — верблюдица Лада, подарок казахстанцев. И позже, получая подобные телеграммы, отправленные «по поручению и от имени коллектива», и сейчас, когда Александра Сергеевича уже нет в живых, я чаще всего вижу его среди буйной зелени зоопарка на фоне то тигра, то павлина, то беспокойных, суетливых обезьян. Впервые увидев это звериное царство и узнав от рабочих, как много сил затратил директор на его создание, я подумал о том, какие странные причуды бывают у больших начальников. Подивился этим причудам, и только. А мне уже тогда следовало обратить внимание, что рассказчики — рабочие комбината — ничему в директоре не удивляются и говорят о его «причуде» с явным одобрением и даже с некой гордостью. Гордость я объяснял тем, что «каждый кулик свое болото хвалит», не понимая, что для нее были все основания. Зоопарк комбината стал любимым местом абаканской детворы. Им удивляли иностранных туристов, приезжающих поглядеть на строительство гигантской Саяно-Шушенской ГЭС и в самое Шушенское в мемориальный комплекс «Сибирская ссылка В. И. Ленина». В Красноярск тогда иностранцев не пускали — ни «наших», ни капиталистических. Прилетали они в Абакан, а там зоопарк комбината был включен в число экскурсионных объектов.

Из разговоров о директоре, рассказов старых рабочих у меня стал складываться образ человека, повидавшего все на свете. До комбината побывал он и на советской, и на партийной работе, был директором совхоза... А особо отличился на строительстве печально знаменитой дороги Абакан — Тайшет, где участок ему поручили труднейший — обеспечение стройки всем необходимым: от рельсов и шпал до консервов и молока. Едва закончилось строительство, как Кардаша без всякой подготовки «перебросили» (словечко, хорошо знакомое партийным и советским функционерам тех лет) на Абаканский мясокомбинат. Перебросили с великой надеждой, что хоть этот деятельно-настырный, ничего не боящийся на свете мужик как-то поднимет завалившееся предприятие.

Поехал Кардаш смотреть комбинат, и даже он, навидавшийся всякого упадка и разорения, ужаснулся. По территории этого предприятия пищевой промышленности даже в сухую погоду можно было пройти лишь в резиновых сапогах: всюду грязь, в цехах и во дворе зловонные лужи мочи и крови животных. К собственному комбинатскому зловонию

from Alexander Sergeevitch, encouraging and at the same time demanding, and at once I imagined him, short, squat, with a quickly reddening face of a hypertensive, at the enclosure of everybody's pet, the she-camel Lada, the gift of Kazakhstanians. And later, receiving such telegrams sent «in the name and on the instruction» of the collective, and even now, when Alexander Sergeevitch is not among the living, I see him, as a rule, in the thick greenery of the Zoo, with a tiger, a peacock or some fussy monkeys in the background. When I first saw that animal kingdom and learned from the workers how much energy the director had spent to create it, I thought that high bosses sometimes had queer fancies. I wondered at those fancies, and nothing more. But even then I could notice that the workers were not surprised at the director at all and spoke about his «fancy» with obvious approval and even pride. I explained this pride by the fact that «every snipe praises his swamp», and did not understand that it had grounds. The plant Zoo had become the favourite place of the Abakan children. It was a point of surprise for foreign tourists who came to look at the construction of the huge Sayano-Shushenskaya hydroelectric power station and at the memorial complex «The Siberian exile of V. I. Lenin» in Shushenskoye. Neither «friendly» nor capitalist foreigners were allowed to Krasnoyarsk at that time. So they flew to Abakan where the plant Zoo was on the list of tourist sights.

From the stories about the director told by old workers I began to make out a man who had seen everything in the world. Before the plant he had worked as a Party and Soviet functionary, as a director of a sovkhos... He did his best at the construction of the notorious railroad Abakan-Taishet, where his task was one of the most difficult; he had to provide the construction with everything it needed, from rails and sleepers to canned food and milk. As soon as the construction was over, Kardash was «thrown» (this word is too familiar to the Party and Soviet functionaries of those years) to the Abakan meatpacking plant without any preparation. The reason of that «throwing» was the great hope that this active, persistent, fearless man will somehow resurrect the ruined plant.

Kardash went to look at the plant, and although he had seen all kinds of decline and ruin, he was horrified. Even in dry weather one could cross the territory of this food plant only wearing rubber boots; mud was everywhere; in the shops and in the yard there were stinking pools of animal's urine and blood. The odors of the city dump which began immediately behind the cracked fence mingled with the stench of the plant...

4-

прибавлялись запахи городской свалки, начинавшейся сразу за щелястым забором...

Под стать внешней обстановке было и состояние коллектива. Пьяницы и бездельники со всего Абакана свято верили, что не пропадут. Уж сюда-то их, отовсюду изгнанных, примут. И принимали.

Позже Александр Сергеевич говорил мне, что единственным отрядным местом во время той «экскурсии» показалась ему... городская свалка. Он сразу решил, что условием его перехода на комбинат станет перенос свалки в другое место. А здесь он разобьет парк.

Здоровые силы, которые найдутся в любом коллективе, поверили в нового директора. С их помощью Кардашу сравнительно быстро удалось привести в пристойный вид цеха и территорию. Свалку перенесли далеко за город, а посадку деревьев на ее месте директор смог превратить в первый комбинатовский праздник.

Но при чем здесь зоопарк? Ответ на этот вопрос я услышал, когда Александр Сергеевич, присмотревшись ко мне, однажды пригласил пойти с ним в комбинатовский музей, им же задуманный и созданный. А там обратил мое внимание на большую, увеличенную с любительской, фотографию. На ней, вы-

The state of the workers matched the exterior. The drunkards and never-do-wells from the whole Abakan were absolutely sure they would not perish. Although driven away from everywhere, they would be accepted here. And they were right.

Alexander Sergeevitch told me later that during that excursion only one place had seemed inspiring to him; it was the dump. He decided at once that he would agree to work at the plant on condition the dump were moved to another place. And here he would plant a park.

The healthy elements which are present in any collective trusted in the new director. With their help Kardash managed to bring the shops and the territory to a decent state rather quickly. The dump was moved to the distant suburbs, and as for putting in trees in its place, the director managed to make it the first plant holiday.

But what has the Zoo to do with this? I heard the answer to this question when Alexander Sergeevitch, having learned me better, invited me to the plant museum which he himself had conceived and created. There he drew my attention to a Large, magnified amateur snapshot. It por-

строившись в шеренгу, позировали совсем юные паренки. На них были черные длинные фартуки, в руках они держали огромные специальные ножи, которыми мясо животных отделяют от костей. От снимка веяло страшными военными годами, когда подросткам пришлось заменить взрослых мужиков. В том числе и на такой, совсем не детской работе.

Должно быть, что-то изменилось в моем лице, потому что директор вдруг сказал:

— А ведь наша работенка и взрослого может сделать жестоким. Нельзя целыми днями прикасаться к смерти, пусть даже животных, и не поранить собственную душу... Как ты думаешь?

И я вспомнил, как вечером, после смены, многие рабочие, прежде чем двинуться к проходной, приходят в этот зоопарк: постоять у клеток со зверьем, бросить лакомый кусок красавице тигрице, медведю или волку, протянуть на ладони горбушку хлеба белой верблюдице. Смутная догадка шевельнулась во мне, и Кардаш, будто подслушав мои мысли, облек их в слова: «Я думаю, после нашей недоброй работы человеку непременно надо прикоснуться к живому... — Вздохнул: — Вижу, Ваня, ты это понял. А вот моим начальникам так трудно это объяснить... Вожу их, показываю, какие звери у нас ухоженные, как лоснится на них мех, какие чистенькие — куда там Московскому зоопарку. А они: "Откуда средства берете? По какой статье расходуете?.. "»

До последних дней жилось моему старшему другу трудно. Но, добрый человек, который никогда не говорил о доброте, он по-прежнему чувствовал ответственность за тех, кого пустил в свое сердце. Когда я оставил футбол, всерьез занялся борьбой и работать на комбинате в полную силу уже не было времени, он, как мог, поддерживал меня материально. Радовался моим победам, ободрял в дни поражений.

И хорошо, что с Александром Сергеевичем не ушло дело его жизни. Сумел-таки воспитать замену себе. Его ученик, бывший главный инженер комбината Анатолий Власович Фролов, и в наше суровое время сохраняет доставшееся ему доброе наследство, делает все, чтобы не умерли, а развивались традиции, заложенные Кардашом.

А в том самом музее, где состоялся один из самых значительных в моей жизни разговоров, сейчас есть уголок Ивана Ярыгина. Когда я прихожу туда, вспоминаю себя тогдашнего и вижу рядом Александра Сергеевича, человека почти на полвека старше меня и все-таки — друга... И учителя, требующего и сейчас: не отступай, делай то, что считаешь справедливым, но при этом не ожесточайся сердцем...

trayed a row of very young boys. They had long black aprons on and special butcher knives in their hands. The snapshot reminded of the terrible war years when teenagers had to replace grown-up men at all kinds of work including that one, by no means intended for children.

Something must have changed in my face, for the director said:

«Our work can make cruel even a grown-up. One cannot touch death, even death of animals, every day, without wounding one's soul... What do you think?»

And I remembered the workers after the shift who came to the Zoo before leaving the plant: they stood at the enclosures with animals, threw tidbits to the splendid tiger, bear or wolf, fed the white camel with bread from their palms. Some vague guess stirred in me. As if having heard my thoughts, Kardash articulated them:

«I think one must just touch something living after our unkind work... »

Then he sighed:

«I see you've understood this, Vanya. But it is so difficult to explain this to my bosses... I show them about: look, how clean and well-cared of our animals are, how smooth their fur is — better than in the Moscow Zoo. And they ask: "And where do you get the money? According to what item do you spend it? "»

My older friend's life was difficult to the very end. But this kind man who had never talked about kindness still felt responsible for those who had conquered his heart. When I dropped football, took up wrestling seriously and could work at the plant no longer, he supported me financially. He was glad when I won, he encouraged me when I lost.

The cause of his life did not die together with Alexander Sergeevitch. He managed to bring up a successor. His pupil, the former chief engineer Anatoli Vlassovitch Frolov is keeping the good heritage he has got in our hard days; he does everything he can to promote the traditions started by Kardash.

As for the museum where one of the most important talks in my life took place, there is «Ivan Yarygin's corner» there nowadays. Coming here I always remember myself at that time and see Alexander Sergeevitch by my side — a much older man and still a friend. Not only a friend, but a teacher who is still demanding: never digress, do what you think right. But never let your heart harden.

. 1973

:

DIGRESSION THE PRESENT: FOR WHOM MUM WAS SORRY

ЭТО ты-то деревенский? — смеется Наташа. — Какой ты деревенский, если курицу зарезать не можешь?..

И правда не могу, и возразить мне жене нечего. Журналисты, узнав, что мое детство и юность прошли в тайге и что лучшая для меня разрядка — поездка в Сизую, словно сговорились, живописуют меня страстным и сверхумелым охотником, для которого медведя завалить — раз плюнуть, а уж там о лосе или дичи калибром поменьше — говорить не приходится.

А я пару лет назад, поддавшись коллективному азарту, ранил в Саянах дикого козленочка. До сих пор вижу его глаза и смертную судорогу, когда его пристрелили. Нет, не любитель я охоты на животных. И если правду сказать, чужую страсть к убийству тоже не понимаю. Объяснить это в себе не берусь. Кардаш со своим зоопарком здесь ни при чем: кровь, убиение живого меня и прежде отталкивали. Поэтому, должно быть, я и понял заботу директора о том, чтобы убивающие по нужде, по необходимости могли прикоснуться к живому и почувствовать хотя бы вину перед ним.

YOU are a villager?», Natasha laughs «A poor villager you are, you cannot even kill a chicken».

Indeed, I cannot, and I have nothing to object to my wife. When the reporters knew that my childhood and youth had passed in the taiga and that the best rest for me was a trip to Sizaya, all of them began to depict me as a skilful and passionate hunter for whom killing a bear is child's play, to say nothing about a moose or smaller game.

But some years ago I got infected with the excitement of other hunters and wounded a wild goat-cub in the Sayans. I still see its eyes and its death convulsion when it was shot. No, I don't like hunting for animals. To tell the truth, passion for killing in other people is something I don't understand. I cannot explain this feature of mine. Kardash and his Zoo have nothing to do with it: blood, killing live things had repelled me before as well. That is why I must have understood the director's desire that those who killed out of necessity could touch the living and at least feel guilty before it.

It is easier to explain the reporter's fiction on

А вот журналистские фантазии на этот счет объяснить легче. Уж очень они просятся на газетный лист. Ярыгин — борец-вольник. Профессия, так сказать, сугубо бойцовская, требующая жесткости, умения причинять боль и терпеть ее. Напиши, что тот же Ярыгин больше всего любит посидеть на берегу чистой речки с удочкой, побросать спиннинг, посоревноваться в ловкости и хитрости с сильной рыбой: что здесь к образу борца добавишь, какую красочку на портрет бросишь? А вместе с тем именно рыбалка — мое. Ради нее готов лететь на край света. И нет у меня перед рыбой, особенно большой и сильной, чувства вины. Мы с ней на равных. Она в своей стихии — в воде. Я в своей — на суше. Многие миллионы лет прошли с того времени, когда мир отделился от ее мира, и уже никакие родственные чувства нас не связывают. Есенин когда-то написал о том, что он «зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». Но ведь то зверье — и правда наши меньшие братья.

Я потому решил написать об этом, что воспоминания о Кардаше и его зоопарке вдруг повернули мои мысли ко дню сегодняшнему, к моим тревогам и заботам, связанным с судьбой вольной борьбы в стране. Здесь многое, очень многое зависит от личности спортсмена, от позиции тренера.

Каким он должен быть — внутренний мир борца-вольника? Какой надо лепить его душу?

В оценках того или иного поединка, в зарисовках и очерках о спортсменах достаточно часто мелькают слова «агрессивность», «жестокость», «хорошая спортивная злость». Эти слова по внутренней своей сути как бы противостоят доброте.

Вопрос этот, ох какой непростой, волнует меня давно, и хочется в нем разобраться. Может быть, сейчас не время и не место и лучше вернуться к этой теме, когда рассказ непосредственно коснется схваток на ковре? Впрочем, право «вспоминателя» — свободно отдаваться своим мыслям, а читатель сам разберется, что к чему.

Существует внутренняя связь между силой и добротой. Связь эта противоречива. Вот, например, я слышал стихи, в которых утверждается, что «добро должно быть с кулаками». То есть — наступательным, даже агрессивным. Лично во мне всегда что-то восставало против этого.

Здесь, пожалуй, следует сказать, что пай-мальчиком я не был: Сизая не позволяла. Испокон века здесь существовала традиция кулачного боя с ребятами, живущими в деревне напротив. Шли «стенка на стенку», и мне, самому рослому и сильному среди сверстников, оставаться в стороне было невольнительно. Разве что дрался без особого азарта.

Порой к обеим сторонам присоединялись и взрослые мужики. В том числе мой могучий, никог-

this issue. It is quite natural for newspapers. Yarygin is a wrestler, a free-styler. The profession is «pugnacious», it demands hardiness, the capacity of causing pain and enduring it. Imagine a reporter to write that most of all the mentioned Yarygin likes to sit on the bank of a clear river with a fishing-rod, to throw a spinning, to struggle with a strong, agile and cunning fish. What will be added to the image of a wrestler, what paint will be thrown on the portrait? But fishing is indeed my favorite hobby. I am ready to fly to the world's end for its sake. And I never feel guilty before fish, especially a big and strong one. We are on equal terms. It is in its element — in the water. I am in mine — on the ground. Millions of years have passed since its world got separated from mine, and there are no brotherly feelings between us. Yessenin once wrote that he «never struck animals on their heads, for they are our little brothers». But he meant animals, indeed our little brothers.

I have decided to write about this because the recollections of Kardash and his Zoo suddenly turned my thought to the present day, to my troubles and cares connected with the fate of free-style wrestling in Russia. Here much depends upon the personality of the sportsman and on the position of the coach.

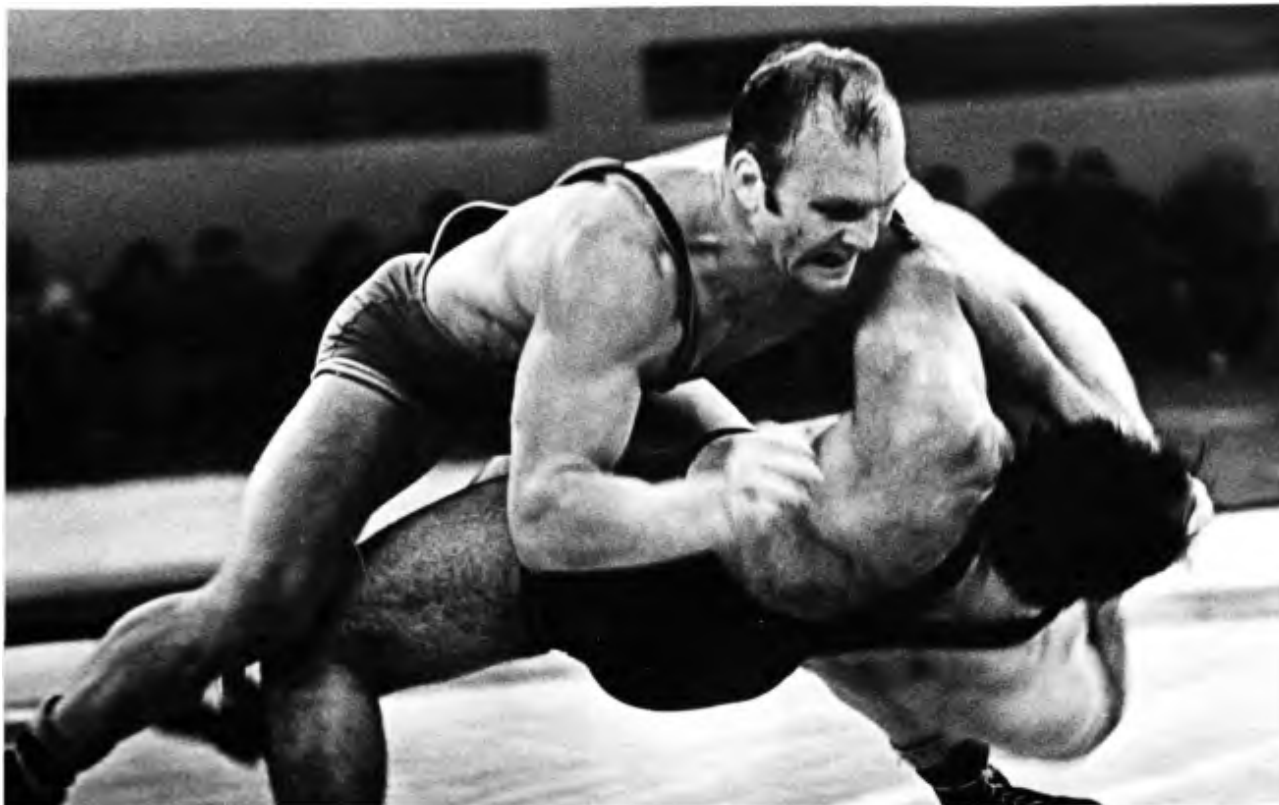
What must the inner world of a free-styler be like? How should his soul be formed?

The words «aggressiveness», «good sporting anger» often appear in the evaluations of different matches, in the sketches and essays about sportsmen. The very meaning of these words seems to challenge kindness.

This is not a simple question, it has troubled me for a long time, and I'd like to make it clear. Maybe it is out of place here, and I had better return to it while writing about the fights on the mat? But it is the right of a memoirist to follow his thought freely, and it is up to the reader to make out the sense of it.

There is an inner connection between strength and kindness. This connection is contradictory. For instance, I have heard some poem saying that «the good must have fists». That is, be attacking, even aggressive. But something in my heart has always revolted against this.

Here I must say that I was not a «good child». Sizaya did not allow it. Since ancient times a tradition existed here of fist fight with boys from the neighboring village. Village came out against village, and as I was the biggest and the strongest among my peers I could not stand aside. However I fought without any ardor.

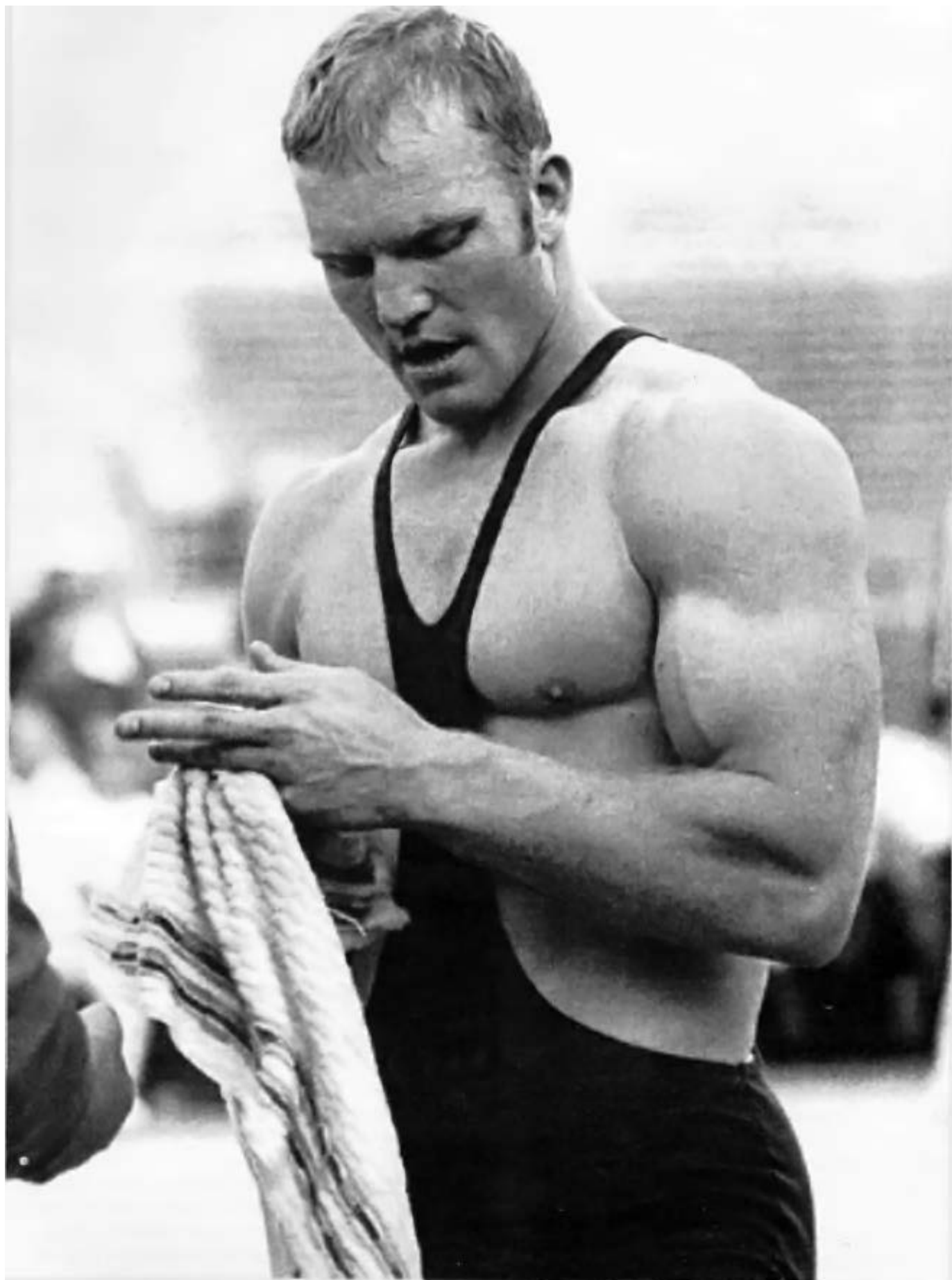
да никому не уступавший в силе отец. Дрались, как мне помнится, по вековым правилам: не бить лежа-чего и того, у кого кровь пошла. В общем, дело было, с одной стороны, вполне позволительное, с другой — бой никогда у нас не кончался вмешательством милиции.

Мой отнюдь не злой и не жестокий отец относился к этим боям как к чему-то спортивному. Он и мои успехи в спорте всегда одобрял и поддерживал. Гордился, что в деревне обо мне говорят как о хорошем вратаре: дескать, знай наших! Когда я всерьез занялся вольной борьбой и стало ясно, что за баранку не сяду, свой дом рядом с отцовским уже не поставлю, он и это легко, куда легче мамы, пережил и опять-таки гордился успехами сына. Но, должно быть, жило и продолжает жить во мне начало материнское. Моя внешне суровая, властная мама — иначе попробуй справься, имея десять детей в семье, — моя мама занятия борьбой не одобряла. Встретив меня дома после очередных успешных для меня соревнований, говорила: «Ты бы, Ваня, не забывал, что есть на свете люди и посильней тебя, так что не больно гордись...» А в случае поражения вздыхала: «Как же тебя там ломали, Ваня... Бросил бы ты эту борьбу, пока цел...»

Я всегда думал, что ее неодобрительное отношение к моим новым занятиям вызвано материн-

Sometimes grown-up men joined the fight on both the sides. Among them was my father, a powerful man who was second to none in strength. As far as I remember, they fought according to the ancient rules: never hit a man when he is down and fight till the first blood. So, on the one hand, it was quite a permissible matter, on the other hand, the militia never had to interfere.

My father, not at all a malicious or cruel man, looked at these fights as at a kind of sports competition. He always approved of and encouraged my success in sports. He was proud to hear the villagers call me a good goalkeeper: we are the ones! When I took up free-style wrestling seriously and it became clear that I would not become a driver and build my own house near my father's one, he took it quite easy, much easier than Mum, and, again, was proud of his son's success. But my mother's features must have lived in me and are living now. My mother, at the first sight a severe, bossy woman — otherwise how could she manage a family of ten? — my mother did not approve of wrestling. Meeting me at home after some successful competition she said, «Don't you forget, Vanya, there are people stronger than you in the world, so don't be too proud...» In case I lost she sighed, «How they were breaking you, Vanya...

ской жалостью, страхом перед болью, которую причиняют сыночку.

Я ошибался. Дело было значительно сложнее и глубже. Понял я это, когда выманил маму на турнир памяти Котельникова, директора крупнейшего в Красноярске завода «Красмаш», много сделавшего для развития борьбы в Красноярском крае.

Моя первая схватка была с бурятским тяжело-весом Баймиевым.

Быстро одержав победу над ним и переодевшись, поднялся на трибуну к маме. А она, увидев меня, заплакала.

— Мам, ты что — вот я, цел-невредим...

— А он? Ему-то какво? — всхлинула мама. Она не меня, оказывается, она Баймиева пожалела. Каково ему, побежденному, «поломанному» ее сыном? Это был один-единственный раз, когда мама побывала на борцовских соревнованиях. Больше не приезжала. И уговорить ее не представлялось возможным.

Не трудно понять, что при таких генах особой агрессивности тренерам и журналистам ждать от меня не приходилось.

Означает ли это, что тренер у спортсмена, а спортсмен у самого себя не должны вызывать перед поединком и во время него то чувство, которое называют «спортивной злостью», иногда добавляя к нему слово «хорошая», — «хорошую спортивную злость»?

Нет, не означает. Серьезный впрыск адреналина перед схваткой и во время ее необходим. Без него, если жаждешь победы, просто не обойтись. Но сразу же встает вопрос: а что это значит — жажда победы? Для чего она человеку? Спорт, весь спорт, как я уже сказал, — это преодоление. Преодоление во имя утверждения себя в глазах людей и в собственных глазах. Еще это — возможность самореализоваться. Без этой потребности человечество не двигалось бы вперед. Но тогда при чем здесь злость, даже хорошая и спортивная? Почему о тех же ученых не говорят, что у них своя «научная злость»? А если говорят, так тоже о «спортивной злости» ученого.

Проблема, на мой взгляд, заключается в том, куда, на кого направлено это недоброе, но во многих случаях полезное чувство. Между прочим, любителям толковать о спортивной злости должен заметить, что знаю немало случаев, когда хитрый боец намеренно вызывает у соперника именно это чувство — провоцирует его то словом, то хлестким, болезненным, против правил ударом, то своим хамским поведением. Это одна из «военных хитростей», которым иной тренер перед поединком специально учит ученика, зная, что его противник может завестись и в злости потерять контроль над

You'd rather give up your wrestling, while you are safe!»

I had always thought that the reason of her disapproval of my new occupation was maternal pity, fear of the pain caused to her dear son.

But this was a mistake. The matter was much deeper and more complex. I understood that when I lured Mum to a tournament in memory of Kotelnikov, the director of the «Kras mash» plant, the largest plant in Krasnoyarsk, who had done a lot for the development of wrestling in the Krasnoyarsk district.

I had my first bout with a superheavy-weight from Buryatia, Baymiev.

Having won a quick victory and changed I rose to the stand where Mum was sitting. On seeing me she began to cry.

«Mum, what's the matter, here I am, safe and sound...»

«And what about him? What does he feel?», she sobbed.

She was sorry for Baymiev, not for me. What does he feel, when «broken» by her son?

This was the only time my mother attended the wrestling competition. She never came again. There was no chance to persuade her.

No wonder that such genes did not allow reporters and coaches to expect me to be aggressive.

Does it really mean that before a competition a coach should not rouse in a sportsman, and a sportsman in himself, the feeling people call «sporting anger», sometimes adding the word «healthy» — a «healthy sporting anger»?

No, it doesn't. A good adrenaline injection before a fight and during it is necessary. If you want to win you cannot do without it. But a question arises at once: what does a wish to win mean? Why does one need a victory? As I have already said, sport on the whole is overcoming. It is overcoming for the sake of self-assertion before oneself and others. Besides, it is a chance to realize one's potential. Without this wish mankind would not have progressed. But then why anger, even «healthy» and «sporting»? Why don't they refer to «scientific anger» speaking of scientists? And if they do, they call it «sporting anger» as well. To my mind, the problem is: where, towards whom this unkind but often useful feeling is directed. By the way, I can tell those who like to converse about sporting anger that often a cunning wrestler arouses this feeling in his rival on purpose, provokes him by words, by a painful blow delivered against the rules or just by rude behavior. This is one of the «war ruses» deliberately

собой. Так вот, на мой взгляд, спортсмена и тренера, много повидавшего и почувствовавшего на ковре, злость полезна, злость спортивна, если она направлена... на самого себя. «Мужчина ты или не мужчина, неужели уступишь, неужели позволишь одолеть себя» — вот такими приблизительно словами я могу выразить ту «спортивную злость», которую обычно испытывал и даже вызывал в себе. Но это чувство не имеет никакого отношения к злобе, ненависти, вражде.

Чем больше я думал о том, почему мама заплакала над побежденным Баймиевым, тем чаще моя мысль обращается к самой душе моего народа.

Отцу было ровно тридцать лет, когда он ушел на войну. Вернулся с многочисленными наградами. Они были знаком его поведения на фронте, и мне, как и любому другому мальчишке, хотелось услышать рассказы о папиных подвигах. Но, вернувшись домой и сняв с гимнастерки награды, папа, кажется, никогда больше не прикасался к ним. Медали переключались из шкатулки в наши с братьями карманы, использовались для игры в «расшибалочку» и со временем потерялись. Но сколько бы лет ни отделяло нас от войны, отец никогда не рассказывал о себе на фронте. Пристанешь к нему, а он только и скажет: «Чтоб ее, проклятой, хоть на твоей жизни не было...»

Вероятно, вынужденная, вызванная войной неизбежная жестокость смущала душу отца до его последних дней.

Я думаю об этом, вспоминаю книги о первых днях войны, кинофильмы, рассказы ветеранов. И не перестаю удивляться.

Спортивная стезя сводила меня со многими немцами. Какое-то время моим противником номер один был Харальд Бюттнер из тогдашней ГДР. Мощный, красивый, гордый парень. Я проиграл ему на чемпионате Европы, о чем мне еще придется рассказать подробно, но даже в этой очень трудной для меня жизненной ситуации я продолжал испытывать чувство симпатии к нему. Славный во всех отношениях был человек. Немцы вообще всем своим поведением, манерами, отношением к другим людям никогда не вызывали у меня чувство протеста. И трудно представить, что умный, талантливый, дисциплинированный народ когда-то за короткое время был запрограммирован на страшную жестокость, на концлагеря, «душегубки», словом, на все то, что связано со словом «немцы» в годы войны.

Во многом можно обвинить коммунистическую пропаганду. Но в одном не получится ни у кого. Русский, советский человек был воспитан ею в понятиях интернационализма, уважения ко всем народам, что, по-моему, вполне соответствовало русскому, как сейчас говорят, менталитету.

Встретившие эту войну были добрыми людьми.

taught by some coaches before a fight, so that the rival might get worked up and lose self-control. Now then, — from my standpoint of a sportsman and a coach who has seen and felt a lot on the mat, anger is useful, anger is sporting when it is directed... at oneself. «Are you a man or not a man, can you really yield, can you allow to beat you» — these are the approximate words to express the «sporting anger» I usually experienced and even roused in myself. But this feeling has nothing to do with malice, hatred, animosity.

The more I think over the reason of my mother's tears about the beaten Baymiev, the more I understand the soul of my nation.

My father was thirty when he went to war. He returned with numerous rewards. They were the indication of his behavior at the front, and like any boy, I was eager to listen to stories about Dad's feats. But having returned home and taken off the medals Dad never touched them again. From the box the medals moved to my and my brother's pockets, were used for playing «pitch-and-toss» and finally got lost. But no matter how many years had passed since the end of the war, Father never spoke about his being at the front. When we bothered him about it, he would only say: «I hope this cursed thing never happens in your life...»

The inevitable wartime cruelty must have gnawed Father's soul till his last days.

I think about it, I remember books about the first days of the war, the movies, the veteran's stories. And I keep wondering.

On the sports roads I have met many Germans. For some time Harald Buettner from the former DDR was my rival number one. He was a powerful, handsome, proud fellow.

I lost the championship of Europe to him (later I shall tell about it in detail), but even in that difficult situation I felt sympathy for him. He was a nice man in all respects. Never have Germans aroused my protest by their behavior, manners, attitude towards other people. It is so difficult to imagine this clever, talented, disciplined nation to be programmed for terrible cruelty, concentration camps, gas chambers, in short, everything associated with the word «Germans» during the war.

The Communist propaganda can be blamed of many sins but one. A Russian Soviet person was brought up on the ideas of internationalism, respect for all nations, which, to my mind, corresponded quite well with the Russian, as they say nowadays, mentality.

Those who faced the war were kind people.

Людьми, которые, на удивление противнику, могли поделиться с пленным солдатом последней краюхой хлеба, глотком воды, щепотью махорки. Доброта русских была для пленных одной из тайн загадочной славянской души. Они еще не понимали, что такое оскорбленная доброта, которая делает человека бесстрашным. Они поняли это слишком поздно.

В душе я чувствую связь между полями войны и нашим борцовским ковром. Я точно знаю, что ни один от природы злой и жестокий человек не становится великим борцом. Всегда находился некто другого душевного склада, кто вставал на его пути и побеждал.

Много позже моей первой встречи с умным и добрым Кардашом я в той или иной форме пытался донести эти мои раздумья до других людей. Моих учеников, когда я стал тренером. Но до того времени, нам, читатель, еще далеко. А пока... пока нам, мне предстоит встреча с Владимиром Чарковым. Тем самым, о котором я упоминал в начале книги.

These people could surprise the enemy by sharing the last piece of bread or a pinch of snuff with a prisoner. The prisoners-of-war considered the kindness of the Russians an aspect of the «mysterious Slavonic soul». They had not understood as yet what abused kindness that made a man fearless was. They understood it too late.

In my heart I feel some connection between the war fields and our wrestling mat. I know it for certain that no malicious and cruel man has ever become a great wrestler. Such a man has always been beaten by a rival with a different character.

Many years after my first acquaintance with the clever and kind Kardash, I tried to bring these thoughts home to other people, to my pupils when I became a coach. But this time, reader, is far ahead. And now... now I am to meet Vladimir Tcharkov, the one mentioned at the beginning of the book.

ENTER TCHARKOV

СЛУЧИЛОСЬ это после матча на первенство Абакана по футболу. Наша автошкольная команда выиграла, все шло к тому, что мы завоюем призовое место. И для меня этот матч сложился неплохо: взял несколько мячей из разряда «мертвых». Представьте, каково мне было услышать от черноволосого улыбчивого паренька, на целую голову ниже меня, такие примерно слова:

— Думаешь — ты футболист? Думаешь — голкипер? Напрасно думаешь, рыжий... Ошибаешься. Не футболист ты, не вратарь, а знаешь, кто ты есть? — смеялись глаза у парня.

— Ну, кто? — спросил я как можно равнодушной.

— Ты есть великий, мировой, даже олимпийский чемпион — вот кто ты есть.

Смешинка вдруг исчезла из его глаз. Глядел он серьезно, даже несколько восторженно и вдруг добавил:

— По вольной борьбе. — Твердо добавил, будто знал меня век. Я рассмеялся. Уловки тренеров, сманивающих в свои секции понравившихся спортсменов, были уже мне знакомы. Но такого еще я не слышал.

— А вы поди тренер? — спросил я не без под-

IT happened after a match of Abakan's football championship. The team of our driving school won, we were about to get a prize. The match was good for me too: I took a few «dead» balls. Imagine what I felt when a black-haired smiling fellow a head shorter than I said to me something like this:

«You think you are a football-player? You think you are a goalkeeper? Not at all, you carrots... You are not a football-player, not a goalkeeper, do you know who you are?»

«Well?», I asked as indifferently as I could.

«You are a great world, no, even Olympic champion, that's who you are».

Suddenly his smile was gone. He looked serious, even a bit awestricken. Then he added:

«In free-style wrestling». He said it firmly, as if he had known me for ages. I burst out laughing. I already knew the tricks of coaches luring the sportsmen they liked to their sections. But I have never heard anything like that.

«And you are a coach, aren't you?» I said teasingly, with an I-know-all-about-you air. «You know, if I even gave up football, it wouldn't be for the sake of you free-style wrestling. I'd prefer boxing».

It was Vassily, my elder brother, who went in for

начни, дескать, знаем ваших. — Только я если бы и бросил футбол, так уж не ради вашей вольной борьбы. Бокс, к примеру, мне больше нравится.

Боксом занимался Василий. Старший брат. А младшие, как известно, старшим всегда немного завидуют.

Словом, ни о чем мы в ту первую встречу не договорились.

— Ладно, еще увидимся, — сказал Чарков.

И организовал осаду по всем правилам военного искусства. В автошколу приходил, здоровался, будто мы тысячу лет друзья, в общежитие навещался, вел себя так, словно согласие мое получил и заминка с моим приходом в секцию — случайная, временная. И при малейшей возможности говорил мне всякие возвышенные слова насчет того, что весь без исключения борцовский мир с волнением ждет моего появления на ковре, а в том, что я появлюсь, лично он ни минуты не сомневается.

Тренер в отношениях со своими воспитанниками должен быть немножко артистом. Владимир Ильич Чарков был таким артистом. То ли от природы, то ли пройдя выучку у своей жены Эльзы Коковой — режиссера Хакасского драматического театра.

Капля камень точит. В конце концов заманил меня тренер в борцовский зал. Без особого энтузиазма, не бросая футбола, стал я тренироваться. Дальше — больше. Чувствую — вхожу во вкус. То ли Чарков и правда поверил в меня, то ли подзавести хотел, сыграть на самолюбии, только выставил меня, зеленого, на первенство Хакасии среди юношей. И переиграл: я благополучно занял аж последнее место. После вратарских триумфов я, естественно, сразу же решил, что борьба — дело не мое. А тут отец нагрязнул в Абакан:

— Давай собирайся, Ваня. У тебя каникулы в школе, а семья нуждается в твоей помощи. В верховья Енисея поплывем. Там на лесозаготовках хорошо можно заработать...

Я даже обрадовался: разом могу развязаться с настырным тренером и обидевшей меня вольной борьбой.

Уехал в Сизую, даже не предупредив Чаркова. Понимал, что тот обидится, но рвать так рвать.

Не знаю, обиделся Владимир Ильич или нет. Знаю лишь, что стал он действовать в свойственной ему, все сметающей на пути к цели манере. Пошел к директору автошколы, узнал мой адрес и помчался в Сизую. Дома ни меня, ни отца уже не застал, а мать молчит, как партизанка: «Уехали на заработки, а куда — не сказавши...»

Но не тот человек В. И. Чарков, чтобы отступить даже перед моей мамой. У директора леспромхоза выяснил, в какую сторону поехала брига-

boxing. And younger brothers, as it is wellknown, always envy the elders a bit.

In short, we came to no agreement during our first meeting. «Never mind, we'll meet again», Tcharkov said. And he organized a siege according to all military rules. He came to the driving school, greeted me as if we were bosom friends, visited the hostel, behaved as if he had got my consent and the delay of my coming to his section was just accidental and temporary. He used every chance to say some high-falutin words about how the whole wrestling world was waiting for my appearance on the mat and he had no doubt I would appear there.

A coach must be a bit of an actor in relationships with his pupils. Vladimir Ilyitch Tcharkov was such an actor. Maybe it was a natural gift, or he might have learned it from his wife, Elsa Kokova, the producer of the Khakassian Drama Theatre.

Constant dropping wears away the stone. Finally the coach managed to lure me to the wrestling gymhall. I began to train without enthusiasm and without dropping football. But in the course of time I felt I was acquiring a taste for it. I don't know whether Tcharkov really believed in me, or he just wanted to work me up, but he sent me to the junior championship of Khakassia, though I had little experience. But he overdid it: I successfully took the Last place. After my goalkeeper's triumphs I immediately decided that wrestling was not for me. At this very time my father came to Abakan.

«Go ahead, Vanya. You've got holidays at school, and the family needs your help. Let us go to the Upper Yenissey. We can earn good money there at the timber cutting...»

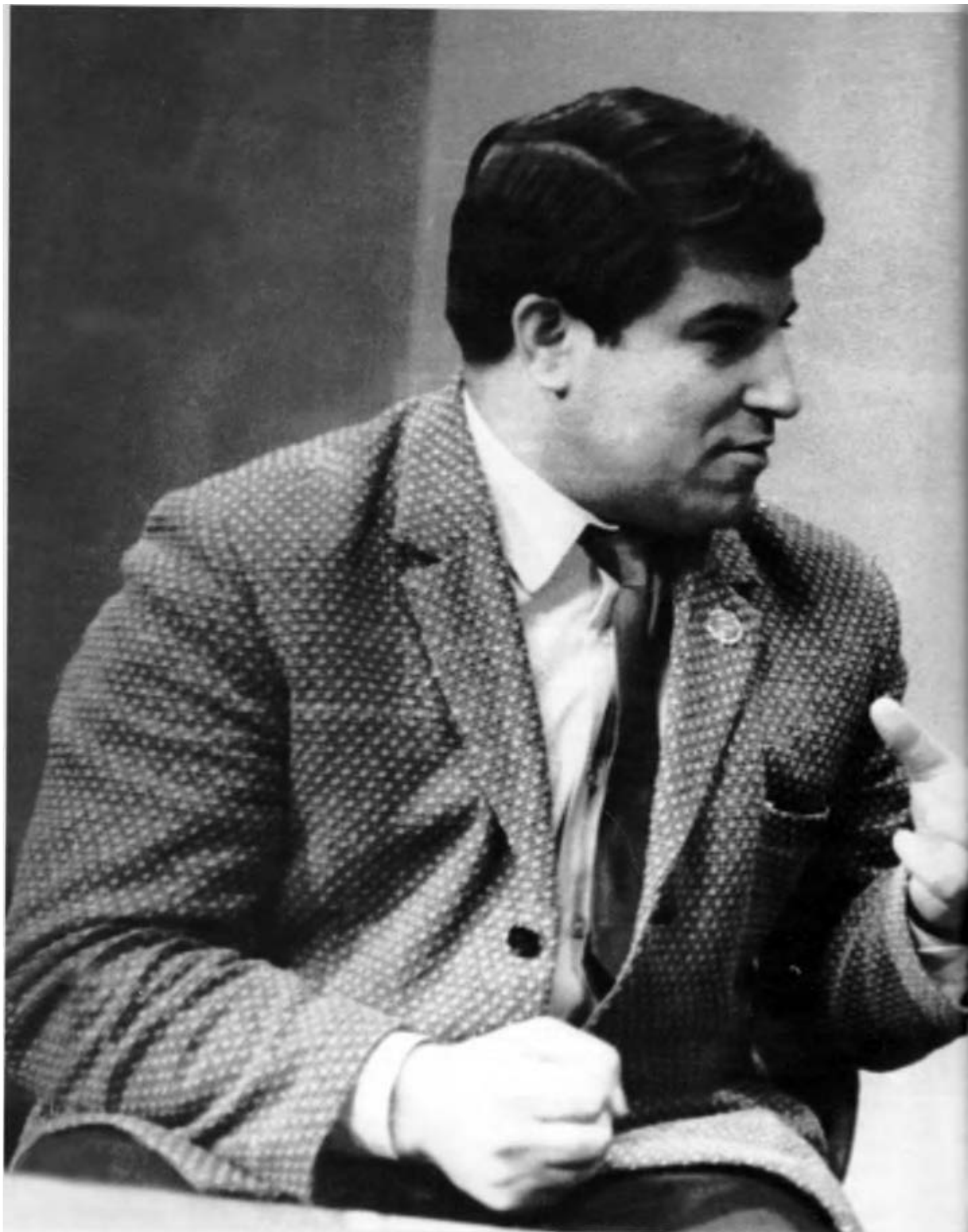
I was glad: it was a good chance to break off with the persistent coach and the offending freestyle wrestling.

I went to Sizaya without warning Tcharkov. I understood that he would be offended, but breaking off was breaking off. I don't know whether Vladimir Ilyitch took any offence. I only know that he began to act in his usual stop-at-nothing manner.

He went to the principal of the driving school, found out my address and rushed to Sizaya.

But he found neither me, nor my father at home, and Mother kept silence Like a partisan; «They're gone to earn extra, didn't say where to...»

But V. I. Tcharkov was not a man to retreat, even before my mother. From the director of the forestry he found out which way the brigade of timber cutters had gone. Then he persuaded some stranger to lend him a motorboat and rushed up the Yenissey. He made 170 kilometres, but the brigade was nowhere to be seen. Angry, tired, ready to turn

да лесозаготовителей. Упросил незнакомого человека одолжить моторку и рванул вверх по Енисею. Отмахал ни много ни мало — 170 километров. Нигде бригады не видно. Злой, усталый, готовый уже повернуть назад, заметил на берегу парня с удочкой. Подплыл, а это я собственной персоной.

Я чуть дар речи не потерял, увидев моего тренера. С одной стороны — неловко, стыдно перед человеком: невежливо я с ним поступил. С другой, вдруг дошло: а ведь он, чтоб меня вернуть, такой путь проделал, значит, верит... Извинился, как умел, сказал, что, если отец отпустит, готов вернуться на ковер.

Спектакль, который разыграл мой тренер перед отцом, превосходил все прежние. Из слов тренера выходило: мне только и остается вернуться в Абакан, а там уже ждут меня медали чемпионата России, СССР и мира. И только он, мой отец Сергей Николаевич, способен понять, какая это честь и выгода для семьи.

Но приезд Чаркова в такую даль уже сам по себе произвел на отца сильное впечатление.

— Ладно, поезжай, — сказал батя. — Раз такое дело, без тебя управлюсь... — Улыбнулся скупой: — Может, ты и взаправду чемпионом станешь? Ты ж — Ярыгин...

Вернулись в Абакан. Теперь пути назад были отрезаны. После трех месяцев упорных тренировок

back, he suddenly noticed a fellow with a fishingrod on the bank. On coming nearer he saw it was myself.

On seeing my coach I nearly lost my speech. On the one hand, I felt embarrassed, ashamed, for I had treated him rudely. On the other hand I suddenly realized: if he had made such a way to bring me back, he must have really believed in me... I apolo-gized as I could and said that I would return to the mat if Father allowed me to.

The performance my coach played before my father surpassed everything he had done before. According to the coach's words, I had just to come back to Abakan, and the champion's medals of Russia, of the USSR and of the world were already waiting for me. And only he, my father Sergei Nikolaevitch, could understand what honour and what advantage it was for the family. But Tcharkov's arrival to the world's end was enough to impress my father.

«Well, do go», Dad said. «I'll manage without you if it is so». And he smiled: «Who knows, maybe you'll really become a champion... You are a Yarygin, aren't you?..»

We returned to Abakan. Now there was no way back. After three months of hard training Tcharkov decided to try me at a serious tournament. It was

Чарков решил испытать меня на серьезном турнире, проводился он в Красноярске среди юношей и назывался «Открытый ковер».

Зима 1966 года выдалась в наших краях такая снежная, что из-за заносов поезда постоянно выбивались из графика. И порой опаздывали на сутки. Приехали мы с Чарковым в Красноярск, когда финальные бои уже прошли, победители определились.

Чарков, уверенный, что мое появление произведет сенсацию, сначала увял, потом подошел к густоволосому, всем распоряжающемуся грузину и увел его в сторону.

— А это кто? — спросил я подвернувшегося паренька. Тот глянул на меня с удивлением.

— Как кто? Миндиашвили... Дмитрий Георгиевич...

О Миндиашвили я от Владимира Ильича слышал постоянно. Чарков считал себя его полномочным послом в Хакасии. А самого Миндиашвили — отцом и организатором всей вольной борьбы в Красноярском крае. «Первый в крае мастер спорта по вольной борьбе, — говорил уважительно Чарков, — и вообще мужик что надо. Грузин, а знаешь как борьба поставлена!»

Так за несколько лет до нашей встречи с Чарковым, тренером по вольной борьбе, Миндиашвили быстро понял, что серьезных результатов добьется,

held in Krasnoyarsk among juniors under the name of «The Open Mat».

The winter of 1966 was so snowy in that region that due to snowfalls trains were constantly out of the schedule. Sometimes they were days late. Tcharkov and I reached Krasnoyarsk when the final matches had already passed and the winners were determined.

Tcharkov who was sure that my appearance would cause a sensation, hung his head at first; but then he came up to a thick-haired Georgian who was in charge in everything, and took him aside.

«Who is it?», I asked a boy nearby. He looked at me in surprise.

«What do you mean «who»? It's Mindiashvili... Dmitri Georgievitch...»

I was constantly hearing about Mindiashvili from Vladimir Ilyitch. Tcharkov considered himself his Ambassador Plenipotentiary in Khakassia. He referred to Mindiashvili as to the father and organizer of free-style wrestling in the Krasnoyarsk district. «The first free-styler in the district», he said with respect. «And a remarkable man. He is a Georgian, and you know how wrestling is organized there!»

A few years before my acquaintance with Tcharkov, Mindiashvili had realized that he would achieve serious results only by organizing a network of sections, circles and schools throughout the

1970

лишь раскинув по всему краю сеть секций, кружков и школ. Начал с Красноярска, но вскоре стал присматриваться и к Хакасии. Побывав в этом степном краю, понял, что хакасы самой природой предназначены для его вида спорта. Их национальная борьба «крез», хоть и ведет свое начало из глубины веков, очень близка современной вольной борьбе. Более того — может много ей дать, и сами хакасы, благодаря природным скоростным качествам, темпераменту, ловкости, способны при соответствующей «доработке» выдвинуть бойцов незаурядных, если не великих.

От Красноярска до Абакана — рукой подать. Но это оказался тот самый случай, о котором говорят: близок локоток... Классической борьбой здесь уже занимались, а о вольной почти не слышали.

Прошло немало времени, прежде чем на занятиях у Миндиашвили появился Володя Чарков, выпускник Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта. Перворазрядник, он тогда работал тренером в Красноярском технологическом институте. Узнав, что Чарков из Хакасии, Миндиашвили

whole district. He began with Krasnoyarsk, but soon he started to think about Khakassia. Having visited this steppe country he understood that the Khakassians were predestined for his kind of sports by nature. Their national wrestling «krez», though it dates back to ancient times, is very close to the modern free-style wrestling. Moreover, it can contribute to the latter a lot, and the Khakassians, with their natural agility, alacrity and temperament, after a necessary training can become remarkable if not great wrestlers.

Abakan is a stone's throw from Krasnoyarsk. But what of that? Greco-Roman wrestling was already rather popular there but the free-style wrestling was hardly heard of.

Some time later Volodia Tcharkov began to attend Mindiashvili's trainings. He had graduated from the Leningrad Institute of Physical Cultured named after Leshaft. He was a firstcategory wrestler and worked as a coach at the Krasnoyarsk Technology Institute. Having found out that Tcharkov was from Khakassia Mindiashvili used all his

двинул на него все свое обаяние. Действовал примерно так, как Чарков со мной.

— Ты можешь стать очень полезным своему народу, — говорил он молодому тренеру. — Давай только вместе раскрутим вольную борьбу на твоей родине.

Умения завести, зажечь, вдохновить было молодому грузину не занимать; как же он удивился, когда в один прекрасный день обнаружил, что «жертва» сорвалась с крючка и уплыла во Владивосток, чтобы там уж и в прямом смысле «половить рыбку».

Целый год Чарков работал промысловым рыбаком, Миндиашвили и думать о нем забыл, как тот вдруг объявился в спортзале. И сразу же заявил: «Готов!»

В Абакане Владимир Ильич стал работать тренером в строительном техникуме. Первым его перспективным учеником стал я. (Забегая вперед, скажу, что Д. Г. не ошибся, прошло немного времени, и здесь выросли замечательные борцы-вольники.) Впрочем, об этом — потом.

— Будешь бороться с победителями, — сказал мне Чарков, вернувшись с Миндиашвили.

Бороться — так бороться. Натянул трико, надел борцовки, вышел на ковер, чувствуя на себе изучающий взгляд Миндиашвили и других тренеров. Один поединок проиграл. Другой выиграл. (Сейчас уже думаю, что этот, скорее всего, был срежиссирован Д. Г. и В. И. Оба они желали ободрить способного новичка, втянуть его в дело. Узнай я об их режиссуре тогда, наверное, возмутился бы, зато теперь, пройдя тренерскую стезю, и сам, если надо, могу сыграть не хуже моих учителей.)

«Рядовой, необученный!» — пошутил Миндиашвили, подойдя ко мне. И добавил, что надо бы мне перебраться в Красноярск, где условия для тренировок получше и борцов моего веса для спарринга побольше. Я глянул на моего тренера. Чарков улыбался и кивал головой. Выходило — все между ними обговорено.

Я, воспитанный дома в почтении к старшим, в уверенности, что на то они и существуют, чтобы молодых воспитывать, чтобы знать, что для молодых лучше, покорно согласился. Страх перед переездом у меня не было: после года в Якутии я знал, что смогу жить и вдали от дома. А тут и дали-то никакой нет — край-то один: самолеты летают, поезда ходят...

Все было обговорено, пора бы домой, в Абакан, но один из тренеров по классической борьбе стал спрашивать отдать меня на время ему — для участия в турнире, который вот-вот должен был начаться в Бийске. Владимир Ильич, решив меня обстрелять в условиях, «близких к фронтовым», велел ехать.

charm on him. He acted almost in the same way Tcharkov acted with me.

«You can become very useful to your people», he said to the young coach. «But let us organize free-style wrestling in your homeland».

The young Georgian had a talent for invigorating, inspiring, spurring people. But he was very much surprised to find one day that the «fish» had dropped the bait and escaped to Vladivostok to fish in the literal sense of the word.

Tcharkov worked at a fishery there for a whole year. Mindiashvili had already forgotten about him when he suddenly appeared in the gymhall. And he declared immediately: «I am ready!»

In Abakan Vladimir Ilyitch began to work as a coach at the Building Technical School. I became his first promising pupil. (To get a little ahead in my story, I must say that D. G. was not mistaken: some time later wonderful free-stylers grew up here. But I shall tell about this in its time.

«You will wrestle with the winners», Tcharkov said to me as he came back with Mindiashvili.

Why not? I put on my wrestling tights and boots and went out to the mat feeling the keen looks of Mindiashvili and other coaches on me. I lost one contest and won the other. Now I think that the second one must have been staged by D. G. and V. I. Both wanted to encourage the capable beginner, to draw him into the affairs. Had I known about it then, I would have been indignant, but now, having passed the coach's way, I can act as well as my teachers if necessary.

«Untrained rank and file!» Mindiashvili joked coming up to me. And he added that I should move to Krasnoyarsk where the conditions for training were better and the sparring partners of my weight were more numerous. I glanced at my coach. Tcharkov was smiling and nodding. It looked like they had already come to an agreement.

At home I had been brought up to respect my elders; I was sure that they existed specially for teaching the young and knowing better; so I agreed obediently. I was not afraid to move: after the year spent in Yakutia I knew I could live far from home. And this was not far at all: it was in the same district with airline and railway communication.

Everything was discussed. It was time for me to go home to Abakan. But one of the Greco-Roman wrestling coaches suddenly began to ask my coach to lend me to him for a time. He wanted me to take part in a tournament which was to begin some days later in Biysk. Vladimir Ilyitch who decided to try me in «close-to-combat» conditions, told me to go. In Biysk I not only won, but received the prize «For the best technique» which was rather surprising: what

В Бийске я не только вышел победителем, но еще и приз получил «За лучшую технику», чему немало удивился: какая у начинающего может быть техника? Я-то знал, что своих соперников одной силой гнул. Зато мой тренер Анатолий Иванович Солопов стал меня убеждать: «Ты должен заняться классической борьбой!» Ему можно было доверять: первый мастер спорта именно в этом виде борьбы. Но мое сердце уже было отдано вольной. А после Красноярска и Бийска я окончательно поверил: это и есть мое дело.

Радовало и то, что сам собой сложился план на ближайшие годы. До армии заканчиваю автошколу, тренируюсь у Чаркова. Придет срок службы — отправлюсь в Красноярск, к Миндиашвили: он твердо обещал, что найдет способ продолжить тренировки. Живи — не хочу!

Тренировался я усердно. А по вечерам накачивал мускулы еще и у Кардаша на мясокомбинате. И ничуть не сомневался, что на юношеском первенстве страны, к которому меня готовил Чарков, запросто разметаю всех.

Прилетел в Баку в составе сборной России. Ребята незнакомые. Город чужой, дикий. И море, которое я впервые увидел, тоже показалось чужим: большая вода, но по сравнению с красавцем Енисеем какая-то невыразительная. Все здесь было не по мне — то ли от смутного предчувствия поражения, то ли от совершенно незнакомой обстановки. Подавлять подобные настроения, одолевать себя психологически — наука трудная, требующая опыта, а для меня тогдашнего и вовсе недоступная.

Словом, проиграл две первые встречи и, как пишут в таких случаях, выбыл из борьбы.

Чарков успокаивал: «Ты сильнее своих соперников физически. Но они техничнее тебя. Техника, однако, дело наживное. За ней ты и едешь в Красноярск. Учти, Миндиашвили — прекрасный тренер, и через год ты их всех...» — и делал очень выразительный жест.

Успокоил меня Владимир Ильич. Ободряла и мысль о Красноярске. Очень важно для тренера — уметь успокоить после поражения, внушить человеку надежду. Мой тренер Владимир Ильич Чарков таким умением обладал и обладает. Спасибо ему за это. За все спасибо, Владимир Ильич.

technique could a beginner have? As for me, I knew that I won only by strength. But the coach, Anatoli Ivanovitch Solopov, began to persuade me: «You must go in for Greco-Roman wrestling!» He could be trusted: he was the first master of sports in this very kind of wrestling. But my heart had already been won by free style. After Krasnoyarsk and Biysk I believed it was indeed for me.

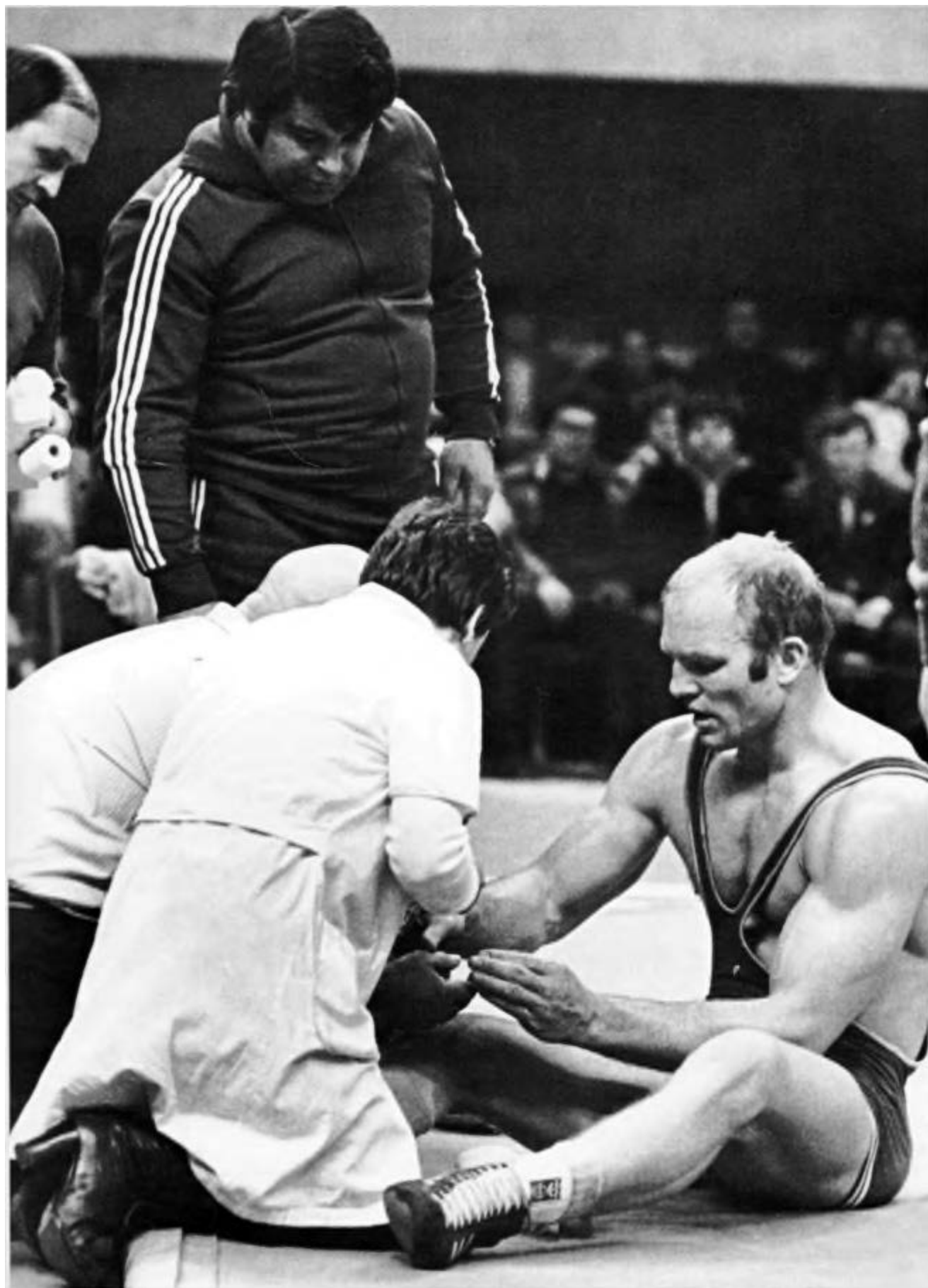
I was glad that my plans for the next years were clear. Before my service in the Army I would finish the driving school and train with Tcharkov. When called up, I would go to Krasnoyarsk to Mindiashvili who had promised he would find the way for me to go on training. What a splendid life!

I trained conscientiously. Besides, in the evenings I built up my muscles at the meatpacking plant, by Kardash. So I had no doubt that at the country championship of juniors to which Tcharkov prepared me I would win without difficulty.

Then I came to Baku as a member of the combined team of Russia. I did not know anybody in the team. The city was strange and queer. For the first time I saw the sea and it seemed strange too: a lot of water, but as compared to the beautiful Yenissey it looked unimpressive. Nothing there was to my liking. Perhaps the reason was my vague presentiment of a loss, or else the unfamiliar environs. One must suppress such moods, overcome oneself psychologically, but this skill is difficult, it requires experience, and it was absolutely beyond my power at that time.

In short, I lost the first two matches and, as they write in such cases, dropped out of the game. Tcharkov reassured me: «Physically you are stronger than your rivals. But their technique is better. However, technique is just something to learn. This is what you are going to Krasnoyarsk for. Mind you, Mindiashvili is an excellent coach, and in a year you will...» — and he made a very expressive gesture.

Vladimir Ilyitch managed to reassure me. The thought of Krasnoyarsk was encouraging too. It is very important for a coach to be able to soothe a person after the loss, to give hope. My coach Vladimir Ilyitch Tcharkov had and still has this talent. I am grateful to him for it. Thank you for everything, Vladimir Ilyitch.

HOW I WAS STOLEN

ПОДОШЛО время осеннего призыва в армию. И я с легким сердцем и с повесткой в кармане отправился на призывной пункт в Абакане. Оттуда на поезд, в Красноярск. Там на краевой сборный пункт, куда являлись «купцы» отбирать призывников в разные части.

Здесь нам предстояло прожить пару суток. Но я не беспокоился. Встретивший меня Миндиашвили объяснил: завтра явится на сборный пункт какой-то майор из военного училища и заберет меня к себе — в подразделение obsługi. А там уж дело за Миндиашвили.

Подошло это «завтра». Нас в очередной раз построили. С пачкой документов появился какой-то офицер. Среди прочих фамилий проорал и «Ярыгин Иван Сергеевич!» «Я», — не очень уверенно, дрогнувшим голосом крикнул в ответ. Ищу глазами обещанного майора: лейтенанты есть, капитаны есть, даже полковник один, а майора нет.

«В колонну по четыре становись!» — грянула вдруг команда. Похватали мы свои вещмешки, выстроились — и шагом марш на вокзал. А там уже поезд ждет — и не товарняк какой-нибудь, а пассажирский. Ехать далеко — на Дальний Восток меня определили.

IT was time for the autumn call-up to the military service. With a light heart and with my call-up papers I went to the recruiting station in Abakan. Then to Krasnoyarsk by train. And then to the district recruiting point to which «merchants» came to take soldiers to different military units.

Here we had to live for a couple of days. But I was quite calm. Mindiashvili had met me at the station and explained: the next day some major from the radio-technical school was to come and to take me to his unit, to the attendance subdivision. And the rest was Mindiashvili's business.

The next day came. We were formed up again. Some officer appeared with a pack of documents. Among other names he shouted, «Yarygin Ivan Sergeevitch!» «Here!», I shouted in reply not very confidently, in a quavering voice. My eyes searched the promised major, but in vain. I saw lieutenants, captains, even a colonel, but not a single major.

Suddenly a command sounded: «Form in column of fours!» We grabbed our knapsacks, formed up and marched to the railway station. The train was already waiting for us: a passenger train, not a freight one. We had to go a long way — to the Far East. We quickly occupied the carriages. I threw my

Быстренько разошлись по вагонам. Я «сидор» свой бросил — и в тамбур: а вдруг появится этот чертов майор... У поезда всякие офицеры шатаются, есть и майоры. А только все они на меня — ноль внимания.

Значит, не судьба, успокаиваю себя, значит, кто-то другой будет чемпионом по вольной борьбе. Подумал и в ту же минуту увидел Дмитрия Георгиевича. Бежит вдоль вагонов, заглядывает в окна. Я от радости даже голос потерял. Увидел меня:

— Вань, ты что? Ты почему?

— Так ведь никого не было, Дмитрий Георгиевич. А мои документы у них. Что я мог?

Тут он мне тихонько, но вполне четко командует:

— Слезай и следуй за мной!

— Так...

— Слезай, тебе говорят.

Схватил я свой мешок и за ним. Замешались в толпе. Сели в трамвай, через полчаса были у него дома.

По дороге рассказал.

Майор Ильчиков, начальник физической подготовки училища, твердо обещал забрать меня со сборного пункта. Разговор этот состоялся только вчера, и Миндиашвили даже представить не мог, что майор не сдержит слова. И все же решил перестраховаться: сам на следующее утро помчался на сборный пункт.

Ищет майора, ищет меня. Ни того, ни другого нет. У всех спрашивает, где я могу быть.

— Какой такой Ярыгин?

— Высокий... Рыжий...

— Так его нет и не будет. Его эшелон на восток уже чешет...

Дойдя до этого места, Дмитрий Георгиевич начал говорить такие слова, какие я потом за все годы нашего знакомства от него уже не слышал. Русская брань, умноженная на грузинский темперамент, должен сказать вам, прямо-таки атомная смесь. Проклинал он необязательного майора минут пять, попутно объясняя мне, что там, в обычной части на Дальнем Востоке, никому дела не будет до того, что я такой — разэтакий, прямо-таки до невозможности способный к вольной борьбе. А он, Миндиашвили, по себе знает, каково потерять лучшие для тренировок молодые годы, поскольку сам служил в Казахстанских степях. И чтобы со мной такое случилось — ни в жизнь не допустит.

Лучше под трибунал пойдет за то, что украл у Вооруженных Сил призывника. А кончил Д. Г. свою речь тем, что приказал мне не высовывать носу из дому, пока он не вернется...

Вечером откуда-то приехал, улыбается:

— Знал бы ты, Ваня, каких я матов сегодня на-

kit-bag and rushed to the platform of the carriage: what if that damned major appears! There are a lot of officers loitering about near the trains, majors included. But they all ignored me.

Well, never mind, I soothed myself. Someone else will be champion in free-style wrestling, that's all. At the moment I thought so I saw Dmitri Georgievitch. He was running along the carriages and looking into the windows. I even lost my speech with joy. Then he saw me:

«Vanya, what is it? Why?»

«But nobody came, Dmitri Georgievitch! And they have my documents. What could I do?»

«Get off and follow me!»

«But...»

«Get off, I say!»

I grabbed my knapsack and ran after him. We got lost in the crowd. Then we took a tram and half an hour later we were at his place.

On our way he told me everything.

Major Ilchikov, chief of the physical training of the radio-technical school, had promised to take me from the recruiting point. The talk had taken place only the day before, and Mindiashvili could not imagine that the major wouldn't keep his promise. But still he decided to make sure and the next morning rushed to the recruiting point himself.

He looked for the major, looked for me. Neither was to see anywhere. He began to inquire about me.

«Yarygin? What is he like?»

«Tall... Red-headed...»

«Oh, he's gone. His train is already running to the East».

Having reached this point Dmitri Georgievitch began to pronounce words I have never heard from him since then for all the years of our acquaintance. Russian curses combined with Georgian temperament, make up, in fact, a nuclear mixture. He cursed the irresponsible major for about five minutes, at the same time explaining to me that there, at the ordinary Far East unit, nobody would bother about me and about my unique free-style wrestling talents. As for himself, for Mindiashvili, he knew it only too well by his own experience, what it meant to lose the best years for training, for he had served himself in the steppes of Kazakhstan. And he would never allow such a thing to happen to me. He'd prefer to be courtmartialled for stealing a called-up man from the Army. D. G. finished his speech with a strict order not to leave home until he returned...

In the evening he came back from some place smiling.

«If you only knew, Vanya, what curses I have heard today and from whom... Well, never mind, I'll tell you after supper. Tamara, have you got anything

слушался и от кого... Ну да ладно — после ужина. Тамара, найдется у тебя, чем красавца мужа, твоего орла горного, и его гостя накормить? — И мне:

— Будь знаком с моей царицей, Ваня. Учти — чемпионка мира по пельменям. Дай Бог и тебе такую жену...

— Да будет тебе, Митя! — засияла, заулыбалась синими глазами Тамара.

Скоро на столе в маленькой тесной комнате появилась еда. За ужином спрашиваю, что он делал, когда убежал из дому. Оказывается, вспомнил Дмитрий Георгиевич, что есть у него на сборном пункте добрый знакомый, подполковник Александр Николаевич Волков, жуткий матерщинник и редкий добряк.

— Повинную голову меч не сечет. Пришел к нему, доложил: так и так, украл у вас призывника. Подполковник с ходу обложил его трехэтажным:

— К прокурору захотел?

Потом, однако, выслушал.

— Один у тебя выход, Дима, — поостыл подполковник. — Иди к генералу, расскажи все как есть. Авось смилостивится.

Краевой военком генерал Павел Григорьевич Кашинов, впоследствии один из самых преданных моих болельщиков, начал с того же: выдал порцию генеральского мата, пригрозил трибуналом, а потом согласился все же оставить хакасского призывника в Красноярском вверенном ему гарнизоне.

Теперь дело было за другим генералом — начальником радиотехнического училища Комиссаровым. Только в его кабинете обошлось без традиционных слов. Генерал как-то сразу поверил моему пылкому тренеру и дал согласие на особый режим для солдата Ярыгина.

— В общем, повезло нам, Ваня. Очень сильно повезло, — закончил свой рассказ Миндиашвили.

Я покорно кивнул головой. Откуда мне было знать, насколько мне повезло в тот день?

to feed you handsome husband, your mountain eagle, and his guest?»

Then he turned to me again: «Meet my queen, Vanya. Mind you, she is a champion in cooking pel-meni. God bless you too with such a wife».

«Oh, stop it Mitya!», Tamara protested with a smile in her blue eyes.

Soon the table in the small narrow room was laid. During the supper I asked him what he had done after leaving home.

It turned out that Dmitri Georgievitch had remembered he had a good acquaintance at the recruiting point, lieutenant colonel Alexander Nikolaevitch Volkov, an awful swearer and a man of rare kindness.

«I decided to plead guilty. Just came and reported: so and so, I have stolen a calledup man from you.»

The lieutenant colonel gave an explosion of abuse at once.

«Want to see the public procurator? »

But then he listened to the whole story.

«You've got one way out, Dima», the lieutenant colonel said having cooled down. «Go to the general and tell him everything. Perhaps he will have mercy on you».

The district Military Commissar, General Pavel Grigorievitch Kashinov, who later became one of my most devoted fans, began in the same way: produced a portion of general's curses, threatened with court-martial and finally agreed to leave the Khakassian calledup man at the Krasnoyarsk garrison he was responsible for.

Now it was the turn of another general, the head of the Radio-Technical School Komissarov. Only at his office the traditional words were not used. The general believed my hottempered coach at once and allowed a special regime for the soldier Yarygin.

«In short, we are lucky, Vanya. Very lucky», concluded Mindiashvili.

I nodded obediently. How could I know how lucky I was that day?

THE SHOULDERS OF THE DREAM

МНЕ кажется, нет более могучих, более широких плеч, чем плечи молодой мечты. Миндиашвили умел мечтать и научил меня. И в этом, может быть, мне более всего повезло с учителем. К счастью, я это вовремя оценил.

В течение всей моей службы, да и позже, увидев подающего надежды спортсмена, меня пытались переманить в другие спортивные общества, к другим тренерам. «Сезон охоты» начался с моего участия в первых же соревнованиях и кончился очень не скоро. Наиболее опасным «охотником» был главный тренер Вооруженных Сил Преображенский. Прекрасный, добрый в быту, он был абсолютно безжалостным в случаях, когда ему предстояло заполучить спортсмена, не отступал и тогда, когда жертва не шла на материальные соблазны. У Центрального спортивного клуба армии был в запасе последний аргумент — приказ перевести рядового в распоряжение такого-то. А приказы, как известно, не обсуждаются.

I THINK there are no shoulders stronger and broader than the shoulders of the young dream. Mindiashvili could dream and taught me to. Perhaps, this was my greatest luck with my teachers. Fortunately, I managed to evaluate it in due time. During my Army service and later those who saw the promising young sportsman often tried to draw me to other sports societies, to other coaches. «The hunting season» began with my first competition and did not finish for a long time. The most dangerous «hunter» was the chief coach of the Army Forces, Preobrazhenski. A nice, kind man in everyday life, he became absolutely ruthless in trying to get a sportsman. He did not retreat even if the victim did not yield to material temptations. The Army Central Sports Club had the last argument up its sleeve: the order to transfer the private to the disposal of such-and-such. And orders are not disputed.

Но с ними можно бороться хитростями. Чтобы скрыться от всевидящего ока Преображенского, я порой ездил на соревнования по паспорту младшего брата — Александра. Повторяю, я очень быстро, практичным умом деревенского парня, уже хлебнувшего трудовой жизни, догадался, что Миндиашвили именно тот человек, который способен «завести» меня, как заводят двигатель автомобиля и следят за тем, чтобы он вовремя и в должной мере получал обогащенную смесь.

В наших отношениях все больше появлялось взаимопонимания.

Я жил то в казарме, то дома у своего учителя. Тренировался с его учениками. Чувствовал, что он вводит меня в большой спорт всерьез и надолго. И этим обязывает на соответствующий труд не только меня, но и себя.

Он не боялся в присутствии многих ребят заявлять без тени робости: «Даю голову на отсечение, что Ярыгин будет чемпионом страны, — и чуть помолчав: — И на Олимпиаде тоже победит». Парни надо мной подтрунивали, я, естественно, смущался, но не мог не думать, что это все серьезно, что мой тренер готов отвечать своим авторитетом за такие пророчества. Я постоянно чувствовал, что мы в

The only way to struggle with them was by cunning. To escape the all-seeing eye of Preobrazhenski I often went to competitions with my younger brother Alexander's passport. Let me repeat: with my practical wit of a country boy who had already known working life, I guessed very soon that Mindiashvili was the right man to «start» me in the way one starts the car engine and sees to it that it receives the concentrated mixture in time and in the due quantities. The mutual understanding between us increased.

I lived now at the barracks, now at my teacher's. I trained together with his pupils. And I felt that he was introducing me to the big sport seriously and for long. He was not afraid to declare without embarrassment in the pre-sence of many lads: «I stake my head that Yarygin will be the country champion». Then, after a short silence, «And he will win at the Olympic Games too». The lads teased me, naturally, I was embarrassed, but could not but think that it was serious, that my coach could stake his authority on such prophecies. I was constantly feeling that the

одной лодке, что связаны такой веревочкой, которую никому не разорвать.

Вместе с тем нагрузки все более возрастали, Каждый спортсмен, если он мечтает о больших победах, непременно должен пройти свой «черновой» отрезок пути, когда работа поистине адская, чтобы не сказать — каторжная. От меня тренер требовал больше, чем от других, но и другим приходилось не сладко. Кое-кто не выдерживал этих сумасшедших нагрузок, уходил. Миндиашвили, хоть и печалился, но при этом говорил: «Ничего, это ушел не настоящий сибиряк».

Теперь, вспоминая те годы с позиций своего тренерского опыта, я думаю, что, «заведи» этих ушедших парней такой же мечтой, как меня, они бы не ушли. Плечи мечты могут выдержать любую тяжесть. Мы были одержимы нашими мечтами.

У Миндиашвили мы, случалось, просыпались по ночам одновременно, как по команде. И говорили часами. Могли для проверки какой-либо мысли тут же, у кроватей, провести коротенькую тренировку.

bonds which united us were not for anyone to break.

At the same time the work became harder and harder. Every sportsman dreaming of great victories must necessarily pass his «blueprint» portion of the way working like a galley slave. The coach made higher demands of me than of other lads, but the life of others was hard too. Some could not stand such frantic work and left. In such cases Mindiashvili was distressed but said: «That's all right, he is not a genuine Siberian if he has left».

Now, remembering these years in the light of my coach's experience I think that had he heated those boys up with the same dream as me they would not have left. The shoulders of a dream can bear any weight. We were possessed by our dreams.

At Mindiashvili's we sometimes woke up together, as if on command. And we talked for hours. Sometimes to check some idea we had a short training without leaving the bedroom.

Странно, но по утрам даже после наших ночных бдений мы не чувствовали усталости. Я просыпался свежим и всегда заставал Дмитрия Георгиевича чисто выбритым, пахнувшим крепким мужским одеколоном, красиво причесанным. Спортивный костюм на его невысокой, но мощной фигуре производил впечатление военной формы. И я неизменно думал: «В чем-то он был и остался старшиной — надеждой отцов-командиров, примером рядовым солдатам». Это была деталь его биографии, которой мой учитель заметно гордился.

По ночам он часто рассказывал эпизоды из своей жизни. Из них по кусочкам, как складывается мозаичная картина, постепенно сложился для меня жизненный путь Дмитрия Георгиевича.

Тогда его дорога в спорт казалась мне не совсем обычной. Но потом я понял: в ней была своя логика, логика того времени, когда народы СССР жили одной большой семьей.

Но об этом следует рассказать отдельно. Ведь тренер может дать своему ученику не больше того, что имеет сам. И сейчас, оглядываясь на прожитое, думая о себе, я понимаю, как многое из пережитого моим учителем вошло в меня. Не зря говорят: учитель, повторись в своем ученике.

Strange as it is, we never felt tired even after sleepless nights. I woke up fresh, and always found Dmitri Georgievitch cleanshaved, scenting of a strong men's eau-de-cologne, with his hair nicely combed. The sports tights on his short but strong figure looked like a military uniform. And I always thought, «In some respects he has forever remained a master sergeant, hope of commanders, model for privates».

This was a detail of his biography my teacher took a considerable pride in. At nights he often told me episodes from his life. I gradually made up the biography of Dmitri Georgievitch of them like a mosaic picture is made up of pieces. At that time his way to sport seemed unusual to me. But later I understood that there was a certain logic in it, the logic of the time when the peoples of the USSR lived as one large family.

But this requires a separate story. A coach cannot give to his pupil more than he has himself. And now, turning back to the past, thinking of myself, I see how much of my teacher's life experience I have absorbed. Not for nothing they say: teacher, repeat yourself in your pupil.

« »

ДЕДУШКА Мито», как любит сейчас называть себя мой наставник, хотя в свои шестьдесят четыре выглядит от силы пятидесятилетним, родился в 1933 году в Тбилиси. Когда началась война, его отец — кадровый военный — и мама — медицинская сестра — оказались на фронте. А маленького Мито вместе со старшим братом Гиви, сестренкой Мэри и младшим братом Сосо отвезли в деревню Чалаубани, что в знаменитой Алазанской долине, к дедушке и бабушке со стороны отца.

Нелегко было старикам-колхозникам прокормить четверых внуков, но они не только сохранили их, но и воспитали в лучших традициях своего народа.

Мой учитель и сегодня частенько вспоминает мудрые наставления деда, фантастически трудолюбивую бабушку.

Именно трудолюбие и порядочность превыше всего ценили старики и в полном соответствии с этим воспитывали внуков.

Говоря словами моего учителя, у него от «мамки» было отменное здоровье, от отца он унаследовал силу и в 13 лет выглядел юношей. Самой вели-

A MAN WITH A GIFT OF «MTSNOBI»

GRANDFATHER Mito», as my teacher likes to call himself although at his sixty four he hardly looks for fifty, was born in Tbilissi in 1933.

When the war broke out his father, a military man, and his mother, a hospital nurse, went to the front. Little Mito together with his elder brother Givi, his sister Mary and his younger brother Soso was taken to the village of Tchalaubani in the famous Alazan valley to live with his grandparents on his father's side. It was not easy for the old peasants to raise four grandchildren, but they managed not only to sustain them but also to bring them up in the best traditions of their nation.

Up till now my teacher often remembers the wise admonitions of his grandfather and his strikingly laborious grandmother.

Hard work and integrity were the qualities the old people valued most, and they brought up their grandchildren in complete accordance with this.

As my teacher says, he has inherited the excellent health of his mother and the strength of his father. At 13 he looked a young man. The greatest praise for him was his grandfather's kind word or his

кой похвалой для него было доброе слово деда, скупая ласка бабушки. Заслужить такую награду удавалось лишь трудом, и, закончив шестой класс, Мито нанялся подпаском в овцеводческую бригаду соседнего, богатого на овец колхоза. Старательный, готовый услужить подпасок очень скоро стал любимцем чабанов. Жизнь в горах, трудные переходы с отарой на все новые пастбища, общение с природой закалили мальчишку, прибавили силы и уверенности. Особенно вырос авторитет юного пастуха, когда вдруг обнаружилось, что Бог наградил его редчайшим даром «МЦНОБИ» — умением соединить овечку с ее ягненком в случае, если они сами не могли найти друг друга по запаху. По глазам умел Мито угадывать пару и тем спасал ягненка: ведь мать только своему детенышу отдавала оставшееся после дойки молоко. Не получив его, овечий ребенок начинал болеть и умирал. Дар этот, такой необходимый для того, чтобы сберечь и увеличить отару, был, повторю, настолько редким, что пастух, обладавший им, получал дополнительные трудодни. Почему Господь одних награждает этим талантом, других нет — одна из тех тайн, на которые так щед-

grandmother scarce tenderness. Such a praise could be deserved only by work. Having finished the sixth form of the school Mito became employed as a herdsboy at the shepherd brigade of the neighboring kolkhoz rich in sheep. A hard-working, obliging boy soon became the shepherd's favourite. The life in the mountains, the difficult passages to new pastures with the herd, the closeness to nature fortified the boy, added him strength and confidence. The herdsboy's authority grew especially high when it was suddenly found out that God had bestowed him the rare gift of «Mtsnobi». This gift consists in the ability to couple a sheep with her lamb if they cannot find each other themselves by smell. Mito could guess such a couple by their eyes, and in such a way he saved the lamb for the mother gave her milk remaining after milking only to her own cub. Being deprived of it a lamb fell ill and died. This gift was necessary to keep and to multiply the herd. But it was so rare that a shepherd who had it was paid extra. Why the lord bestows this gift to certain people and not to others is one of the mysteries nature is so rich of. But I would like to add that I have seen

ра природа. Но от себя скажу, что встречались в моей жизни тренеры, которые чутьем, инстинктивно чувствовали потенциальные возможности какого-нибудь мальчишки-заморыша и делали из него великого борца. Похоже, «дедушка Мито» сохранил свое «мцноби» и будучи тренером.

Но до тренера ему тогда было еще далеко. А пока в жизнь Мито вошло сугубо народное грузинское явление, которое называлось «грандиозные вечера». Это были деревенские традиционные сходки с пением, танцами, национальной борьбой «чидаобой». Соревновались в них и взрослые, и подростки.

Крепкий паренек Мито, хотя и умел петь — он и сейчас хорошо поет, — и неплохо плясал, пристрастился все-таки к чидаобе, красивому и рыцарски мужественному виду спорта. Его первым учителем стал двоюродный брат Захарий — офицер-фронтовик, человек, судя по рассказам Дмитрия Георгиевича, разносторонне талантливый.

Пройдет много лет, и, комментируя одну из моих схваток в Олимпийском Мюнхене, знаменитый спортивный комментатор Коте Махарадзе вдруг скажет от себя:

— Знаете, я очень рад, что победил Иван Ярыгин, сибирский богатырь, вскормленный на грузинских приправах...

Махарадзе имел в виду то обстоятельство, что выросший на чидаобе Миндиашвили постоянно учил меня приемам национальной борьбы.

Это к вопросу о случайном и закономерном в жизни человека и спортсмена. Право же, бегут мурашки по коже, когда думаешь о том, как много во мне определилось за тысячу верст от родной Сизой. Может быть, все это вместе взятое и есть судьба?

Странно, но у моего учителя была та же детская мечта, что и у меня. Он тоже хотел стать шофером. И, вернувшись в родную деревню, начал с помощника водителя: ухаживал за своей трехтонкой, заправлял ее бензином и маслом, подкручивал гайки, был счастлив, когда шофер подпускал его к рулю...

Подоспело время идти в армию. Военная карьера смышленного, сильного, дисциплинированного солдата, который еще в родной деревне хорошо научился говорить по-русски, складывалась более чем удачно. Попал в школу младших командиров, закончив ее, получил отделение. К концу второго года службы был уже ротным старшиной.

Воинская часть, куда распределили Миндиашвили, участвовала в строительстве Семипалатинского атомного полигона. Точнее, она помогала одной из сибирских механизированных колон его сооружать. А в колонне работала красивая белокурая

coaches in my life who instinctively, intuitively felt the potential of some skinny lad and made him a great wrestler. «Grandfather Mito» seems to have retained his «mtsnoebi» being a coach as well.

At that time Mito was far from becoming a coach. But in the meantime a folk Georgian phenomenon entered his life which was called «grand parties». These were traditional village gatherings with singing, dancing and national wrestling «tchidaoba». Both grownups and teenagers competed in them.

The strong boy Mito, although he could (and still can) sing and dance quite well, took a liking to tchidaoba, an attractive and chivalrous kind of sports. His first teacher was his brother Zachary, a front officer, according to Dmitri Georgievitch's stories, a man of numerous talents.

Many years will pass, and while commenting one of my matches at the Olympic Munich, the famous sports commentator Kote Macharadze will suddenly opine: «You know, I am very glad that the winner is Ivan Yarygin, the Siberian athlete nurtured on Georgian dressings...»

He meant the fact that Mindiashvili who had grown up on tchidaoba constantly taught me the methods of national wrestling.

All this concerns the issue of regularity and chance in a human and sportsman's life. In fact, I get the creeps down my spine when I think how much in myself had been determined thousands of miles from my native Sizaya. Maybe all these things together are what is called fate?

Strangely enough, my teacher had the same childish dream as I. He also wanted to become a driver. When he returned to his village he began to work as a driver's mate: he looked after his three-ton truck, filled up its tank with gas and oil, screwed up the nuts and was happy when the driver allowed him to turn the wheel.

Then the time for him came to serve in the Army. The military career of the smart, strong, disciplined soldier who had learned to speak Russian in his native village was successful. He was admitted to the noncommissioned officer's school, finished it, received a subdivision. By the end of his second year of the service he had become the company master sergeant.

Mindiashvili's military unit took part in the construction of the Semipalatinsk nuclear polygon. To be more precise, it helped one of the Siberian mechanized columns to build it. And in the column there worked a pretty girl Tamara, fairhaired and blueeyed, but, unfortunately, unapproachable. The hottempered Georgian fell in love with her at the first sight. The strict Siberian girl gave him no hopes. Even before the parting when the column was

и синеглазая, но, увы, неприступная девушка Тамара. Пылкий грузин влюбился в нее с первого взгляда. Строгая сибирячка не подавала ему особых надежд. Даже перед разлукой, когда колонну переводили на строительство дороги Абакан-Тайшет, никаких обещаний не давала. Но, демобилизовавшись, старшина бросился не на родину, а вслед за любимой.

Деревня Горбы, где жила Тамара и где демобилизованный солдат стал работать шофером, — место ничем не примечательное. Но лидер есть лидер. Веселый, несмотря на душевную смуту готовый помочь каждому, инициативный парень быстро стал комсомольским секретарем, организовал самостоятельность, увлек ребят спортом.

О серьезных занятиях борьбой он мечтал еще в армии. Но понимал, что без тренера ничего сделать не сможет. Ни в армии, ни тем более в Горбах рассчитывать на появление тренера не приходилось, и Бог знает, как сложилась бы жизнь моего учителя, если б его не перевели в Красноярск. В этот город на Енисее он заявился уже с женой Тамарой — добился все-таки своего — и с младенцем Валеркой. Молодое семейство поселили в вагончике, где вода в ведре зимой замерзала. Чтобы не простудить первенца, папа с мамой брали его в свою постель. Но тогда мало кто из их сверстников жил лучше. А тут машину дали новенькую, работа была нужной и интересной — колонна участвовала в строительстве знаменитой Красноярской ГЭС, коммунального моста через Енисей и других столь же важных объектов. Но главное — сбылась мечта: появилась возможность заняться борьбой под руководством опытного тренера.

Правда, классической.

Тренер Анатолий Солопов, о котором я уже упоминал, возлагал на способного шофера большие надежды. Очень сильный физически, тот быстро совершенствовался в технике, самозабвенно был предан делу. Живя на окраине города, в пятнадцати километрах от спортивного зала, не пропускал ни одного занятия. А когда шоферская «двухсменка» стала мешать, к всеобщему удивлению, отказался от баранки и пошел в грузчики — здесь можно было работать в одну смену.

Солопов не мог на него нарадоваться, а сам боец большого удовлетворения от своих успехов не испытывал. Он чувствовал, что его призвание — вольная борьба, а не классическая. Слишком глубоко сидела в нем память о свободной, грациозной чидаобе. Его стесняли, связывали правила греко-римской, исключая, например, работу ногами и массу других приемов, делающих борьбу дерзкой, неожиданной, зрелищной.

В 1958 году из Москвы пришло приглашение принять участие в первенстве России по вольной

transferred to the construction of the Abakan-Taishet road she gave him no promises. But after demobbing the master sergeant did not rush home, but followed his beloved.

The village of Gorby where Tamara lived and where the demobbed soldier started to work as a driver was an inconspicuous place. But a leader is always a leader. The gay, enterprising boy ready to help anyone in spite of his troubled heart, soon became the komsomol secretary, he organized amateur talent activities, attracted young people to sports.

Still while in the Army he dreamed of taking up wrestling seriously. But he understood he would be able to do nothing without a coach. But neither in the Army nor in Gorby could he expect a coach to appear, and God knows what my teacher's life could have been like had he not been transferred to Krasnoyarsk. He came to this city on the Yenisey together with his wife Tamara (he had gained his end) and with his baby son Valerka. The young family was settled in a wagon where in winter water froze in the bucket. Mum and Dad took their baby to bed with them for fear he caught a cold. But few of their peers lived better at that time. They were given a new truck, their work was useful and interesting: the column took part in the construction of the famous Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station, of the Communal bridge across the Yenisey and of other equally important objects. But the main thing about it was the dream coming true: he had a chance of going in for wrestling under the direction of an experienced coach. But it was Greco-Roman wrestling.

The coach Anatoli Solopov whom I have already mentioned expected much from the capable young driver. A man of great physical strength, the latter improved his technique very quickly. He was selflessly devoted to wrestling. Living in the outskirts of the city, fifteen kilometres from the gym-hall, he never missed a training. And when the driver's two-shift work began to hamper him he gave it up and, to everybody's surprise, became a loader. There he could work one shift.

Solopov was very pleased with him but the wrestler himself did not feel satisfied with his progress. He felt that his calling was not Greco-Roman but free-style wrestling. The memory of the free, graceful tchidaoba was too deep in him. The rules of the Greco-Roman wrestling laid restraint on him, for they excluded, for instance, the work of legs and a lot of other holds that make wrestling surprising and spectacular.

In 1958 an invitation came from Moscow to take part in the Russia's championship in free-style

борьбе. Два года мой учитель отдал классике и ничуть о том не жалеет, поскольку считает именно греко-римскую базовой для любого вида спортивной борьбы. Без нее, внушал он мне, нельзя преуспеть ни в вольной, ни в самбо, ни в дзюдо. За эти два года Дмитрий Георгиевич стал чемпионом Красноярского края, успешно выступал на всероссийских и всесоюзных соревнованиях.

Очень скоро Миндиашвили попал и в сборную России. В ее составе принял участие в первенстве СССР по вольной борьбе. Проводился чемпионат в родном Тбилиси, и здесь сибирский грузин одержал шесть чистых побед, проиграл одну лишь схватку, заняв более чем пристойное для новичка четвертое место. И выполнил наконец норматив мастера спорта! Первый из Красноярских вольников.

Мой учитель говорил об этом с какой-то горькой гордостью. Конечно же, он мог достичь большего. Если бы... Если бы тяжелая работа оставила для тренировок чуть больше времени...

Если бы не были потеряны самые лучшие юно-

wrestling. My teacher gave two years to the Greco-Roman wrestling and does not regret it, for he considered the Greco-Roman the basis for any kind of wrestling. Without it, he was telling me, one could not be a success either in the free-style, or in sambo or in judo. During those two years Dmitri Georgievitch became champion of the Krasnoyarsk district, did successfully at all-Russia and all-Union competitions.

Very soon Mindiashvili became member of the USSR national team. The championship was held in his native Tbilissi, and there the Georgian from Siberia won six pure victories, and lost only one match. He took the fourth place which was more than a decent result for a beginner. And at last he won the title of a master of sports! Among the Krasnoyarsk free-stylers he was the first to do it.

My teacher spoke about it with a kind of bitter pride. Of course he could have achieved better results. If... If only hard work left more time for training... If he had not lost the best young years

шеские годы, потому что не нашлось рядом тренера... Если бы человек не был обречен стареть...

К счастью, в Красноярске нашлись люди, которые разглядели в Диме Миндиашвили не только хорошего спортсмена, но и человека, от Бога получившего талант учителя, наставника. В 1959 году молодому мастеру спорта предложили стать тренером по вольной борьбе. Сначала на общественных началах.

— Я, Ваня, колебался, — рассказывал он мне семь лет спустя. — Получится ли? Потом вспомнил, что в армии солдаты охотно выполняли мои приказы, и при этом я ухитрился ни разу не воспользоваться своим правом сажать на «губу». Вспомнил и решил, что должно у меня получиться...

Тренер-общественник очень скоро доказал, что может быть тренером-профессионалом. В этом качестве он разработал поистине стратегический план превращения вольной борьбы в массовый вид спорта в Красноярском крае. С помощью своих учеников, из которых он творил не только спортсменов-борцов, но и тренеров, Миндиашвили вполне преуспел в этом. Все новые и новые секции вольной борьбы охватывали левый и правый берег самого Красноярска, затем города и районы края. Давалось это огромным трудом и терпением. Денег на покупку инвентаря, на зарплату тренерам не было. Нужно было «раскручивать» хозяйственников — директоров крупных предприятий, совхозов, председателей колхозов. И здесь вовсю развернулся дремавший доселе другой талант молодого тренера — дипломатический. Он умел и умеет превращать самых разных людей в своих союзников.

Должен признаться, что тогда, более четверти века назад, слушая рассказы Дмитрия Георгиевича об организационной стороне тренерского дела, я не очень хорошо понимал, какая трудная, требующая огромного оптимизма и терпения работа скрывается за словами «достать деньги». Лишь сейчас, когда необходимость доставать их ради дела встала передо мной, я в полной мере могу оценить его подвиг.

Ко времени, когда к Миндиашвили пришел Чарков, вольная борьба в крае уже нашла признание, а сам Дмитрий Георгиевич приобрел авторитет в общественных и спортивных кругах. Так что не было ничего удивительного в том, что я его «находка» — Чарков передал ему меня, так сказать, с рук на руки.

for there was no coach nearby... If one were not doomed to grow old...

Fortunately, there were people in Krasnoyarsk who divined in Dima Mindiashvili not only a good sportsman, but also a man with an innate talent of a teacher. In 1959 the young master received an offer to become a coach in free-style wrestling, at first on amateur lines.

«I hesitated, Vanya», he told me seven years later. «I was not sure I'd manage it. But then I remembered that soldiers in the Army obeyed my orders eagerly, and at the same time I had never used my right of sending them to the guard-house. And I decided I'd manage it... »

The amateur coach proved very soon that he could be a professional coach. In this quality he worked out, in fact, a strategic plan of turning free-style wrestling into a popular kind of sports in the Krasnoyarsk district. With the help of his pupils whom he made not only sportsmen but also coaches, Mindiashvili succeeded in this task. More and more numerous free-style wrestling sections were organized in Krasnoyarsk itself, then in the towns and territories of the district. This required tremendous work and patience. There was no money for the inventory, for the coaches wages. He had to convince economic executives, directors of large industrial and agricultural enterprises. And in these activities another talent of the young coach revealed itself — that of a diplomat. He could and still can make people his allies.

I must confess that at that time, more than a quarter of a century ago, listening to Mindiashvili's stories about the organizational aspect of the coach's work, I failed to realize what a hard work it was «to get the money», what tremendous optimism and patience it required. Only now, when I have faced the necessity to get it for business myself, I can fully evaluate his feat.

By the time Tcharkov came to Mindiashvili, the free-style wrestling had gained acknowledgment in the district, and Dmitri Georgievitch himself had become a man of authority in the public and sports circles. So it was no wonder that his «findling» Tcharkov gave me to him, so to say, from hands to hands.

1973

THE USSR CHAMPION

Мы были переполнены надеждами. Только вдруг оказалось, что осуществлять их придется мне одному. Дмитрий Георгиевич в силу ряда обстоятельств решил вернуться на родину, в Грузию. А я был откомандирован в Новосибирск, в спортроту, где моим тренером стал Аркадий Егорович Ананьин.

Мечты имеют то свойство, что, раз овладев человеком, они весьма неохотно расстаются с ним. Заряд надежды, полученный в Красноярске, продолжал поддерживать меня и в новых условиях, в работе с новым тренером.

Я хорошо понимал, что стою у подножия лестницы, подняться по которой могу лишь упорным трудом и не пропустив ни одной ступеньки.

Первой такой ступенькой, решил я, должно стать молодежное первенство страны 1968 года. Несколько усложняло мою задачу то, что по просьбе тренеров я должен был выступить не в моей полтяжелой, а в следующей весовой категории — свыше 97 кг. Не очень трудно было налечь на молоко и соки, как это рекомендовали врачи, чтобы потяжелеть. Другое дело — поединки с очень сильными борцами новой для меня категории. В том числе — с восходящей звездой вольной борьбы Нодаром Мо-

We were boiling with hopes. But it suddenly turned out that I had to make them true all by myself. Due to some circumstances Dmitri Georgievitch decided to return home, to Georgia. As for me, I was sent to Novosibirsk to a sporting company where Arkadi Yegorovitch Ananyin became my coach.

Hopes have one peculiar feature: having once seized a man they are reluctant to let him go. The portion of hopes received in Krasnoyarsk supported me in the new environs, in my work with the new coach.

I understood only too well that I was standing at the foot of the ladder and could rise only by means of hard work without missing a single step.

I decided that the first step of this ladder was the junior championship of the country in 1968. My task was made more difficult by the fact that, at the request of the coaches, I was to appear not in my heavy weight category, but in the next one, over 97 kilograms. It was easy to follow the doctor's advice and to drink more milk and juices in order to get heavier. But I had to fight with very strong wrestlers of the category I was not used to. Among them was the rising star of free-style wrestling, Nodar

1975

дебадзе, которого прочили в наследники самого Александра Медведя. Но тогда в Риге все сложилось более чем удачно, в финале я выиграл даже у Нодара.

Возможно, в силу молодого максимализма после победы над грузином я бы не так трепетно относился к чидаобе, овладеть приемами которой требовал от меня Д. Г. Но там, в Риге, в категории 78 кг выступал тбилисец Леван Тедиашвили. Он проде-

Modebadze who was spoken about as the future successor of Alexander Medved himself. But at that time, in Riga, everything went well, in the finals I managed to beat even Nodar.

Probably, due to my young maximalism, after beating a Georgian I would not cherish such respect toward tchidaoba the techniques of which I had to master on the demand of D. G. But there, in Riga, Levan Tediashvili appeared in the category of 78 kg.

монстрировал такой каскад хитроумных бросков, такую великолепную работу ногами, что я понял, как много мне еще предстоит взять от этой национальной борьбы. Леван, как и я, стал чемпионом тех соревнований. Там мы познакомились, еще не подозревая о том, что нам предстоит стать друзьями «на всю оставшуюся жизнь».

Что ни говори, но, вероятно, скромность, порой перерастающая в самоуничужение, особенно когда речь идет об иностранцах, — одна из черт нашего русского характера. Мы достаточно умны для того, чтобы при ближайшем рассмотрении понять, что по множеству параметров не хуже их (а иногда и лучше), но для этого нам нужно «ближайшее рассмотрение».

Я думаю об этом, вспоминая свой первый международный старт в Минске, на соревнованиях «Олимпийские надежды». Никакие подобные мысли меня в ту пору не посещали, я просто осознавал необходимость подняться на следующую ступеньку и волновался — какие они, эти иностранцы? А в ходе самих поединков даже удивлялся: уж больно легкой «добычей» они оказались.

Перед самым «дембелем», чтобы не зазнавался, получил легкий щелчок по носу. На очередном первенстве страны, легко прорвавшись в финал, в решающем поединке проигрываю парню из донецкого села Староигнатьевка Алексею Атаманову. Щелчок, чего греха таить, обидный, неожиданный, но в душе уверенность — еще встретимся, а там видно будет. Верю в себя, верю в Миндиашвили, который к этому времени вернулся в Красноярск. Бывает же так: на горячо любимой родине дела у него не сложились. Конечно, в его решении вернуться в Сибирь немалую роль сыграли те самые юниорские соревнования 1968 года. Его красноярские ученики выступают более чем удачно: Володя Челноков, Миша Антошин, Миша Шалыгин заняли вторые места в своих весовых категориях, ваш покорный слуга, как уже сказано, стал чемпионом. А его в Ригу на эти соревнования даже не отпустили...

Не стану лукавить: его отъезд, как он и сам чувствовал, подверг нашу зарождавшуюся близость, нашу дружбу серьезному испытанию. Мысль о том, что меня бросили, нет-нет да и приходила в голову. Особенно после Риги: ведь поразивший меня своей техникой и талантом Леван Тадеашвили учился у моего тренера в Рустави. Трудно было удержаться от ревности...

Сейчас, когда все эти переживания далеко позади, мы с Дмитрием Георгиевичем, пожалуй, больше чем друзья, скорей, близкие, почти кровные родственники.

Чувствую, что в своем рассказе я уделяю, может быть, слишком много места человеческим отно-

He demonstrated such a cascade of ingenious throws, such a splendid work of legs that I understood how much this kind of national wrestling could teach me. Levan, as well as myself, became champion at that competition. We got acquainted there, but did not suspect as yet that we were to become friends for life.

Whatever you would say, modesty on the verge of self-abasement must be a feature of our Russian character, especially when it concerns foreigners. We are clever enough to see at a closer look that by a lot of parametres we are not worse (and sometimes even better), but we need a «closer look» for it. I think of this when I remember my first international start in Minsk at the competition entitled «Olympic Hopes». I had no such thoughts at that time, I just realized the necessity of climbing the next step, and I worried: what are they like, these foreigners? But in the course of the competition I was surprised: they turned out too easy a «game».

Before being demobbed I received a slight fillip on the nose which prevented me from getting puffed up. At one of the country championship I had easily reached the final, but lost the decisive bout to the fellow from the Donetsk village Staroignatievka Alexei Atamanov. Frankly speaking, it was a hurting and unexpected fillip; but still I was sure that we will meet again and see. I believed in myself and in Mindiashvili who had by that time returned to Krasnoyarsk. So it happens: he was not successful in his native land he loved so much. Of course, his decision to return to Krasnoyarsk was to a significant extent affected by the junior competition of 1968. His Krasnoyarsk pupils did more than successfully there: Volodia Tchelnokov, Misha Antoshin, Misha Shalygin gained second places in their weight categories; I became the champion. As for him, he was not even allowed to go to that competition.

To tell the truth, his departure, as he felt himself, was a serious test for our beginning intimacy and friendship. From time to time I could not help feeling abandoned. Especially after Riga: Levan Tediashvili whose technique and talent had stricken me so much, had trained with my coach in Rustavi. It was hard to keep back jealousy.

Now all these passions are far behind and Dmitri Georgievitch and I are even more than friends; we are like close, almost blood relatives.

Perhaps I give too much place to human relationships in this story. In excuse I can say only one thing: in the light of my wrestler's and coach's experience I see that a victory and a loss are the result not only of the sportsman's physical condition. It is «the moment of truth» determined by all his previous life and, first of all, by the life of his heart. At

шениям. В свое оправдание могу сказать лишь одно: с высоты своего борцовского и тренерского опыта я вижу: победа или поражение — результат не только физических данных спортсмена. Это тот «момент истины», который определяется всей его предшествующей жизнью, и жизнью души в первую очередь. Как бы там ни было, наступившее на гражданке время стало временем нового витка дружбы с моим тренером — прекрасным и незабываемым. Ежедневные тренировочные нагрузки, которые задавал мне Д. Г., кому-то могли показаться чрезмерными. Наш день начинался с 15-километрового кросса: от часовни, ставшей символом города, до знаменитых Красноярских Столбов — большого, необыкновенно живописного семейства скал в тайге.

Учитель бежит рядом со мной. А когда, пробежав дистанцию, мы отдыхаем у подножия какой-нибудь скалы, начинаются его оптимистические фантазии на тему «тяжело в учении — легко в бою».

Бой не заставляет себя долго ждать. Я к нему сравнительно неплохо подготовлен. В 1969 году в Луганске выигрываю у сильнейших борцов страны. Уступаю лишь выдающемуся киевлянину Владимиру Гулюткину. Но более всего радуюсь предсказанию:

— «В будущем году, — передает мне слова опытного из тренеров Болеслава Михайловича Рыбалко мой учитель, — этот мальчик выиграет у всех и станет выдающимся борцом...»

«Мальчик» — это я. Чемпионат СССР — вот что ждет меня в будущем году. Пройдет он в Махачкале.

Готовимся к этим соревнованиям с огромным душевным подъемом, кажется, сделали все возможное, и вдруг... Сколько таких «вдруг» бывает в жизни спортсмена и тренера. Спорт, как известно, труднопредсказуем, но здесь я получаю неожиданную подножку: Миндиашвили включен в состав делегации, направляющейся в Болгарию.

Как и для всякого борца, мне не безразлично, кто выводит меня на ковер. Тем более что Миндиашвили — из тех тренеров, которые могут завести до отказа, передать свою душевную энергию. Но делать нечего — он улетает после предварительных сборов. Провожая его в аэропорт.

— Ваня, ты уж здесь смотри, — мается Д. Г.

— Вы, Дмитрий Георгиевич, сильно-то не переживайте. Уж отборюсь, — отвечаю ему.

Вот только не сказал, как отборюсь. По чести говоря, на победу сильно не загадываю. Больно серьезная компания «полутяжей» собралась в Махачкале: Владимир Капошкин, Эльбрус Икаев, Семен Лисафин, Алексей Атаманов и, наконец, Владимир Гулюткин. Тот самый, о котором я упоминал. На этот раз киевлянин имел передо мной и то преимущество, что его тренер был с ним. И какой тренер! Можно сказать, легендарный. Сам Арам Васильевич Ял-

any rate, the time after my demobbing became a new stage of my friendship with my coach, and it was wonderful and unforgettable. The daily training work D. G. gave me could seem to somebody excessive. Our day began with a 15-kilometer cross: from the chapel which had become the symbol of the city to the famous Krasnoyarsk Pillars — a vast, exceedingly picturesque massive of rocks in the taiga.

The teacher runs beside me. And then having covered the distance, we rest at the foot of some rock and he starts speaking out his optimistic dreams stressing the point that it is hard to train but easy to fight.

The fight is not long to be waited for. And I am rather well prepared for it. In 1969 in Lugansk I beat the strongest wrestlers of the country. The only one I lose to is the prominent Vladimir Gulyutkin from Kiev. But most of all I enjoy the prediction:

«Next year this boy will beat everybody and become an outstanding wrestler». These words of Boleslav Mikhailovitch Rybalko, one of the most experienced coaches, were passed to me by my teacher.

«This boy» is me. And the next year means the USSR's championship. It will take place in Makhatchkala.

We prepared for this competition with great enthusiasm, we seemed to do everything we could, but suddenly... There are a lot of such «sudden» events in the lives of sportsmen and coaches. Sport, as it is well-known, is a hardly predictable affair, but here I received an unexpected knockdown. Mindiashvili was included in the delegation going to Bulgaria.

Like to any wrestler, it makes a difference to me who leads me out to the mat. Moreover, Mindiashvili has a special talent for encouragement, he can convey to you all the energy of his heart. But nothing doing; he flies away after the preliminary preparations. I see him off to the airport.

D. G. feels uneasy. «Vanya, you take care». «Don't you worry so, Dmitri Georgievitch... I'll do my wrestling anyhow», I say.

But I don't say how I will wrestle. Frankly speaking, I have little hope for victory. The assembly of «heavies» in Makhatchkala is too serious. Among them are Vladimir Kaposhkin, Elbrus Ikaev, Semen Lisafin, Alexei Atamanov and, finally, the mentioned above Vladimir Gulyutkin. This time the sportsman from Kiev had an advantage of having his coach with him. And what coach! A legendary one. It was Aram Vassilievitch Yaltyrian himself, who had more than once been the champion of the USSR; the world champion famous for his capacity of seeing a potential champion in a fellow everybody had given up as hopeless and of proving he had not

тырян, многократный чемпион СССР, чемпион мира, известный тем, что способен рассмотреть в парне, на которого другие махнули рукой, потенциального чемпиона и в короткий срок доказать, что не ошибся. Гулюткин — один из его любимых учеников...

К счастью, я чувствовал, что нахожусь в отличной форме. Чувствовал, что нравлюсь неистовым дагестанским болельщикам — почтенным старцам в каракулевых папахах, чабанам, приехавшим с горных пастбищ, горожанам и разнокалиберной ребятне.

Был апрель, но солнце пекло немилосердно. Зрители же приходили на стадион за три часа до начала поединков.

И когда я побеждал очередного соперника, болельщики обрушивали на меня тайфуны восторгов. Естественно, это придавало мне уверенности. Но о «золоте» я старался не думать. На третий день соревнований стало ясно: в финале встречу именно с Гулюткиным. Он тоже шел без поражений.

Ширококостный Володя прекрасно сложен. Расчетлив, хитер, прекрасно владеет зацепами и подсечками.

Еще в Красноярске мы обсуждали с Миндиашвили ход возможного поединка с Гулюткиным, пытаюсь выискать уязвимые места. Но так и не нашли. Владимир одинаково силен и в защите, и в атаке.

Финалы выпали, как и задумывалось организаторами, на субботу. Прорвавшиеся на стадион болельщики заполнили не только трибуны, но и пространство вокруг трех ковров. Угрозы милиции на этих фанатов вольной борьбы не действовали. Чтобы не сорвать чемпионат, оставалось одно — провести бои в этих экстремальных условиях. Из-за палящего солнца, жаркого дыхания толпы нам, борцам, и вовсе нечем было дышать.

Меня в то время влекла романтика открытой схватки. Гулюткин тоже решил не осторожничать, возможно считая меня новичком, которого пора остановить. Без разведки мы устремились друг на друга. Я тут же почувствовал решимость соперника. Он опережал меня в захватах, дергал, бил мощной ладонью по шее. А я никак не мог наладить дыхание. Ринулся было в ноги, но Гулюткин зацепил левой ногой мою правую, бросил... К счастью, я успел перевернуться в воздухе и встал на мост. Стадион взревел от восторга. Стоять на мосту — удовольствие ниже среднего. Соперник наваливается всем телом, жмет. Твои лопатки медленно приближаются к обжигающему страхом ковра... Он дожимал меня почти минуту, потом не выдержал — перехватил руки, и в это мгновение я сумел перекатиться на живот. Отдышался. Прикинул, сколько баллов потерял.

been mistaken. Gulyutkin was one of his favourite pupils.

Fortunately I felt I was in an excellent form. I felt that the rabid Dagestan fans liked me — all these venerable old men in astrakhan papakhas, shepherds from the mountain pastures, town-dwellers and children of various ages.

It was April but the sun was scorching. The spectators came to the stadium three hours before the beginning of the match.

When I defeated another rival the fans brought down showers of enthusiasm on me. Naturally, it made me more confident. But I tried not to think about «the gold». On the third day of the competition it became clear: in the finals I will wrestle Gulyutkin. He had no losses either.

The big-boned Volodia was magnificently built. He was calculating, cunning, good at holds and leg grapplings.

While still in Krasnoyarsk, Mindiashvili and I had discussed the course of the possible bout with Gulyutkin and tried to find the vulnerable points. But we had not found any. Vladimir was equally strong in defence and in attack.

As the organizers had planned the finals took place on Saturday. The fans flooded the stadium, they filled not only the stands but also the space around the three mats. The militia's threats did not affect those fanatics of free-style wrestling. For the championship not to be ruined it was determined to conduct the bouts in those extreme conditions. We, wrestlers, could hardly breathe due to the scorching sun and the hot breathing of the crowd.

At that time I was attracted by the romance of an open fight. Gulyutkin also decided not to be too careful. Perhaps he thought me a beginner who was to be stopped. We rushed at each other without reconnaissance. I felt the determination of my rival at once. He forestalled me in the holds, tugged me, struck me on the neck with his powerful palm. As for me, I could not regulate my breathing. I tried to rush to his feet, but Gulyutkin grappled my right foot with his left one and threw me... Fortunately, I managed to turn in the air and stand on a bridge.

The stadium roared with delight.

A bridge is a doubtful pleasure. The rival is pressing on you with all his weight, pinning you.. Your shoulder blades are slowly approaching the mat and burning with fear... He was pinning me for almost a minute but at last gave way and changed hands; at that moment I managed to roll on my stomach.

I took my breath and try to calculate the lost points.

It dashed across my mind that a silver medal was not bad either.

1970

Мелькнуло: серебряная медаль — тоже не плохо.

Но вдруг услышал тишину стадиона. Обожгла догадка: публика-то болеет за меня! Ведь рев прекратился еще тогда, когда я стоял на мосту. Я был благодарен этим зрителям — их поддержка в такую минуту, когда соперник вот-вот победит, была более чем кстати.

Наконец перерыв. После него замечаю, что Гулюткин раздосадован: ведь упустил верную победу. Он становится все более и более агрессивным. И вот поймал-таки меня на контрприеме, перевел в партер. Я потерял еще три балла. Вспоминаю, что есть у моего соперника коренной, хоть и рискованный прием — бросок с изгибом. Наверняка в азарте близкой победы он пойдет на него. Ведь не знает, что я, думая о схватке с ним, готовился именно к этому приему...

Я угадал: Гулюткин входит в захват, чуть топчется на месте и резко откидывается назад. По огромной дуге мы долго, очень долго, как мне кажется, летим на ковер. Но товарищ не учел силы моих рук. Я успеваю скрутить его тело в воздухе. Скрутить и поставить на мост. А через двадцать секунд

But suddenly I heard the silence of the stadium. A guess flashed across my mind: they are on my side! The roaring had stopped as I was standing on the bridge. I was grateful to the spectators: their support at the moment when the rival was about to win was most welcome.

At last the break came. After it I noticed that Gulyutkin was annoyed for he had let go a sure victory. He was becoming more and more aggressive. At last he caught me at a counteraction and reduced me to the ground position. I lost three more points. Then I remembered my rival had a favourite technique, though a risky one: a throw with a bend. Surely, in the heat of the close victory he would use it. For he did not know that I had prepared for this very hold when thinking about the future bout with him...

I had guessed right: Gulyutkin started the hold, marked time for a while and abruptly bent back-wards. We are flying onto the mat along an enormous curve for a long, very long time, as it seems to me. But the rival has not considered the strength of my arms. I manage to twist his body in the air and to put it into the bridge position. In twenty seconds I

заставляю ослабевшего от неожиданности соперника коснуться ковра лопатками.

Я вскакиваю и что-то кричу. Но тут же прихожу в себя, пытаюсь помочь Владимиру подняться. Он мотаает головой, все еще не осознавая происшедшего... И тут свое слово говорят махачкалинские болельщики. Они вопят от восторга. Они врываются на ковер и поднимают меня на плечи. Они несут меня в центр футбольного поля. А с трибун несется дружное:

— Муж-чи-на!..

Чуть остыв, думаю, как будет радоваться Чарков, мой отец, братья... И особенно Дмитрий Георгиевич! Его ученик — чемпион Советского Союза!

Вечером в гостинице сижу в окружении тренеров и ребят из нашей сборной СССР. Черт побери! Как же приятно слышать из чужих уст слова о том, что вот и в Красноярске появилась сильная борцовская школа. Школа Мито Миндиашвили. Где он сейчас, мой тренер, знает ли о нашей победе?

А он тоже в гостинице. Но уже в Москве. Еще в Москве. Пройдет немного времени, и он расскажет: «Я тогда улетал из Махачкалы с твоим «уж отборюсь», Иван. На душе кошки скребли. Понимаю, что значит на таких соревнованиях остаться без своего тренера. Все четыре дня беготни с выездными документами эти твои слова звучали в моей голове. И вот последняя ночь перед отъездом. Мы, группа тренеров, усталые, вымотавшиеся, сидим в гостиничном номере, лениво перебрасываемся словами. О чем-то тихо щебечет радио. И вдруг до меня доходит: это же «Последние известия». Значит, могут передать и спортивные новости.

— Тихо! — ору я тренерам.

И почти сразу начинают передавать сообщение из Махачкалы.

«Чемпионом страны, — слышу я, — стал молодой спортсмен из Красноярска Иван Ярыгин...»

А что, Вань, случилось со мной в следующую минуту, я сам знаю лишь из рассказов коллег.

— Мито, — говорили они, — в эту секунду ты заревел сильнее быка и прыгнул со стула выше зайца. А потом почему-то стал браниться... и такими словами, каких мы никогда от тебя не слышали. Но мы тебя прощаем, дорогой Мито. Это ты от радости потерял контроль над собой...»

make my rival who is weakened by the abruptness touch the mat with his shoulder-blades.

I spring up and shout something. But I immediately come round and try to help Vladimir to get up. He shakes his head without realizing what has happened as yet... And this is time for the Makhatchkala fans to say their word. They shriek with delight. They rush to the mat and lift me on their shoulders. They carry me to the center of the football field. And the stands roar:

«Man! Man! Man!»

Having cooled down a bit I think about the joy of Tcharkov, of my father and brothers... And Dmitri Georgievitch will be especially glad! His pupil is the champion of the USSR!

In the evening I sit in the hotel room surrounded by coaches and lads from the national team of the USSR. By Jove! How good it is to hear from strange people that a strong wrestling school has appeared in Krasnoyarsk. The school of Mito Mindiashvili. Where is my coach now, does he know about my victory?

And he is in the hotel too. But he is already in Moscow. Still in Moscow. In some time he will tell me: «I was leaving Makhatchkala with your words 'I'll do my wrestling', Ivan. I felt rotten. For I know what it means to remain without a coach at such a competition. All the four days I ran about with the departure documents these words were sounding in my ears. The last night before our departure came. We, a group of coaches, were sitting in the hotel room, down and out, and talking lazily. The radio was twittering quietly. Suddenly I realized it was a news programme. So they could broadcast the sports news too. «Hush!», I shouted to the coaches.

And almost at that moment they begin to broadcast the information from Makhatchkala. «The champion of the country», I hear, «is the young sportsman from Krasnoyarsk Ivan Yarygin...»

And what happened to me next, Vanya, I know only from the description of my colleagues.

«Mito», they said, «at that moment you roared like a bull and sprang onto the table like a hare. And then you began to swear... in such words we have never heard from you. But we forgive you, dear Mito. You lost control with joy...»

1970-

A LESSON AFTER VICTORY

Из Махачкалы поездом еду в Москву. Оттуда — в Софию, на турнир памяти Дана Колова, замечательного болгарского борца. Так после моей победы решил тренерский совет. Радость и

FROM Makhachkala I went by train to Moscow, and then to Sofia, to the tournament in the memory of Dan Kolov, the outstanding Bulgarian wrestler. The coach's board had decided

гордость меня распирают. А тут, сидя в купе, слышу в спортивных новостях свою фамилию. Глупая детская мысль: а вдруг пассажиры узнают меня? Иду умываться. Возвращаюсь. Надеваю парадный костюм, завязываю галстук... К счастью, вовремя устыдился этого детского желания быть признанным. В костюме и галстук сел один в купе, думаю о будущем...

Сейчас, по прошествии многих лет, я уже не стыжусь того своего счастливого состояния. Потом были другие победы, они дважды подняли меня на высшую ступень олимпийского пьедестала, но такой огромной, всеобъемлющей и чистой радости мне испытать уже не привелось. И я думаю, что эта радость плодотворна для спортсмена. Смысл ее в том, что человек вдруг понимает: но смог!

А если смог один раз, то сможет и второй, и третий... Увы, в спортивной жизни, как и в жизни вообще, все куда сложнее. Но, по-моему, подобная радость помогает пережить и печаль поражения. Она делает эту печаль мудрой.

Однако до мудрости мне было тогда далеко. Пока же бесконечно счастливый я приезжаю в Москву. Оттуда столь же уверенный в себе лечу в Софию. И там — сплошь победы! С большим преимуществом над такими грозными и именитыми «полутяжами», как болгарин Тодоров, венгр Чатари, монгол Баянмунх.

Тренеры сборной страны, присматривавшиеся ко мне, единодушны: «К чемпионату Европы готовим Ярыгина».

Этот чемпионат 1970 года — мой третий международный турнир. Он проводится в Берлине. Я приезжаю сюда в ранге чемпиона СССР. Мне интересно, как на меня станут реагировать зарубежные борцы. Барьер неизвестности, связанный с ними, я уже перешел на юношеских соревнованиях и уже не робею только потому, что мой соперник — иностранец, не обрекаю этим себя на поражение.

Нет, говорю я себе, теперь пусть они меня бояться. Ведь не случайно чемпионаты СССР называют малым первенством мира.

Единственный иностранец, который всерьез беспокоит меня, — прославленный турок Ахмет Айик. Конечно, он замечательный борец. Но если мы оба выйдем в финал, я смогу напомнить ему о том, что пора бы уступить дорогу молодым. Айику — тридцать, мне всего двадцать два. Если осторожно выматывать его, то можно даже «отомстить» за своих. Ведь Айик в свое время встал на пути почтаемого мной Шоты Ломидзе: отобрал у него титулы чемпиона Европы и мира, а в Мехико олимпийское «золото». В 1965 году он победил на чемпионате мира самого Александра Медведя. Правда, в олимпийском Токио их схватка закончилась вничью, зо-

so after my victory. I was bursting with joy and pride. Sitting in the compartment I suddenly heard my name in the sports news. A silly childish thought occurred to me: what if the fellow-passengers recognize me? I went to wash, came back, put on my best suit with a tie... Fortunately, I immediately was ashamed of this childish wish to be recognized. So I sat by myself in the compartment, with my best suit and tie on, and thought of the future...

Now, many years later, I am not ashamed of that happy state of mind any more. Later I won other victories, twice they lifted me to the highest step of the Olympic victory stand, but I never felt such a great, embracing, pure joy again. And I think that such joy is fruitful for a sportsman. It means that a person suddenly realizes: I have man-aged it! And if he has managed once, he can manage it again and again... Alas, everything is much more complicated in the sports life, as well as in life as it is. But I think such joy helps also to endure the sadness of a defeat. It makes this sadness wise.

But then I was far from wisdom. Inordinately happy I came to Moscow. From Moscow I flew to Sofia, as selfconfident as ever. Victory followed victory. With a considerable advantage I defeated such serious and famous «heavies» as the Bulgarian Todorov, the Hungarian Tchatari, the Mongolian Bayanmunh.

The coaches of the national team of the country who had kept an eye on me decided unanimously: Yarygin should be prepared for the championship of Europe.

That 1970 championship was my third international competition. I came there as the champion of the USSR. I was interested in the way the foreign wrestlers would look at me. I had already passed the barrier of naivete in my attitude toward them at the junior competitions. I was no longer intimidated by the very fact my rival was a foreigner, and didn't think that would predetermine my defeat.

No, I told myself, now let them be afraid of me. It is not by chance that the USSR's championship is called the small championship of the world.

The only foreigner I seriously worried about was the eminent Turk, Akhmet Aiik. No doubt, he is a wonderful wrestler. But if we both reach the finals I will be able to remind him it is time to give way to the young. Aiik is thirty, I am only twenty two. If I try to wear him out carefully, I'll be able even to «avenge» for our sportsmen. For some time ago Aiik got on the way of Shota Lomidze whom I admired: he deprived the latter of the titles of Europe and world champion, and of the Olympic «gold» in Mexico. In 1965 he beat Alexander Medved himself at the world championship. But in the Olympic Tokyo

СПОРТСМЕН

лотую медаль все же присудили нашему спортсмену. В общем, нам есть, о чем поговорить.

Для моего знаменитого соперника наша схватка — последняя на Большом ковре, и он, естественно, жаждет уйти непобежденным. Однако даже многоопытный Айик не застрахован от ошибок. Ну что ж — будем ждать, пока он устанет и начнет совершать эти ошибки...

И вот мы на ковре. Я, естественно, осторожен. А Айик всей своей мягкой, грациозной и одновременно расчетливой повадкой дает понять, что просто-напросто не умеет проигрывать. И я, чувствуя в себе силу, способную сдвинуть гору, с этим стареющим львом ничего не могу сделать. Едва вцеплюсь в руки Айика, как нечто неведомое, непонятное сковывает мои мышцы.

Айик умело пользуется тем, что правила того времени не слишком строги к ведущему выжидательный бой. А я ему еще и подыгрываю: осторожничаю, боюсь чего-то. Долго, изнурительно долго длится этот поединок нервов. Айик взорвался лишь под самый конец, единственный раз, а я, настроившийся на любые неожиданности, все-таки прозевал этот гром с ясного неба. Перевод в партер был хлестким, выполненным по-молодому зло, даже дерзко. Айик отдал приему весь свой колоссальный борцовский опыт и заработал балл. Отыграть его уже не осталось времени...

Печаль овладела мной. Я, молодой и страстный, не смог найти слабого места у «старика». Не выиграл у него ни одного движения, потерял инициативу... Потом на смену печали пришли размышления: это только начало, Иван. Извлеки из него уроки. Первый: ты изменил самому себе, выбрав тактику выжидания. Не изменяй! Второй: уясни раз и навсегда — надежда на чужую ошибку призрачна, твой соперник может ее не сделать. Третий: тактика, а не только сила — вот что тебе сегодня нужно.

Ничто так не успокаивает человека, как трезвый анализ собственных промахов и ошибок. Не знаю лучшего способа восстановиться душой.

their bout ended in a draw, and the gold medal was given to our sportsman. On the whole we have a lot to talk about.

For my eminent rival our bout is the last one on the Big Mat, and it is natural that he wants to leave unbeaten. But even the experienced Aiik is not immune to errors. Well, let us wait till he gets tired and begins to make these errors.

At last we are on the mat. Of course, I am careful. As for Aiik, his soft, graceful and at the same time calculating manner shows that this man simply cannot lose. And although I feel strong enough to move a mountain, I fail to do anything with this ageing lion. As soon as I seize Aiik's arms something unknown and strange freezes my muscles.

Aiik skilfully uses the fact that the present rules are not very strict to those waging a temporizing combat. Moreover, I play up to him: I am too careful, afraid of something. This war of nerves lasts long, exhaustively long. Aiik exploded only once, at the very end, and although I was ready to any unexpected event, I still missed this bolt from the blue. His transferring me to the ground position was scathing, full of young anger, even challenge. Aiik put all his tremendous wrestling experience into this hold and won a point. I had no time to win it back.

Sadness overcame me. I, so young and passionate, could not find a weak spot in the «old man». I won not a single movement from him, I lost the initiative... Then sadness was replaced by reflection: this is just the beginning, Ivan. And let this teach you some lessons. The first one: you have betrayed yourself by choosing the temporizing tactics. Don't betray yourself! The second one: learn it once and forever that the hope for the other's error is false, for your rival is not necessarily to make it. The third one: tactics, not just strength, is what you need now.

Nothing soothes one better than the sober analysis of one's own drawbacks and mistakes. I don't know a better way to restore one's emotional stability.

NATASHA

Я ВСЕ о спорте и о спорте. Сейчас расскажу о любви.

Началось все с того, что мне, как чемпиону Союза, дали наконец квартиру. Вспоминаю об этом не потому, что собственная жилплощадь влечет за собой желание обзавестись семьей. Просто квартира эта находилась в доме, где жил заместитель председателя краевого Спорткомитета Петр Михайлович Токмаков, с женой Галей. К Гале на каникулы из города Салавата приехала сестра Наташа, только что закончившая 9-й класс.

Вечером выходит во двор — погулять с племянником Мишей. Я в это время обычно возвращаюсь с тренировок. Мы чинно здороваемся, при этом голубоглазая девочка бросает на меня взгляды, из которых ясно, что Токмаковы рассказали ей: живет, дескать, в нашем доме чемпион СССР. Увидишь длинного белобрысого парня, знай — это он.

Как-то в выходной день Токмаковы и Миндиа-

IT is sport and sport all the time. Now let me tell about love.

It began with the fact that as the champion of the USSR I was at last given a flat. I mention it not because obtaining a home of one's own results in a wish to start a family. But the flat was in the house where Vice-Chairman of the District Sports Committee, Piotr Mikhailovitch Tokmakov lived with his wife Ga-lina. Galina's sister Natasha who had just finished the 9th form came to visit her on holidays from the town of Salavat.

In the evenings she went out for a walk with her nephew Misha. It was at the time I usually returned from trainings. We greeted each other ceremoniously, and the blue-eyed girl cast looks at me by which it was clear: the Tokmakovs had told her that there was a champion of the USSR living in the same house. The lanky fairhaired chap — that was him. On some weekend the Tokmakovs and Mindia-

швили поехали в Дивногорск на плотину Красноярской ГЭС — искупаться в Енисее. И я с ними. А вечером пригласил Наташу в кино, на фильм с символическим названием «Белый взрыв». По дороге домой Наташа обмолвилась, что завтра уезжает в Салават. Я сказал, что провожу ее, и... проспал! Примчался на вокзал за минуту до отправления поезда. Смотрю — в окне Наташа... Увидела меня и вдруг заплакала...

Вернулся и сразу же сел писать ей письмо. Я же говорил — белый взрыв!

Должен сказать, что и в нашей дальнейшей жизни письма друг другу играли большую роль, чем в обычной, то есть не спортивной семье. Я по полгода и больше находился вдали от жены и детей на различных сборах и соревнованиях.

— Будем писать друг другу каждый день! — заявляла перед очередной разлукой моя юная жена тоном, не терпящим возражений.

Тем более что и возражать мне ни капельки не хотелось. Ведь такая радость получать эти письма, ловить на себе понимающие, насмешливо-завистливые взгляды товарищей.

Как и Наташа, я честно и без усилий над собой выполнял ее приказ. Вот только сплошь и рядом,

shvili went to Divnogorsk to bathe in the Yenisey. I went with them. In the evening I invited Natasha to the cinema. The film had a symbolic title «The White Explosion». On our way home Natasha said she was going back to Salavat the next day.

I said I would see her off and... overslept! I came running to the railway station a minute before the departure of the train. Natasha was looking out of the window... She saw me and suddenly began to cry...

I came home and sat down to write her a letter at once. The white explosion indeed!

I should say that in our further life letters to each other were much more important than in a usual, that is, not a sportive family. Obligated to attend different preparations and competitions I sometimes had to live far from my wife and children for six months a year or more.

«We shall write to each other every day!», my young wife declared before every parting in a voice bearing no objection.

And I was not inclined to object at all. It was such a joy to receive those letters, to notice the understanding, mocking and envious looks of the colleagues. Like Natasha, I fulfilled her order honestly and

увлекшись описанием событий дня и своих чувств и мыслей, начисто забывал о том, что в русском правописании существуют знаки препинания. Как ни странно, моей жене, закончившей филологический факультет, это даже нравилось. Однажды она заявила, что, если бы все эти знаки увидела в моем письме, оно бы показалось ей неискренним.

Уже тогда переписка у нас завязалась такая сумасшедшая, что я не мог ничего толком делать. Одна мысль в голове: я должен ее увидеть.

Миндиашвили чувствует во мне перемену, но понять ничего не может. Хотя я знаю, что он за ранние браки, особенно у спортсменов (здесь трезвый расчет: чтоб чувствовали парни ответственность перед семьей и не рыскали в поисках случайных партнерш), но молчу.

В ноябре Дмитрий Георгиевич везет сборную края в Салават, на турнир. Упрашиваю его взять меня: мол, надо поизучать соперников.

Приехали. Я сразу к Наташе. Дверь открывает ее сестренка Танечка: «А Наташа в школе, посидите, я за ней сбегаю...»

without effort. But often, carried away by the description of the daily events and of my thoughts and feelings, I completely forgot everything about punctuation marks. Strange as it is, my philologist wife even liked this. Once she said that if she saw those marks in my letter it would seem insincere to her.

From the very beginning our exchange of letters became so intense I could not do anything else. I had only one thought: that I was to see her. Mindiashvili felt a change in me but did not understand anything. Although I know that he supports early marriages, especially for sportsmen (this was a sober calculation: marriage would make the young men feel responsibility for their families and prevent them from looking for casual partners), I say nothing.

In November Dmitri Georgievitch took our team to Salavat for a tournament. I persuaded him to take me there telling him I wanted to look closer at my rivals.

As soon as we came to Salavat I rushed to Natasha's. Her little sister Tanetchka opened the door: «Natasha is at school, wait a minute, I'll run and fetch her...»

Я было застеснялся, сказал, что зайду позже, но тут Наташина мама Анна Афанасьевна вернулась из магазина, пригласила попить чайку...

Вскоре и Наташа появилась. Я предложил погулять. Убежали мы из дому, до вечера бродили по городу. О многом было сказано, о многом. Кроме одного.

Об этом стоит рассказать чужими словами, словами человека, увидевшего нашу историю чуть-чуть со стороны. Дмитрий Георгиевич недавно написал книгу воспоминаний. С его разрешения я предлагаю главу из неё.

Но предупреждаю читателя: мой тренер до сего дня не знает кое-чего. Так что рассказ получится с неким сюрпризом, о котором станет известно в свое время.

I got embarrassed and said I would drop in later. But at that moment Anna Afanasievna, Natasha's mother, came home from shopping and invited me to have some tea.

Soon Natasha appeared. I suggested going for a walk. We ran out of the house and strolled along the streets till evening. We talked of many things except one. This is worth telling about in the words of another person, of the man who had a partly detached view on our story. Recently Dmitri Georgievitch wrote a book of memoirs. He has allowed me to reproduce a chapter, from it.

But I must warn the reader that my coach does not know everything even now. There will be a sur-prise in the story, but in the due time.

«

»

ТАК называется эта глава из книги Миндиашвили «На ковре жизни».

«...Мы отлично выступили в Салавате и сейчас приехали на машинах в аэропорт, чтобы лететь домой.

Неожиданно обнаруживаю, что Ивана провожает Наташа. Я знаком с этой шестнадцатилетней девушкой. На каникулах она приезжала к Петру Токмакову. Наташа — сестра его жены Галины...

Петр и Галя вместе с командой приезжали в Салават — навестить родителей, и я не очень удивляюсь, увидев Наташу в аэропорту. Только почему Иван взял вдруг девушку за руку и ведет ко мне? Хрупкая Наташа едва поспевает за моим красавцем, но попыток к сопротивлению не делает. И вот явно решительный настроенный Иван и уклоняющаяся от моего взгляда Наташа — передо мной. Я не успеваю рта открыть, как Иван, покраснев от смущения, произносит на одном дыхании:

— Дмитрий Георгиевич, Наташа летит со мной. Мы решили пожениться... Мы любим друг друга.

По тому, как произносятся эти слова, чувствую в них "домашнюю заготовку". Вероятно, по дороге в аэропорт, представляя себе разговор со мной, он повторял их много раз.

«THE FIANCEE FROM SALAVAT»

ТHIS is the title of a chapter from Mindiashvili's book «On the Mat of Life».

«...We did a very good performance in Salavat, and now we have come to the airport by cars in order to fly home.

Suddenly I see that Ivan is accompanied by Natasha. I am acquainted with this sixteen-year-old girl. During the holidays she visited Piotr Tokmakov. She is a sister of his wife Galina...

Piotr and Galina came to Salavat together with the team to visit their parent, so I am not very much surprised to see Natasha at the airport. But why has Ivan taken the girl by the hand, why is he leading her to me? The fragile Natasha does her best to keep in step with my Hercules, but makes no attempts of resistance. Here they are, in front of me: the resolute Ivan and Natasha who is trying to avoid my look. Before I can open my mouth, Ivan, red with embarrassment, blurts out: «Dmitri Georgievitch, Natasha is flying with me. We have decided to get married. We love each other».

By the way he pronounces these words I understand they were well rehearsed. He must have repeated them many times on his way to the airport in an imaginary talk with me.

Первая мысль — абсолютно эгоистичная: «Вот вот, готовил тебя, готовил, вырастил чемпиона страны, не исключено, что и будущего чемпиона мира и Олимпийских игр, но пришла какая-то девчонка и увела... Если даже не из борьбы вообще — не тот у тебя характер, — то из Красноярска точно...»

Нужно сказать, что и в Салавате, и в других городах, где мы бывали, охота за моим учеником шла свирепая. "И вот, пожалуйста, — думал я, — то, что не удалось тренерам, удалось этой красивой девочке".

Чувствую себя обиженным, обойденным. Но смотрю на Наташу, вижу ее растерянное, ставшее абсолютно детским личико, и обида исчезает, остается лишь недоумение:

— Наташа, ты ведь даже школу не закончила...

— Честное-пречестное, Дмитрий Георгиевич, закончу. В Красноярске, вечернюю...

Становится чуточку легче. Значит, увозить Ивана в Салават она не собирается. Но тут же другая мысль:

— Постой, девочка, а родители о вашем решении знают?

(Дойдя до этого места в книге Д. Г., мы с Наташей расхохотались: родители и не могли знать... — . . .) Наташа молчит. Молчит и Иван.

Обращаюсь к Петру и Галине. Оказывается, и они ничего не знают.

— Как же вы могли?! — возмущаюсь я. — Увезли человека, как цыпленка какого-нибудь... Будто чемодан взяли...

Молчат.

— Нет, братцы, так не бывает. Надо ехать обратно, просить ее руки у родителей...

Петр и Галя возвращаться отказываются. Иван готов, Наташа тоже. Оба смотрят на меня умоляющим взглядом. Сейчас им больше всего нужен человек, который поможет объясниться с родителями: заступник, ходатай, сват.

— Черт с вами, поехали! — команду я.

По дороге сидящие на заднем сиденье Иван и Наташа после долгого молчания выплескивают на меня историю своего знакомства. Я слушаю и удивляюсь своей слепоте. Ведь весь их роман развивался на моих глазах с того времени, как Наташа впервые приехала погостить к сестре. Токмаковы и Ярыгин жили в одном подъезде. Молодые люди познакомились. По вечерам стали гулять по городу. К ним присоединился другой мой ученик — Роин Гугешашвили, друживший уже с сестрой Петра Токмакова. Был даже случай, когда обе парочки, прогуливаясь, увидели меня. И парни, два молодых красивых гиганта, так сиганули от своих девушек через ограду сквера, что только пятки сверкнули.

А я, уйдя в свои мысли, так ничего и не заметил.

My first thought is absolutely selfish: «Here you are, I have taught and taught you, I have made you the champion of the country, perhaps the future world and Olympic champion, and now some girl comes and takes you away... Perhaps not from wrestling itself, for your character won't allow this, but at any rate from Krasnoyarsk...»

I must say that in Salavat, as well as in other places we visited, the hunting after my pupil was fierce. «And now», I was thinking, «this pretty girl has managed to do what the coaches failed to».

I feel hurt, rejected. But then I look at Natasha at her perplexed, absolutely childish face, and my resentment is followed by bewilderment.

«Natasha, but you haven't even finished school...»

«But I will, Dmitri Georgievitch, on my word of honor... I'll finish the evening school in Krasnoyarsk...»

I feel relieved. So she is not intended to take Ivan to Salavat. But another thought occurs to me.

«Just a moment, girl, do you parents know about your decision?»

(When we reached this place in D. G.'s book Natasha and I burst out laughing: the parents could not know anything. — I. Y.

Natasha says nothing. Neither does Ivan.

I turn to Piotr and Galina. They don't know anything either.

«But how could you?» I am indignant. «Taking a person away like a chicken... Like a suitcase...»

They are silent.

«No, my pets, that won't do. We must go back to her parents and suit for her hand...»

Piotr and Galina refuse to go back. Ivan is ready, so is Natasha. Both look at me imploringly. Now most of all they need a person who will help to explain everything to her parents: a defender, an intercessor, a match-maker.

«Damn it all, let's go!» I command.

Natasha and Ivan are sitting on the back seat. After a long silence they finally blurt out the story of their acquaintance to me. I listen to them and my blindness amazes me. For their love affair has been developing before my eyes since the first time Natasha came to visit her sister.

The Tokmakovs and Yarygin live next door. The young people got acquainted. They began to walk along the streets in the evenings. Soon another pupil of mine joined them, Roni Gugeshashvili whose girlfriend was Piotr Tokmakov's sister. Once when strolling along the street the two couples even saw me. And the fellows, the two young handsome athletes, took to their heels and leaped away from their girls over the fence of the public gar-

1970

— Они испугались, что вы станете их ругать за нарушение режима, — впервые за всю дорогу промолвила Наташа.

Вряд ли она в ту минуту догадывалась, что очень скоро станет моим главным союзником в борьбе за этот спортивный режим. Что именно ей я буду объяснять, как устает ее молодой муж на тренировках, как важно, чтобы он вовремя ложился спать и вовремя вставал: ровно в шесть. "Не встанет, так хоть холодной водой обливай. Скажешь — мой приказ". И юная женщина не только серьезно принимала мои наставления, но и старательно выполняла их. Она имела все основания верить в тренера мужа, видеть в нем друга.

Однако до этого оставалось еще далеко. Пока была зимняя ночь и мчавшаяся через нее машина.

Мы приехали к дому родителей Наташи, когда все уже давно спали. Не могу сказать, что мне было приятно стучать в дверь этого дома, принести хозяевам весть, которая вряд ли приведет их в восторг. Тем более что весть эта должна была прозвучать из уст чужого человека. Но что делать? За моей спиной — взволнованное дыхание Наташи и Ивана. И мне, назвавшемуся груздем, уже ничего не остается, как лезть в кузов.

Стучусь.

Что происходит дальше, описать трудно. Я прошу прощения у поднятых с постели мамы и папы. Отец смотрит явно неприязненно. Зато мать, похоже, не очень удивляется нашему вторжению... Начинаю с того, что в старину замуж выходили очень

ден. I was wrapped in my thoughts and noticed nothing.

Natasha spoke for the first time: «They were afraid you would scold them for breaking their regime», she said.

She could hardly guess at that moment that soon she would become my first ally in the struggle for the sportsman's regime. That it would be she to whom I would explain how tired her young husband got at the trainings, how important it was for him to go to bed in time and to get up at six sharp. «If he does not get up, throw cold water on him. Say it is my order». And the young woman not only took my admonitions seriously but also fulfilled them strictly. She had every reason to believe in her husband's coach, to look at him as at a friend.

But this was far ahead. And then there was just a winter night and a running car.

We approached Natasha's home when everybody was already asleep. I can't say it pleased me much to knock at that door and to deliver the news that would hardly delight the hosts. But what could I do? I heard the excited breath of Natasha and Ivan behind my back. I had cooked my pudding, so I had nothing to do but eat it.

I knock at the door.

It is difficult to describe the further events. I beg pardon of the mum and dad whom I have dragged out of the bed. The father is looking definitely unsympathetic. But the mother does not seem to be very surprised by our invasion... I begin to say

рано и это никого не удивляло. Браки были куда прочней нынешних. Подойдя к этой теме, начинаю чувствовать себя уверенней. Я ведь искренне всей душой за такие браки, особенно у спортсменов... Заканчиваю свой путаный, но искренний монолог. Однако лицо отца смягчилось лишь чуть-чуть.

— Ты хоть знала? — бросает он жене.

Я понимаю, что сейчас не молодость Наташи, а именно это обстоятельство — поделилась ли дочь с матерью, проявила ли уважение к родителям, — для него важнее всего.

Жена опускает глаза:

— Ну, знала.

— А почему молчала? — И тут же, не дожидаясь ответа, поворачивается ко мне: — А ты мил человек, ты понимаешь, какую заботу берешь на себя? Нас-то рядом не будет... А меж молодыми, сам знаешь, бывает всякое...

Со всей возможной для грузина горячностью и почтительностью к старшему по возрасту уверяю его в том, что понимаю меру своей ответственности. А за Ивана ручаюсь, как за самого себя. И снова гну свое — предлагаю всем вместе подумать, как молодым жить дальше, как сделать так, чтобы не сломать им жизнь.

Словом, веду свою обычную в таких случаях линию — стремлюсь к тому, чтобы родители почувствовали себя "соавторами", кузнецами счастья своей дочери.

Выслушав мой очередной пассаж, отец наконец кивает головой и предлагает нам передохнуть с дороги, пока сам "малость похозяйничает". Спустя час выясняется, что Алексей Александрович — труженик общепита, и нас не удивляет количество разнообразных закусок и вин на столе и высочайшее качество главного блюда того ночного пиршества — жареного гуся с яблоками.

После праведных трудов я отдаю должное и тому и другому, стараясь не думать о том, что меня ждет в Красноярске. Наташа готова жить без официальной регистрации. Двадцатидвухлетнему Ивану, влюбленному по уши, все предстоящие формальности до лампочки, но я уже обещал родителям, что все будет как у людей и что разрешение на брак я добуду...

На следующий день прилетаем в Красноярск. Слава Богу, не надо заботиться о жилье: Иван, став чемпионом Союза, уже получил двухкомнатную квартиру.

День спустя отправляюсь за разрешением на регистрацию брака к председателю Красноярского горисполкома А. И. Мореву. Прежде нам встречаться не приходилось. Знаю лишь, что мэр — мужик не простой: немногословный, упрямый. Скажет, как отрубит. Понимаю, что ключевая фигура во всем

that in olden times people got married very young and this did not surprise anybody. The marriages were much more stable than nowadays... Having plunged into this issue I begin feeling much more confident. I am an ardent adherent of such marriages, especially for sportsmen.

At last I finish my flustered but sincere monologue. But the father's face has softened only a little bit. «Did you know?» he snaps at his wife. I realize that the main thing for him now is not Natasha's youth but this very circumstance: whether the daughter has confided in her mother, manifested respect towards her parents.

His wife lowers her eyes.

«Well, I did».

«Then why didn't you tell me?» Without waiting for an answer he turns to me:

«My dear man, do you understand what a responsibility you are taking up? We won't be at hand... And things hap-pen between the young, you know...»

With all my Georgian ardor and piety for an elder I convince him that I understand the measure of my responsibility very well, that I'll answer for Ivan as for myself. And then I go on shaping my own course. I suggest thinking together how the young couple should live so that their lives are not broken.

In short, I follow the usual course: try to make the parents feel «coauthors» of their daughter's happiness.

Having listened to the next passage of mine the father at last nods and suggests we should have a little rest after our trip while he himself «does a bit of housework». In an hour it turns out that Alexei Alexandrovitch works in the sphere of public feeding; so we are not surprised at the quantity of various refreshments and wines on the table and the quality of the main dish of the night feast — the roasted goose with apples.

After hard work I do justice to everything on the table trying not to think what is waiting for me in Krasnoyarsk. Natasha is ready to live without official registration. The 22-year-old Ivan, head over ears in love, does not care two pins about the formalities, but I have already promised the parents that everything will be in good order and that I will get the licence for marriage.

The next day we come to Krasnoyarsk. Thank God, we needn't worry about the lodgings: Ivan got a flat of two rooms as soon as he became the champion of the country.

A day later I go to the Chairman of the Krasnoyarsk City Executive Committee A. I. Morev to get the licence for marriage. I have never met him before. The only thing I know about the mayor is his

предстоящем разговоре — Иван. Первая мысль, которая придет в голову председателю, будет о том, не обманет ли парень девушку, не бросит ли ее. Но я знаю не только Ивана. Знаю его семью: отца, мать, братьев. Крепкая, даже в чем-то патриархальная семья. Огромным уважением пользуется в ней мать — женщина поистине таежного, то есть сурового и не напоказ нежного характера. И я чувствую, что, рассказав о ней, смогу убедить Морева.

Но все оказывается не так просто. Выслушав меня, председатель соглашается дать разрешение, но при условии, что я напишу письменное поручительство. Морев смотрит на меня без улыбки, испытующе. Тут же, в кабинете, пишу официальное заявление на его имя и поручительство за Ивана...

Свадьба.

Гуляет на ней свыше ста человек: родители и друзья, представители спорткомитета и даже крайкома партии. Но наш чемпион остается верным себе. Даже первый — "шампанский" тост отказывается выпить. Шампанское ему заменяют минералкой...»

А теперь о том, чего Д. Г. не знает.

Тогда, в Салавате, мы вовсе не собирались немедленно пожениться. Наташа не думала лететь со мной в Красноярск.

Во всем виноват сам Д. Г. А случилось вот что. В ожидании рейса мы с Наташей забрели в ресторан аэропорта: захотелось пить. Нас увидели наши ребята, сидящие за столиком. Рассмотрев мою красавицу Наташу, парни стали подшучивать надо мной:

being a rather difficult man, short-spoken and obstinate. His word is not to be disputed. I realize that the key figure in the coming talk is Ivan. First of all the mayor will wonder whether the boy won't deceive the girl and abandon her. But I know not only Ivan. I know his family: his father, mother, brothers. It is a steady family, even patriarchal in some respects. All of them admit the great authority of the mother, a woman of a genuine taiga character, that is severe and inconspicuously tender. And I feel that I will be able to convince Morev if I tell him about her.

But it is not so easy. Having heard my story the mayor agrees to give the licence but on condition I give a written warrant. Morev looks at me searchingly, without a smile. Right away, at his office, I write an official application at his name and a warrant for Ivan.

The wedding...

There are more than 100 guests here: parents and friends, representatives of the sports committee and even of the district Party committee. But our champion remains true to himself. He refuses to drink even the first toast with champagne. It is replaced with mineral water for him.»

Now, here is what D. G. does not know.

At that time in Salavat we did not think of the immediate marriage at all. And Natasha was not going to fly to Krasnoyarsk with me. It is all D. G. 's fault.

It happened the following way. Waiting for the trip Natasha and I strolled into the airport restaurant, we were thirsty. My teammates sitting at the table

— Вань, разве можно такую девушку оставлять в Салавате? Ведь уведут ее, Ваня...

Пошутили, посмеялись, попили водички. Видим моего тренера.

— Слушай, Ваня, — говорит моя озорная Наташка, — давай скажем ему, что ты меня увозишь в Красноярск. Интересно, что он ответит...

Настроение у меня после подначек в ресторане шальное, я соглашаюсь. Мне и правда интересно увидеть обалдевшего от неожиданности Д. Г.

Подхожу, говорю.

На лице у моего тренера появляется сначала удивление, потом испуг, потом растерянность и снова испуг. Я понимаю, что мои слова он принял всерьез и досадует на меня. Я жду, что Наташа скажет: это шутка, ничего такого мы еще не решили. Но Наташа молчит. А если я признаюсь в розыгрыше, получится, что чуть ли не отказываюсь от нее. Пока соображаю, как быть, что делать, Миндиашвили начинает действовать: наседает на Токмаковых, возмущается, решает, что надо ехать к родителям. Наташа продолжает загадочно молчать... И мы едем.

Дальше события развиваются так, как описывает их Д. Г.

Мне остается сказать: ни разу в жизни я не пожалел о том, что не признался моему тренеру, что мы пошутили. Объяснять, почему не пожалел, не стану. Наташа решит, что подлизываюсь. За то, что все-таки мало уделяю ей внимания, что бесчисленные дела часто уводят меня далеко от дома, от нее, от дочери, от сына. Лучше я приведу еще одну цитату из книги моего друга. Вот что он пишет:

«А семья у него (у меня то есть. — И. Я.) сложилась всем на загляденье. Наташа сдержала слово, данное мне в Уфимском аэропорту: окончила школу, а потом заочно филологический факультет педагогического института. Переехав вместе с Иваном в Москву, куда его пригласили на должность главного тренера по вольной борьбе, она осталась верной сибирскому, красноярскому гостеприимству, которое неизменно испытывают все ее земляки, в том числе и автор этих строк. Автор вообще всегда считал ее главным своим помощником и теперь рад случаю выразить свою признательность. За все. Кроме того, он считает своим долгом отметить, что если его Тамара готовит пельмени лучше всех в мире, то второе место по справедливости — за Наташей Ярыгиной. Большой похвалы для женщины автор не знает. Уважаемый читатель спросит, почему? А потому что приготовление этого блюда требует подлинного искусства, которое дается только любящим женам».

Подписываюсь под каждым сказанным здесь словом.

saw us. Having had a good look at my beautiful Natasha the lads began to tease me:

«Vanya, how can you leave such a girl behind in Salavat? Someone will pinch her, Vanya.»

We joked and laughed together, had some mineral water. Suddenly we saw my coach.

«Look here, Vanya», my naughty Natashka says. «Let's tell him you are taking me to Krasnoyarsk. I wonder how he will react».

After the teasing at the restaurant I feel reckless, and I agree. I, too, would like to see D. G. stupefied with suddenness.

So I come up and tell him. My coach's face expresses first astonishment, then dismay, then bewilderment, then dismay again. I realize he has taken my words seriously and is annoyed with me. I wait for Natasha to say: it is a joke, we have decided nothing of the kind as yet. But Natasha is silent. And if I confess the it is a practical joke it will look almost as if I am jilting her. While I am considering what to do next Mindiashvili begins to act: he is indignant, he bullies the Tokmakovs, he decides we must go to her parents. Natasha is still enigmatically silent... And we go.

The rest of the events developed as described by D. G.

I only have to say that never in my life have I been sorry that I did not confess to my coach it had been a joke. I won't explain why I have not regretted it. Otherwise Natasha will think I am sucking up to her. For, anyhow, I give her too little attention, and my constant affairs often take me far from home, from her, from the daughter, from the son. I'd rather quote my friend's book once more. He writes:

«His family (that is mine) turned out to be a very happy one. Natasha kept the word she had given to me in the airport of Ufa: she finished the school, and then the extramural department of the philological faculty at the teachers-training institute. Having moved together with Ivan to Moscow where he was invited to the post of the chief coach in free-style wrestling, she remained true to her Siberian, Krasnoyarsk hospitality which all her fellowtownsmen including the author of these lines inevitably experience. The author has always considered her his main assistant and is glad to have an occasion of expressing his gratitude to her. For everything. Besides he thinks it his duty to mention that while his Tamara is the best cook of pelmeni in the world, the second place belongs to Natasha Yarygina. The author does not know a better praise for a woman. Why, the venerable reader will ask. Because cooking this dish requires genuine art which is given only to loving wives.»

I can sign under every word of this.

СПОРТСМЕН

ONE MORE DIGRESSION

И НА этот раз о любви.
Но не о той, что возникает между мужчиной и женщиной.
О другой.

Свой рассказ «Невеста из Салавата» Дмитрий Георгиевич заканчивает неожиданно: «Кто-то может сказать: "А он большой хитрец, этот Миндиашвили. Дружба с женами своих учеников, «вербовка» их в союзники — это всего-навсего элемент его стратегии и тактики..."»

Кто-то скажет так и будет недалек от истины. Хочу только отметить, что человеческие отношения сложнее и в конечном счете выше любых хитрых планов...

По-настоящему полезным своим воспитанникам я могу стать, лишь влюбившись в них... Если любовь снизошла на меня, то все мои тренерские расчеты концентрируются вокруг одного страстного желания — сделать человека счастливым. То есть помочь ему достичь достойных его спортивных и жизненных высот...»

Все, больше цитировать не буду. Привожу эти слова лишь потому, что хочу прокомментировать их с позиций спортсмена и тренера.

Спортсмен рано или поздно непременно начи-

I T is also about love.

But not about the love between man and woman.
It is about another kind of love.

Dmitri Georgievitch ends his story «Fiancee from Salavat» in an unexpected way: «Someone may say: how cunning he is, that Mindiashvili. Friendship with his pupil's wives, recruiting them as allies is nothing but an element of his strategy and tactics».

In fact, someone will say so and will be almost right. I only want to say that human relationships are more complicated and, eventually, more elevated than any cunning plans...

I can become really useful to my pupils only if I fall in love with them. If love has overcome me, all my coach's calculations are focused at one passionate desire; to make a person happy. That is, to help him reach the heights in life and sports he is worthy of...»

That is all, no more quotations from now on. I quote these words only because I want to comment on them from the standpoint of a sportsman and of a coach.

Sooner or later a sportsman begins to feel, to understand what he is for his teacher: nothing but

нает чувствовать, понимать, кем он является для своего учителя: просто материалом, с помощью которого тот достигает своих честолюбивых целей, глиной, из которой тренер лепит памятник себе, или другом, а то и сыном. Отсюда и отношение к сверхнагрузкам, которые задает ему тренер и без которых в большом спорте делать нечего. Тренер не может не быть требовательным, очень часто жестким. Даже жестоким. Но неизбежно наступает момент, когда спортсмен спрашивает себя, во имя кого эта жестокость: для меня или для самого тренера? Он, спортсмен, может временно удовлетвориться ответом — для самого тренера или для нас обоих. И этот брак по расчету иногда продолжается долго. Но стоит кому-либо из двоих ошибиться, стоит лишь, чтобы другому показалось, будто тренер исчерпал себя, как происходит разрыв, для сторонних людей неожиданный, но на самом деле запрограммированный этим «браком» без взаимной любви.

Обида, горечь, а то и жажда мщения овладевают одним из сотрудничавших прежде людей.

Мои отношения с тренером складывались очень непросто. В связи с этим Миндиашвили в своей книге назвал их даже «романом». Как и во всяком романе, в них были дни высокой влюбленности и дни взаимного охлаждения. То по моей, то, прости меня, Мито, — по твоей вине. Но слишком глубоко сидело и сидит в нас наше прошлое: ночные разговоры, тренировки, пятнадцатикилометровые кроссы бок о бок, мечты и надежды, откровения, высказанные во время отдыха на Столбах, и многое другое.

Однажды в Евангелии я случайно прочитал слова о любви. И подумал не только о Наташе, но и о Д. Г. Вот эти строки, в которых каждое слово написано, будто специально для нас. Очень хочу, чтобы хотя бы в этой моей книге их прочли спортсмены и тренеры. Прочли и примерили к себе.

«Любовь долготерпит, — утверждает апостол Павел, — милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Вот так-то, друзья.

Лично я, прочитав эти слова: «долготерпит», «милосердствует», «не завидует», как никогда остро порадовался тому, что мама в младенчестве меня окрестила...

the material with the help of which the latter fulfils his ambitious plan, the clay from which the coach moulds a monument to himself — or a friend, or even a son. This determines his attitude toward the overloadings which the coach gives him and without which there is nothing to do in big sports. A coach must be demanding, often hard. Even harsh. But a moment inevitably comes when the sportsman asks himself: for whose sake is this harshness, for me or for the coach himself? The sportsman can for some time suffice with an answer: for the coach himself, or for us both. And this marriage by calculation can last long. But as soon as one of the two makes an error, as soon as it seems to the sportsman that the coach has exhausted himself, the relations are broken. It may seem unexpected to a person from outside but in reality it has been programmed by this marriage without mutual love.

Resentment, bitterness, sometimes even the desire to revenge seize one of the former cooperators. My relationships with my coach did not develop smoothly. In this connection Mindiashvili even called them «romance» in his book. Like any romance, they contained both elevated infatuation and mutual coolness. Now it was my fault, now, I am sorry, Mito, yours. But our past has always been too deep in us: our night talks and trainings, our 15-kilometer crosses side by side, our dreams and hopes, revelations expressed during our rest at the Pillars and much more.

Once I read some words about love and charity in the Gospel. And I thought not only of Natasha, but also of D. G. Here are these lines each of which seems to be written for us. I want sportsmen and coaches to read them — at least, in this book of mine. Read and apply them to themselves.

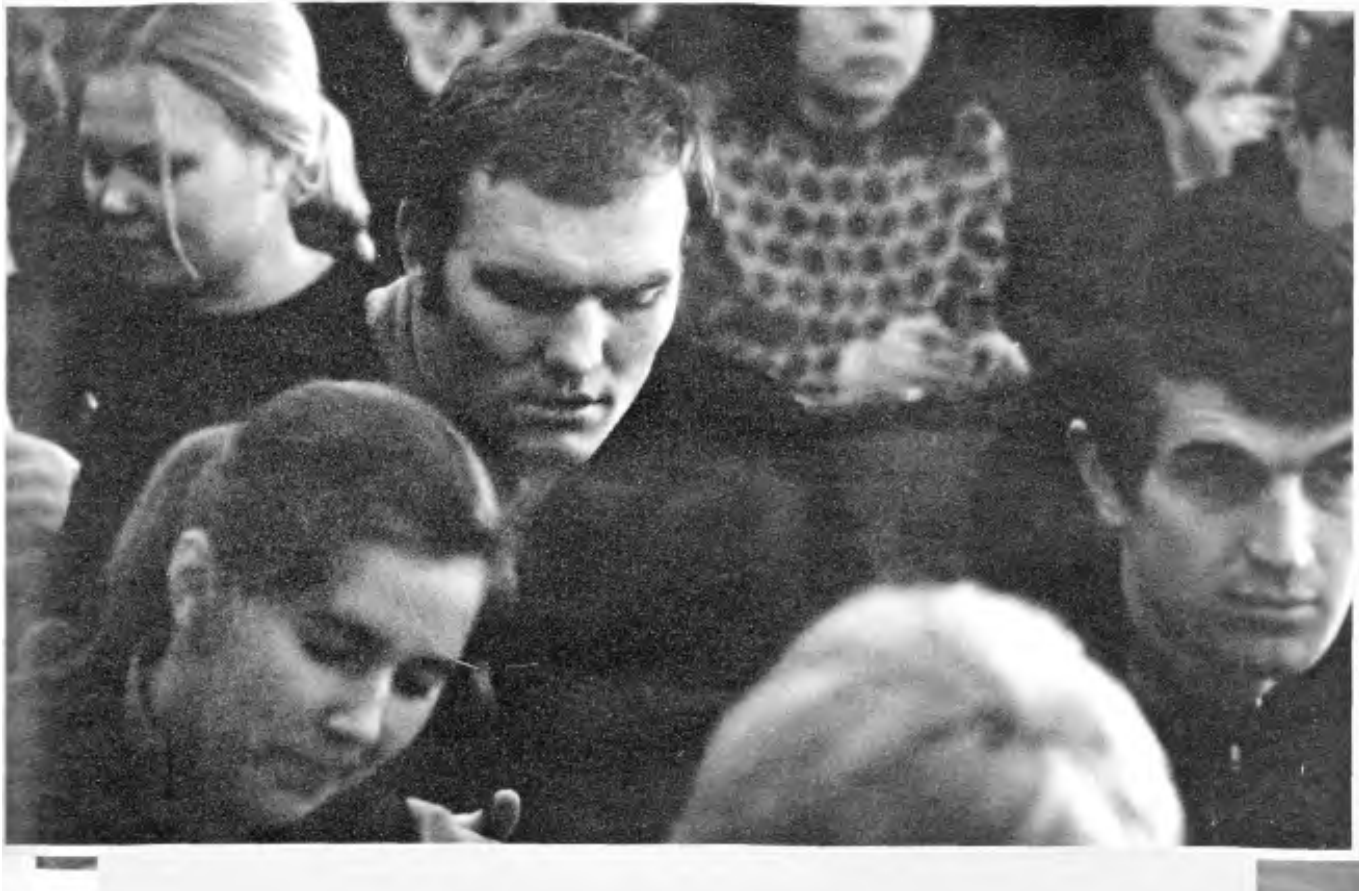
Apostle Paul says:

«Charity suffereth long and is kind; charity envieth not; charity vaunteth not itself, is not puffed up, doth not behave itself unseemly, seeketh not her own, is not easily provoked, thinketh no evil; rejoiceth not in iniquity, but rejoiceth in the truth; beareth all things, believeth all things, endureth all things». (1 Cor 13: 4-7).

So it goes, my friends.

As for me, when I read these words, I felt especially glad that my mother had baptized me as a baby.

1971

ВСПОМИНАЯ этот год, я нахожу, что напрасно назвал свой рассказ о встрече с Айиком — «Уроком...». Жизнь есть жизнь, и человеку одного урока чаще всего мало. По крайней мере, для меня оказалось мало.

Не было на нашей с Наташей свадьбе счастливей меня человека. Началась семейная жизнь. Будни. Наташа учится в школе. Хлопочет по хозяйству: маленькая, но ведь — семья. Ей надо помогать. Днем — тренировки, ночами — учебники: в августе я поступил в Красноярский педагогический институт. Чувствую — выбился из формы. А расписание соревнований с моими заботами, естественно, не считается. Предстоит Кубок страны. Надо ехать. На носу — Спартакиада народов СССР. Тоже надо. От этих главных всесоюзных соревнований во многом зависит моя дальнейшая судьба.

Перед Спартакиадой сборная России собралась в Калуге — весь цвет вольников: Юрий Шахмуратов, Загалав Абдулбеков, братья Насруллаевы, Анатолий Прокочук, Володя Паршуков из города с трудным названием Сыктывкар, богатырь из народа коми.

REMEMBERING that year I think that I was wrong to entitle my story about the bout with Aiik «The Lesson». Life is life, and one lesson is usually not enough for a person. At least, for me it was not enough.

At my and Natasha's wedding I was the happiest man in the world. Then the family life began with its routine. Natasha studied at school, kept the house: family is family, however small. I had to help her. Trainings in the daytime, textbooks in the evening: in August I entered the Krasnoyarsk Teachers Training Institute.

I felt I was losing form. But the schedule of competitions, naturally, did not take my difficulties into account. The All-Union Cup competition was ahead. I was to go. Then the Games of the USSR nations. These cardinal all-Union contests largely determined my further life.

Before the Games the combined team of Russia assembled in Kaluga. The pick of free-stylers gathered there: Yuri Shakhmuradov, Zagalav Abdulbekov, the Nasurllaev brothers, Anatoli Prokoptchuk, Volodia Parshukov from the city with a difficult name Syktyvkar, an athlete of the Komi nation.

Из Калуги переехали в одуряюще жаркую Москву. Борцовский турнир проходит в манеже братьев Знаменских, знаменитых бегунов. И там, под крышей, тоже дышать нечем. Вспоминаю себя в Махачкале. Там, на стадионе, солнышко палило — будь здоров! Болельщики дышали прямо в лицо. Жарко дышали. И ничего — победил. Подбадриваю себя этими воспоминаниями, и кажется — помогает: две встречи выиграл. Третья — с Шотой Ломидзе.

Сейчас, вспоминая его, увы, покойного, радуюсь тому, что мы были членами одной команды — сборной СССР. Горжусь, что в моей судьбе был этот человек, о характере которого в какой-то мере свидетельствуют две даты. Впервые чемпионом страны Шота стал лишь в двадцать восемь лет — в возрасте, который сейчас называют едва ли не «ветеранским» и уж точно — «бесперспективным». Но Шота был студентом сельскохозяйственного института, к своей будущей профессии агронома относился трепетно и не стал целиком отдавать себя спорту. Лишь в год окончания вуза решил одновременно с дипломом «прихватить» и золотую медаль чемпионки СССР. А последнюю такую медаль завоевал, будучи по нашим меркам и вовсе «стариком» — в тридцать шесть лет! О цельности характера этого человека свидетельствует и то, что, закончив выступать, он

From Kaluga we moved to Moscow with its stupefying heat. The wrestling tournament took place in the Manege named after the Znamenski brothers, the outstanding runners. It was difficult to breathe there under the roof. I remembered myself in Makhachkala. How burning the sun had been at the stadium! And the fans had breathed right into my face. Their breathing had been hot. And still I had won! I encouraged myself with those recollections, and it seemed to help. I won two bouts. The third one, with Shota Lomidze, was ahead.

Now, as he is, unfortunately, dead, I remember him and I am glad we were members of one team, the national team of the USSR. I pride myself in having known this man whose character can be well understood from two dates. Shota first became the champion of the country at 28, at the age usually called almost «veteran» and, in any case, «hopeless». But Shota was a student of the Agricultural Institute, prepared seriously for his future occupation of agriculturist and did not devote himself to sports utterly. Only in his graduation year he decided to get the gold medal of the USSR champion together with his diploma. He won his last champion's medal at the age we consider «old»: at 36! Another evidence of the integrity of this man's char-

отказался от всех лестных и перспективных предложений стать тренером и целиком отдал себя земледелию. Впрочем, тогда, в безумно горячей Москве, я думал лишь об одном — я должен одолеть борца, который выиграл у самого Ахмета Айика и в 1966 году стал чемпионом Европы. Правда, потом уступил ему на чемпионате мира и на Олимпийских играх в Мехико, но уже одно то, что Шота не сдался, не опустил руки после этих поражений, — свидетельство его огромной воли.

И вот — наш поединок. Нет, я не чувствую страха, я просто осторожничаю.

Мои товарищи по сборной России болеют за меня неистово: кричат, советуют...

Но я, забыв свой бой с Айиком, решил провести решающую атаку на последних секундах. Не получилось...

Ничья. Но победу присуждают Ломидзе. Судьи справедливо нашли его более активным...

И что-то сломалось во мне. Я понял, что осторожничал не потому, что надо мной довлел авторитет Шоты. А потому что с самого начала видел — технически он вооружен лучше меня. И именно техники мне не хватило, чтобы провести задуманную изначально атаку.

Дальше — больше. Проиграв Ломидзе, я продолжаю выступать, но уже в группе «Б». И как нарочно, меня, порядком растерявшегося, поджидает Владимир Гулюткин, тот самый киевлянин, что проиграл мне в Махачкале. Догадываюсь, как он жаждет реванша.

Вот сейчас-то я и начинаю жалеть о пропущенных зимой тренировках. Ищу себе оправдания: семейные заботы, институт... Ищу и понимаю — никому это не интересно. Надо попытаться «через не могу». Но ковер все знает и все видит. Гулюткину, подготовившемуся явно лучше меня, удается пройти на ноги. Он получает два балла. Победных...

В итоге у меня четвертое место. Наша Российская сборная тоже на четвертом. Из всех парней победил только неукротимый Загалав Абдулбеков.

Поистине — жизнь похожа на матрас: за черной полосой следует белая, за белой — черная. Семьдесят первый выпал на такую черную полосу. Для команды. Для меня.

Но год этот на спартакиаде не кончился. Не кончилась и черная полоса. По-настоящему только началась. В Красноярск я возвращался, выслушав немало упреков от спортивных руководителей республики. Оправдываться было бесполезно. Тем более что мои собственные мысли о себе были горше любых чужих слов, а может, я и не виноват, думал я: нельзя же казнить человека за отсутствие таланта. Возможно, Миндиашвили просто-напросто

acter is the fact that having given up sports he rejected all the flattering and luring offers to become a coach and devoted himself to agriculture.

But at that time in the redhot Moscow I had only one thought: I was to defeat the wrestler who had beaten Akhmet Aiik himself and become champion of Europe in 1966. Later, however, he yielded to him at the world championship and at the Olympic Games in Mexico: but the very fact that after these defeats Shota did not surrender, testifies to his great will.

And now I am wrestling with him. No, I feel no fear, I am just careful. My team-mates from the combined team of Russia are supporting me enthusiastically, they are shouting, giving advice. But, having forgotten about my bout with Aiik, I decide to make the conclusive attack in the last seconds. And I fail...

A draw. The victory is adjudged to Lomidze. The referees have found him more active and they were right.

And something broke in me. I understood I had been careful not because Shota's authority had intimidated me. But from the very beginning I had seen that his technique was more elaborated. That was what I lacked: technique which could allow me to accomplish the attack I had planned initially.

That was just the beginning. Beaten by Lomidze and rather crestfallen, I go on fighting, but already in the «B» group. And here Vladimir Gulyutkin is waiting for me, that very sportsman from Kiev who lost to me in Makhatchkala. No wonder he is longing for revenge.

At this moment I begin to regret the trainings I have missed in winter. I try to excuse myself: family cares, institute... But I understand perfectly: this won't interest anyone. I must try and overcome myself. But the mat sees and knows everything. Gulyutkin who is prepared better manages to make a passage to my feet. He wins two points. And a victory...

Eventually I am in the fourth place. So is our Russian combined team. Only the unpredictable Zagalav Abdubekov wins.

In fact, life is like a striped mattress: a black stripe is followed by a white one and vice versa. The year 1971 was such a black stripe for the team and for me.

But the Games were not the end of the year. Neither were they the end of the black stripe. In fact, it was only the beginning.

I was returning to Krasnoyarsk having listened to a number of reproaches from the sports leaders of the republic. It was useless to make excuses. Moreover, my own thoughts concerning myself were

ошибся, и никакой перспективы у меня нет? А значит, победы ни на чемпионате мира, ни тем более на Олимпийских играх меня не ждут...

Прилетаю в Красноярск. На душе муторно. Сторонюсь знакомых. Большинство из них делает вид, что ничего не случилось, но я невольно представляю, как бы они себя вели, вернись я победителем. Умом понимаю: надо преодолеть это в себе, зажечь сердце в кулак и начать тренироваться так, как никогда прежде. Но в спортзале не получаются даже те броски, которые удавались сразу.

Нынче, по прошествии многих лет, испытал не только сладость побед, но и горечь поражений, понимаю, что для будущей моей тренерской работы тот кризис был плодотворным. Чтобы суметь вывести из кризисного состояния своего ученика, весьма полезно помнить собственный опыт. И уже на основе этого знания — подсказать лучший, наиболее быстрый способ психологической реабилитации. Для каждого человека он свой.

Мне тогда помогла Сизая. И на удивление быстро. Хватило одной недели в тайге, куда мы отправились порыбачить с отцом, чтобы я, надыхавшись вольного таежного воздуха, почувствовал, что снова тянет в спортзал.

После первого занятия Дмитрий Георгиевич велит мне остаться. Догадываюсь, что предстоит серьезный разговор, что тренер мой включит сейчас всю свою эмоциональную заразительность. Он доказывает мне, что я — единственная надежда Сибири, которая спит и видит Ивана Ярыгина Великим чемпионом. Он требует, чтобы я все разложил по полочкам. И чтобы на «полочки» своей башки положил такие вот соображения. Спартакиадой жизнь не кончается. Все важнейшие международные турниры — впереди. Ближайший — в Тегеране, в честь иранского шаха. За ним — Болгария. И самый важный — Тбилисский, который по традиции открывает победителю путь на чемпионат Европы. Вот сколько у Ивана Ярыгина возможностей реабилитировать себя в глазах борцовского мира, а главное — тренерского совета. Реабилитировать и тем доказать, что он, Иван Ярыгин, достоин стать членом олимпийской сборной.

Д. Г. умеет «завести» меня не только на поединок, но и на длительную перспективу. Я ввожу себя, свою жизнь в обычную рабочую колею. Теперь день измеряется не часами, а тренировками. Наташа понимает все и старается, как может, помочь мне.

Проходит совсем немного времени, и я думаю: нет, Спартакиада не повергла меня в нокаут. Это был всего лишь нокадаун, после которого еще можно победить.

much more bitter than somebody else's words. Maybe it is not my fault, I thought; anyhow, a person cannot be blamed for the lack of talent.

I came to Krasnoyarsk. My spirits were low. I tried to avoid my acquaintances. Most of them pretended nothing had happened but I imagined how they would have behaved had I returned a winner. I understood that I had to overcome the emotions and start training with doubled efforts. But in the gym-hall I failed to make even the throws I had always been good at.

Now, after many years, having experienced not only the triumph of victory but also the bitterness of defeat, I understand how fruitful that crisis was for my future work as a coach. In order to get your pupil out of the crisis it is useful to remember your own experience. On the basis of this knowledge you can prompt the best, the quickest way of psychological recovery. Every man has his personal way out.

As for me, Sizaya helped me then. And it happened surprisingly quickly. A week in the taiga where I went with my father to fish was enough for me to feel that having taken a breath of the free taiga air I was attracted to the gym-hall again.

After the first training Dmitri Georgievitch asked me to stay. I understood that a serious talk was ahead, that my coach was going to switch on all his skill of emotional impressing. I was right: he began to convince me that I was the only hope of Siberia which dreamed of seeing Ivan Yarygin a great champion. He demanded that I weighed all pros and contras, and did not forget to place among the «pros» the following considerations. The Games are not the end of my life. All the most important inter-national tournaments are ahead. The nearest one is to be held in Tegeran, in honour of the Shah of Iran. Then goes Bulgaria. And the most important one is that in Tbilissi which traditionally opens to the winner the way to the Europe championship. So Ivan Yarygin has a lot of chances to justify himself in the eyes of the wrestling world, and especially in the eyes of the coach's board. And thus he will prove that he, Ivan Yarygin is worthy of becoming a member of the Olympic team.

D. G. is capable of «winding me up» not only for a bout but also for a long prospect. I manage to bring myself and my life back into the normal working track. Natasha understands everything and tries to help.

A short time passes and I think: no, the Games have not sent me to a knockout. It was only a knock-down after which it is quite possible to win.

1973 .

THE THREE TOURNAMENTS

ЕСТЬ такое выражение — кровь из носу. Оно равнозначно словам «чего бы это ни стоило», «любой ценой». Эти слова могли бы стать эпиграфом к моей жизни после Спартакиады. Но имели они и свое буквальное значение. В один из решающих моментов моей спортивной судьбы кровь из носу пошла... у моего тренера.

А сейчас — об упомянутых выше международных турнирах.

Осенью того же 1971-го, похоже, началась белая полоса. На «шахском турнире» в Тегеране я одолел всех своих соперников и вышел победителем. При этом по просьбе тренеров сборной страны выступал в тяжелом, а не в полутяжелом весе. Случилось так, что впоследствии это сработало на меня. Правда, на том турнире не было ни Гулюткина, ни Ломидзе, что несколько «облегчило» мою золотую медаль, но в будущем сыграло положительную роль. Впрочем, тогда, в Тегеране, я этого, конечно, не знал.

Весьма прилично выступил я и в Болгарии. Мой тренер был доволен: удалось опробовать несколько наших домашних заготовок, кроме того, почти все мои победы одержаны досрочно.

В счастье все дружат с нами, а в горе нет уж тех друзей. Печальную эту истину я в полной мере

THERE is a Russian expression: «at the cost of bleeding nose». It means «by all means», «at any cost». These words could become an epigraph to my life after the Games. But they had a literal meaning too. At one of the decisive moments of my life it was... my coach whose nose bled.

Here is the account of the tournaments mentioned above. In autumn of that very 1971, the white stripe started. At the «Shah tournament» in Tegeran I beat all my rivals and became a winner. At the request of the combined team coaches I appeared not in the heavy but in the superheavy weight. Later on this helped me. Neither Gulyutkin, nor Lomidze were at that tournament, and that made my victory easier, but then it played its positive role too. Of course I did not know about it then, in Tegeran.

In Bulgaria I also made a decent show. My coach was pleased: I managed to use some of our rehearsed techniques, and besides, all my victories were won before time.

When you have a good luck everybody is glad to make friends with you, but in grief these friends are gone. I fully realized this sad truth on my returning to Krasnoyarsk. After the victories in Iran and Bulgaria the media which seemed to «have quar-

осознал, вернувшись в Красноярск. После побед в Иране и Болгарии раздружившиеся было с нами газеты, радио и телевидение вновь обратили на меня свое высокое внимание. В газетах стали появляться интервью, ТВ и радио сделали обо мне передачи. Пусть не обидятся на меня журналисты. Среди них у меня немало добрых друзей. Понимая, что далеко не все зависит от того или иного корреспондента, что их внешне независимый брат, как и все мы, грешные, «под начальством ходит», я все же считаю: верность дружбе проверяется в дни неудач и невзгод. Очерков и корреспонденций писать не обязательно. А вот снять трубку, позвонить, спросить: «Как живешь? Какие планы?», просто так позвонить, чтобы рассказать смешную байку, — это дорого стоит, когда тебе плохо.

И все-таки главным для нас испытанием должен был стать Тбилисский международный турнир. Здесь мне предстояло впервые после Спартакиады встретиться с моим номером один Владимиром Гулюткиным. Предполагалось, что придется бороться и с Шотой Ломидзе. Но Шота заболел и на ковер не вышел, хотя и оставался кандидатом в сборную СССР, которой предстояло первенство Европы. Ведь Ломидзе был «свеженьким» чемпионом мира.

В Тбилиси я таки одержал победу над Гулюткиным. Но двери на чемпионат Европы она автоматически не открывала. Все понимали, что «Европа» — своеобразный пролог к Олимпиаде-72. И попасть на нее мечтал не только Гулюткин, но и его тренер Арам Васильевич Ялтырян — как уже было сказано, один из самых непререкаемых авторитетов в вольной борьбе. А тот знал, что моя возможная победа на европейском чемпионате снизит шансы его ученика. Все это делало решение тренерского совета непредсказуемым. Многое зависело от мудрости и дипломатических талантов Дмитрия Георгиевича. Хорошо, что ему не занимать ни того, ни другого.

На заседании тренерского совета Миндиашвили отдает должное Гулюткину и Ломидзе. Он подчеркивает, что это спортсмены, проверенные многими боями. А вот Ярыгин, то есть я, хоть и талантлив, но в официальных международных встречах по-настоящему не обстрелян. И наверстать сие необходимо не столько ради него, сколько для блага всей сборной. Ведь случись, не дай Бог, беда с Медведем, именно он, Ярыгин, может сразу перейти в тяжелую весовую категорию, заполнить образовавшуюся брешь. И весьма успешно. Ведь в Иране (вот и пригодилось!) он стал победителем именно в этой категории. А еще, говорит Д. Г., тренерский совет, конечно, учтет то обстоятельство, что Ярыгин на десять лет моложе Гулюткина, а Ломидзе и того больше. И если думать о резерве сборной, то...

reled» with us, paid their high attention to me again. Interviews began to appear in newspapers, the TV and radio made programs about me.

Let the journalists take no offence. I have a lot of good friends among them, and I understand that not everything depends upon this or that reporter. Outwardly independent, they also depend on their bosses. But still a friend in need is a friend indeed. It is not necessary to write essays and reviews. But why not take off the receiver, dial the number, ask «How's life? What are your plans?», or just tell a funny anecdote? For this is precious to one in need.

But the Tbilissi international tournament was to become the main test for us. Here I had to meet Gulyutkin face to face for the first time after the Games. I was supposed to wrestle with Shota Lomidze as well. But Shota fell ill and did not appear on the mat, though he remained a candidate to the national team of the USSR which had the Europe championship ahead. For Lomidze was the «fresh» world champion.

In Tbilissi I defeated Gulyutkin. But this victory did not open the doors to the Europe championship automatically. Everybody understood that «the Europe» was a kind of prelude to the Olympic Games of 1972. Not only Gulyutkin dreamed to get there, but also his coach, Aram Vassilievitch Yaltyrian, as I have already said, one of the most indisputable authorities in the free-style wrestling. The latter knew that my possible victory at the Europe championship would lower the chances of his pupil. All this made the decision of the coach's board unpredictable. Much depended on the wisdom and the diplomatic talent of Dmitri Georgievitch.

Fortunately, he possessed both to a sufficient extent.

At the sitting of the coach's board Mindiashvili did justice to Gulyutkin and Lomidze. He stressed that these were sportsmen tested by numerous bouts. As for Yarygin — that is, me — however talented, he had not as yet been toughened in official international contests. And this was to be made up for, not so much for the sake of Yarygin himself as for the good of the whole national team. If, save God, something happened to Medved, it was he, Yarygin, who could immediately pass to the superheavy weight category and bridge the gap. Quite successfully, by the way. For in Iran he had become the winner in this very category. (Thus it came in useful!) Besides, D. G. said, the coach's board would certainly take into account the fact that Yarygin was ten years younger than Gulyutkin and still younger than Lomidze. And if they thought of the national team's reserve...

В общем, ясно, не правда ли?

Похоже, мысль о резерве особенно взволновала главного тренера сборной Болеслава Михайловича Рыбалко. Он дал понять, что здесь есть, о чем подумать. Но чтобы как-то смягчить ситуацию, не обидеть окончательно Арама Васильевича, совет назначает еще одну схватку между мной и Гулюткиным. Я снова выигрываю. Теперь общественное мнение на моей стороне.

Clear, isn't it?

The idea of the reserve seemed to be especially convincing to the chief coach of the national team, Boleslav Mikhailovitch Rybalko. He made it clear that this was something to think of. But in order to relax the situation and to prevent Aram Vas-silievitch from taking offence, the board set up one more bout between me and Gulyutkin. I won again. So the public opinion was on my side.

I LOVE YOU, LADS

ЧЕМПИОНАТ Европы, в нашем борцовском просторечье — просто «Европа». Прилетаем в Варшаву, оттуда мчимся в Катовице, где, собственно, и пройдет эта «Европа».

Из личных воспоминаний почему-то наиболее яркое — моя победа над швейцарцем Ютцеллером. Первый поединок. Подошел к нему, подергал в разные стороны, подсек... и тут же бросил на ковер. Туше! Гляжу на табло, а на нем цифра 45... секунд. Чувствую, как губы сами расплываются в улыбке. Еще секунда, и она будет в пол-лица. Спыхватываюсь: чего разлыбился, Иван? Ведь ребята видели, что швейцарец слабей тебя.

Не улыбаться — хохотать по любому пустяку разрешаю себе лишь в самолете, летящем домой. Есть от чего — я чемпион Европы. Но здесь, в небе,

THE championship of Europe, in our wrestlers' slang just «the Europe». We fly to Warsaw and then to Katowice where the competition is to take place.

My brightest personal impression is to some reason my victory over the Swiss Jutzeller. It was the first bout. I came up to him, tugged him here and there, backheeled and instantly threw him on the mat. Fall! I looked at the tableau and saw the figure: 45... seconds. I felt my lips break into a smile by themselves. A second more and I would grin like a Cheshire cat. I checked myself: what are you grin-ning about, Ivan? Everybody has seen the Swiss is weaker than you.

Only in the plane on our way home I allow myself not just to grin, but to laugh out loud at any

и это кажется не самым главным. Самое главное, что я не один, что нас, таких чемпионов Европы, ни много ни мало — семь! Плюс одна серебряная медаль.

Какое счастье, что у меня иммунитет к звездной болезни, думаю я сейчас, что никогда не хотел быть единственным и неповторимым, не чувствовал себя таким. Будь иначе, скольких мгновений чистой радости я бы лишился.

Я вижу Болеслава Михайловича — нашего главного тренера. Он радуется вслух, не стесняясь переполняющих его чувств. Целует нас всех подряд. Уверяет, что и на Олимпиаде в Мюнхене мы выступим не хуже. Размяк даже наш сдержанный капитан — Саша Медведь. Оказывается, даже он, поистине твердокаменный лидер, перед схваткой с болгаринцом Дуралиевым нервничал, переживал. В прошлом году на чемпионате мира схватка с Османом получилась ничейная. Но «золото» присудили Саше. Здесь, в Катовице, Дуралиев, конечно же, хотел отыграться. Это казалось вполне возможным: сколько слухов ходило о том, что великий Медведь выдохся!

И так вспоминает почти каждый — о том, как боролся, о том, что пережил...

День открытых сердец — и только! Но, по-моему, в глубине души все понимают: праздника не существовало бы, если бы победителей было два или три.

Настоящему спортсмену трудно радоваться, если рядом твой товарищ, твой друг огорчен поражением. Неловко это, неудобно...

Тот самолет, летящий из Катовице, я часто вспоминал, уже будучи тренером сборной. Готовясь к соревнованиям, нет-нет да и думал: как вы, мои дорогие парни, полетите обратно? Сколько лиц будет хмурых или притворно равнодушных, а сколько — скрывающих бурную радость от победы, чтобы не задеть души тех, кому веселиться не приходится? Конечно, став тренером, я не мог не ставить во главу угла престиж страны, авторитет команды, да и мой собственный авторитет. Но, решая вопрос о том, лететь иному борцу на соревнование или нет, я думал и о его настроении на пути обратно. Вспоминал и себя, возвращающегося со Спартакиады в Красноярск.

«Не лучше ли для тебя, друг, если оставлю тебя дома, — думал я, — в другой раз ты подготовишься сильнее».

В нашем борцовском кругу не приняты сантименты. Вслух не скажешь о любви. Но сейчас, не видя вас, я хочу сказать: Я любил вас, парни. Мы, сборная, — одна семья. Любовь — трудная штука. И хитрая. В том смысле, что никто не знает, из чего она состоит. Как она рождается. Но вот что мне пришло сейчас в голову. Будучи в Японии, я обра-

trifle. And I have good reasons for it — I am the champion of Europe. But here, in the sky, this does not seem too important either. The main thing is the fact I am not alone, there are seven of us, champions of Europe! Plus one silver medal.

Now I think: how fortunate it is that I am immune to the star disease, that I have never wished to be the one and only and never felt like that. Otherwise I would have been deprived of many minutes of pure joy.

I see Boleslav Mikhailovitch, our chief coach. He is expressing his joy out loud without any embarrassment. He is kissing all of us. He is sure that at the Olympic Games we will do no worse. Even our reserved captain, Sasha Medved, has got sentimental. It turns out that even he, an ironcast leader, was nervous before the bout with the Bulgarian Duraliev. Last year at the world championship his bout with Osman ended in a draw. But the gold was adjudged to Sasha. Here, in Katowice, Duraliev, naturally, wanted to win back. And this seemed quite possible: there were so many rumors that the great Medved' had exhausted himself!

Almost everyone is remembering how he fought, what he felt. Indeed, the day of open hearts! But everybody seems to understand: it would not be such a holiday if the winners were two or three.

It is difficult for a genuine sportsman to be happy if your friend near you is in distress because of his defeat. It is uncomfortable, annoying...

I often remembered that plane flying from Katowice when I was already the coach of the national team. Preparing for competitions I used to think: I wonder, my dear lads, how will you fly home? How many faces will express gloom or feigned indifference, how many will try to conceal the wild joy of victory not to hurt the feelings of those who have nothing to be glad of? Of course, having become a coach I could not but regard the country's prestige, the team's authority and my own authority as the most important things. But when deciding whether this or that sportsman should take part in a competition or not, I also thought about his mood on his way back. I remembered myself on my way from the Games home to Krasnoyarsk. «You had better stayed at home, my friend», I thought, «next time you'll get prepared better».

Sentiments are not in the habit of wrestlers. One does not express his love overtly. But now I want to say something without seeing you. I loved you, lads.

The national team is one family. Love is a difficult thing. And an intricate one. That is, no one knows what it consists of and how it is born. But an idea has just crossed my mind. When I was in Japan I noticed that in this supermechanized countries

тил внимание на то, что в этой сверхмеханизированной стране почти отсутствуют детские коляски. Японские мамы и папы носят своих младенцев с помощью специальных приспособлений на себе. На спине или на груди. Считается, что ребенок, прижимаясь своим тельцем к телу родителя, чувствует себя защищенным. Заряжается его токами. Мы, вольники, классики, тренируясь, работая в спарринге, почти обнаженными телами постоянно касаемся друг друга. Как же нам не передать своему партнеру наши токи, наши чувства, наше понимание друг друга?

Может, я и фантазирую. Но остается непреложным фактом, что в это очень трудное для всего нашего спорта время именно борцы не оказались в позиции «каждый за себя — один Бог за всех». Мы работаем и, зарабатывая, не забываем тех, с кем когда-то вместе тренировались в спортивных залах и кто сегодня нуждается в нашей помощи.

Мой друг, красноярец, двукратный чемпион мира по вольной борьбе Витя Алексеев, основал фонд социальной защиты спортсменов — «Триада». Он защищает, в первую очередь, классиков, вольников и дзюдоистов — отсюда и «Триада»...

prams are very rare. The Japanese mums and dads carry their babies on themselves, on their backs or on their chests, with the help of special devices. It is thought that the babies feel protected when their little bodies are pressed to their parent's bodies. They get charged with their energy. We, free-stylers and Greco-Romans, constantly touch one another with our almost bare bodies when we train or work in sparring. How can we fail to convey to the partners our energy, our feelings, our understanding of one another?

Maybe all this is my fancy. But the fact is, in these years which are very difficult for all kinds of sports, it was wrestlers who did not find themselves in the position «everybody for himself, only God for everybody». We work, and when we earn something we don't forget those with whom we once trained in gym-halls and who is in need of our help now.

My friend from Krasnoyarsk, the twofold world champion in free-style wrestling Vitia Alexeev, has started a foundation for social protection of sportsmen, «The Triad». It protects first of all free-stylers, Greco-Romans and judoists; this is what «the Triad» means...

AT THE COST OF BLEEDING NOSE

ПОБЕДА в Катовице была лишь первым шагом на пути в олимпийский Мюнхен. Станет ли вторым таким шагом Минск, где должен пройти очередной чемпионат СССР? Очередной, но особенный — перед самой Олимпиадой.

И снова потянулись, нет, помчались дни усиленных тренировок. Хочешь побеждать — умеешь трудиться. Трудись ты, трудится твой тренер. А ему бороться на два фронта: рядом с тобой и на тех тренерских советах, где решается судьба ученика. И еще неизвестно, где легче.

На тех самых сборах в Кисловодске, после которых принималось решение, кому поехать в Катовице, Д. Г. пришел на тренерский совет после тренировки с полотенцем в руках. К концу трехчасового разговора полотенце было сплошь красным от кро-

ТHE victory in Katowice was only the first step on the way to the Olympic Munich. Will Minsk become the second one, Minsk where the regular USSR championship is to take place? It is regular and still special, for it is held on the eve of the Olympic Games.

Again the days of intensified trainings began to linger — no, to run. If you want to win, you must work. You work, your coach works. For he has two fronts of wrestling: the first by your side and the second at the coach's board sittings where the destiny of his pupils is decided. Who knows which is easier.

At the preparations in Kislovodsk after which the decision was taken who would go to Katowice D. G. came to the coach's board after the training with a

ви, которая неудержимо текла из носа. Ничего подобного с моим тренером раньше не случалось. Сказалось напряжение, которым нередко сопровождаются подобные совещания.

Чемпионат СССР в Минске по накалу борьбы оказался необыкновенным! Страстным, безоглядным на прошлые и будущие поединки. Каждый выкладывал все силы, все умение, ничего не утаивал. Понять это можно: победитель получал путевку на Олимпийские игры!

Только одному Александру Медведю дали отдохнуть: все равно сколько-нибудь равноценной замены ему не было.

К финалу поединков «полутяжей» мы с Гулюткиным остались один на один. Не стану описывать тот наш бой, хотя он весь, с первой до последней секунды, в памяти. Скажу лишь, что я его проиграл. Рискнул и потерял очко.

Можно себе представить, сколько загадок задал мой проигрыш тренерскому совету.

towel in his hands. By the end of the threehour talk the towel was red with blood which had been pouring from his nose. Nothing of the kind had ever hap-pened to my coach before. It was the tension that often accompanies such meetings that told.

The struggle at the USSR championship in Minsk proved to be extraordinarily intense. It was passionate, without looking back or ahead. Everybody used all his strength, all his skill, concealed nothing. It was easy to understand: the winner got a pass to the Olympic Games!

Only Alexander Medved was allowed to have a rest, for there was no equal substitution for him.

By the end of the «heavyweights» matches, I remained face to face with Gulyutkin. I won't describe our bout, though I remember every minute of it. I'll only say that I lost it. I risked and lost a point.

It is easy to imagine how many riddles my defeat gave to the coach's board.

Заседал он на Олимпийской базе под Минском — в Стайках. Сейчас, когда я сам побывал, председательствовал на подобных советах, когда уже знаю многие детали, рассказанные моим тренером, могу представить себе, как он шел, этот «Совет в Стайках».

Члены совета, конечно, выступили уже не один раз, когда председательствовавший на нем начальник Управления борьбы спорткомитета СССР Аркадий Николаевич Ленц вдруг предложил:

— Давайте, товарищи, поступим так: каждый напишет, сколько процентов на победу у Ярыгина и сколько у Гулюткина, и пусть поставит свою подпись под прогнозом...

Это был мудрый шаг: Ленц воззвал к сугубо профессиональному, беспристрастному подходу к проблеме. А подпись должна была свидетельствовать о состоятельности ее владельца как специалиста.

И здесь-то членам совета пришлось отбросить все, не имеющее прямого отношения к обсуждаемому вопросу. Результаты же оказались такими: Гулюткину давалось 96-98 процентов, вашему покорному слуге — 98-99.

Предполагаю, что в этих тренерских подсчетах главную роль сыграло то обстоятельство, что Владимир пропустил целый ряд международных стартов, а в тех, где участвовал, проиграл нашим потенциальным соперникам на Олимпиаде.

Как бы там ни было, познакомившись с тренерским голосованием, Ленц прямо-таки вскричал:

— О чем мы спорим? Если шансы человека хоть на полпроцента выше, должен быть в сборной!..

Его поддержал главный тренер сборной Рыбалко. Свое слово в пользу Ярыгина не раз говорил и великий борец Александр Медведь.

В начале 1972 года Рыбалко делает пред-олимпийское заявление прессе. В нем он оценивает подготовку к Играм сборных Японии, Болгарии, Ирана, подчеркивает, что самую серьезную конкуренцию нашим вольникам могут оказать американцы.

Далее заявляет:

«Тренерскому совету было нелегко сделать выбор. Чемпионат Европы открыл Алахвердиева и Кулешова, Плиева и Василия Сюльжина. С полным правом в Мюнхен могли поехать Шахмурадов и Гулюткин. Но было отдано предпочтение — после громких, многодневных споров — Левану Тедиашвили и Ивану Ярыгину. Они оказались готовы лучше, на ковре действуют острее, быстрее. В условиях... жестокого судейства это может сыграть свою положительную роль. В поединках на Олимпиаде не должно быть осторожности, выжидательной тактики. Только натиск должен принести успех.

The board sat at the Olympic base near Minsk, in Staiki. Now, as I have been a member and a chairman of such boards, as I know many details told by my coach, I can well imagine the course of that board in Staiki.

The members of the board have already spoken more than once when the chairman, the head of the Wrestling Department of the USSR Sports Committee, Arkadi Nikolaevitch Lenz, suddenly suggested:

«Comrades, let us do the following: each will write down the percentage of the chance to win for Gulyutkin and for Yarygin and sign his prognosis.»

This was a wise step. Lenz appealed to the sheerly professional, unbiased approach to the problem. The signature was to testify to its owner's competence as a specialist.

At this point the members of the board had to forget everything that was not in direct relation to the discussed issue. The results were the following: Gulyutkin was given 96-98%, and Yarygin 98-99%.

I think, the conclusive role in these calculations was played by the fact that Vladimir had missed a number of international starts, and those he had taken part in he had lost to our potential rivals at the Olympic Games.

Anyhow, having looked at the results of the vote Lenz actually cried out:

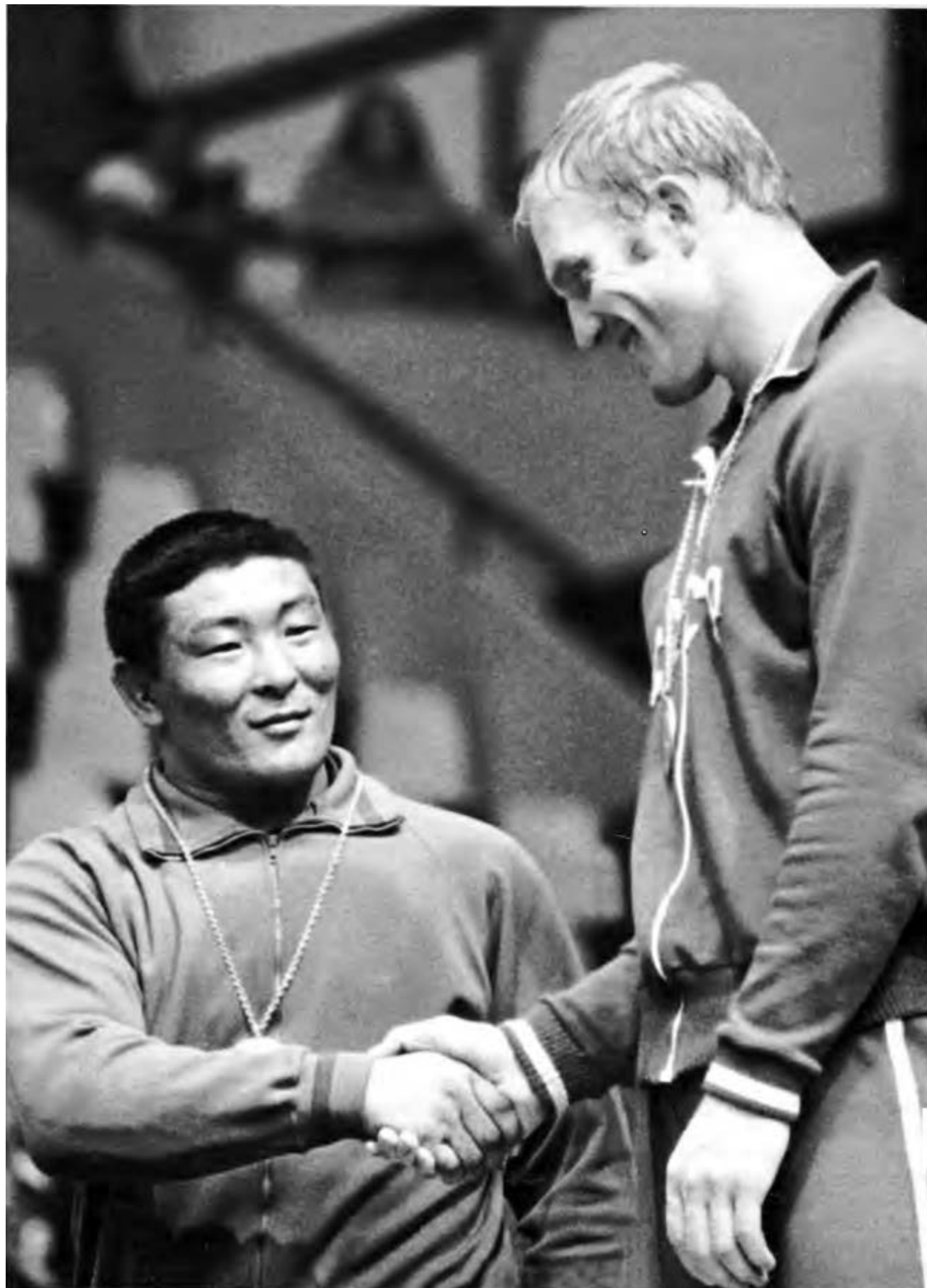
«What are we arguing about? If a man's chances are even half per cent higher, he must be in the national team!»

He was supported by Rybalko, the chief coach of the national team. The great wrestler Alexander Medved also spoke in support of Ivan Yarygin more than once.

At the beginning of 1972 Rybalko made the pre-Olympic statement to the press. He evaluated the preparation of the national teams of Japan, Bulgaria, Iran for the Games, stressed that the Americans might be the most serious rivals to our free-stylers.

Then he said:

«It was not easy for the Coach's board to make their choice. The Europe championship had shown that Alachverdiev and Kuleshov, Pliev and Vassili Siuljin. Shachmuradov and Gulyutkin were in their right to go to Minsk. But after loud and long debates Levan Tediashvili and Ivan Yarygin were preferred. They turned out to be better prepared, they act more briskly and quickly on the mat. In the conditions... of strict judgment this can play a positive role. The bouts at the Olympic Games must allow no caution, no temporizing tactics. Only onslaught can bring success.»

THOSE MOMENTS IN MUNICH

В МЮНХЕН прилетаю без своего тренера. Он не включен в официальную делегацию — считается, что еще не заработал такой чести.

Должен приехать с нашими туристами. Но вот уже на есте и туристы, а Д. Г. — нет. Вспоминаю Махачкалу. И на том решающем для меня турнире я остался без своего учителя и друга. Но ведь — победил. Буду считать и нынешнее его отсутствие доброй приметой...

Мой тренер появляется спустя несколько дней. Выясняется: спорткомитетовские чиновники хотели вместо «незнатного красноярца» послать кого-то своего. Председатель Российского Спорткомитета Валентин Дмитриевич Алехин, узнав, что Миндиашвили не едет даже туристом, возмутился и козни разрушил. Что ж, приезд Д. Г. — еще лучшая примета.

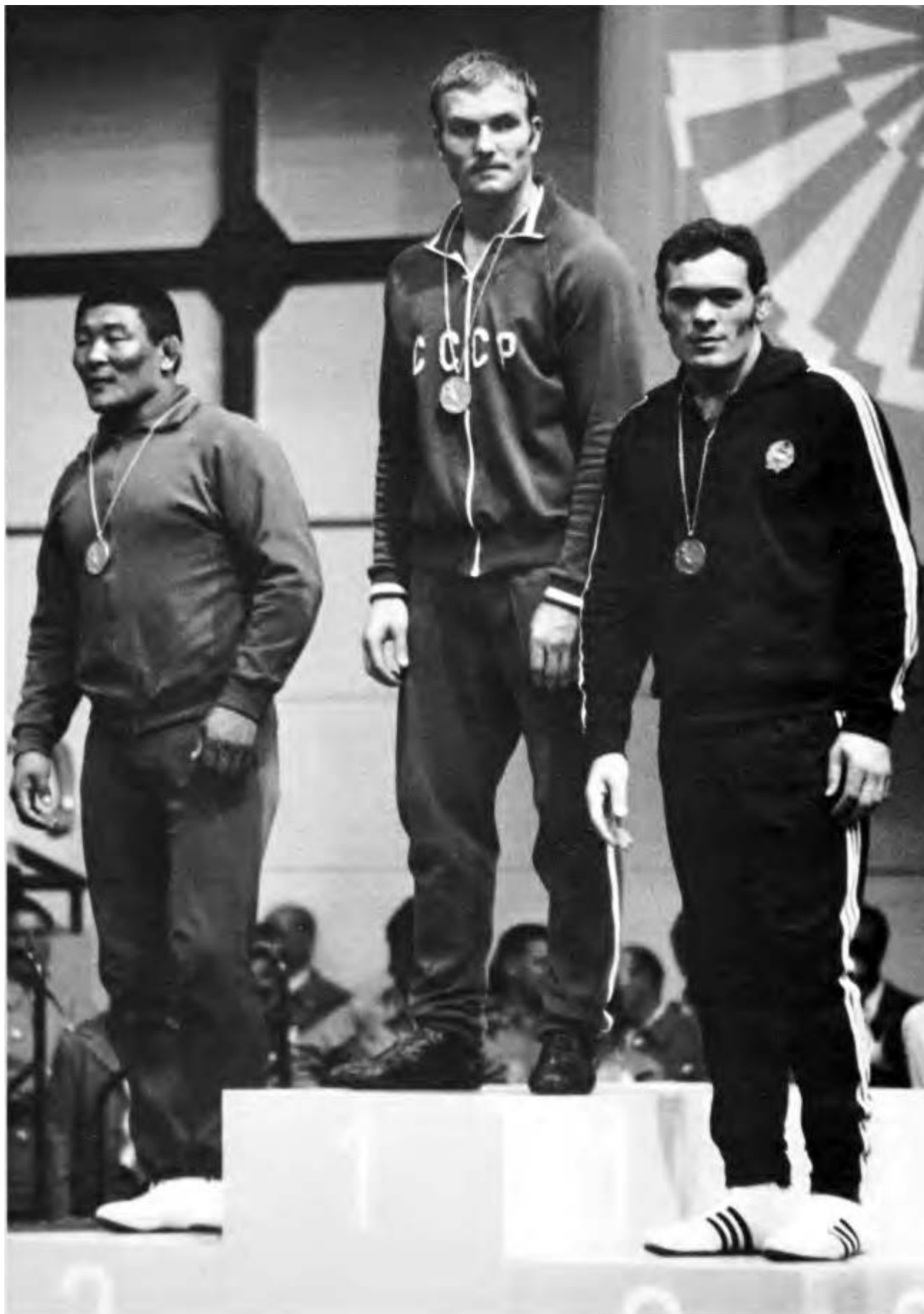
Прислушиваясь к себе, обнаруживаю, что не волнуюсь. Дебютант должен волноваться до дрожи в коленках, а я — нет. Может быть, потому, что на переживания не хватает времени. Оно почти целиком отдано тренировкам. Пусть не таким интенсив-

I CAME to Munich without my coach. He was not considered to have deserved such an honour. included in the official delegation; he was not He had to come together with our tourists. But the tourists arrived without D. G. I remembered Makhatchkala. At that decisive tournament I had also remained without my teacher and friend. But I had won then. So I decided to consider his absence a good omen.

My coach appeared several days later. It turned out that the functionaries of the Sports Committee had wished to send someone of their lot instead of the «undistinguished» coach from Krasnoyarsk. But when the Chairman of the Russian Sports Committee, Valentin Dmitrievitch Aliokhin, had got to know that Mindiashvili was not going even as a tourist he had got indignant and broken the plot. Well, the coming of D. G. was even a better omen!

I focus at my emotions and find out I am not nervous. A beginner must be shaking in his shoes, but I am not. Maybe I just have no time for emotions. All the time is devoted to trainings, though

ным, как дома, «всего» два раза в день. Но встаем по-европейски рано — в 6 утра, ложимся поздно — ведь хочется что-то увидеть. Поэтому все время клонит ко сну. И все же находим время полюбоваться Мюнхеном. Необычайно красив старый город, есть что-то космическое в новых олимпийских объектах. Наблюдая такую красоту, трудно представить, что именно здесь, в этом городе, зародился фашизм...

... Парад открытия. Длится он долго. Стоим под палящим августовским солнцем, ждем своей очереди выйти на стадион. Перед нами уже прошло немало стран. Слышим по радио — появилась делегация США. Черт побери, что там происходит? Свист, выкрики! Даже с нашего «далека» видны самодельные плакатики, которые, как по команде, запестрели на трибунах.

— Это им за Вьетнам! — слышу чей-то объясняющий голос.

Администрация Соединенных Штатов опозорила себя войной во Вьетнаме, а достается ни в чем не повинным спортсменам.

Наш черед.

Сначала я вижу только развевающийся в голове нашей колонны красный флаг. Испытываю острое чувство радости. Я, как и все рядом со мной, знаю: его несет Саша Медведь. Огромная честь оказана нам, борцам-вольникам.

Едва наша делегация ступила на дорожку, как гигантская человеческая волна поднялась и покати-лась по трибунам. Встали, приветствуя нас, сначала те, кто ближе к выходу, затем поднялись соседние секторы. Вот когда я почувствовал волнение. До слез в глазах...

А после церемонии Открытия еще один «допинг»: письма и телеграммы с Родины. Кажется, из Сибири их особенно много. Мне — в том числе. Особенно трогает телеграмма из Абакана от Александра Сергеевича Кардаша, Выдумывать красивые слова он не мастер, но я знаю, какая любовь, какое глубокое чувство ко мне в этих ничем не примечательных словах, пожеланиях победы. Когда эти пожелания осуществились, кто-то подсчитал, что посланий с Родины я получил больше всех — 117 писем и телеграмм.

Условия для борцовского турнира — отличные. Просторный, светлый Спорткомплекс, На арене четыре ковра. Корреспондент «Советского спорта» Владимир Голубев очень точно сравнил эти желтые ковры с яичницей — глазуньей на голубой сковородке, А в самом зале бдительная охрана — бесподобные немецкие полицейские. Сверхдисциплинированные. Даже когда выступают их соотечественники немцы и вокруг невообразимый гвалт, они стоят с каменными лицами и смотрят в заданный им сектор.

they are not so intense as at home — only twice a day. But we get up at six according to the European habit, and go to bed late, for we want to see some-thing. That is why we are sleepy all the time. Still we find time for seeing the sights of Munich. The old town is of rare beauty, and there is something cosmic about the new Olympic objects. Looking at such beauty it is difficult to imagine that fascism was born here, in this very city.

...The opening parade. It lasts long. We are standing under the burning August sun and waiting for our turn to go out to the stadium. Many countries have already passed before us. We hear the announcement over the radio: the delegation of the USA has appeared. But what is it? Whistles, shouts! Even from our place we see handmade posters which have covered the stands as if on command.

«This is for Vietnam!», someone explains. The USA administration has disgraced itself by the Vietnam war, and the blameless sportsmen are made scapegoats.

Our turn.

At first I see nothing but the red flag at the head of our column. I feel great joy. Like everybody near me I know: it is carried by Sasha Medved. A great honour has been done to us, free-style wrestlers.

As soon as our delegation had appeared on the track, a giant human wave rose and rolled over the stands. First those who were closer to the exit got up to greet us, then the other sectors followed. At that moment I felt excited. I almost wept.

After the ceremony we got another kind of «doping»: letters and telegrams from home. It seemed that those from Siberia were especially numerous. I got some too. Especially moving is the telegram from Abakan, from Alexander Sergeevitch Kardash. He is not good at inventing highfalutin words, but I know how much love and emotion there is in these simple phrases wishing me victory. When these wishes came true someone calculated that I had got the greatest quantity of messages from home: 117 letters and telegrams.

The conditions for the wrestlers' tournament were excellent. The Sports Complex was spacy and light, with four mats on the arena. The «Sovetski Sport» reporter Vladimir Golubev wittily compared those mats with scrambled eggs on a blue pan. And among the public there were watchful guards — the matchless German policemen. They were super-disciplined. Even when their fellow-countrymen, the Germans, appeared, and there was a fantastic din around they kept on standing with poker faces and looking at the sectors they were in charge of.

Их нельзя ни упросить, ни подкупить сувенирами. Бедный Дмитрий Георгиевич, приехавший сюда туристом, вынужден идти на обман: то чужой пропуск нацепит, то облачится в костюм «сборника». Чтобы только быть рядом со мной.

Мой тренер, как я уже говорил, великий мастер завести ученика перед схваткой. Но здесь меня заводят и зрители. Буря страстей бушует на трибунах. А это для спортсмена — лучший раздражитель.

Повторяю: особого волнения я не испытывал, был уверен, что просто не могу не победить. С таким настроением я вышел на первую схватку с уже знакомым мне по «Европе» швейцарцем Ютцеллером. Бой длился всего 22 секунды. За две минуты положил на лопатки Бахмана из ГДР. Канадца Джонсона бросил на «туше» на первой минуте, но чистую победу почему-то не засчитали. Через несколько секунд я повторил это «туше». Судьям некуда было деваться. Иранец Анвари сопротивлялся две минуты, но после моей подсечки упал, как сноп.

Все оказалось настолько легко, что мне пришлось делать большие усилия, чтобы не расслабиться. И все же мысль о том, что золотая ОЛИМПИЙСКАЯ медаль у меня в кармане, не выходила из головы, хотя я и приказывал себе не думать о ней. Когда мне осталось три поединка, я поставил перед собой задачу — не изменять начатой линии, всех оставшихся победить досрочно. Я все-таки кладу их — монгола Баянмунха, венгра Чатари, болгарина Тодорова! Досрочно!

В результате — не только такая желанная, такая выстраданная мной золотая медаль Олимпиады, но и неофициальный рекорд в вольной борьбе на Олимпийских играх и на международных соревнованиях вообще — о нем я вспомнил, разглядывая из-за плеча Наташи фотографию встречи в Красноярске. До меня, надо сказать, никому из олимпийцев не удавалось затратить на семь поединков из положенных на них 63 минут всего 8 мин. 40 сек. Миндиашвили считает, что и не удастся.

Не знаю, прав ли он. Ведь уровень соперников — понятие относительное. Моими конкурентами в борьбе за мюнхенскую медаль были отнюдь не слабаки. Просто в тот момент я оказался сильнее, лучше подготовленным.

Поэтому я думаю, что и мой рекорд можно превзойти. Хочу, чтобы сделал это наш, российский боец. Мечтаю, чтобы это случилось при моей жизни. Встречая новичка в сборной команде, я вглядываюсь в него с волнением: парень, не ты ли тот самый... Мне чертовски интересно, каким он будет...

Наше «триумфальное», как любят писать газетчики, возвращение в Красноярск имело некую прецедентную историю.

They could be neither mollified nor bribed with souvenirs. Poor Dmitri Georgievitch who had come there as a tourist had to turn to deception: now pin on someone else's pass, now put on the uniform of the national team. Just to be beside me.

As I have already said, my coach is exceptionally good at starting up a pupil before the bout. But here the fans start me up too. A storm of passions is raging on the stands. For a sportsman it is the best incentive.

To repeat, I did not worry much, I was sure I could not but win. In such a mood I started my first bout with the Swiss Jutzeller, my acquaintance since «the Europe». The bout lasted only 22 seconds. In two minutes I defeated Bachmann from the DDR. As for the Canadian Johnson, I threw him in the first minute, but to some reason no total win was adjudged. Some seconds later I repeated the «fall». The referees had nothing to do. The Iranian Anvari resisted for two minutes but after my backheel he fell flat.

Everything turned out to be so easy that I had to make great efforts not to get too confident. But still the thought that the gold OLYMPIC medal was in my pocket did not leave me, though I ordered myself not to think of it. When I had three bouts left, I set myself a task — not to change the course I had started, to defeat all the remaining rivals before time. And I threw them all — the Mongol Bayamunh, the Hungarian Czadari, the Bulgarian Todorov! Before time!

The result was not only the so much longedfor gold medal of the Olympic Games, but also an unofficial record of the Olympic Games and of the international competitions in free-style wrestling on the whole. I remembered this record while peering into the snapshot of the meeting in Krasnoyarsk over Natasha's shoulder. I must say that before me no Olympic wrestler had managed to conduct seven bouts in 8 minutes 40 seconds instead of the fixed 63 minutes. Mindiashvili thinks no one will ever do it.

I don't know whether he is right. For the rival's level is a relative thing. They were no weaklings, those who competed for the Munich medal. But at that moment I turned out stronger and better prepared.

That is why I think my record can be surpassed. And I want a Russian wrestler to do it. I dream that this happens in my time. Meeting a beginner in the national team I look at him anxiously: boy, aren't you that very one... I awfully wonder what he will be like.

Our «triumphal», as reporters like to put it, return to Krasnoyarsk had a prehistory.

The day after the wrestler's tournament was

На следующей день, после завершения борцовского турнира, в Олимпийской деревне раздался телефонный звонок. Голос из Красноярска попросил позвать меня или Миндиашвили. Меня не нашли. На том далеком, за тысячу километров от Мюнхена, конце провода оказался первый секретарь Красноярского крайкома партии Владимир Иванович Долгих.

Поздравив нас с победой, он сказал, что город готовит торжественную встречу. В то время Красноярский аэропорт находился едва ли не в самом центре города, и «обеспечить явку» встречающих не составляло особого труда. Тем более что «обеспечивать» ничего не надо было. Энтузиазм моих земляков, жаждущих поприветствовать первого за всю историю города на Енисее олимпийского чемпиона, был настолько велик, что толпа, как я уже писал, затопив все пространство вокруг самолета и даже за оградой аэропорта, целых три часа не позволяла мне обнять мою Наташу.

Все было по сценарию, утвержденному первым секретарем, но самого Владимира Ивановича в городе уже не было. Очередной пленум ЦК избрал его секретарем ЦК КПСС.

Я мало интересовался делами партийными, знал только, что Владимир Иванович до крайкома являлся директором всемирно известного Норильского металлургического комбината. Крупнейший хозяйственник, Долгих был энциклопедически образованным человеком, инициатором планов комплексного развития богатейших природных запасов Красноярского края. И в то же время он очень много внимания уделял развитию спорта в крае.

На посту первого секретаря крайкома партии его сменил Павел Стефанович Федирко. За эти годы когда-то захолустный Красноярск стал одним из культурных центров не только Сибири, но и всей России. По инициативе Федирко за каких-то десять лет были созданы симфонический оркестр, институт искусств, театр оперы и балета, хореографическое училище. В эти годы был построен отличный Центральный стадион и мое, так сказать, родное сооружение — Школа высшего спортивного мастерства по борьбе.

over, the phone rang. A voice from Krasnoyarsk asked for me or Mindiashvili. I was not found. The voice on the other end, thousand kilometers far from Munich, was that of Vladimir Ivanovitch Dolgich, the first secretary of the Krasnoyarsk district Party Committee.

Having congratulated us on the victory he said the city was preparing a festive meeting. At that time the Krasnoyarsk airport was almost in the center of the city and it was not difficult to get people to come. Moreover, there was no need to organize anything. The enthusiasm of my fellow-townsmen willing to greet the first Olympic champion in the whole history of the city on the Yenisey was so great that the crowd, as I have already written, flooded all the space around the plane and even behind the barrier, and did not allow me to embrace my Natasha for three hours.

Everything went according to the script approved by the first secretary, but Vladimir Ivanovitch himself was away. The regular plenum of the Central committee had elected him a secretary of the CPSU Central Committee.

I was little interested in the Party affairs; I only knew that before his work in the district Committee Vladimir Ivanovitch had been the director of the world-famous Norilsk metallurgical works. An outstanding economic executive, Dolgich was a man of encyclopedic education, the sponsor of the complex plan of exploiting the richest natural resources of the Krasnoyarsk district. At the same time he paid much attention to the development of sports in the district.

At the post of the first secretary of the district Party Committee he was succeeded by Pavel Stefanovitch Fedirko. In those years Krasnoyarsk, once a provincial city, became one of the cultural centers not only in Siberia, but also in the whole Russia. On Fedirko's initiative, in some ten years a symphony orchestra, an Arts Institute, an Opera theater, a ballet school were created in the city. In these years an excellent Central stadium was built, as well as my, so to say, «home» institution — the Wrestling School of Higher Sports Skills.

ALEXANDER MEDVED

ФЕДИРКО увел меня из прошлого в настоящее. В мысли о сегодняшнем дне. И вспомнилась одна из последних встреч с Александром Медведем. В конце января 1992 года в моем родном Красноярске проходил очередной турнир по вольной борьбе на призы Ивана Ярыгина. Среди почетных гостей был и Александр Васильевич Медведь — трехкратный олимпийский чемпион, главный тренер республики Беларусь.

Корреспондент телевидения, улучив минуту, когда мы оказались рядом, спросил, как мы представляем себе будущее вольной борьбы. Уже в СНГ.

Я был еще под впечатлением Олимпийских игр в Барселоне. Здесь команды бывших республик СССР по разрешению МОК в последний раз выступили как единая сборная. Но не под нашим обычным красным флагом, а под Олимпийским. Было больно видеть наших ребят не в красных майках со знакомыми всем болельщикам мира горделивыми буквами «СССР».

Уже не помню, о чем я говорил в том интервью, но остались в памяти слова великого Медведя о ве-

FEDIRKO has turned me to the present instead of the past. That is, to thinking about the present. And I remember one of my last encounters with Alexander Medved. At the end of January 1992, in my native Krasnoyarsk a regular free-style wrestling tournament for Ivan Yarygin Prize took place. Among the guests of honour there was Alexander Vassilievitch Medved — the triple Olympic champion, the chief coach of the Belarus Republic.

The TV reporter having caught the moment we were together asked us how we saw the future of the free-style wrestling in the CIS.

I was still under the impression of the Olympic Games in Barcelona. There the teams of the former Soviet republics for the last time performed as a single combined team on permission of the International Olympic Committee. But they appeared not under our usual red flag, but under the Olympic one. It was painful to see our lads without their red sportsshirts with the proud letters «USSR» familiar to all the fans in the world. I don't remember what I spoke about in that

ликой команде, которая, несмотря ни на что, будет тренироваться и работать вместе. Увы, оптимизм моего товарища не сбился.

Мне бы очень хотелось в моей книге поведать читателям о многих выдающихся борцах-вольниках. Вряд ли удастся о каждом. Но о Саше...

Мюнхенский турнир борцов вольного стиля прошел под знаком прощания с ним широкой публики. Всех волновал вопрос — завоюет ли русский Медведь третью золотую медаль? Еще никому за все время участия вольников в Олимпийских играх сделать это не удавалось.

Знатоки-болельщики, следившие за Медведем, знали, что он человек выдающихся волевых качеств, настоящий фанатик своего вида спорта. Они помнили Мехико, где условия высокогорья оказались особенно трудными для Саши, у которого пошаливало сердце. После первой его схватки понадобилось вмешательство врача. Тот заявил о предынфарктном состоянии. Но Медведь сказал, что лучше умрет, чем откажется от участия в Олимпиаде.

interview, but I cannot forget the words of the great Medved about the great team which would train and work together in spite of all obstacles. Alas, my friend's optimism did not justify itself.

I would like very much to tell the readers about many free-style wrestlers in this book. I'll hardly manage all of them. But Sasha...

The Munich tournament of free-style wrestlers passed under the token of Sasha's farewell to the broad public. Everybody was anxious to know whether the Russian Medved would win his third gold medal. No one has managed this as yet throughout the whole history of the free-style wrestling at the Olympic Games.

The expert fans who had followed Medved's career knew he was a man of outstanding will, a genuine fanatic of his kind of sports. They remembered Mexico where the Alpine conditions turned out to be especially difficult for Sasha: he had a minor heart trouble. After his first bout he needed a doctor. The latter diagnosed the preinfarction. But Medved said he'd rather die than refuse to take part in the Olympic Games.

К полуфиналам Медведя было не узнать: худой, с запавшими глазами. А соперник — Вильфрид Дитрих, немец из ФРГ. Его громких титулов не перечсть.

Первый период поединка прошел в равной борьбе. Во втором Медведь пошел в атаку. И вдруг вся наша сборная, как по команде, вскочила на ноги. Медведь почему-то сморщился от боли и затряс рукой: атакуя Дитриха, он вывихнул большой палец. Арбитр остановил поединок и жестом показал Медведю в направлении врача. Но Саша только зло мотнул головой и на глазах затаившего дыхание зала вправил распухший палец на положенное место. И снова пошел на соперника. Потрясенный Дитрих подошел к Медведю и сам поднял его руку. В знак победы!

Мюнхенские знатоки борьбы знали эту историю второй Сашиной золотой олимпийской медали. Но знали они и о том, что, по слухам, Медведь не в лучшей форме. Фаворитом финала считался болгарин Осман Дуралиев, тоже собиравшийся оставить ковер.

Но как болгарин ни старался в своей последней схватке, Саша постоянно опережал его на какую-то долю секунды.

Сирена застигла Медведя в атаке. Саша вскидывает руки и опускается на колени. Целует ковер. Кланяясь, прижимая руку к сердцу, благодарит зрителей.

Он прощается с борьбой.

На церемонии награждения десятки фото- и кинокамер нацелены на Александра Медведя. Еще бы! Третья золотая олимпийская медаль! Стоя на пьедестале, Медведь целует ее. Лицо светится покоем...

Такое состояние души в миг высшего торжества, наверное, доступно лишь очень скромным людям. Что касается Саши, то при всей своей удивительной славе он не только скромн, но даже застенчив. Лепя его, природа словно дала зарок избежать каких-либо внешних излишеств. Поджарый, без чудовищно рельефных мышц, он не производил впечатления сверхсильного человека.

При росте 191 сантиметр вес его колебался в пределах 105-110 килограммов.

Когда против него на той же Олимпиаде вышел гороподобный Крис Тэйлор, весивший без малого два центнера, зал ахнул от видимого всем несоответствия: дитя и гигант. Казалось, ничего не стоит этому колоссу просто накрыть собой Сашу, и Тэйлор, почувствовав это, стал надвигаться на соперника. Но тот чутко разгадывал его движения. А на восьмой минуте неожиданным резким зацепом подсек Криса. И гора рухнула на ковер, заняв едва не все его пространство.

By the semi-final, Sasha was difficult to recognize: he was thin, with hollow eyes. And his rival was Wilfrid Dietrich, a German from the DDR with a number of loud titles.

The first period of the bout passed in equal struggle. In the second one Medved began to attack. And suddenly all our national team sprang on their feet as if on command. To some reason Medved's face was distorted with pain and he was shaking his hand: while attacking Dietrich he had twisted his thumb. The referee stopped the bout and gestured to Medved in the direction of the doctor. But Sasha only shook his head angrily and reduced the twisted thumb to its place before the breathless audience. After that he attacked his rival again. The amazed Dietrich came up to Medved and raised the latter's hand himself as a sign of victory!

The Munich wrestling experts knew this story of Sasha's second Olympic gold medal. But they also knew that, according to the rumors, Medved was not in his best form. The Bulgarian Osman Duraliev who was also going to give up the mat was considered the «cert» of the finals.

But hard as the Bulgarian tried in his last bout, Sasha was constantly a fraction of a second ahead.

The siren caught Medved in offence. Sasha raised his hands, then knelt and kissed the mat. Then he bowed, pressed his hand to his chest, thanking the audience.

He was saying farewell to wrestling. At the ceremony of awarding dozens of cameras are aimed at Medved. No wonder! The third Olympic gold medal! Standing on the victory stand Medved kisses it. His face is radiant and placid.

Such a state of mind at the moments of the highest triumph must be characteristic only of very modest people. As for Sasha, in spite of his enormous fame he is not just modest, but even shy. When moulding him the nature must have decided to avoid any outward excesses. Lean, without terribly bulging muscles, he never made an impression of an excessively strong man. At his height of 191 centimeters, his weight varied within the limits of 105-110 kilograms.

At those very Olympic Games, when the mountain-like Chris Taylor who weighed about two metric centners came out to oppose him, the audience gasped on seeing this screaming incongruity: a giant and a kid. It seemed child's play for this colossus just to smash Sasha with his body, and as soon as Taylor that he began to advance. But Medved foresaw every movement of his. And in the eighth minute he suddenly backheeled Chris with a sharp leg grappling. The mountain fell on the mat covering almost the whole space of it.

Медведь получил свой единственный, но решающий балл.

... Саше было пятнадцать лет, когда слег его отец, могучий Василий Зенькович, лесничий в Белой Церкви, гроза браконьеров. Старшему сыну пришлось идти на завод — помогать семье. Там же записался в секцию борьбы. Но равных ему по силе не было. Зато в армии его командир — неплохой борец — определил молодого солдата в свои спарринг-партнеры. Выступая на армейских соревнованиях, Саша в последний год службы попал даже на чемпионат страны, где неожиданно для всех занял третье место.

Тренеры Павел Васильевич Григорьев и Боле-слав Михайлович Рыбалко первыми разглядели его потенциальные возможности. Предложили остаться в Минске, помогли поступить в педагогический институт. Было это в 1959 году.

Саша быстро нашел на ковре свой стиль. Застенчивый, милый в быту, на ковре он преображался, становился фантастически цепким, упорным, не допускающим мысли о том, что может проиграть. Сосредоточенность и целеустремленность, с одной стороны, и дар придумывать, изобретать все новые комбинации для атак, с другой, — вот Медведь на ковре. Плюс необыкновенная, страстная жажда победы. Чистой победы! Туше! Иное его не устраивало.

... После Мюнхена прошло два месяца. Международная федерация борьбы учредила турнир на призы Александра Медведя. Вместе с другими парнями из сборной я приехал в Минск: проводить великого спортсмена с большого ковра. Тысячи зрителей собрались в столичном Дворце спорта... И вот тяжеловесы берут Сашу на свои могучие плечи и совершают круг почета вдоль трибун. Медведь не стесняется слез. Мы, борцы, тоже. Для нас, молодых, Медведь — талисман победы, символ рыцарства и чести. И ЮНЕСКО отметила его особым призом — «За благородство в спорте».

Француз Жан Боротра, один из учредителей награды, так прокомментировал решение ЮНЕСКО:

«Мы никогда не присуждали приз «За благородство в спорте». И вот принято такое решение. Советский борец, который добился выдающихся успехов, всегда выделялся своей корректностью, честностью и спортивным духом».

Спасибо тебе, Саша, за то, что ты был, что есть в моей жизни. По паспорту ты сейчас иностранец. Но сердца спортсменов не умеют читать паспортов.

Medved got his only point but it decided everything.

...Sasha was fifteen when his father, the mighty Vassili Zenkovitch, a forestguard in Belaya Tserkov, the scourge of poachers, fell ill. The eldest son had to go to work at the plant to support the family. There he began to attend the wrestling section. No one was equal to him in strength. But in the Army his commander who was a decent wrestler made the young soldier his sparring-partner. Sasha took part in the Army competitions, and in his last year of service he even went to the country championship and took the third place to everybody's surprise.

The coaches Pavel Vassilievitch Grigoriev and Boleslav Mikhailovitch Rybalko were the first to see his professional potential. They offered him to stay in Minsk, helped to enter the teachers training institute. That was in 1959.

Sasha soon found his style on the mat. Shy and nice in the everyday life, on the mat he transfigured, became fantastically tenacious, persistent, and never allowed a thought he could lose. Concentration and purposefulness on the one hand, the gift of inventing new combinations for offence on the other — this is Medved on the mat. Add to this an unusual, passionate longing to win a victory. A total win! Fall! Nothing else satisfied him.

...Two months had passed after Munich. The International Wrestling Federation organized a tournament for Alexander Medved prize. Together with other lads from the national team I came to Minsk to see off the great sportsman from the Big Mat. Thousands of spectators gathered in the city sports palace... The superheavy-weights took Sasha on their powerful shoulders and made a circle of honour along the stands. Medved wept without embarrassment. So did we, the wrestlers. For the young sportsmen Medved was the token of victory, the symbol of chivalry and honour. And UNESCO had awarded him a special prize: «For nobility in sports».

The Frenchman Jean Borotra, one of the founders of the prize, commented on the UNESCO decision in the following way:

«We have never awarded anyone the prize «For nobility in sports». But now such decision has been taken. The Soviet wrestler who has achieved an outstanding success, has always been notable for his correctness, honesty and sporting spirit».

Thank you, Sasha, for your presence in my life. According to your passport you are a foreigner now. But the hearts of sportsmen cannot read passports.

MY DISCOVERY OF AMERICA

ЕСТЬ свой особый нерв в слове «первый». Вслушайтесь, как звучит, например, «первая любовь» или «первая победа».

Весной 1973 года американский город Толидо первым догадался провести соревнования на Кубок мира по вольной борьбе.

Я в первый раз лечу в Америку, которую давно мечтал увидеть. И впервые же оказываюсь за границей в ранге олимпийского чемпиона. Представляете, как кружится голова от волнения, радости, тревоги? Ведь титул надо подтвердить.

Как всегда перед выездом, нас «просветили». Объяснили, что Толидо — город на озере Эри. Развита сталелитейная и автомобильная промышленность. Население — около полумиллиона. В общем, та самая «одноэтажная Америка», где десяток высоких зданий в центре и красивые коттеджи на окраине. Конечно, было сказано и о «контрастах» — о них писали и говорили всегда. Дескать, за сверкающими витринами магазинов, за ресторанами и дискотеками — мрачные кварталы обшарпанных домов, с мусорными кучами на улицах.

Описание было стандартным. Подобное вы могли прочитать в любой корреспонденции «отту-

THERE is a special flavor about the word «first». Just listen how it sounds: «the first love» or «the first victory».

In spring 1973 the American town of Toledo was the first to organize the competition for the world Cup in free-style wrestling.

For the first time I am flying to America which I have long dreamed to see. And for the first time I find myself abroad in the rank of an Olympic champion. Just imagine my vertigo with excitement, joy, anxiety! For the title must be confirmed.

As usual, we were «enlightened» before the trip. We were told that Toledo was a town on the Erie Lake. It had steel and automobile industries. Its population was about half a million. In short, it was that very «one-storied America» where there are a dozen of high buildings downtown and cottages uptown. Of course we were told about the «contrasts»; they were always spoken and written about. It meant that behind the sparkling shop windows, restaurants and discotheques there were gloomy blocks of flats with shabby walls and with dumps in the streets.

The description was standard. Something like

да». Сегодня о «мрачных трущобах» пишут меньше, а тогда акцентировали внимание на них настолько, что, налюбовавшись центром, мы невольно начинали искать глазами прочитанное и услышанное и... находили.

Неожиданностью было, пожалуй, лишь удивительно доброжелательное отношение к нам жителей города. Да внешне скромная организация соревнований. Никаких афиш. Никакого пускания пыли в глаза. Тренировочный ковер постелен прямо в отеле, в стенах небольшого бара. Зато зрители оказались — лучше не бывает. За своих переживали истово, почти истерично. Кричали так, что можно было оглохнуть. Но в то же время и наш каждый удачный прием, каждую выигранную схватку встречали оглушительными воплями одобрения.

Тогда и позже у меня сложилось впечатление, что умение всей душой, азартно болеть во время спортивных соревнований — часть американской цивилизации.

На совместных тренировках я познакомился с «полутяжем» Рассом Хеликсоном. У добродушного, с голубыми глазами и копной светлых волос американца силы было достаточно, но техника хромала. Я охотно показывал ему свои броски, научил новому приему в партере. За семь дней в Толидо мы подружились и многие годы впоследствии с радостью встречались на разных состязаниях.

В финал кубка, в борьбе за который участвовали и команды других стран, вышли мы и американцы. Мы выиграли со счетом 7: 3 и получили в награду главный приз — почти метровую фигуру борца на деревянной подставке. Такая же, но уменьшенная фигурка сейчас хранится у меня дома — награда победителю в личном первенстве.

Напоминает мне о Толидо и другая — не серебряная, зато живая фигура моего сына Сережи. Именно в этот город пришла телеграмма из Красноярска, известившая о его рождении. Наташа не подвела — родила-таки сына. Теперь, думаю я, полный порядок: Анечка и Сережка, что может быть прекрасней! И папа тоже не промах — добавил к своему званию олимпийского чемпиона титул обладателя Кубка мира.

Поистине счастливым для меня оказался этот американский город Толидо.

По приезду в Красноярск Миндиашвили устроил мне допрос с пристрастием: как и что? Обмолвился я ему и о Рассе, о наших совместных тренировках. Обмолвился, и вдруг в глазах моего тренера странное выражение — некий сплав восхищения и досады.

— Эх, Ваня-Ваня... — только и сказал он.

Прошли годы, я прочел мемуары Д. Г. и теперь лучше понимаю, что его заботило. Он всегда стано-

that could be read in any correspondence from «there». Today they don't write about «gloomy slums» so much; but then our attention was focused on them in such a way that having admired the center we involuntarily began to look for the described things... and found them.

The only unexpected thing was, probably, the fact that the townsmen treated us surprisingly kindly. And the outwardly modest organization of the competition. No posters. No showing off. The training mat was spread right in the hotel, on the floor of the little bar. But the spectators were extraordinary. They supported their fellow-countrymen turbulently, almost hysterically. Their shouts were deafening. But at the same time they greeted also every successful hold of ours and met every victory with thunderous yells of approval.

At that time and later I got the impression that the skill to be a sports fan is part of the American civilization.

At the joint trainings I got acquainted with Rass Helikson, a «heavy». This good-natured blue-eyed American with a shock of fair hair had enough strength, but his technique left much to be desired. I eagerly showed him my throws, taught him a new hold in the ground position. During the seven days in Toledo we had become friends, and then for many years we were glad to meet each other at different competitions.

We and the Americans got to the finals of the Cup competition in which teams of other countries also took part. We won with the score 7 : 3 and got the main prize: almost a meterhigh figure of a wrestler on a wooden victory stand. I also have a similar figure, but a small one, at home: it is the prize to the winner in the personal contest.

There is another figure that reminds me of Toledo, not a silver, but a live one. It is the figure of my son Seriozha. It was to this town that the telegram from Krasnoyarsk came with the news about his birth. Natasha did not let me down and gave birth to a son. Now it's O. K., I thought, Anetchka and Seriozhka, what can be better! And their dad is all right — he has added the world Cup to his title of the Olympic champion.

In fact, the American town of Toledo proved a town of luck for me.

On my returning to Krasnoyarsk Min-diashvili interrogated me about all the details. I told him about Rass, about our joint trainings. As soon as I mentioned that I saw a strange expression on my coach's face: the mixture of admiration and annoyance. «Well, Vanya, Vanya...», that was all he said.

Years later I read D. G. 's memoirs and now I understand better what annoyed him then. He always

вился недоверчивым и осторожным, когда дело касалось моего будущего.

«Пугала меня его открытость... — пишет Миндиашвили. — Не было у Ивана такого приема, наработанного в долгих мучительных тренировках, который он не был готов показать, отдать каждому желающему. И не только отдать... В процессе таких показов он разрешал себя переводить в партер. Стратегически это неправильно, убеждал я Ивана. Каждому лестно выиграть у олимпийского чемпиона хотя бы на тренировке. Но, выиграв на ней, молодой борец начинает мечтать о победе и на соревнованиях. И та маленькая победа на тренировке его вдохновляет. "А ты? — упрекал я Ивана. — Ты сам приучаешь своих потенциальных соперников к мысли о том, что у тебя можно выиграть..."»

Я говорил так, злясь на него и восхищаясь им. А в ответ слышал неизменно: "А что? Пусть парни учатся..."»

Думая сейчас обо всем этом, прихожу к выводу, что прав был все-таки я. Человек должен уметь не только брать, но и отдавать. И еще. Вряд ли я стал бы когда-нибудь тренером, если бы не чувствовал: мне отдавать — радостно. Без такой радости состояться тренером невозможно.

А вот относительно Расса мой наставник оказался прав. Учил я его на свою голову. Но об этом мне еще предстоит рассказать.

became distrustful and cautious when it concerned my future.

«His openness frightened me...» Mindiashvili writes. «There was not a single hold worked out in long, painful trainings that Ivan was not ready to show, to give to anyone who wanted it. And not only to give it... In the process of such shows he allowed to bring him on all fours. It is strategically wrong, I convinced Ivan. Everybody would be flattered to defeat the Olympic champion, even during a training. But having won in such a way the young sportsman begins to dream of winning at the competition too. And the little victory during the training inspires him. «And what are you doing? », I reproved Ivan. «You make your potential rivals think they can beat you...»»

Saying this I was angry with him and at the same time I admired him. The answer was always the same:

«But why? Let the chaps learn...»

Now that I am thinking about all this I come to the conclusion that I was right. One must be able not only to take, but also to give. And one more thing. Hardly would I have become a coach had I not felt: I am glad to give. One cannot be a successful coach without such joy.

But as for Rass, my teacher turned out to be right. I taught him to my own misfortune. But I will tell about this later.

ТАК уж устроена жизнь: характер неизбежно влияет на то, что с нами произошло — хорошее и плохое.

Я в этой книге останавливаюсь лишь на том, что явно повлияло на мою судьбу, на образ мышления, на меня как личность.

В этой связи чемпионат страны 1973 года, как мне кажется, достоин упоминания. Дело в том, что он впервые проводился в Красноярске.

Это почетное право мой город завоевал не только благодаря тому, что в нем жил олимпийский чемпион. Успехи школы Миндиашвили стали фактом, с которым вынуждено было считаться спортивное руководство страны. Здесь уже построили приличную спортивную базу. Подрастали весьма перспективные борцы. В частности, оправдала себя и ставка на Хакасию. Самый первый мой тренер Владимир Ильич Чарков откопал-таки и подготовил юного блистательного Виталия Токчинакова. Миндиашвили навел на него окончательный блеск. Виталий был готов к самым серьезным победам.

Мысль о предстоящем чемпионате не покида-

LIFE is made in such a way that our character inevitably affects everything happening to us, good or bad.

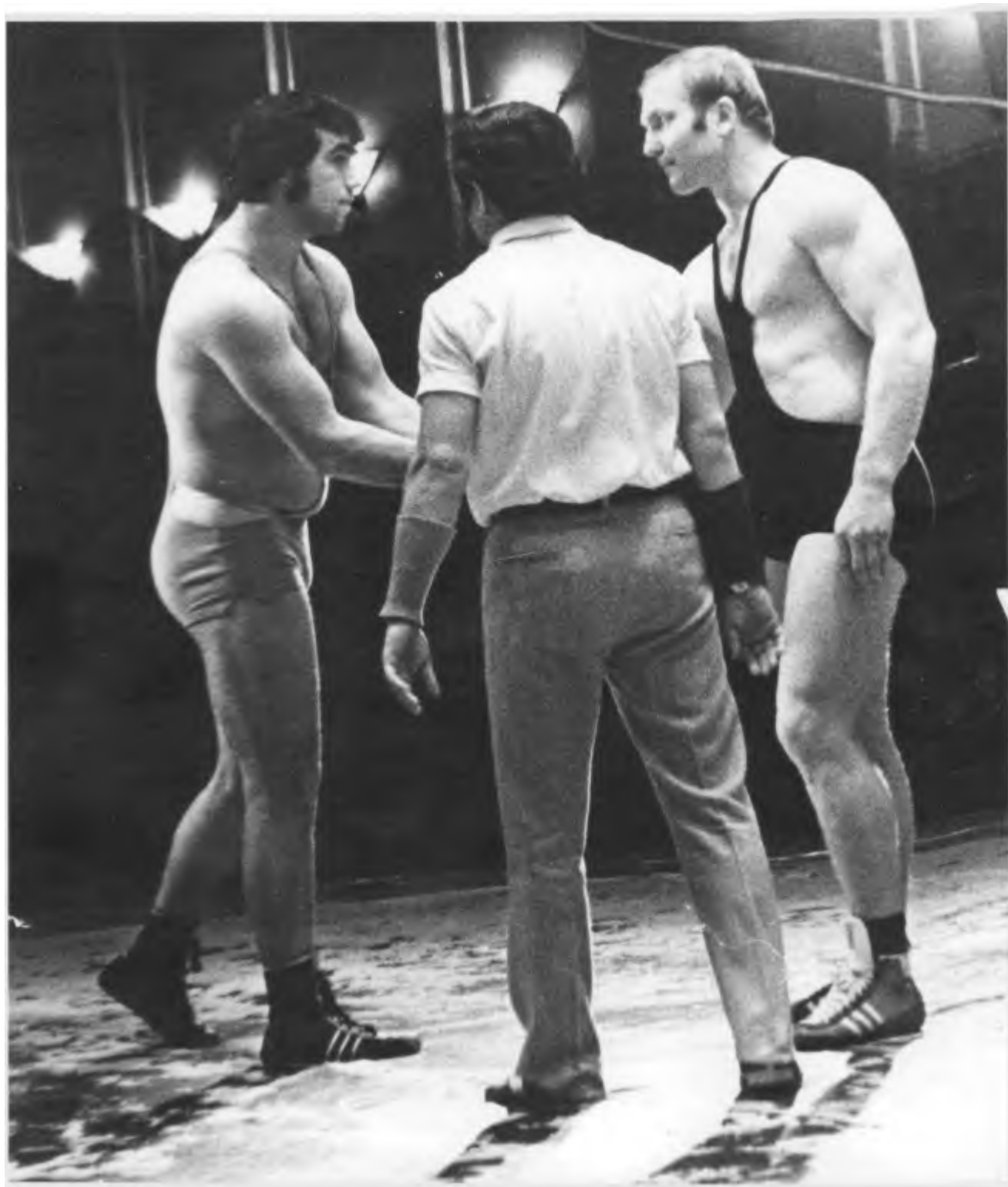
All the events I describe in this book have in some way influenced my life, my way of thinking, my personality.

In this connection the country championship of 1973 is worth mentioning. The thing is, it was held in Krasnoyarsk for the first time.

This honorable right was deserved by my city not only because the Olympic champion lived there. The success of Mindiashvili's school had become so evident that the sports administration of the country had to take it into account. A decent sports base had been built there. Very promising wrestlers were growing up. In particular, the hope for Khakassia had justified itself. My first coach, Vladimir Ilyitch Tcharkov, managed to find and to prepare the young brilliant Vitali Toktchinakov. Mindiashvili gave him the final polish. Vitali was ready for the most serious victories.

In Toledo the thought of the coming championship did not leave me. On coming back I saw that

ла меня в Толидо. Вернувшись, я увидел, что подготовка к нему идет полным ходом. Я был полон тревоги: а вдруг — ведь спорт есть спорт — проиграю, проиграю кому-нибудь на глазах земляков? То-то будет «подарочек» городу, который любит тебя, гордится тобой, чью поддержку ты ощущал в са-

the preparation for it was in full swing. Sport is an unpredictable thing, and I was anxious — what if I lose to somebody before my fellow-townsmen's eyes? That will be a nice «present» to the city which loves you, which is proud of you, the support of which you felt in the most difficult moments. A cowardly

мые трудные дни. «А что, если «заболеть»? — мелькала подленькая мыслишка. — Ведь случись что не так — не переживу позора...» Мыслишку эту я со стыдом отбросил. Только Наташа знала о моих страхах.

А Красноярск встретил участников чемпионата с подлинно сибирской широтой. В сущности, не один Красноярск — вся Сибирь переживала. Не было ничего удивительного, что соревнования решено было провести на стадионе. И толпы болельщиков устремились на остров Отдыха...

Среди почетных гостей — Александр Медведь. Легендарного борца приняли по-сибирски. Ему сразу же подарили тезку — медвежонка, специально выловленного в тайге. Я радовался: город лучше меня сумел высказать мои чувства к Саше.

Приехали и блистательно выступали лучшие из лучших: Роман Дмитриев, Загалав Абдулбеков, Руслан Ашуралиев, Леван Тедиашвили. Здесь дорогу к большому ковру торили себе будущие знаменитости Владимир Юмин и Сослан Андиев. В Красноярске они впервые выиграли золотые медали.

thought came to my mind: «Maybe I'd rather 'fall ill'? For if something goes wrong I won't survive the disgrace...» But I was ashamed of this thought and cast it off at once. No one but Natasha knew about my fears.

As for Krasnoyarsk, it met the participants of the championship with a sheerly Siberian hospitality. Not only Krasnoyarsk, but the whole Siberia was excited. Naturally, the competition was to be held at the stadium. And crowds of fans rushed to the Otdykh Island...

Alexander Medved was among the guests of honor. The legendary wrestler was received in a Siberian way. At once he was presented a «name-sake» — a bear cub caught in the taiga specially for the occasion («Medved» is the Russian for «bear»). I was glad: the city managed to show its feelings towards Sasha better than I did.

The pick of wrestlers came and performed brilliantly: Roman Dmitriev, Zagalav Abdulbekov, Ruslan Ashuraliev, Levan Tediashvili. Here the future celebrities, Vladimir Yumin and Soslan Andiev made their way to the big mat. In Krasnoyarsk they won gold medals for the first time.

Первым выполнил «социальный заказ» Виталий Токчиначов — завоевал «золото» чемпиона СССР. Но красноярцы жаждали двух медалей. Зря они, что ли, так долго болели за меня?

И вот пришел мой час. Финал, в котором я встречаюсь... ну конечно же с Гулюткиным. Если проиграю, дам волю злым языкам утверждать, что именно его следовало послать на Олимпиаду.

Кажется, всем телом я сейчас помню нашу встречу. Гулюткин великолепно подготовился к соревнованиям. Еще бы: для него наш поединок был не менее принципиальным, чем для меня.

...Солнце работает против нас обоих. Пот с головы до ног покрывает наши тела, делая их скользкими. Мышцы готовы лопнуть от напряжения. Схватка идет к ничьей. Для меня это равносильно поражению.

Но я сохраняю контроль над собой. Командую: точнее! еще точнее! Слышу неистовый крик Миндиашвили, покрывающий рев трибун. И тут же улавливаю неверное движение соперника. Вхожу в обратный пояс, подтягиваю тело вверх... Напрягаю все без остатка силы и бросаю!

Есть два балла. Дело сделано... Долго-долго не могу отойти от испытанного напряжения. Почти не слышу ликование трибун...

Пройдут годы. Приезжая в Красноярск, бывает, знакомлюсь с новым человеком. И вдруг слышу от него:

— Знаете, а я ведь видел вас в 1973 году... Помню вашу встречу с Гулюткиным... — и новый знакомец улыбается застенчиво и благодарно. Его память возрождает испытанную тогда радость.

Я уже говорил о странностях любви. Одна из них — и это признано всеми: мы любим не столько за то хорошее, что сделали нам, сколько за то доброе, что мы сделали для другого человека. Я думаю, это же можно отнести и к моим чувствам к Красноярску. Я еще больше полюбил его, когда однажды смог дать ему радость победы.

Впрочем, не совсем «однажды». Год спустя мой неистощимый на выдумки город задумал провести — впервые! — соревнования на титул абсолютного чемпиона страны. Задумал и пригласил лучших тяжеловесов и «полутяжей» СССР. Турнир проходил в только что построенном цирке, где борцы двух тяжелых категорий должны были выяснить, кто сильнее, не глядя на разный вес. В финале я победил киевлянина Бориса Бегаева.

Город ликовал. Еще бы: теперь он мог заявить — в Красноярске живет самый сильный человек в стране. Абсолютно сильный. Ах, как это славно — суметь доставить радость целому городу!

The first to fulfil the «social order» was Vitali Toktchinakov who won the «gold» of the USSR's champion. But Krasnoyarsk waited for two medals. Was it for nothing that they had supported me so long?

So my time has come. The finals where I wrestle... right you are, with Gulyutkin. If I lose, I'll allow the scandalmongers to say that it was he who should have been sent to the Olympic Games.

My whole body seems to remember our bout up till now. Gulyutkin was exceedingly wellprepared for the competition. No wonder; for him our bout was as significant as for me.

...The sun is against us both. Sweat is pouring over our bodies making them slippery. The muscles are about to break with tension. The bout is likely to end in a draw. For me it is as good as defeat.

But I retain selfcontrol. I order myself: sharper, still sharper! I hear the frantic yell of Mindiashvili covering the roar of the stands. And at the same moment I perceive an incorrect movement of my rival. I enter the reverse belt, pull up my body... Then I gather all the strength I have and throw!

Two points. The deed is done. For a long time I cannot come round from the tension. I hardly hear the exultation of the audience.

Years pass. Sometimes on coming to Krasnoyarsk I get acquainted with some new person. And suddenly I hear:

«You know, I saw you in 1973. I remember your bout with Gulyutkin...», and the new acquaintance smiles shyly and thankfully. His memory is reviving the joy he had felt then.

I have already spoken about the oddities of love. One of them is generally acknowledged: we love people not so much for what they have done to us as for the good we have done to them. I think this concerns my feelings towards Krasnoyarsk as well. I began to love it even more after I had managed to bring it the joy of victory once.

But no, not «once». A year later my inventive city decided to organize — for the first time! — a competition for the title of the absolute champion of the country. The best «heavies» and «superheavies» of the USSR were invited there. The tournament took place in the newly-built circus where the wrestlers of two categories were to find out who was the strongest without taking into account the difference in weight. In the finals I defeated Boris Bugayev from Kiev.

The city rejoiced. No wonder: now it could proclaim that the strongest man of the country lived in Krasnoyarsk. The absolutely strong man. Oh, how good it is to bring joy to a whole city!

BLACK STRIPE AGAIN

ВСЕ так отдалилось, что мне уже нетрудно взглянуть на самого себя так, как иной писатель смотрит на своего литературного героя.

Но не в пример этому писателю, радующемуся, что его персонаж выбросил что-то неожиданное даже для автора, я заранее знаю, что очень скоро произойдет с «героем» Иваном Ярыгиным.

А произойдут разные малоприятные события, о чем я и уведомляю читателя. Но пока 1973 год еще не кончился, не кончилась и светлая полоса.

Выступаю в Москве на Универсиаде-73. Ни Гульткина, ни сколько-нибудь равных ему нет. Вместе с Миндиашвили проверяю несколько новых бросков. Побеждаю легко. Моя победа делает меня кандидатом номер один на поездку в Тегеран, на чемпионат мира.

И вот Тегеран — сентябрь того же, 1973-го. Здесь пройдут соревнования не только по вольной, но и по самбо. Об ажиотаже, царящем среди иранцев, свидетельствуют бесконечные полицейские, вооруженные короткими карабинами. Со своими у них разговор короткий: чуть что — в кутузку. К нам отношение не многим лучше: почти обыскивают у входа на стадион, в аккредитационные фото-

ALL this is so far behind that it is not difficult for me now to look at myself the way a writer looks at his literary character. But unlike the writer who is delighted when his character does something unexpected for the author himself, I know beforehand what will happen to the «character» Ivan Yarygin very soon.

These events will not be very pleasant, on which fact I notify the reader. But the year 1973 has not ended yet, neither has the «bright stripe».

I appear in Moscow at the University Games-73. Neither Gulyutkin nor his equals take part in the competition. Together with Mindiasvili I check up some new throws. The victory is easy. My victory makes me candidate number one for the world championship in Tegeran.

And then I am in Tegeran. It is September of the same year, 1973. Here the competitions will take place, not only in free-style, but also in sambo. The countless policemen armed with short carbines indicate the agitation among the Iranians. They deal summarily with their compatriots taking them to jail at every trifle. Their attitude toward us is hardly better: we are nearly searched at the entrance to the stadium, and the accreditation photos are nearly X-rayed.

графии вглядываются, как рентгеном просвечивают.

Успел повидать разных болельщиков. Но эти... Поражение своего борца встречают мертвой тишиной, которая вдруг взрывается воем раненого тысячеголового чудовища. В несчастного летит все, что под рукой, — апельсины, пустые бутылки. Иранец Горрами, чтобы избежать позора и возможной расправы болельщиков, вообще не выходит на схватку с Леваном Тедиашвили.

А Леван после Мюнхена успел перейти в категорию до 90 килограммов. Но осталась та же гибкая пластика пантеры. На ковре творит чудеса. И все со смешными ужимками, гримасами, улыбочками... Дескать, мне это запросто.

Мы впервые встретились в Риге, на молодежном первенстве страны. Мне он сразу понравился, как борец и человек. Я тогда относился к нему без ревности, казалось, Миндиашвили предпочел его мне. Потом победы в Мюнхене нас сблизили. Здесь, в Тегеране, я и вовсе влюбился в него.

Попробуй не влюбись в такого.

Завоевав шесть золотых медалей, мы через

I saw different kinds of fans. But this lot... The defeat of their wrestler is greeted by dead silence which suddenly explodes with the roar of a wounded thousand-headed monster. Everything at hand flies at the head of the poor wretch, be it oranges or empty bottles. The Iranian Gorrami does not even come out to wrestle Levan Tediashvili for fear of disgrace and the possible violence on the part of the fans.

As for Levan, after Munich he passed to the category up to 90 kilograms. But he has retained his agile and plastic movements of a panther. And everything he does is accompanied by funny grimaces, gestures, grins... As if he is saying: nothing doing!

We first met in Riga, at the junior championship of the country. I liked him at once as a wrestler and as a person. At that time I treated him with a grain of jealousy: it seemed to me that Mindiashvili had preferred him to me. Bit later the victories in Munich brought us closer. Here, in Tegeran, I actually fell in love with him.

Go and try not to fall in love with such a man.

Having won six gold medals we are to fly home

день должны лететь домой, но вдруг выясняется, что на чемпионат по самбо не добрался наш спортсмен в весе 90 кг. На завтраке появился озабоченный Ленц:

— Леван, выручай. Твой тренер согласен...

— Покажите мне этих самбистов, — улыбается Леван, — я их раздеру на части... — и делает кровожадную рожу.

Мы знали, что Леван когда-то был чемпионом страны по самбо среди юношей. Но это было давно. Каков он сегодня?

Отказавшись от посещения восточного базара, куда сговаривались пойти, мы отправились на стадион. Появился Леван в коротенькой курточке самбиста. Вспомнилось, что и я в армии стал мастером спорта по самбо. Но гримасы, подмигивания Левана сразу же увели прочь от всяких воспоминаний. Вышел и его противник — борец из США, парень на вид хоть куда. Леван только и ждал его появления, чтобы тут же взять за грудки, нашим приемом из вольной борьбы подсечь, обвить руками... Американец и охнуть не успел, как оказался на лопатках. А Леван лежит на нем и без особых усилий придерживает. Придержал положенные 30 секунд. Чистая победа!

На следующий день мы улетели. И уже в Москве узнали, что Леван в Тегеране завоевал вторую золотую медаль — по самбо.

Золотую медаль чемпиона мира вручили и мне. Первую... и, увы, последнюю. Позже расскажу, почему так случилось. А пока о моем друге Леване.

Кажется вполне естественным, что едва ли не все мы в сборной относились к вольной борьбе как важнейшему из всех человеческих дел. Соответственно — к своим победам и поражениям. Леван вносил диссонанс в эту нашу сверхсерьезность. Готовый шутить над собой и над всеми, он как бы говорил: ребята, спорт, борьба — это прекрасно, это великолепно, но если к самим себе относиться слишком серьезно, будет скучно. А скука убивает даже чемпионов.

Боюсь, что, будучи человеком другого склада, я в таком отношении к спорту не слишком преуспел...

Поэтому позволю себе без юмора рассказать о наступлении черной полосы.

...О появлении в команде ГДР Харальда Бюттнера и о том, что к нему следует отнестись серьезно, Миндиашвили предупредил меня года за два до чемпионата Европы 1974 года. Я всегда доверял чутью Д. Г., но в Тегеране слишком успокоился. Здесь, на чемпионате мира, Милан Эрцеган, президент ФИЛА, перед поединком с лидером команды ГДР сказал: «Уложишь Бюттнера с "мельницы", буду считать, что ты победил, в любом другом

in a day, but suddenly it appears that our sportsman in the weight of 90 kg has not managed to arrive to the championship in sambo. During the breakfast the worried Lenz appeared:

«Levan, help. Your coach has allowed».

«Show me those sambists of yours», Levan grins. «I'll tear them limb from limb», and he makes a murderous face.

We knew that once Levan was the junior champion in sambo. But this was long ago. What is he like today?

We cancelled the visit to the Eastern bazaar where we had intended to go and went to the stadium. Levan appeared in his short sambo jacket. I remembered that while in the Army I had also become a master of sports in sambo. But Levan's grimaces and winks swept away all recollections. His rival also appeared, a wrestler from the USA with imposing looks. It seemed that Levan was waiting for his appearance just to grab him, to backheel him with an action from the free-style wrestling, to clinch him... The American was lying flat before he could say Jack Robinson. And Levan was lying on him and holding him without any effort. He held him for the fixed 30 seconds. A total win!

The next day we were flying away. In Moscow we learned that in Tegeran Levan had won the second gold medal in sambo.

I was also awarded the gold medal of the world champion. It was for the first time... and, alas, for the last. Later I will tell you why it happened so. And now some more words about my friend Levan.

It seems quite natural that almost all the members of the national team considered free-style wrestling the most important of all human occupations. Accordingly, in the same way we treated our victories and defeats. Levan brought a dissonance to this super-seriousness. Always ready to laugh at himself and at everybody, he seemed to say: well chaps, wrestling, sports, all this is wonderful, it is marvellous, but if you treat yourselves too seriously it will be boring. And boredom kills even champions.

I'm afraid that being a person of a different disposition I wasn't too good at such attitude towards sports.

That is why I will allow myself to tell about the coming of the black stripe without humor.

About two years before the Europe championship of 1974, Mindiashvili had warned me of the appearance of Harald Buettner in the DDR team and told me to take him seriously. I had always trusted D. G.'s intuition, but I became too relaxed in Tegeran. There, at the world championship, Milan Ercegan, the FILA president, said before my bout with the leader of the DDR team: «If you throw Buettner by the fire-

случае — не считается». Я пошел на эту «подначку» и уложил-таки немца своим коронным приемом.

И хотя в Мадриде, на чемпионате Европы, в финал я продрался с немалым трудом (вел себя на ковре неуверенно, пропускал броски противников, не чувствовал прежней силы в руках), несмотря на все это, уговаривал себя, что уж с Бюттнером справлюсь.

Не справился.

Себе и другим объяснял проигрыш тем, что приболел. Но себя не обманешь. Я не знал, что причина в другом: я перестал тренироваться с тем азартом и упорством, с которым готовился к Мюнхену. Победы одна за другой как-то сами собой подвели меня к мысли: зачем тратить так много времени на тренировки, зачем надрываться, если противники и без того ложатся? Не лучше ли уделить побольше времени семье?

Были и другие причины. Неожиданно для себя я всерьез увлекся общественной работой. Стал депутатом Красноярского городского Совета, а значит — оказался под прессингом моих избирателей. Где-то закрылась спортивная площадка, а в другом месте ее медленно строят, домоуправление не желает залить каток для пацанов... Люди шли ко мне, и я догадывался об их надеждах: олимпийского чемпиона, пусть он даже не ахти как красноречив, начальство услышит.

Чувствовать себя не косвенно, а напрямую нужным — было новым для меня. Писать, звонить, доказывать стало интересней, чем тренироваться. Я увидел себя с другой стороны и, пожалуй, даже понравился самому себе.

А Д. Г. нервничал, вел со мной душевные разговоры. Казалось, он преувеличивает опасность, казалось, меня хватит на все. Соревнования в Мадриде показали, что я ошибся. Но до конца случившегося не осознал. Я решил — главное, как можно быстрее реабилитировать себя, доказать всем, что поражение на «Европе» — досадная случайность.

По заведенному порядку после «Европы» следует чемпионат Союза. На предварительные сборы не поехал. Думал, что в Красноярске смогу и подготовиться, и помочь Наташе управиться с двумя детьми. Ко всему прочему я еще ухитрился чем-то отравиться. Начал катастрофически худеть, потерял восемь килограммов. И только перед самыми соревнованиями я почувствовал себя лучше, но... В Уфе, на чемпионате страны, пятое место. Стало ясно — в Стамбул на чемпионат мира не попаду. Впрочем, Бог с ним, с чемпионатом. Что мне делать сейчас? Как жить дальше?

Трудно было идти с этими вопросами к Миндия-

man's carry throw I will acknowledge you have won, in any other case it will not count.» I swallowed that bait and threw the German with the help of my favourite technique.

And although at the championship of Europe in Madrid I squeezed my way toward the finals with great difficulty (I hesitated on the mat, missed the throws of my rivals, did not feel enough strength in my arms), still I tried to convince myself that I was sure to beat Buettner.

But I didn't.

To myself and to others I explained my defeat by indisposition. But one cannot deceive oneself. I didn't know that the reason was different: I ceased to train with the ardor and zeal with which I had prepared to Munich. Victory after victory had somehow led me to the thought: why should I spend so much time on training, why should I overstrain myself if the rivals fall flat as it is? Isn't it better to pay more attention to my family?

There were other reasons as well. Suddenly I was carried away by public affairs. I became deputy of the Krasnoyarsk city Soviet, and that exposed me to my voter's pressing. Somewhere a sports ground was closed, somewhere it was being built too slowly, or the house management did not want to freeze a skating-rink for children... People turned to me and I was aware of their hopes: the administration will listen to the Olympic champion, even though he is not too eloquent.

It was new to me to feel myself needful not indirectly, but directly. Writing, phoning, convincing became more interesting than training to me. I saw myself in a different aspect and even liked it.

As for D. G., he was nervous. He tried to have soul-saving talks with me. He seemed to exaggerate the danger; I thought I would manage everything. The competition in Madrid showed I was mistaken. But I did not fully realize what had happened. I decided I had to justify myself as quickly as possible, to prove to everybody that my defeat at «the Europe» was an annoying misadventure.

According to the fixed order «the Europe» is followed by the championship of the USSR. I did not go to the preliminary preparations. I thought that in Krasnoyarsk I would be able both to prepare for the competition and to help Natasha with the two children. To crown it all, I managed to get a food poisoning. I began to lose weight catastrophically, and lost eight kilograms. Only on the eve of the competition I felt better, but... In Ufa, at the country championship I was the fifth. It was clear: I was not going to Stambul, to the world championship. But let it pass, the championship. What shall I do now? How will I live?

швили. Ведь он предупреждал, уговаривал не торопиться. Но больше идти было не к кому.

Деликатничать Д. Г. не стал.

— Вот что, Иван, — сказал он, хмурясь, — ты в спорте достиг всего, чего я в свое время достичь не смог. Был чемпионом страны и мира. Навсегда останешься олимпийским чемпионом. Может, пора закругляться?..

Тот наш трудный и горький разговор для обоих закончился тем, что Д. Г. посоветовал мне уехать в тайгу на месячишко, к маме. Он знал, что мне нужно.

Ровно через месяц я вернулся из Сизой. Отдохнул душой и телом настолько, что прямо с «корабля», без единой тренировки ринулся на «бал». На тот самый чемпионат на звание абсолютного чемпиона страны, о котором я уже упоминал. Проводился он, как уже сказано было, в цирке и на основе борцовского ритуала, который разработал еще незабвенный «дядя Ваня» Лебедев.

Я боролся с самыми именитыми тяжеловесами и «полутяжами», среди которых были такие, как чемпионы Европы и Союза сыктывкарец Владимир Паршуков и киевлянин Борис Бегаев. Боролся, по словам Миндиашвили, «как юный Бог», и стал первым.

It was difficult to turn to Mindiashvili with those questions. He had warned me, persuaded me not to hurry. But I had no one else to turn to.

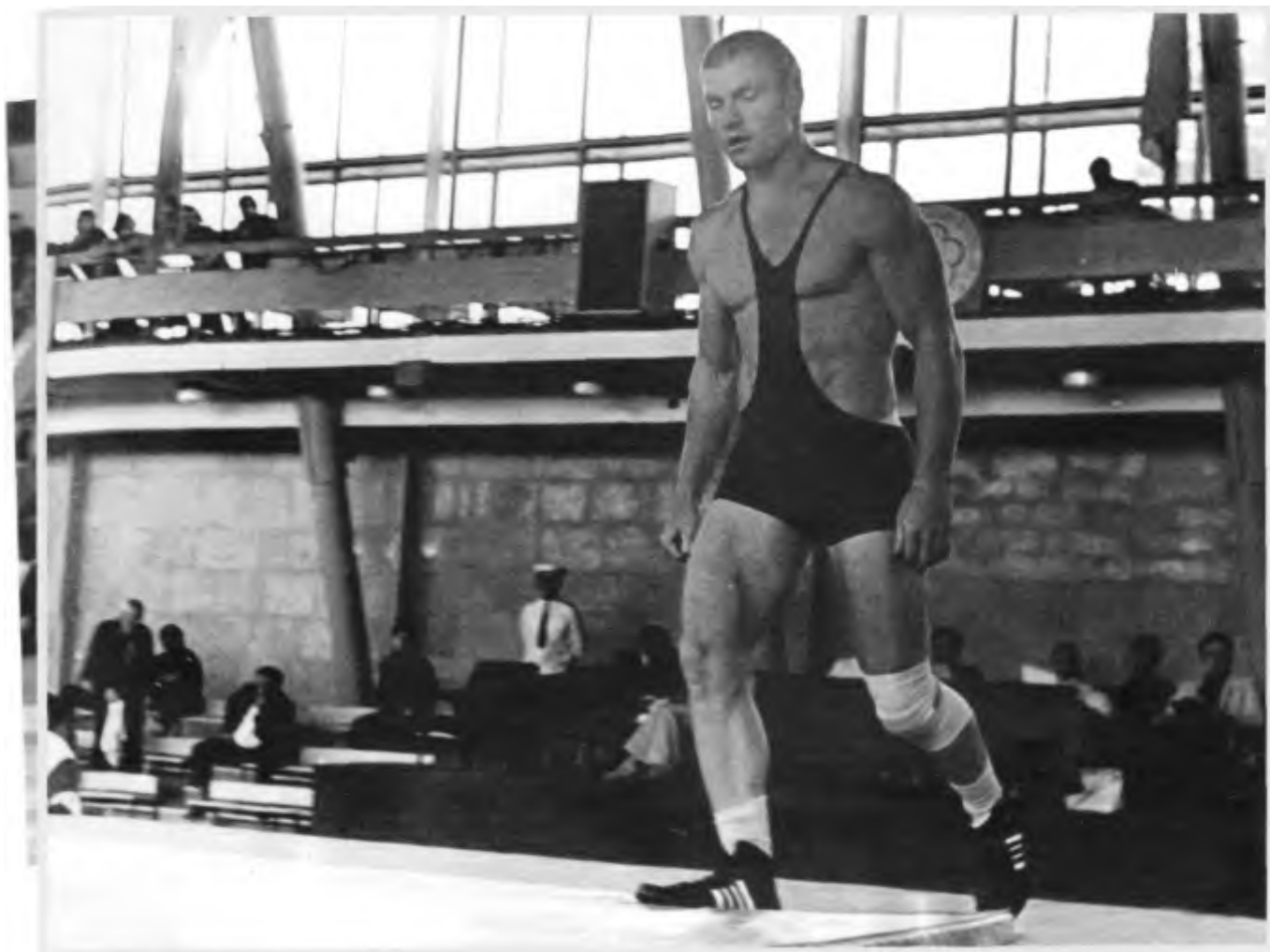
D. G. did not handle me too gently.

«Look here, Ivan», he said frowning, «in sport you have achieved everything I couldn't achieve in my time. You were the country and the world champion. You will forever remain an Olympic champion. Isn't it time to finish up?»

That difficult and bitter talk ended in D. G. 's advice to go to the taiga for a month, to visit my mother. He knew what I needed.

A month later I returned from Sizaya. I had rested bo-dy and soul to such extent that rushed «into combat» immediately, without a single training. It was that very championship for the title of the absolute champion of the country I have already mentioned. As I have said, it was held in the circus according to the wrestler's ritual worked out by the unforgettable «uncle Vanya» Lebedev.

I wrestled the most illustrious superheavies and heavies, including champions of Europe and of the USSR Vladimir Parshukov from Syktyvkar and Boris Begaev from Kiev. I wrestled, as Mindiashvili put it, «like a young God» and was the first.

GULYUTKIN WINS AGAIN

КОНЧИЛСЯ невезучий 1974-й, реально замыкал Олимпийский — 1976-й. К нему, к Олимпиаде в Монреале, мы и стали готовиться с моим тренером, уже до конца осознав, что нашему роману ничего не угрожает, что главные испытания, уготовленные нашей дружбе, уже позади.

Хотя новые испытания готовили мне и «камень преткновения» — выражение, понятное всем. Таковыми живыми камнями на моем пути оставались два человека: Бюттнер из ГДР и все тот же Гулюткин. Я предчувствовал, что по дороге в Монреаль встречи с ними не миновать.

Так и случилось. Благополучно миновав Тбилисский международный, я попал на майский чемпионат Европы, который проходил в ФРГ, в Людвигсхафене. Сначала сбывались худшие мои предчувствия. С Бюттнером бой не сложился. То ли давила на меня память о прошлом поражении, то ли судьи были пристрастны, но, получив три предупреждения за

ТHE unlucky 1974 was over, the Olympic 1976 was at hand. So I began to prepare for the Olympic Games in Montreal together with my coach; we had already fully realized that nothing threatened our romance, that the main trials of our friendship had already been behind.

But the new trials prepared a stumbling-stone for me — everyone would understand what it means. Two men remained such living «stones» on my way: these were Buettner from the DDR and, again, Gulyutkin. I felt that on my way to Montreal I would not escape an encounter with him.

I was right. Having successfully passed the international tournament in Tbilissi I got to the May championship of Europe which took place in the BRD, in Ludwigshafen. At first my worst premonitions came true. The bout with Buettner was not successful. Whether the memory of the previous defeat pressed on me, or the referees were biased, but having received

пассивность, я отдал выигрыш Харальду. Возможно, он был не в лучшей своей форме или слишком выложился в поединке со мной, но две последующие схватки мой «обидчик» проиграл и не попал даже в призеры. Я же, уступив только ему, чемпионом Европы все-таки стал.

Теперь необходимо было попасть в Минск на чемпионат мира, а перед этим «всего лишь» предстояло пройти Спартакиаду народов СССР. Она состоится в Киеве, значит, дорогой мой Володя Гулюткин встретит меня в родных стенах...

Итоги, подведенные нами перед отъездом в столицу Украины, говорили, что я нахожусь в отличной форме: стометровка — 11 секунд, отжимание от пола — 120 и более раз, лазание по канату на пятиметровую высоту — 15 раз без передышки. Плюс еженедельный 52-километровый марафон. В общем, «сдайся, враг, замри и ляг!».

С первой минуты моего появления в гостинице начались неожиданности. Встречаю Левана Тедиашвили. Обнимаемся. «Привет, привет! А я, между прочим, в "полутяжи" перешел. Не возражаешь?» Я опешил: готовился к Гулюткину, а тут еще Леван. Но виду не подаю. Обещаю другу «туше». А тот, как известно, не лыком шит: «Вах-вах, я тут вас всех разложу. Поймете, что такое настоящий "полутяж"».

Обстановочка во Дворце спорта — еще та. Руководители команд, тренеры сплошь психуют. Это заражает борцов. Требуется дополнительных затрат драгоценной нервной энергии. Но лучшие подготовлены так, что способны противостоять всеобщему психозу. Они и проходят турнир без сучка и задоринки. Такие, как Сослан Андиев, якут Павел Пинигин. В весе до 90 кг всех поражает застенчивый парень из Донецкой области Илья Мате, воспитанник все того же Ялтыряна. Пройдет всего пять лет, и он преградит путь к Олимпийскому пьедесталу сильнейшим нашим борцам и сам поднимется на высшую его ступень.

Ну а ваш покорный слуга? Он вполне успешно продвигался к финалу, где его, как и предполагалось, ждал Гулюткин.

Не спрашивайте меня, как и почему я «отдал» ему один-единственный балл. Не знаю, не помню. Помню только, как взвыл в этот момент Миндиашвили, как он опрометью бросился из зала...

В общем, даже с Леваном я не встретился. Занял третье место. Стоя на нижней ступеньке пьедестала, твердо решил уступить «невезухе» — бросить борьбу.

От полного отчаяния, как уже раз было до этого, меня спасла тайга, Сизая. Моя сибирская семья. О ней и расскажу.

three warnings for passiveness I yielded to Harald. Perhaps, he was not in his best form, or he had exhausted himself in the bout with me, but my «offender» lost the next two bouts and did not even get a prize. As for me, I yielded to no one but him and, anyhow, became the champion of Europe.

Now I had to get to Minsk, to the World championship. Before that I was to take part «only» in the Games of the nations of the USSR. They were held in Kiev, so my dear Volodia Gulyutkin was to meet me at his home...

The summing up we had made before going to the capital of the Ukraine showed that I was in an excellent form: 100-meter distance run in 11 seconds, pressing exercises — 120 times and more, rope-climbing to the height of 5 meters — 15 times without a break. Plus the weekly 52-kilometer marathon. In short, «give up, foe, and lie down!»

The first minute I appeared at the hotel surprises began. I met Levan Tediashvili. We embraced, greeted each other. «Hello, hello! By the way, I have passed to the heavy category. Don't you mind?» I was flabbergasted: wasn't Gulyutkin enough for me? And now, to crown it all, Levan! Of course I made no sign and promised a «fall» to my friend. But he is no weakling: «Chacha, I'll make you all here fall. You'll see what a genuine heavy looks like».

There is some atmosphere in the Sports Palace. The team leaders, the coaches, all of them are raving mad. This infects the wrestlers and requires additional expenditure of the precious nerve energy. But the best ones are prepared in such a way they can withstand the mass psychosis. They pass the tournament without a slip. Among them there are Soslan Andiev, the Yakut Pavel Pinigin. In the weight category up to 90 kilograms there is a sportsman who amazes everyone: he is a shy fellow from the Donetsk district, Ilya Mate, the pupil of the mentioned above Yaltyrian. Only five years will pass, and he will bar the way to the Olympic victory stand to our strongest wrestlers and mount it himself.

And now, what about me? I successfully moved my way towards the finals where, as it had been supposed, Gulyutkin was waiting for me.

Don't ask me why I lost the one and only point to him. I don't know, I don't remember. I only remember how Mindiashvili howled at that moment, how he rushed out of the hall...

In short, I did not even wrestle Levan and took the third place. Standing on the lower step of the victory stand I decided firmly to surrender to the bad luck and to give up wrestling.

It was taiga again that saved me from utter frustration, as it had saved me many times before. It was also Sizaya and my Siberian family. Now I'll tell about it.

THE FAMILY PAN

ЕЩЕ в пору нашей жизни в Туве обычной магазинной сковороды, даже самой большой, нам хватать перестало. Отец в своей кузнице сделал специальную — ярыгинскую. Сразу на ведро картошки.

Старший брат Геннадий мальчишкой вставал раньше всех и отправлялся на Енисей. Пока мама доила коров и давала корм свиньям, он приносил две тяжелых низки больших с черными пятнышками на спинке хариусов.

Печь уже растоплена, картошка начищена, полчаса спустя вся семья усаживается вокруг сковороды. Завтракать.

С той поры, должно быть, Гена пристрастился к реке, к Енисею, почувствовал себя здесь в родной стихии. Стал мотористом на катере. Однажды его катер занесло на пороги, и малое суденышко перевернулось на полной скорости. Ни один человек не спасся.

Погиб, как я уже упоминал, и другой мой брат — Василий, тракторист.

Каждый раз, когда нам, оставшимся восьмерым братьям и сестрам, удастся собраться под крышей родного дома, вспоминаем о них. Брат Николай и

LONG ago, when we still lived in Touva, a standard pan from the shop was too small for our family. My father made a special one in his smithy, the «Yarygin pan». It could hold a bucket of potatoes.

My elder brother Gena as a boy got up the first and went to the Yenissey. While Mum milked the cows and fed the pigs he brought two strings of graylings, large, with black spots on their backs.

The stove was already fired, the potatoes peeled, and half an hour later the whole family sat down around the pan to breakfast.

Perhaps since that time Gena took to the river, the Yenissey; here he felt in his element. He became a motorist at a launch. Once his launch was thrown to the rapids and the small boat overturned at full speed. No one was rescued.

As I have already mentioned, my other brother, Vassily, the tractor operator, also perished.

Every time we, the remaining eight brothers and sisters manage to gather under the roof of our home we remember them. Brother Nikolai and sister Galina once in a while remind us, the juniors, about the old life.

сестра Галина нет-нет да и напомнят нам, младшим, о прежней жизни.

Николай — мастер буровой установки. Живет неподалеку от Сизой в Минусинском районе. А у Галины фамилия по мужу Деруга. Галина — учительница, а муж ее Анатолий — доктор физико-математических наук, профессор Красноярского строительного института. Растят двоих «деружат».

Я у Гали, похоже, в любимчиках. Никак забыть не может, как в 1966 году заболела, нуждалась в деньгах для поправки здоровья, а денег в семье в ту пору не было. И вот любимый братик Иванушка, то есть я, сам не работая, все же... Ну и так далее, о чем рассказывать моя сестричка не устаёт при случае и без случая...

Двум моим сестрам: Наде — мастеру строительного участка на Саяно-Шушенской ГЭС — и Любе — учительнице русского языка в поселке Майне, что рядом с Сизой, чтобы повидаться друг с другом, ездить никуда не надо. Живут они рядом.

В 1958-м замкнули нашу «десятку» близнецы Коля и Люда. Люда закончила строительный фа-

Nikolai is a foreman at a boring aggregate. He lives not far from Sizaya, in the Minusinsk region. Galina's surname in marriage is Deruga. She is a teacher and her husband Anatoli is doctor of science, professor at the Krasnoyarsk Building Institute. They are raising two little «derugas».

I seem to be Galya's favorite. She cannot forget how she fell ill in 1966, needed money for treatment, but the family had no money then; but her darling little brother Ivanushka who did not work himself, still... And so on; my sister never tires to tell about it at any occasion and without any occasion.

My two sisters, Nadia, the foreman at a building site at the Sayano-Shushenskaya hydroelectric power station, and Lyuba, a Russian language teacher in the village of Maina near Sizaya, don't have to go far to see each other. They are almost neighbors.

In 1958 our ten was «concluded» by the twins, Kolia and Lyuda. Lyuda has graduated from the building faculty of the Krasnoyarsk Polytechnic Institute. And Kolia has become a hunter.

культет Красноярского политехнического. А Коля стал охотником.

... Ну а то мое бегство от ковра, после проигрыша Гулюткину, прошло под знаком брата Сашки. Он на два года младше меня. В свое время потянулся за мной — решил тоже стать борцом. Выступая в категории 90 кг, был даже чемпионом страны среди молодежи. Но, видно, судьбе неугодно было видеть на Больших коврах двух Ярыгиных. Одолели Сашку травмы, и борец переквалифицировался в профессионального охотника. Растит вместе с женой двух сыновей.

Тогда, после злополучной Спартакиады, взял он меня с собой в тайгу. Из меня охотник, как уже сказано, никакой. А брат завалил медведя и двух маралов.

И меня попутно исцелил от всяких комплексов. И вот что я скажу в завершение этой главы. Замечательное, спасительное чувство — ощущать себя веткой большого и сильного дерева. За многое я благодарен отцу и матери, но более всего за то, что ветка эта не одинока, не сама по себе, что еще другие — от того же ствола, от того же корня...

As for my escape from the mat after my having lost to Gulyutkin, it passed under the token of my brother Sashka. He is two years younger than me. In his time he started after me and decided to become a wrestler too. In his category of 90 kg he was even the junior champion of the country. But Fortune seemed displeased to have two Yarygins on Big Mats. Sashka was overcome by injuries, and the wrestler changed his occupation and became a professional hunter. Together with his wife he is raising two children.

That time, after the ill-starred Games, he took me hunting to the taiga. As I have already said, I am no hunter. As for him, he killed a bear and two deer.

Besides, he cured me of all my complexes. In conclusion of this chapter I want to say the following. It is a marvellous, saving state to feel oneself a branch of a large and powerful tree. I am grateful to my parents for many things, but most of all for this branch not being lonely, for the other ones, from the same root and the same trunk.

?

WHAT WILL SHAKHMURADOV SAY?

В МИНСКЕ наши борцы вольного стиля завоевали четыре золотые, три серебряные и одну бронзовую медаль. И в девятый раз отпраздновали командную победу на чемпионатах мира. Правда, прежде бывали победы и повесомей. Но ведь и наши соперники не стоят на месте. Американцы, болгары, монголы изобрели немало интересных новинок.

Все дни чемпионата я был в Минске. Порадовался за Левана: он в четвертый раз стал чемпионом мира. Порадовался за команду в целом: хорошо, двадцатидвухлетний Сослан Андиев смог решить труднейшую задачу — заменить в команде Медведя.

Ловил себя на том, что оцениваю Минск с позиций Монреаля, где должна была пройти очередная Олимпиада. Гулюткин так и не смог завоевать «золото». Уступил его нашему старому сопернику монголу Баянмунху. Может быть, в этом и есть мой шанс?

Миндиашвили никогда не терял надежды увидеть меня на второй Олимпиаде. Едва мы получили правительственные награды за Мюнхен, как он начал твердить о Монреале. Естественно, этот далекий канадский город стал и моей мечтой.

IN Minsk our free-stylers won three gold medals, three silver and one bronze. For the ninth time they celebrated the team victory at the championships. However, they had more weighty victories before. But our rivals also develop. Americans, Bulgarians, Mongols have invented many interesting actions.

I spent all the days of the championship in Minsk. I was glad for Levan: he became the world champion for the fourth time. I was also glad for the whole team: it was good that the twenty-two-year-old Soslan Andiev managed to solve a most difficult task, to substitute Medved in the team.

I caught myself at evaluating Minsk from the standpoint of Montreal where the next Olympic Games were to take place. Gulyutkin still failed to win the «gold». He Let our old rival, the Mongol Bayamunh have it. Could that be my chance?

Mindiashvili never Lost the hope to see me at the second Olympic Games. As soon as we got the Government rewards from Munich he began to speak about Montreal. Naturally this faraway Canadian city became my dream too.

Теперь, после поражения Гулюткина, непременно встанет вопрос о кандидатуре «полутяжа» в олимпийскую сборную. В первую очередь ответить на него придется новому главному тренеру Юрию Шахмурадову.

Горько, но таков спорт: пока тебя не победили — все в порядке; стоит лишь раз не доказать своей надежности — и главный тренер уже начинает смотреть по сторонам, ищет тебе замену. Сейчас, похоже, я должен снова попасть в поле зрения Шахмурадова.

О чем он думает сейчас, наш хитроумный Юрий Аванесович? Пожалуй, не столько обо мне, сколько о Бюттнере, одержавшем надо мной две победы. А что, если немец и есть тот психологический барьер, одолеть который Ярыгин не в состоянии? И здесь даже самыми пылкими словами Миндиашвили (а он всем и каждому доказывает, что в этот олимпийский год ставку надо делать на сибиряка Ярыгина) никого не убедишь.

Но я все-таки включен в команду, едущую на очередной Кубок мира в Толидо. То, что Кубок разгрывается в олимпийский год, делает эти престижные соревнования особенно волнующими для нас и американцев. Те выставляют сильнейших борцов: проверяют свою команду перед Играми. Но мы побеждаем во всех поединках — и в официальных, и в товарищеских. Уступают нам сборные и Ирана, и Канады.

Для меня главным итогом поездки в Америку стали победы во всех схватках и... потеплевший взгляд Юрия Шахмурадова. Неужели он снова начинает верить в меня?

Точно! Шахмурадов, не колеблясь, выставляет меня на чемпионат Европы. Понимаю, что просто выиграть сейчас мало. Надо победить так, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения, стоит ли Ярыгина посылать в Монреаль.

Ленинград. Дворец спорта «Юбилейный». Зрителей столько, сколько еще ни разу не бывало на борьбе, переполненный зал. Выступить в таком зале — всегда удовольствие, и я вспоминаю, что и в Штатах, и в Европе количество болельщиков с каждым годом увеличивается. С благодарностью думаю о президенте Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА) Милане Эрцегане и его помощниках. Они славно потрудились над тем, чтобы популярность нашего вида спорта выросла во всем мире...

Когда в 1972 году в олимпийском Мюнхене Эрцегана избрали президентом, мы знали о нем немного. После второй мировой войны, которую Милан прошел командиром партизанского отряда, он стал директором научно-исследовательского института спорта, написал ряд учебников по борьбе, возглавлял Всеюгославский Союз спорта. Нас, борцов,

Now, after Gulyutkin's defeat, the question will inevitably arise about the heavy candidate to the Olympic team. The new chief coach Yuri Shachmuradov will have to answer it first.

Bitter as it is, but sport is like this: until you are beaten everything is all right; but if you fail to prove your reliability only once, the chief coach begins to look around searching a substitute for you.

What is he thinking of now, our ingenious Yuri Avanesovitch? Probably not so much of me as of Buettner who has beaten me twice. What if the German is that very psychological barrier Yarygin cannot overcome? Even the most heated words of Mindiashvili (who is convincing everyone that in this Olympic year one must stake on Yarygin from Siberia) are powerless.

But still I am included in the team going to the next world Cup competition in Toledo. The fact the Cup is held in the Olympic year makes this important competition especially exciting for us and for Americans. The latter sent the strongest wrestlers there; they are testing their team before the Olympic games. But we win in all the bouts, both official and unofficial. Both the Iranian and the Canadian teams yield to us.

For me the main result of the American trip were the victories in all the bouts and... a friendlier look of Yuri Shakhmuradov. Can he really begin to trust in me again?

Exactly! Without hesitating Shakhmuradov sends me to the Europe championship. I understand: it is not enough to win now. I must win in such a way nobody can have any doubt whether Yarygin is worth sending to Montreal.

Leningrad. The sports palace «Yubileiny». I have never seen such a number of spectators at the wrestling competitions: the gym-hall is overcrowded. It is always a pleasure to perform in such a hall, and I remember that both in the USA and in Europe the number of fans increases with each year. With gratitude I think of the FILA president Milan Ercegan and his assistants. They have done a good work to increase the popularity of our sport in all the world.

In 1972 when Ercegan was elected president in the Olympic Munich we knew little of him. After World War II where Milan had fought as the commander of a partisan detachment, he became Director of the Sports Research Institute, wrote a number of manuals in wrestling, headed the All-Yugoslavian Sports Union. We, wrestlers, were especially stricken by the fact that man had mastered ten languages perfectly. And remaining a scientist he turned

пожалуй, более всего поразило, что этот человек в совершенстве владеет десятью языками. И вот, оставаясь ученым, он еще оказался великолепным организатором и пропагандистом борьбы.

Кстати, уже после Ленинграда ФИЛА под руководством Эрцегана разработала новые правила ведения поединков, которые сделали борьбу более динамичной и зрелищной. Но на том чемпионате Европы действовали еще старые правила, предусматривающие три периода в каждой схватке.

Эти три периода мне не понадобились. Чехословацкого мастера Дрозду, болгарина Костова, Цингера из ГДР и турка Гючлю я тушировал в самом начале боя. На все поединки того чемпионата я затратил всего четыре минуты, повторив «рекорд», который установил в Мюнхене. Охочие до красот журналисты писали, что Ярыгин выступал с «ураганным натиском». Это и правда: было чертовски радостно ощущать свою полную раскрепощенность, свежесть движений, силу.

А вот Бюттнер, к моему величайшему сожалению, в Ленинград не приехал. В том моем состоянии я бы с удовольствием показал тренерскому совету, как преодолевают «психологический барьер». Но оказалось, ничего этому совету доказывать уже

out to be a marvelous organizer and propagandist of wrestling.

By the way, after Leningrad the FILA headed by Ercegan worked out new rules of wrestling which made it more dynamic and spectacular. But at that championship of Europe old rules worked which stipulated three periods in every bout.

I did not need those three periods. I threw the Czechoslovakian sportsman Drozd, the Bulgarian Kostov, Zingler from the DDR and Gyutchlia from Turkey at the very beginning of the bout. It took me four minutes to win in all the bouts of that championship, and I repeated the record I had set in Munich. Reporters with their passion for embellishment wrote that Yarygin had fought «with a hurricane onslaught». In fact, it was awfully good to feel my complete freedom, freshness of movements, strength.

As for Buettner, to my utmost regret he did not come to Leningrad. In that state of mine I would have gladly shown the coaches' board how one overcame «a psychological barrier». But it appeared I had nothing more to prove to that coach's board. Having freed me from the May championship of the country in Odessa so that I

не надо. Освободив меня от майского чемпионата страны в Одессе, чтобы я отдохнул от двух предыдущих турниров, тренеры включили меня в состав олимпийской команды.

Я вернулся в Красноярск, махнул на недельку к отцу-матери, побродил, порыбачил в тайге...

Пришло время предолимпийского тренировочного сбора. Моими спарринг-партнерами здесь оказались Асламбек Бисултанов, занявший первое место на чемпионате Союза, и мой дружок Алексей Атаманов, радовавшийся своей серебряной медали на этом турнире, как ребенок. Спасибо им, они отдавались спаррингу всей душой.

... И вот уже конец июля. Портные подгоняют на нас новенькие олимпийские формы, мы ведем прощальные телефонные разговоры с женами, с папами и мамами. В последний перед отъездом день Олимпийская сборная в полном составе возлагает цветы к Мавзолею В. И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата. Мы клянемся отдать все силы, чтобы оправдать надежды посылающей нас на Олимпиаду Родины...

Как давно, как недавно это было!

could have a rest after the previous tournaments they included me in the Olympic team.

I returned to Krasnoyarsk, spent a week at my parent's home, walked and fished in the taiga...

Then the pre-Olympic training preparations came. My sparring-partners there were Aslambek Bisultanov who had taken the first place at the championship of the USSR and my pal Alexei Atamanov who rejoiced in his silver medal at that tournament like a child. I am grateful to them, they gave themselves to sparring heart and soul.

...The end of July. The tailors try on our new Olympic uniforms on us, we phone goodbye to our wives, mums and dads. On the day before departure to the Olympic Games the whole Olympic team brings flowers to Lenin's Mausoleum and the grave of the Unknown Soldier. We swear to do our best to justify the confidence of our motherland sending us to the Olympic Games.

What a long, what a short time has passed since!

13: 2 19: 13

МОНРЕАЛЬ... Стоит его вспомнить, как в голове, будто на табло, вспыхивают эти цифры — 13: 2, а за ними 19: 13. Первые — это все тот же Харальд Бюттнер.

Надо же такому случиться: жребий сводит меня в первом же поединке именно с ним! Нет чтобы кто-то другой, пусть сильный, пусть непредсказуемый. Так нет — он! Известный тем, что дважды меня победил.

Сказать, что мы с Миндиашвили готовились к той встрече, — ничего не сказать. Прежние схватки выучили наизусть. Разложили по полочкам. Каждому действию сочинили противодействие. В моей победе были уверены, но ведь и Бюттнер не терял времени даром.

Ну вот и встретились. Привет, Харальд! Э, да ты бледен, дружок. Впрочем, я тебя понимаю: столько лет идти к главной для каждого из нас вершине...

13: 2 AND 19: 13

MONTREAL... Every time I remember it these figures: 13: 2 and 19: 13 flash in my head as on the tableau. The first figures mean Harald Buettner again.

Things happen: it was he with whom the drawing of lots brought me together in the very first bout! It could be someone else, however strong and unpredictable. But no, it was he! The man famous for his two victories over me.

To say that Mindiashvili and I had prepared to that encounter is to say nothing. We had learned all the previous bouts by heart. We had considered every detail. We had invented a counteraction to every action. We were sure of my victory, but Buettner had not lost time either.

And so we met. Hello, Harald! Oh, you are pale, my friend. But I understand you, for so many years each of us is climbing to his main height...

Тренер что-то шепчет тебе на ухо. Ты замер. Смотришь в одну точку. Наверное, внушаешь себе: «Я дважды выиграл у этого Ярыгина! Два раза! Два! Два! Почему не могу выиграть в третий? Выиграю! Выиграю! Выиграю!!!»

Мне кажется, я слышу все его мысли. Но помню и то, что минуту назад кричал мне Миндиашвили: «Ты должен его разорвать. Здесь! Сейчас! Разорвать! Ты для чего сюда приехал? Разорвать!»

А Бюттнер, зная, что однажды это удалось, сразу же пытается «пройти» в ноги. Пройдет — считай, один балл у него в кармане. Скачущего на одной ноге подсесть — не фокус.

Но я чувствовал, что именно с этого он и начнет. Близо не подхожу. Сгибаюсь мгновенно. Закрываю пространство между грудью и ковром. Ага, не ожидал, голубчик! И вдруг он входит в клинч. Обвивает, пытается бросить через бедро. Так вот твоя секретная заготовка! Усилием рук гашу инерцию движения, подседаю и сбиваю его в партер... Есть балл!

С такими же деталями о каждой секунде той встречи я мог бы рассказать и сегодня. Но чего томить себя и вас? Просто представьте себе арбитра, который едва ли не каждую минуту выбрасывает руку с растопыренными пальцами, указывающими количество баллов. А в третьем периоде их у меня оказалось тринадцать, против двух Бюттнера. Победа за явным преимуществом.

Миндиашвили... Ох уж этот грузинский темперамент! В Мюнхене, когда я одержал последнюю победу, Д. Г. не выдержал и выскочил на ковер. Я тогда поднял его высоко над головой и на вытянутых руках вынес из зала. Только так я мог выразить свою любовь и признательность. А сейчас он пустился в какой-то невообразимый пляс у ковра...

Но я здорово забежал вперед. В церемонии открытия мы, вольники и дзюдоисты, не участвовали. Государство экономило и отправляло нас, когда Игры уже близились к завершению. Мы уже знали: медалей наша команда нахватала столько, что неофициальное первое место ей, пожалуй, уже обеспечено. «Вольники» давно негласно соревнуются с «классиками», и мы не без ревности узнаем: те сумели завоевать семь золотых. Среди чемпионов — наш красноярец Алеша Шумаков. Приехав, узнаю, что благодаря своему небольшому росту, общительности и остроумию, Алеша — популярнейшая личность в Олимпийской деревне. И у Володи Чебоксарова — тоже сибиряка, но родом из Тюмени — серебро. При встрече поздравляю их, Алешу поднимаю на руки, подбрасываю вверх: в нем 48 кг — легонький. Но мал, да удал.

Смеемся, радуемся, а на душе кошки скребут: как-то сложится у тебя самого?

The coach is whispering something to your ear. You have frozen. You are staring straight. You must be convincing yourself: «I have beaten this Yarygin chap twice. Twice! Twice! Twice! Why cannot I beat him for the third time? I will beat him! I will! I will!»

It seems to me I hear all his thoughts. But I also remember what Mindiashvili shouted to me a minute ago: «You must tear him limb from limb. Here! Now! Tear him! What have you come here for! Tear him!»

And Buettner tries to get to my feet knowing he has once managed it. If he succeeds, a point is his. It is child's play to backheel someone jumping on one leg.

But I feel he will begin with this very action. I don't come up close. I bend instantaneously. I cover the space between the chest and the mat. Ah, my dear, isn't it unexpected? And suddenly he enters a clinch. He grabs me and tries to throw me over his thigh. So this is what you are secretly keeping in store! By an effort of my arms I stop the inertia of the movement, crouch and throw him to all fours... I've got a point!

Even now I could describe every minute of that bout in the same detailed way. But why should I bore you and myself! Just imagine a referee who raises his hand with the thumb and fingers showing the points scored almost every minute. In the third period I had thirteen, to Buettner's two. A victory with an evident advantage.

Mindiashvili... Oh, that Georgian temper of his! When I won my last victory in Munich D. G. could not control himself and sprang out to the mat. And I lifted him high above my head and carried him out of the gym-hall on my stretched arms. And this time he started some weird dance at the mat.

But I am forestalling events. Free-stylers and judoists did not take part in the ceremony of the opening. The state was economizing and sent us when the Games were about to end. We knew our team had gathered such a quantity of medals that the unofficial first place was granted to it. Free-stylers have been for a long time informally competing with «Greco-Romans» and with a string of jealousy we learn that the latter have managed to win seven gold medals. Among the champions there is a lad from Krasnoyarsk, Aliosha Shumakov. On my coming I get to know that thanks to his small height, amiable disposition and wit Aliosha has become a most popular person in the Olympic village. Volodia Tcheboxarov, also a Siberian but from the city of Tyumen', has won silver. I congratulate them, lift Aliosha on my arms, toss him up: he is featherlight, 48 kilograms. But this is no obstacle for him.

Ждать и догонять — как известно, хуже этого ничего нет. А здесь сразу и то, и другое. Приходится ждать, когда начнется наш турнир. И догонять друзей-чемпионов. К счастью, несмотря на то, что последние тренировки провожу изо всех сил, все равно страшно хочется выйти на ковер. Значит, я в пике формы. Только бы не «перегореть» до начала.

И вот оно начало — Бюттнер...

Дальше все идет нормально. Аргентинец Верник, чех Дрозд, болгарин Костов, старина Баянмунх оказались слабей.

Финал.

Помните, как мой дальновидный тренер, выслушав рассказ о встречах на первом Кубке мира с американцем Рассом Хеликсоном, о том, как я делился с ним опытом, хмурился и качал головой? И не зря. Можно сказать — как в воду глядел Д. Г. Мой дружок Расс оказался способнейшим учеником. Настолько, что в этой финальной встрече я пожалел, что был слишком щедр, обучая его. А в приемах, атаках и контратаках Расса я видел самого се-

We laugh and joke, but I feel uneasy: how will I do myself?

As it is known, the two worst things in the world are to wait and to catch up. But here I have got both. I have to wait till our tournament begins. And I have to catch up with my champion friends. Fortunately, although I train with all my strength the last days I am still awfully willing to step up to the mat. This means I am in the peak of the form. The main thing is not to lose it before the competitinn begins.

And here is the beginning: Buettner.

After this everything is all right. The Argentinean Vernik, the Czech Drozd, the Bulgarian Kostov, the good old Bayamunh — all of them turned out weaker.

The finals.

Do you remember how my far-sighted coach had frowned and shook his head when I had told him about my encounters with the American Rass Helikson at the first Cup tournament and about the

бя, как в зеркале. А главное, хотя я не раз выигрывал у него прежде, он и не думал отступить: постоянно шел на обострение, делал мои же излюбленные броски.

Словом, встреча наша закончилась с феноменальным, почти баскетбольным счетом 19 : 13.

После сирены мы повисли друг на друге — то ли в объятиях, то ли не в силах были разойтись. Судье стоило немало труда разъединить нас и поднять мою руку. В знак победы.

К этому времени в ранге олимпийских чемпионов уже пребывали Володя Юмин, Паша Пинигин, Сослан Андиев. Я стал четвертым.

А 31 июля завершился последний поединок нашей сборной. Леван Тедиашвили встретился с американцем Беном Петерсоном. В Мюнхене очень сильный и всегда отлично подготовленный Петерсон, выступая в категории 90 кг, смог подняться на высшую ступеньку Олимпийского пьедестала почета. И, конечно, хотел повторить свой успех в Монреале. Как мечтали об этом Леван и я. Но вот беда — в ту же весовую категорию успел перебраться наш Тедиашвили.

Во многом их финальная схватка была похожа на нашу с Рассом — такая же бурная, атака одного тут же сменялась броском другого. Но во всех острых ситуациях Леван все-таки переигрывал американца. «Золото» досталось ему.

И вот наступил день, который навсегда... Нет, об этом дне позже. С самого начала этого рассказа я хотел поведать о моем друге Леване Тедиашвили. Попытаюсь это сделать сейчас, когда вспомнил о наших монреальских победах, о днях общей, ничем не омраченной радости.

Когда я называю его имя в кругу общих знакомых, добрая улыбка появляется на лицах: ведь речь идет о самом остроумном человеке нашей сборной. Но никто не удивился и когда Леван стал председателем колхоза. А сейчас он — депутат грузинского парламента. Видно, Леван из тех людей, от которых можно ждать побед на любом поприще.

Для Левана борьба — прежде всего спорт. А спорт — игра. И я редко видел его грустным.

Но видел.

В 1978 году на чемпионате мира в Мехико в финальном поединке он попался на прием и оказался на лопатках. А ведь совсем недавно на международном Тбилисском турнире и на чемпионате Европы он был первым. В Мехико достал его мой Харальд Бюттнер, который здесь смог-таки добыть золотую медаль чемпиона мира — сбылась заветная мечта.

Вот тут-то Леван так загрустил, что целый год не появлялся на ковче.

Неужели, думал я, его не вернет и предстоящая

way I shared experience with him? He proved to be right. To tell the truth, D. G. had seen it through. My pal Rass turned out to be a most capable pupil. So capable that during the final bout I regretted I had been to lavish while teaching him. In Rass's holds, attacks and counterattacks I saw myself as if in the mirror. And, most important, although I had defeated him more than once before he did not even think of retreat: all the time he tried to intensify the situation and made my own premium throws.

In short, our bout resulted in an incredible, almost a basketball score: 19 : 13.

After the siren we hung upon each other, whether in an embrace or we were just in no condition to part. It took the referee much effort to bring us apart and to raise my hand as a sign of victory.

By that time Volodya Yumin, Pasha Pinigin, Soslan Andiev had already got the titles of Olympic champions. I was the fourth.

On July 31 the last bout of our national team was over. Levant Tediashvili wrestled the American Ben Peterson. In Munich Peterson who was very strong and always excellently prepared, had mounted the highest step of the Olympic victory stand. Of course he was eager to repeat his triumph in Montreal. So were Levant and I. But unfortunately Tediashvili had already passed to the same weight category.

Their final bout resembled that of Rass's and mine: it was as stormy, an attack of one was immediately followed by a throw of the other. But in all sharp situations Levant overplayed the American. He got the gold.

And then the day came which forever... But no, I'll tell about that day later. From the very beginning of this story I wanted to tell about my friend Levant Tediashvili. I'll try to do it now as I've remembered our Montreal victories, the days of the mutual unclouded joy.

When I mention his name in the circle of our acquaintances, kindly smiles appear on all the faces, for it goes about the wittiest man in our national team. But no one was surprised when Levant became the head of a collective farm. And now he is deputy of the Georgian Parliament. Levant must be the kind of people who always win whatever their occupation is.

For Levant, wrestling is first of all sport. And sport is a game. And I seldom saw him sad.

But I did.

In 1978, at the world championship in Mexico he got caught by a hold and fell flat, although quite a short time before, at the Tbilissi international tournament and at the Europe championship he had been the first. In Mexico it was my Harald Buettner who got him; there he managed to win the gold medal of the world champion, his dream came true.

московская Олимпиада? Но чтобы попасть на нее, надо победить на чемпионате страны. Приедет или не приедет? Приехал. Его схватка закончилась с Ильей Мате вничью. Судьи решили продолжить ее до первого технического действия одного из соперников. Это действие удалось Илье...

В следующий раз я встретился уже с Леваном председателем. Вполне, надо сказать, преуспевающим в своей работе. Леван снова смеялся: «Я, — говорит, — хитрый. Ведь когда еще начал готовить себя к другой жизни. Для чего, как ты думаешь, я после физкультурного института юридический кончал? Для этого, Ваня. Для этого...»

В общем, выглядел Леван, как всегда, счастливым. Кто мог предположить, что счастливого ждет такой удар, какой приходится на долю немногим?

Не знаю никого из моих друзей, кто бы спокойно, без боли в сердце пережил распад СССР. Но только по Левану это событие хлестнуло наотмашь, со страшной силой.

В свое время я напишу о том, какой была сборная Союза по вольной борьбе, какими живыми и трепетными были узы интернационального товарищества.

Поэтому для меня, моей семьи начавшаяся в Грузии война с самого начала стала нашей личной драмой. Я представлял себе, что чувствует мой сибирский грузин Д. Г., каково на душе у весельчака Левана, и терзался мыслью о том, что ничем не могу им помочь.

Но смерть Вахтанга, сына Левана, милого, красивого и доброго мальчика, ушедшего на эту войну... Нет, испытанное всей моей семьей потрясение я описать не в силах. А о том, что испытал мой друг, могу лишь догадываться: у меня ведь тоже сын... И сейчас хочу сказать лишь одно: «Прости, Леван... Наверное, мы в чем-то жили не так, если допустили такое...»

After that Levan became sad. He did not appear on the mat for a whole year.

Can he miss even the coming Moscow Olympic Games, I thought. But in order to get there one must win at the country championship. Will he come? He did. His bout with Ilya Mate ended in a draw. The referees decided to continue it till the first technical action of one of the rivals. Ilya was the first to execute it.

The next time I met Levan he was already the head of the collective farm. He did his work quite successfully, by the way. Levan laughed again. I'm cunning, he said. I began to prepare myself for a different way of life long ago. Don't you know why I entered the Law Institute after graduating from the Institute of Physical Culture? Just for this, Vanya, just for this...

In short, Levan always looked a lucky man. Who could think the lucky man was awaited by a blow which not many are destined to suffer?

I don't know any of my friends who took the disintegration of the USSR calmly, without pain. But only for Levan this event was a blow of terrible force.

Below I will tell about the national team of the USSR in free-style wrestling, about our strong and tender bonds of the international comradeship.

That is why for me and for my family the war which had begun in Georgia was our personal drama from the very beginning. I imagined how my Siberian Georgian D. G. was feeling, what the state of mind of the jovial Levan was, and I suffered as I was powerless to help them.

But the death of Vachtang, Levan's son, a nice, handsome and kind boy who had gone to that war... No, I cannot describe the shock all my family suffered. And I can only guess what my friend suffered: I have a son too... And now I want to say only one thing: «I am sorry, Levan... We must have lived in a wrong way if we allowed such a thing to happen».

AND THE DAY CAME

НО вернусь в Монреаль. Настал день и час, который я не забуду до конца дней своих. Перед церемонией официального закрытия Олимпиады — общее собрание нашей делегации. Вносится предложение: на параде закрытия Игр флаг нашей страны несет Ярыгин. Я растерялся, почувствовал, как кровь прилила к лицу. Предложение принимается единогласно. Начинаю осознавать: не тебе честь, Иван, — всей советской школе борьбы.

Сказать, что здорово волновался, когда оказался впереди нашей колонны с красным флагом в руке, — ничего не сказать. Дело прошлое, но монреальская Олимпиада стоила всем нам нервов не только во время выступлений. Активней, чем когда-либо до этого, работали против советских различные общественные организации. В адрес наших спортсменов раздавались угрозы. Газеты дружно предсказывали, что половина советской команды останется в Канаде, «выбрав свободу». Перед самым парадом закрытия анонимный звонок предупредил: появитесь на стадионе — будем стрелять. Руководству делегации пришлось срочно связываться с Москвой, чтобы разрешили вывести спорт-

BUT let me return to Montreal. There the day and the hour came I will never forget till the end of my life. Before the ceremony of the official closure of the Olympic Games a meeting of our delegation took place. Someone proposed that at the closing parade of the Games the flag of our country should be carried by Yarygin. Bewildered, I felt my colour rising. The proposal was taken unanimously. I began to realize: the honour is not to you, Ivan but, to the whole Soviet school of wrestling.

To say that I worried a lot when I appeared at the head of our column with the red flag in my hand is to say nothing. It was long ago, but the Montreal Olympic Games cost us nerves not only during the competition. Various public organizations worked against the Soviets more actively than usual. Threats were addressed to our sportsmen. On the eve of the closing parade an anonymous phone call warned: if you appear at the stadium we will shoot. The heads of the delegation had to communicate with Moscow urgently to be allowed to take the sportsmen to the parade. Fortunately, the warning was considered a bluff. And so it was.

сменов на парад. К счастью, там сочли это «предупреждение» блефом. И не ошиблись.

Пока я шел с флагом в руке, мысли обо всем этом вихрем пролетали в моей голове.

А в Москве встреча была потрясающей. Чтоб не показывать слез, мы прятали лица в охапки цветов. Мне пришлось выступить на митинге.

— Мы ощущали дыхание Родины, — сказал я. И это не было преувеличением.

После первых угарно-радостных часов я попытался разобраться в том, что со мной произошло. Чтобы взойти на вершины Мюнхена и Монреаля, мне каждый раз приходилось что-то преодолевать в себе, переступить через «не могу». А по дороге в Монреаль потребовалось еще и доказать, что, несмотря на все прежние неудачи, в решающий момент я буду на высоте. На карте стоял не только борцовский, но и чисто человеческий мой авторитет: я ведь убеждал Юрия Шахмурадова, что не подведу, стану олимпийским чемпионом во второй раз. Это был риск. Но к этому времени вместе с тренером мы прошли испытание славой и бесславием и в результате стали мудрей, беспощадней друг к другу, а значит, сильнее.

И я был счастлив, прочитав после Монреаля слова Юрия Шахмурадова, в которых он, кажется, угадал главное: «Иван Ярыгин на решающем этапе подготовки к Олимпиаде показал пример САМОЗАБВЕННОЙ ОТДАЧИ. Именно это и обеспечило ему новую значительную победу».

В наших отношениях с Юрием Аванесовичем было потом всякое. Жизнь есть жизнь: и в ней, и в спорте все далеко не просто. Но я и сегодня помню это слово «САМОЗАБВЕННАЯ» и благодарен за него. Оно, слово, отразило меня тогдашнего.

... Порой и сейчас мне на глаза — в семейном альбоме, газетах, старой хронике — попадает фотография, на которой я в Монреале с нашим красным флагом в руке. И начинает звучать во мне знакомая всем песня: «Как молоды мы были, как искренно любили, как верили в себя...»

И не только в себя. Может быть, еще больше — в свою страну. Наши победы в спортивных залах и на стадионах мира — это ее победы, думали мы. И так казалось всегда: ведь она непобедима, наша страна. Не получилось.

While I was going with the flag in my hand all these thoughts flashed through my mind.

The meeting in Moscow was amazing. We hid our faces in the bunches of flowers to conceal tears. I had to speak at the meeting.

«We felt the breath of our motherland», I said. This was not an exaggeration.

After the first crazy and happy hours I tried to understand what had happened to me. To mount the heights of Munich and Montreal, I had to overcome something in myself, to subdue some «I cannot». And on my way to Montreal I had, besides that, to prove that in spite of all my previous failures I will be at my best at the decisive moment. Not only my wrestler's honour but also my human authority was at stake: I had convinced Yuri Shakhmuradov I would not let him down and would become the Olympic champion for the second time. It was a risk. But by that time together with my coach we had passed the test of fame and infamy and become wiser, stricter to each other, and, consequently, stronger.

And I was happy when, after Montreal, I read words of Yuri Avanesovitch Shakhmuradov in which he seemed to have guessed the main thing: «At the decisive stage of the preparation for the Olympic Games, Ivan Yarygin showed an example of selflessness. This secured a new significant victory to him».

Our relationships with Yuri Avanesovitch after that were changeable enough. Life is life; like in sport, not everything is easy in it. But I still remember that word «selflessness» and I am still grateful to him for it. That word reflects my self of those times.

Even now I sometimes come across the photo in which I am in Montreal with our red flag in my hand. I can see it in our family album, in newspapers, in old chronicles. And the well-known song begins to sound in my mind: «How young we were, how tenderly we loved, how truly we believed in ourselves...»

Not only in ourselves. Perhaps even more truly we believed in our country. Our victories in the gym-halls and at the stadiums of the worlds are our country victories, we thought. That seemed to last forever: wasn't our country invincible? It wasn't.

THE SAD WORD "LAST"

В 1977 году я в четвертый раз завоевал Кубок мира, поставив даже своеобразный рекорд этих соревнований: американца Гарольда Смита уложил за 27 секунд. Такое на Кубке случилось впервые. И все же в этой части рассказа мне чаще придется пользоваться не веселыми словами «первый», «впервые», а грустным словом «последний».

В том же году Красноярск вновь проводил чемпионат страны. Мои земляки радовались предстоящему турниру, надеялись на мою победу, предвкушали ее. Увы, я огорчил их и себя. Хитрее и быстрее меня оказался боец из Чечни Асланбек Бисултанов. Надеялся, что хотя бы Леван одолеет молодого усача, но и Леван проиграл. Было одно утешение — я все-таки выиграл у восходящей звезды Ильи Мате, который победил самого Тедиашвили. Но под грузом штрафных очков оказался аж на пятом месте.

Словом, чемпионом страны стал Бисултанов, его послали на первенство мира, а мой бедный

In 1977 I won the world cup for the fourth time having even set a kind of record at that competition: I threw the American Harold Smith in twenty seven seconds. Such a thing happened for the first time at the world championship. But still in this part of my story I will more frequently use not the merry word «first» but the sad word «last». In the same year the championship of the country was held in Krasnoyarsk again. My fellow-townsmen rejoiced in the coming tournament, hoped for my victory, anticipated it. Alas, I distressed them and myself. The wrestler from Chechnia Aslanbek Bisultanov turned out stronger and quicker than I. I hoped that at least Levan would beat the young mustachio, but Levan lost too. I had only one consolation: I defeated the rising star, Ilya Mate who had beaten Tediashvili himself. But under the load of penalty points I managed to take only the fifth place.

Миндиашвили, собравшийся во второй раз на тренерскую работу в Грузию, приказал своей Тамаре распаковывать чемоданы. Решил доказать, что поражение двух его любимых учеников всего лишь случайность.

Я тоже надеялся, что это случайность. Подбадривал себя воспоминаниями о Монреале. Ведь смог! Смог вопреки всему.

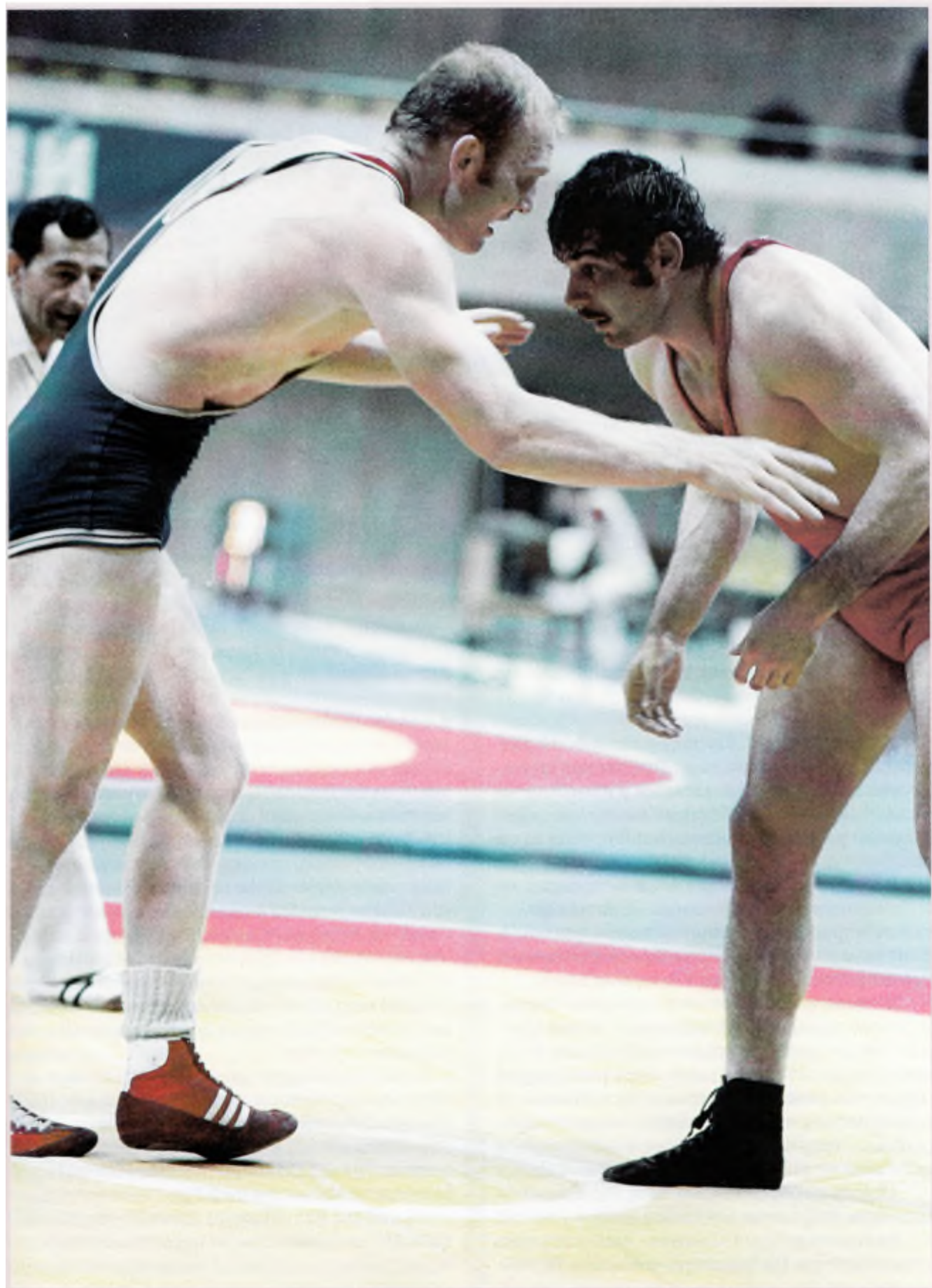
Придется рассказать об этом «вопреки всему» то, что не рассказал прежде. По установившейся традиции нашими спарринг-партнерами в Монреале были «классики». Мне достался Николай Балбошин, борец феноменальной силы. В своих объятиях он смог сломать ребра партнеру и не почувствовать этого. Зато я почувствовал. Когда сказал о сломанном ребре Миндиашвили, тот чуть в обморок не упал. Еще бы: пройти такой нечеловечески трудный путь и споткнуться на финише. Решили — буду бороться. К счастью, мои соперники ничего не узнали. А перед выступлениями тренер часами согревал меня, растирал мазями. Ему помогали врачи и массажисты... И все-таки во время схваток при резких

In short, Bisultanov became the champion of the country, he was sent to the world championship, and my poor Mindiashvili who had for the second time intended to go to Georgia to work there as a coach ordered his Tamara to unpack the suitcases. He decided to prove that the defeat of his two favourite pupils was nothing but an accident.

I also hoped it was an accident. I encouraged myself by recollecting Montreal. I had succeeded then! I had, in spite of everything!

No, I won't give up now either. And I didn't give up. By 1979 I had managed to win the world Cup for the fifth time. Then my third all-Union Games came. The gold was taken by Ilya Mate whom I had defeated in Krasnoyarsk. Magomed Magomedov got the silver. I remained behind them.

But the dream of the third Olympic Games does not leave me. It is heated up by Mindiashvili: he is eager to become the coach of a triple Olympic champion. Besides me, Victor Alexeev and Vladimir

« »

поворотах я терпел сумасшедшую боль. Но ведь победил...

Нет, не сдамся и сейчас.

И не сдавался. К 1979 году успел в пятый раз стать обладателем Кубка мира. Пришла моя третья Всесоюзная спартакиада. «Золото» у Ильи Мате, того самого, которого я победил в Красноярске. «Серебро» — у Магомеда Магомедова. Я остался за ними.

Но мечта о третьей Олимпиаде не покидает меня. Ее подогревает Миндиашвили — он жаждет воспитать трехкратного олимпийского чемпиона. А кроме меня для олимпийской сборной в его школе созревают Виктор Алексеев и Владимир Батня.

Я еще не знаю, что это моя последняя Спартакиада, как последним был Кубок мира. И мое официальное выступление в родном городе тоже оказалось последним. А Шахмурадов, когда речь заходит о будущей московской Олимпиаде-80, сдержан и уклончив: дескать, я не судья в вашем споре, товарищи борцы. Кому стать олимпийцем в этот раз, решайте сами на чемпионате страны. «Товарищи борцы» — это Мате, Тедиашвили, Магомедов, Бисултанов и я, грешный. Незадолго до этого заявления Мате успел стать чемпионом мира, Магомедов — чемпионом Европы. Майское, накануне Олимпиады первенство

Batnya are maturing at his school for the Olympic team.

I don't know yet that these are my last Games, as well as the world Cup was the last for me. My official performance in my native city also turned out to be the last. As for Yuri Shakhmuradov, he becomes reticent and evasive when it goes about the Moscow Olympic Games of 1980, saying: I am no judge in your arguments, comrades wrestlers. It is for you to decide at the country championship who is to be included in the Olympic team this time.

«Comrades wrestlers» are Mate, Tediashvili, Magomedov, Bisultanov and me.

Not long before this announcement Mate had become the world champion and Magomedov the champion of Europe.

The May championship of the USSR at the eve of the Olympic Games took place in Moscow, in the new Sports Palace in the Lavotchkin street.

All the participants of that championship which turned out the last for me did not need to be told what the victory meant for them. I understood that the main thing for me was to overpower Mate. The enigmatic Ilya. He was soft, a bit ironical, not even very strong, but he could unmistakably guess the other's intentions and forestall

СССР проходило в Москве в новом Дворце спорта на улице Лавочкина.

Никому из нас, участников этого, последнего для меня, чемпионата, не надо было объяснять, что означает победа в нем. Я понимал: главное — одолеть Мате. Загадочного Илью. Мягкого, чуть ироничного, даже не обладающего особой силой, но зато умеющего безошибочно разгадывать чужие замыслы и опережать... Всегда на мгновение опережать тебя.

Мате победил и в этот раз. И хотя с Леваном он завершил схватку вничью, оказался на первом месте.

У меня — всего лишь третье...

И тогда, и сейчас Миндиашвили считает, что, попади я в олимпийскую сборную, страна получила бы трехкратного чемпиона Олимпиады, в вольной борьбе. Но спорт, как и сама история, не имеет сослагательного наклонения. Всякие «если бы» представляют здесь чисто умозрительный интерес. Победил сильнейший — и этим сказано все.

К сожалению, сам побежденный от этого думы сразу избавиться не в состоянии. В ночь после закрытия чемпионата горькие мысли непрерывно прокручивались в моем мозгу. А под утро пришел страх, какого я ни разу в жизни не испытывал. Я понял, что не знаю, как жить дальше — без цели, без надежды. Более всего пугало наступающее утро. Еще вчера я знал, что оно начнется с зарядки и... А зачем она сейчас, эта зарядка, если никакого «и» за ней не последует?..

Годы спустя, когда боль окончательно ушла и в течение дня меня ждало бесчисленное количество дел, я вызывал в себе воспоминания о той ночи вполне сознательно. Главный тренер должен хорошо понимать, что однажды испытывает человек, отдавший свою жизнь борьбе и исчерпавший себя...

В ту ночь я еще не знал, что ураган разыгравшихся во мне чувств один островок в душе оставит нетронутым — любовь к моей сборной, способность глубоко и искренне переживать за ребят, за честь команды. Коллективистский дух, в котором мы воспитывались, помог мне преодолеть одиночество. На московской Олимпиаде я вошел в привычную для себя роль страстного до сердечных болей «сопереживателя».

Конечно, отсутствие на борцовском турнире спортсменов из Америки и некоторых других стран делало конкуренцию менее острой, чем обычно. Но на цену олимпийских побед это не слишком влияло. Встречи с американскими вольниками на Кубках мира неизменно подтверждали, что мы сильнее. Нельзя было сбросить со счетов и то, что нам в Москве противостояли такие сильные команды, как болгарская и восточногерманская... Словом, накал поединков был воистину олимпийским, а финалы

them... He always forestalled his rival for a moment.

Mate won again that time. And although his bout with Levan ended in a draw he took the first place. I was only the third...

Mindiashvili still thinks that had I got to the Olympic team that year the country would have received a triple Olympic champion. But sport, like history itself, has no subjunctive mood. All «ifs» here are of merely theoretical interest. The strongest has won: there is nothing more to say.

Unfortunately the loser cannot immediately give up this wishful thinking. The night after the closure of the championship bitter thoughts were turning and turning in my mind. And the dawn brought terror I had never experienced before. I understood I did not know how to go on living without aim and hope. Most of all I feared the coming morning. Only the day before I had known it would begin with morning exercises and then... And now, what is the use of these exercises if no «and then» follows?

Years later, when the pain was gone and all my days were filled with innumerable things to do I deliberately called back the recollection of that day. The chief coach must perfectly understand what a man who has given his life to wrestling and exhausted himself feels one day...

That night I did not know as yet that the hurricane of feelings which had overflowed me left untouched one little island in my soul. It was the love for my team, the ability to take the sportsmen, the honor of the team closely to heart. The collective spirit in which we had been brought up helped me to overcome loneliness. At the Moscow Olympic Games I took up my habitual role of a «sympathizer», passionate up to heartache.

Of course the absence of American and some other sportsmen at the wrestler's tournament made the competition not so sharp as usual. But it did not affect the value of the Olympic victories much. The encounters with American free-stylers at the world Cups had invariably proved we were stronger. Besides, the fact that such strong teams as the Bulgarian and the East Germany ones opposed us in Moscow is not to be neglected. In short, the fervor of the bouts was genuinely Olympic, and the finals in almost all categories were unpredictable.

It is enough to say that the Bulgarian Ismail Abilov who had taken only the fifth place in Montreal managed to overpower our fresh world champion in the weight of 82 kg Magomed Aratsilov. And his compatriot Raitchev took away the gold medal from Pavel Pinigin.

почти во всех категориях — непредсказуемыми.

Достаточно сказать, что болгарин Исмаил Абилов, занявший в Монреале всего лишь пятое место, сумел одолеть нашего свеженького чемпиона мира в весе 82 кг Магомеда Арацилова. А его соотечественник Райчев «отобрал» золотую медаль у Павла Пинигина.

Естественно, я с особым вниманием следил за Ильей Мате. Нет, тренерский совет не ошибся, отдав ему предпочтение перед Леваном и мной. Он явно превосходил своих соперников: троих уложил на лопатки, у троих выиграл по баллам. Сейчас я без горечи думаю, что Леван или я выступили бы хуже. Но это уже из той же области «если бы»... Как бы там ни было, «золото» Олимпиады Илья получил по заслугам. А всего советская команда завоевала семь золотых медалей из десяти возможных.

Это был триумф нашей сборной, моих товарищей.

Блистательной победой своих подопечных решил завершить карьеру в сборной главный тренер Юрий Шахмуратов, проработавший в этой должности семь лет. Уходя, он рекомендовал меня на свое место.

Окончательное решение затягивалось. А в это время красноярцы задумали проводить меня с большого ковра...

Инициатором торжественных проводов стал, конечно же, Дмитрий Георгиевич. По его же предло-

Naturally, I followed Ilya Mate with special attention. No, the coaches' board had not been mistaken having preferred him to Levan and me. His advantage over his rivals was obvious: he made three of them fall flat, and surpassed the other three in the scored points. Now I am thinking without bitterness that Levan or myself would have done no worse. But this is again from the sphere of «ifs»... In any case, Ilya had deserved the «gold» at the Olympic Games. On the whole the Soviet team won seven gold medals from ten possible.

That was a triumph of our team, of my comrades.

The chief coach of the national team Yuri Shakhmuratov who had worked at that post for seven years decided to end his career in that brilliant victory of his pupils. On retiring he recommended me for that post.

The final decision was delayed. At that time the inhabitants of Krasnoyarsk decided to see me off from the big mat.

The idea of the ceremonial send-off was, of course, inspired by Dmitri Georgievitch. On his proposal it was timed to the next championship of the USSR which was to take place in my city again. It was then that I was conferred the title of

жению их приурочили к очередному чемпионату СССР, который вновь должен был пройти в моем городе.

Тогда же мне присвоили звание «Почетного гражданина города Красноярск», которым я очень горжусь. И сейчас хочу сказать, что благодарен своим землякам за все: за поддержку в годы моих выступлений на ковре, за радость, разделенную со мною, и за терпеливое ожидание побед, когда случались поражения. Как тренер сборной, я особенно признателен за ежегодный «Ярыгинский турнир», который стал международным, а сейчас турниром категории «А». Дело даже не в том, чтобы иметь турнир своего имени. А в том, что с самого начала он призван был стимулировать развитие «моего» вида спорта в Сибири. Благодаря поистине красноярскому размаху, эти состязания способствуют подъему вольной борьбы на просторах Сибири и Дальнего Востока, дают единственную возможность выйти на международный уровень региональным командам. И я счастлив, что сибиряки на этом турнире успешно конкурируют с лучшими борцами мира.

an Honorable Citizen of Krasnoyarsk. I am very proud of it. And now I'd like to say I am grateful to my fellow-townsmen for everything: for the support during the years of my performance on the mat, for the joy they shared with me and for the patient expectation of victory when defeats occurred. As the coach of the national team I am especially grateful for the annual «Yarygin tournament» which has become first international and then category «A» tournament». Of course it is good to have a tournament named after you but this is not the main thing. What is more important, from the very beginning it was intended to stimulate the development of «my» kind of sports in Siberia. Thanks to the genuinely Krasnoyarsk scope these competitions contribute to the rise of free-style wrestling in the spaces of Siberia and the Far East and give the regional teams the only chance to perform on the international level. And it makes me happy that at these tournaments the Siberians compete successfully with the best wrestlers of the world.

ТРЕНЕР

The Coach

, 1987

MY GREAT NATIONAL TEAM

МЕНЯ назначали главным тренером сборной, равной которой не было в мире. Признавая это, иностранные специалисты рассуждали о наших специфических приемах, о необычных методах шлифовки скоростных и силовых качеств советских борцов. Все это и на самом деле имело место, но было лишь следствием главного. А заключалось оно в том, что советская школа вольной борьбы сложилась как творческий синтез из тех национальных видов единоборств, которые существовали у разных народов страны.

Это были уже упоминавшаяся мной грузинская борьба «чидаоба», армянская «кох», азербайджанская «гюреш», якутская «хапсагай», осетинская «хъабыс хает» и другие. Тысячи разноязыких мальчишек с детства усваивали приемы своей национальной борьбы. А когда становились борцами-вольниками или тренерами по вольной борьбе, привносили в нее эти тонкости, доселе неизвестные

I WAS appointed the chief coach of the team that had no equals in the world. Acknowledging this foreign specialists discuss our specific holds, the unusual methods of polishing the speed and strength characteristics of the Soviet wrestlers. All that actually existed but it was only a consequence of the main thing. And the main thing was the Soviet school of free-style wrestling was the creative synthesis of national wrestlings of the different nations of the country.

Among these are the mentioned above Georgian wrestling «tchidaoba», the Armenian «koh», the Azerbaijanian «gyuresh», the Osset «h'abys hast», the Yakut «hapsagay» and others. Thousands of boys of many languages Learned the holds of their national wrestling since their childhood. When they became free-style wrestlers or coaches they introduced subtleties into it which other sportsmen had not known before. Or else, they used the wellknown

другим спортсменам. Или уже известные исполняли, так сказать, с «национальным акцентом». Этот фактор зачастую становился решающим в схватках с соперниками. Ты чуть иначе, не как все, подсел, подругому выполнил зацеп или, обвив ноги, необычайно подвернулся или рванул руку — на первый взгляд мелочь. Но из подобных мелочей складывается стиль...

Борцы нашей сборной владели этим стилем и реализовывали его на международных коврах.

Вполне естественно, что они были людьми разных национальностей. Не помню случая, чтобы в нашей сборной на десять весовых категорий приходилось меньше пяти представителей разных наций.

Таким образом, по самой своей природе сборная СССР всегда была интернациональна, как интернациональна сейчас российская команда по вольной борьбе.

Создавало ли это какие-то дополнительные проблемы для главного тренера? Только в одном: в выборе между хорошим борцом и лучшим. И каким бы ни было сейчас отношение к понятию «дружба народов», для ребят, прошедших школу нашей сборной, эти слова никогда не звучали иронично: они являлись чем-то таким же реальным, как просто дружба между настоящими мужчинами.

Так для «сборников» было всегда. Это в нас и осталось. Вспоминаю прошедшие во Владикавказе матчи сборной мира с командами России и Осетии. Тогда вместе собрались осетины и ингуши, чеченцы и дагестанцы, грузины и абхазцы. Собрались на праздник нашей памяти о том времени, когда политики еще не успели нас развести по разным национальным квартирам, а кое-кого и по разным окопам. На банкете мне предоставили слово, и я сказал, что народы должны жить так, как живем мы, борцы-вольники: сражаемся только на наших коврах, от всего сердца чествуем победителей, потом за одним столом поем свои песни. Как горячо, как восторженно встретили эти слова мои разноплеменные товарищи.

В нашей прежней сборной (до меня и при мне) мы не полагались на царящий в стране дух интернационализма, не надеялись, что отношения сложатся сами собой. Как и в других командах страны, у нас был свой парторг и комсорг. Многие годы таким «партийным лидером» являлся Миндиашвили. Д. Г. был искренним интернационалистом и часто вспоминал войну вот с какой точки зрения: «Пуля не спрашивала, какой ты национальности, — обращался Дмитрий Георгиевич к ребятам. — И вам не надо спорить, кто сильнее: грузины, осетины или русские. Вы все сильные, но только дружба сделает вас непобедимыми».

Между прочим, эти традиции оказались для

actions, shall we say, with «national accent». This factor often became decisive in bouts with foreign rivals. You have crouched in a slightly different way, or used the hook or the grip unusually, twisted or tugged the arm unlike others. It seems a trifle. But the style is made up of such trifles.

The wrestlers of our national team had mastered this style and used it on the international mats.

Naturally, they were people of different nationalities. I don't remember a time when our national team often weight categories contained representatives of fewer than five nationalities.

Thus, the USSR national team was always international in its origins, as well as the Russian national team in free-style wrestling is international at present.

Has it ever set any additional problems for the chief coach? Only one: the choice between a good and a better wrestler. And whatever the attitude toward the idea of international friendship might be now, these words had never contained any irony for those who went through the school of our national team. They reflected a fact, as real as mere friendship of genuine men.

This was always natural for the members of the national team. This has remained natural for us. I remember the matches between the teams of Russia and Ossetia in Vladikavkaz. Ossets and Ingushes, Chechens and Dagestanians, Georgians and Abkhazians gathered there. They gathered for a festival in the memory of the times when politicians had not yet taken us to different national billets, or even to different entren-chments. At the banquet I was given the floor, and I said that nations should live like the free-style wrestlers who fight only on their mats, honour the winners with all their hearts and then sit at the same table and sing their national songs. How heatedly, how enthusiastically these words were taken by my international comrades!

In our former national team (before and in my time) we did not rely on the spirit of internationalism reigning in the country, we did not hope that the relationships would establish by themselves. Like other teams in the country we had our party and komsomol Leaders. For many years Mindiashvili was such a Leader. D. G. was a sincere internationalist, and he often remembered the war from the following standpoint: «The bullet did not ask about your nationality», Dmitri Georgievitch said to the lads. «And you needn't argue who is stronger: Georgians, Ossets or Russians. All of you are strong, but only friendship can make you invincible».

By the way, these traditions proved to be the most stable for the national team. In this connection I remember the world championship of 1991, my last championship as the chief coach.

сборной самыми устойчивыми. Вспоминаю в связи с этим чемпионат мира 1991 года, последнее мое первенство в качестве главного тренера.

Время, казалось бы, самое неподходящее. Идет необъявленная война в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии грузины воюют с осетинами. А наша сборная (в последний раз — сборная СССР) включает представителей шести национальностей: азербайджанца, дагестанцев, осетин, русского. И тренеры — армянин, украинец, грузин, русский. Главный тренер — тоже русский.

Четыре сбора провели мы перед чемпионатом. Обстановка в воюющих республиках — напряженнейшая. Но никто ни разу не услышал: «Ваши убивают наших...» И, приехав в Варну, ребята помогли друг другу, как братья. И опередили всех своих соперников: пять золотых, две серебряные и три бронзовые награды. Все вернулись домой с медалями...

Таков был дух команды, которую я принял. Я обязан сохранять и укреплять этот дух. Как русскому, мне это нравилось. Русский, отмечал еще Пушкин, по самой своей природе восприимчив к чужо-

The time seemed most unsuitable. The unannounced war in Nagorny Karabach was in full swing; in South Ossetia Georgians were at war with Ossets. And our national team (the last national team of the USSR) included representatives of six nations: an Azerbaijani, a Dagestanian, an Osset, a Russian, an Avar. And the coaches were an Armenian, a Georgian, a Ukrainian and a Russian. The chief coach was also a Russian.

We held four preparations before the championship. But no one ever heard anything like «Your compatriots are killing ours...» Having come to Varna the boys helped one another like brothers. And they were ahead of all their rivals: five gold, two silver and three bronze medals. Everybody returned home with a medal.

That was the spirit of the team I took over. It was my duty to keep and to strengthen that spirit. Being a Russian I liked it.

A Russian is sensitive to other nations' cultures, as Pushkin pointed out. Besides, I am a Siberian. And the Siberian people are known to be combined but select. Since my childhood I had lived next door to people of other

му. А я к тому же сибиряк. В Сибири же народ, как известно, хоть и сборный, но отборный. И, с детства живя рядом с людьми других национальностей, я так и не приобрел привычки отличать их по цвету кожи, разрезу глаз, акценту.

И должно быть, не случайно моими друзьями в сборной оказались чемпион Мюнхена и Тегерана, серебряный призер Монреаля якут Роман Дмитриев, человек чистой души, осетин Сослан Андиев, рассказ о котором впереди, и уже знакомый читателю грузин Леван Тедиашвили.

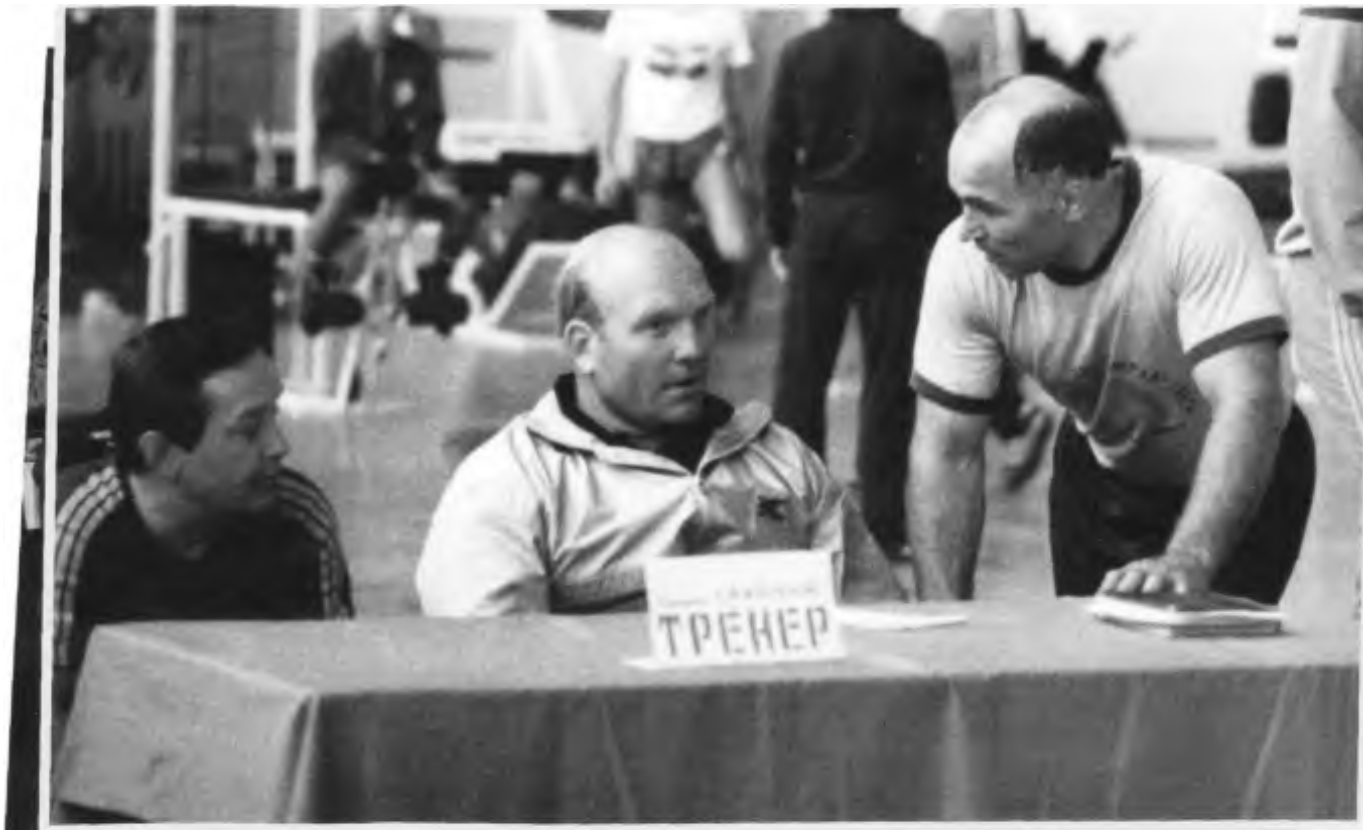
Дух дружбы и товарищества витал над всей командой. Не будь его, нам вряд ли удалось бы быстрее других сорганизоваться и в наше время.

nationalities, and I haven't acquired a habit to distinguish them according to the colour of their skins, the cut of their eyes or the accent.

I think it was not by chance that my friends in the national team were the Munich and Tegeran champion and the Montreal silver prizeman, the Yakut Roman Dmitriev, a man of a purest heart, the Osset Soslan Andiev whose story is ahead and the Georgian Levan Tediashvili with whom the reader is already acquainted.

The spirit of friendship and comradeship prevailed in the team. Without it we would have hardly managed to be the first to organize ourselves in our time as well.

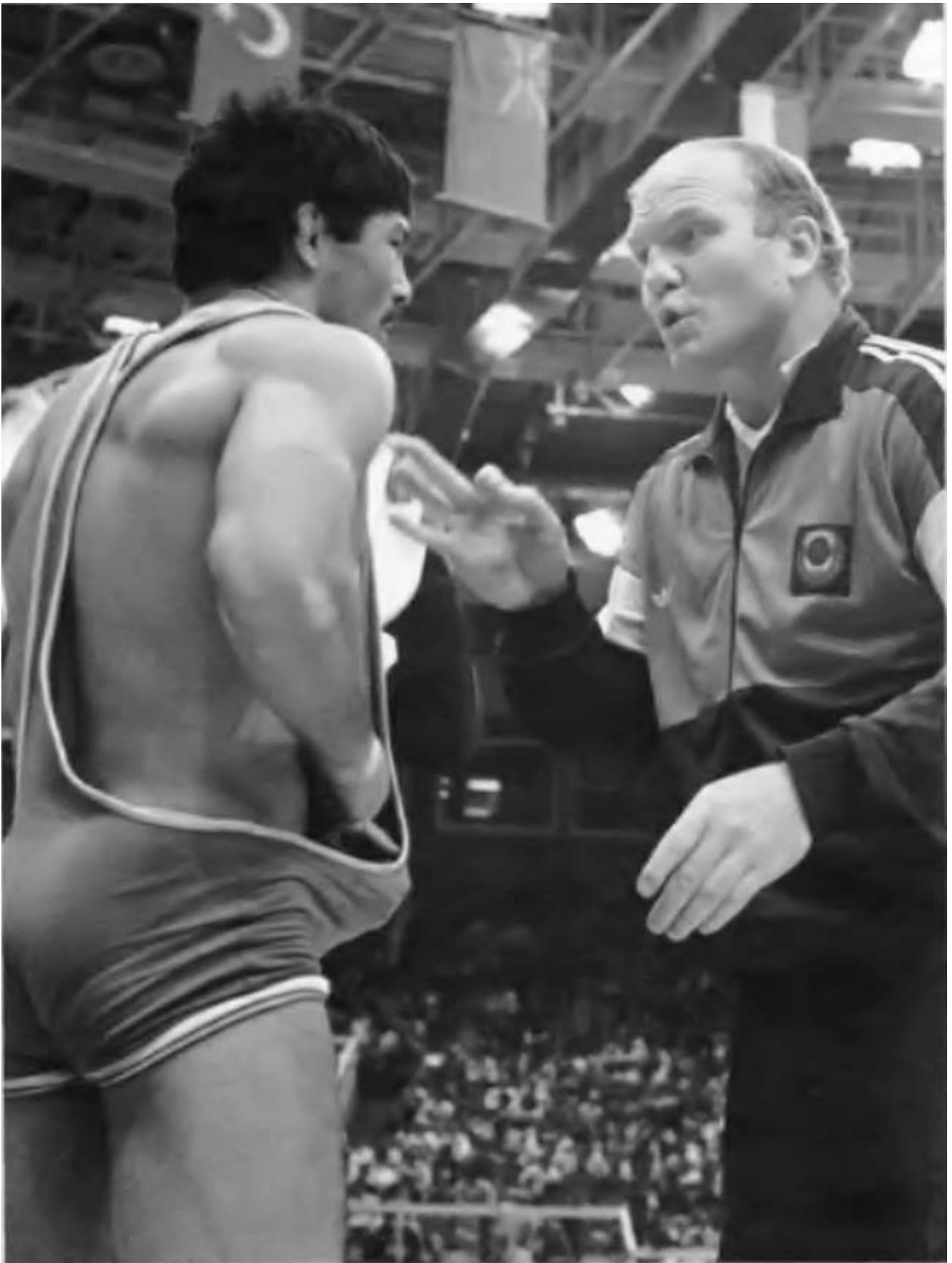
AT THE AGE OF CHRIST

РУКОВОДИТЕЛЕМ великой команды я стал в 33 года. Об этом времени в жизни мужчины говорят — «возврат Христа». Считается, что это тот самый возврат расцвета всех физических и духовных сил человека, когда ему по плечу любое большое дело. Ощущал ли я себя готовым к такому делу? вспоминал своих замечательных предшественников: Дякина, Куханидзе, Рыбалко. Одно их преимущество передо мною было бесспорным: они воспитывали чемпионов самого высокого ранга, еще до прихода на роль главного. Эта традиция была прервана Юрием Шахмурадовым, который попал в главные тренеры прямо с борцовского ковра. Начальник управления борьбы Спорткомитета СССР Аркадий Ленц увидел, угадал в нем педагога и не ошибся. При Юрии Аванесовиче сборная стала самой техничной за годы своего существования.

Гожусь ли я для педагогической работы? Мне казалось, шанс у меня есть. Я люблю делиться тем, что знаю и умею. Миндиашвили не напрасно упрекал меня за то, что он называл «чрезмерной, безоглядной щедростью». Мне не жалко было отдавать своим потенциальным соперникам приобретенное мною на тренировках — об этом можно судить по

BECAME the head of the national team at 33. This time in a man's life is usually referred to as «the age of Christ». It is considered the prime of all physical and spiritual powers of a man when he is capable of succeeding in any important matter. Did I feel ready to take up such a matter? I remembered my celebrated predecessors: Diakin, Kuchanidze, Rybalko. They had one indisputable advantage over me: They had brought up champions of the highest class before they took up the post of the chief coach. That tradition was broken by Yuri Shakhmuradov who got to that post directly from the wrestling mat. The Head of the Wrestling Department of the USSR Sports Committee Arkadi Lenz had divined a teacher in him and was not mistaken. Under Yuri Avanesovitch the technique of the national team became the highest for the all years of its existence.

Am I fit for pedagogical work? I thought I had a chance. I like to share everything I know and can do. It was not in vain that Mindiasvili reproved me for what he called «excessive, inconsiderate lavishness». I did not grudge my potential rivals the skills I acquired during the trainings; a food example of this is Rass whom I hardly overpowered in Montreal.

тому же Рассу, которого я с трудом одолел в Монреале.

Так мне казалось. А по тому, как встретили мое назначение ребята и тренеры, я понял, что так думают и те, с кем мне работать.

Я и по сей день благодарен моим коллегам: гостренеру по Украине Алексею Атаманову, учителю братьев Белоглазовых Граниту Таропину, старшему тренеру сборной Хасану Хутбееву, моему милому другу Роману Дмитриеву из Якутии, доктору Валерию Пироговскому, тренеру олимпийского резерва Шамилю Невретдинову, старшему тренеру «молодежи» Валерию Онопко. Они и сегодня мои самые близкие, самые надежные помощники.

Я не назвал в этом ряду Дмитрия Георгиевича Миндиашвили, который еще до моего прихода на должность главного много лет был тренером сборной и отвечал за подготовку «полутяжей» и «тяжей». На его помощь я рассчитывал в первую очередь. И, конечно же, не ошибся. Нужно сказать при этом, что в новой ситуации, когда Ярыгин — главный, а Миндиашвили — рядовой тренер сборной, наши отношения подвергались серьезным испытаниям. Не знаю, как я, но Дмитрий Георгиевич выдержал экзамен с честью.

Новая работа приводила меня в отдаленные

Such were my thoughts. By the manner the lads and the coaches met me I understood that those with whom I was to work thought the same.

Up till now I am grateful to my colleagues: to the state coach of the Ukraine Alexei Atamanov, to the teacher of the Beloglazov brothers Granit Taropin; to the leading coach of the national team Hassan Hutbeev; to my dear friend Roman Dmitriev from Yakutia; to doctor Valeri Pirogovski; to the Olympic reserve coach Shamil Nevretdinov; to the chief coach of the juniors Valeri Onopko. They remain my closest and most reliable helpers.

In this connection I have not mentioned Dmitri Georgievitch Mindiashvili who had been a coach of the national team for many years before my occupying the post of the chief, and who had been responsible for the preparation of «superheavies» and «heavies». I counted on his help in the first place. And, of course, I wasn't mistaken. I must say that in this new situation with Yarygin being the chief and Mindiashvili an ordinary coach of the national team our relationships were subject to serious trials. I don't know about myself, but Dmitri Georgievitch passed these trials with honor.

The new work brought me to remote districts of the country where I had never been before. I will

места страны, где я до этого не был. Никогда не забуду поездки в Якутию, на родину выдающегося энтузиаста вольной борьбы Дмитрия Петровича Коркина. Закончив прославленный Ленинградский педагогический институт им. Герцена, он стал учительствовать в своей Якутии, в родном селе Чурапча, и сумел превратить школу-интернат в детско-юношескую спортивную школу. Отсюда, из крохотного зальчика в Якутии, вышли такие известнейшие борцы, как Роман Дмитриев, Павел Пинигин, Александр Иванов, братья Христофоровы — чемпионы Олимпиады, Европы, мира...

Рано ушел из жизни этот человек. Будучи тяжело больным, он более всего мучился от мысли, что некому оставить свое дело. Самый способный из его учеников Роман Дмитриев жил и тренировал уже в Москве. Не знал Дмитрий Петрович, что не удержит столица моего дорогого друга: Роман вернулся на родину. Сборная потеряла, зато Якутия приобрела великолепного тренера. Прошло совсем немного времени, и в нашей сборной появился ученик Дмитриева Василий Гоголев. Он трижды побеждал на чемпионатах страны, стал двукратным чемпионом Европы...

Дмитрий Коркин в Якутии, Дэги Багаев в Чечне, Асламбек Дзгоев, Арам Ялтырян в Киеве. Целое созвездие талантливейших тренеров в Дагестане, Грузии, Армении — почти все они начинали с малого: с крохотного зальчика в селе, с матов, постелен-

never forget the trip to Yakutia, the homeland of the outstanding enthusiast of free-style wrestling Dmitri Petrovitch Korkin. Having graduated from the Leningrad Teachers Training Institute named after Herzen he became a teacher in Yakutia, in his native village of Thuraptcha, and managed to turn his boarding-school into a children's and youth's sports school. From this school, from the tiny gym in Yakutia, such outstanding wrestlers came as Roman Dmitriev, Pavel Pinigin, Alexander Ivanov, the Christophorov brothers — champions of the Olympic Games, of Europe, of the world.

This man died young. Being seriously ill, he suffered most from the thought he had no successor. The most capable of his pupils Roman Dmitriev was already living and working as a coach in Moscow. Dmitri Petrovitch did not know that Moscow would not detain my dear friend: Roman returned home. The national team lost, but Yakutia acquired an excellent coach. A short time passed, and Dmitriev's pupil Vassily Gogolev appeared in the national team. He won at three championships of the country, twice he became the champion of Europe.

Dmitri Korkin in Yakutia, Dagi Bagaev in Chechnia, Aslambek Dzgoev, Aram Yaltyryan in Kiev. A whole constellation of talented coaches in Dagestan, Georgia and Armenia; almost all of them had little to begin with: a tiny gym in a village, mats spread in a narrow school corridor... Great enthusi-

ных в узком школьном коридоре... Великие энтузиасты и великие педагоги! Как жаль, что некоторые из них ушли, так и не став героями книг, авторами своих мемуаров. Поистине они остались жить только в своих учениках!

В обязанности главного тренера входит и подбор ученых, которые помогают глубже понять физические, психологические особенности борцов. В этом мне всегда содействовала группа, возглавляемая моим земляком красноярцем Олегом Юшковым, ныне доктором педагогических наук. Во многом благодаря ученым я и формировал команду для поездок на крупнейшие соревнования.

Просто, когда в той или иной весовой категории есть бесспорный лидер. Но часто складывается ситуация, когда два, а то и три спортсмена в равной мере могут стать чемпионами. Конечно, они отличаются друг от друга: кто-то великолепно исполняет броски, другой лучше работает ногами, третий — великий мастер дожать противника в партере. Кого послать? И здесь главному тренеру приходится помнить, что каждый борец не сам по себе: за ним — регион, республика, народ. И успех его вызовет приток новых сил в том или ином борцовском центре, а возможно, и поможет такой создать. Задача перерастает в стратегическую. Каждый тренер смотрит на нее со своей колокольни, вольно или невольно думает о собственном престиже. И здесь главный должен сказать свое слово. Окончательное. Выслушал всех — и решай. Десятки километров в тех же прекрасных сосновых лесах близ Стаек

asts and great pedagogues! What a pity some of them passed away without becoming heroes of books, authors of their memoirs. In fact, they go on living only in their pupils!

The duties of a chief coach includes also the selection of scientists who help to understand better the physical and psychological characteristics of the wrestlers. My best help in this matter was the group headed by my fellow-townsmen from Krasnoyarsk, Oleg Yushkov, who is now doctor of education. The scientists also helped me to form the team for the most important competitions.

It is easy when there is an evident leader in this or that weight category. But it often happens that two or even three sportsmen are equally fit to become champions. Of course they differ from one another: someone is especially good at throws, another is the best working with his legs, still another is a great specialist of pinning the rival in the ground position. Whom should I send?

In such a situation the chief coach must understand that each wrestler does not exist by himself: he represents a district, a republic, a nation. And his success will bring about a tide of new forces in this or that wrestling center, and maybe even help to create such a center. The task becomes strategic. Each coach looks at it from his own belfry, deliberately or not, but he thinks of his own prestige. This is the time for the chief coach to say his word. And this word must be final. He must listen to all and then make the decision. I had to walk alone dozens of kilome-

приходилось вышагивать в одиночестве, прежде чем скажешь это решающее слово.

Ошибался ли я?

Бывало. Но и мои ошибки, к счастью, не частые, не осложнили отношения с тренерским советом. Может быть, потому, что люди верили в мое личное бескорыстие.

Самым желанным, самым радостным для меня делом были наши учебно-тренировочные сборы. В Кисловодске, в Стайках под Минском, в Подмосковье.

Подъем в шесть утра. Часовая, а то и полутора-часовая утренняя зарядка. Построение. Дежурный тренер объявляет план занятий на день. Завтрак. Снова построение. Ставится задача, какая будет тренировка — игровая или учебная.

Она определена мной и тренерским советом в результате анализа наших выступлений на последнем чемпионате мира или Европы. Где, в чем мы были слабы или недостаточно сильны? В тактике ведения поединка? В неумении контратаковать? В неумении выстоять, когда противник хорошо действует ногами? Все записано, все учтено, продуманы соответствующие занятия. Когда тренировка игровая,

tres in the beautiful pine woods near Staiki before I could say that word.

Did I make mistakes?

I did. But my mistakes, fortunately not frequent, did not sharpen my relationships with the coach's board. Maybe the people just believed in my personal disinterestedness.

My most longed for, most joyful business were our training preparations in Kislovodsk, in Staiki near Minsk or in the suburbs of Moscow.

We get up at six. An hour or even an hour and a half of morning exercises. Drawing up. The coach on duty announces the plan for the day. Breakfast. Drawing up again. The task is set what kind of training this will be, a playing or a learning one.

This is determined by me and by the coach's board in accordance with the result of our performance at the latest Europe or world championship. At what points were we weak or not strong enough? Was it the tactics of combat? Or incapacity of contact? Or incapacity of enduring when the rival is skilful with his legs? Everything is written down, everything is taken into account, the corresponding lessons are worked out. When we have a playing

я порой вспоминаю свою давнишнюю страсть — футбол. Когда учебная, сам веду занятия на ковре. Работаю с отдельными борцами, показываю какие-то приемы. Вызываю ребят и тренеров, для которых отрабатываемый прием — коронный. Теперь показывают они, а я наблюдаю и комментирую. После этого тренеры по весовым категориям начинают закреплять, отрабатывать увиденное со своими подопечными. В конце — мой коротенький анализ-комментарий.

До чего же интересная, до чего славная работа!

Каждый сбор длится 15-18 дней. Таких сборов в году от пяти до семи. В целом парни почти полгода не бывают дома. Когда находишься на всем готовом, не мудрено забыть, как добывают обыкновенные люди хлеб свой насущный. А забывать нельзя. Спортсмен должен помнить, чей он сын. Чемпион должен знать, кому обязан возможностью совершенствоваться. Часть вечеров — для этого: для встреч с лекторами, учеными, самыми разными людьми.

У женатых дома жены и дети. В таких семьях далеко не всегда все легко и просто...

Впервые мне и другим ребятам из сборной

training I always remember my old passion for football. When it is learning I conduct the lessons on the mat myself. I work with separate wrestlers, show them some actions. I call out lads and coaches for whom the action we are mastering is the favourite technique. Now they are showing it and I am observing and making comments. After this the coaches of the weight categories begin to drill what they have seen with their pupils. At the very end I give a short analysis and comment.

What interesting, good work!

The preparations usually last 15-18 days. We have five to seven preparations a year. In total the lads are absent from their homes for half a year. When you are provided with board and lodging you may easily forget how people earn their living in everyday life. But this must not be forgotten. A sportsman must remember whose son he is. A champion must know to whom he owes his chance of perfection. Part of the evenings is devoted to this: to meetings with speakers, scientists, various people.

The married ones have wives and children at home. Not everything goes easy in such families.

разрешили взять с собой жен на тренировочный сбор перед мюнхенской Олимпиадой. Проходил он на берегу Черного моря, в Феодосии. По вечерам, после тренировок борцы и тренеры вместе с нарядными женами отправлялись в город — погулять, сходить в кино или на концерт.

А мы с Наташей обычно «откалывались от коллектива» и незаметно ускользали на пляж. Здесь я проводил сверхплановую тренировку: выжимал камни, бегал, отжимался от песка. Наташа считала, сколько раз отожмусь. Плутовала она при этом нещадно.

— Сколько? — спрашиваю я, не останавливаясь и стараясь не сбить дыхание.

По тому, насколько устал, чувствую, что отжался не менее 50 раз.

— Сорок один! — кричит Наташа. — Давай-давай...

Звонкий, задорный, настойчивый ее голосок действует на меня вдохновляюще. И на втором дыхании я переваливаю через шестой десяток. Ни одному такое не удавалось. Но ведь и не целовали этих тренеров в награду...

Нет, не случайно богатые западные спортсмены

I and other lads from the national team were first allowed to take our wives with us to the training preparations before the Munich Olympic Games. It took place at the Black Sea, in Feodosia. In the evenings after the trainings the wrestlers and the coaches together with their dressed-up wives went downtown, for a walk, to the cinema or to a concert.

As for Natasha and me, we usually left the crowd and escaped to the beach unnoticed. There I had an above-plan training: I lifted stones, ran, pressed on the sand. Natasha counted my pressings. She cheated ruthlessly.

«How many? I asked without stopping and trying not to break the rhythm of breathing.

My tiredness tells me I have pressed 50 times or more.

«Forty-one!», Natasha shouts. «Go ahead!»

Her clear, provocative, persistent voice inspires me. On the second breathing I manage to do more than six dozen. No one have ever managed this. But those coaches were not kissed in reward...

No, it is not by chance that rich Western sportsmen go everywhere with their wives and even with

едва ли не повсюду ездят со своими женами, а то и с детьми. Один раз в год, после завершения главного старта — чемпионата мира (он обычно проходит в августе-сентябре), и наша команда проводила особый оздоровительный сбор. Его называют восстановительным в смысле восстановления сил и нервов. И... нормальных отношений между мужьями и женами. На этот раз они, жены, рядом: вместе с мужьями купаются в Черном море, загорают, ходят на прогулки, рыбачат и, прости меня, Господи, спят...

children. Once a year, after the ending of the main start, the world championship (it usually takes place in August and September) our team also conducted special sanitation preparations. It is called restoring, that is it restores strength and nerves. And also it restores the normal relations between husbands and wives. This time the wives are nearby: together with their husbands they bathe in the Black Sea, bask in the sun, go for walks, fish and, God forgive me, sleep together...

( )

A SACRIFICIAL OCCUPATION (Another Digression)

ВСПОМНИЛ о мужьях и женах и подумал, что со стороны большой спорт часто воспринимают как прекрасный праздник. Зритель, болельщик видит лишь результат. Он может догадываться, что неудачник плачет. Но душой он с победителем. Не раз и я слышал: «Сколько ты, Иван стран объехал! Сколько повидал всего!» Я не возражаю. Действительно повидал, но главным образом — пробегая по основным достопримечательностям в один, от силы два дня, которые остаются после соревнований. Еще меньше свободного времени у тренера. Весь день — со своими учениками, вечер отдан разбору, анализу этого дня. Прибавьте к этому заботы о нормальном питании, контроль за спортивным режимом, тысячи мелочей, которые должны обеспечить оптимальное самочувствие борца.

Психологически самое трудное для спортсмена — отрыв от своих, от обычной человеческой жизни, постоянные разлуки. Тоскуют жены. Дети постепенно приучаются смотреть на отца, как на дядю, чья главная семейная обязанность — привозить из-за границы подарки. А ведь никакие самые дорогие и престижные вещи не в состоянии заменить жене мужа, детям отца.

REMEMBERED about husbands and wives and thought that big sport is often taken by outsiders for a beautiful holiday. A spectator, a fan sees nothing but the result. He can guess that the loser weeps. But his heart is with the winner. Many times I have heard: «Ivan, how many countries you have visited! How many sights you have seen!» I don't object. Yes, I have seen quite a lot, but mainly on the run through the main sights in one or two days which left after the competitions. A coach has even less free time. He spends all the day with his pupils, the evening is devoted to the analysis of the day. Besides, there are cares about correct nutrition, control of the sportive regime, thousands of trifles which must provide the optimal condition of the wrestler.

The greatest psychological difficulty for a sportsman is being away from his family, from normal human life, the constant partings. Wives miss their husbands. Children gradually learn to look at their father as at an «uncle» whose main family duty is bringing presents from abroad. But even the most expensive and rare things cannot substitute the husband and the father for a wife and children.

А затем неизбежно наступает день, когда спортсмен не будет знать, что делать утром. Хорошо, если ты, как Леван, заранее готовишься к жизни после ковра. А если по тем или иным причинам не можешь? На памяти у каждого поломанные судьбы. Примеров больше, чем хотелось бы. Не буду о них говорить. Человек, читающий газеты, сам вспомнит...

Словом, есть много причин, в силу которых твоей семьей становится команда. Взаимопонимание — вот что сплачивает эту семью, рождает в ней братскую любовь.

...Первый чемпионат мира, где я выступил в роли главного тренера, состоялся осенью 1981 года. На Олимпиаде-80 американцы, как известно, отсутствовали, и этот чемпионат приобретал для нас особое значение. Выступали мы неплохо: пять золотых медалей. Но я нервничал: во-первых, не все ребята оправдали мои надежды, во-вторых, трудно было не

And then the day inevitable comes when a sportsman does not know what he will do in the morning. Good for you if, like Levant, you have got ready for your life after the mat beforehand. And if you cannot do it to some reason? Everybody remembers the broken lives. There are too many examples of them. I don't want to write about them. Those who read newspapers will remember this themselves.

In short, there are a lot of reasons for the team to become your family. Mutual understanding is the factor that unites this family, engenders brotherly love in it.

...The first world championship with me as the chief coach took place in autumn 1981. As the Americans were absent at the 1980 Olympic Games that championship was of special importance for us. We did rather well and won five gold medals. But I was nervous: first, not all the lads had justified my hopes, second, it was easy to notice we were being

заметить, что нас догоняют. Не только американцы, но и болгары, японцы, иранцы. Было ясно: сборная нуждается в обновлении. Надо вводить молодые силы. Но здесь был риск: предстоял Кубок мира-82. Решили: лучше рискнуть, чем ждать, когда нас обго-

caught up with. Not only by the Americans, but also by the Bulgarians, the Japanese, the Iranians. It was clear that the national team needed new resources. Young forces were to be introduced. But that was a risk because the 1982 world Cup was at hand. We

нят. И на Кубок мы повезли несколько новичков. Повезли и... проиграли.

О том, как я переживал, говорить не приходится. Та самая великая команда, которую доверили Ярыгину, впервые уступила американцам. Я до звуковых галлюцинаций представлял соответствующие шепотки в Спорткомитете. Не упал окончательно духом лишь благодаря Сослану Андиеву, Виктору Алексееву, братьям Сереже и Толе Белоглазовым. Они каждый по-своему напоминали мне, что на риск мы шли сознательно и не должны были рассчитывать на стопроцентную победу. Я и сам твердил себе подобное, но как важна в таких случаях поддержка товарищей!..

decided better to risk than to wait till they catch up with us. And we took some new boys to the Cup competition. We took them and lost.

I needn't tell about my distress. The great team entrusted to Yarygin lost to the Americans for the first time. I imagined the whispers at the Sports Com-mittee up to auditory hallucinations. But I did not lose spirits only thanks to Soslan Andiev, Victor Alexeev, the Beloglazov brothers, Sergei and Anatoli. Each of them reminded me in his own way that we had taken the risk deliberately and ought not to have hoped for 100% of victory. I was saying the same to myself, but how important the support of friends is in such cases!

ONE'S OWN SCENT

Я СКАЗАЛ «каждый по-своему»... потому что все спортсмены — личности. Как любит выражаться Д. Г. — мы единый букет, но у каждого цветка свой запах.

Вижу Сережу Корнилаева год спустя после нашего поражения в Толидо. На чемпионате мира в канадском городе Эдмонтоне вместо пяти запланированных золотых медалей мы взяли семь!

— Как славно, ребята! — говорит Сережа в комнатке студенческого общежития, где мы пьем чай и едим арбузы. — Знаете, почему у всех так хорошо на душе? Потому что мы не только за себя — мы за каждого переживали! Без фальши!

Все это понимают, но до чего же приятно услышать такие слова от капитана. Сережа — самый маленький, самый легкий, он «мухач», то есть весит 48 кг. Но все знают, что он самый честный, самый порядочный и основательный. Как нужны такие праведники в семье!

Как нужны в команде Анатолий и Сергей Белоглазовы. Вот уж о ком не скажешь: плечи — во, а над бровью — два пальца. Начитаны, широкий политический кругозор, активны во всем. При этом

I SAID «each in his own way» because each sportsman is a personality. As D. G. Likes to put it, we are one bunch of flowers, but each flower has its own scent.

I see Seriozha Kornilaev a year after our defeat in Toledo. At the world championship in the Canadian town of Edmonton, instead of the planned five gold medals we took seven!

«Isn't it good, chaps!», Seriozha says in the small room of the student's hostel where we are drinking tea and eating water-melons. «Do you know why we are feeling so wonderful? It's because each thought not only of himself, but of the others too! No falsehood!»

Everybody understands this, but it is good to hear such words from the captain. Seriozha is the lightest, the smallest, he is a «flyweight», that is he weighs 48 kilograms. But everybody knows he is the most honest, the most respectable and reliable man in the team. No family can do without such a righteous person.

The team cannot do without Anatoli and Sergei, the Beloglazov brothers. One cannot say about them: big as barrels but empty-headed. They are wellread, politically-minded, active in everything. Besides, they

особое, ни для кого не обидное чувство собственного достоинства.

Вспоминаю братьев на соревнованиях «Дружба-84» в Софии, где мы взяли семь золотых медалей. Чемпионами стали оба Белоглазова. Я особенно радовался за Толю. Год назад на первенстве мира в Киеве он выступал после тяжелой операции на желудке и взял только «бронзу». Толя не хотел слышать никаких утешений. А здесь, в Софии, жребий в первой же схватке свел его с болгаринцем Йордановым, которому Толя проиграл в Киеве.

Господи, что он сейчас делал с бедным экс-победителем! Тот от Толиных неординарных приемов уявл уже в конце первого периода.

Вспомнил братьев, и передо мной тут же возник Витя Алексеев. На всех сборах и соревнованиях — это неразлучная тройка. У Виктора то же чувство собственного достоинства, те же взгляды на жизнь, та же способность в нужный момент сказать необходимое слово. Вот только менее везучий. Мог бы стать олимпийским чемпионом, да не сложилось. И в Софии ему явно не повезло. В финальной схватке с болгаринцем Штеревым с самого начала допустил ошибку и потерял балл. Хитрый Штерев, который перед соревнованиями сгонял вес, понимает, что долго не выдержит, и симулирует травму. Пять допустимых правилами минут отдыхает, пока врач оказывает ему помощь. Поднявшись, буквально через несколько секунд снова падает. Виктор разъярен до предела. Он готов «разорвать» противника, но сделать ничего нельзя. Тем более что симпатии судьи почему-то на стороне болгарина. Судья «не видит», что болгарин симулирует. И тут раздается гонг.

Миндиашвили (Виктор его ученик) подает протест. Один из судей его поддерживает. Но оказывается, что и видеозапись просмотреть нельзя: в «нужный» момент в зале отключилось электричество...

Впрочем, я о другом. Я о цвете и запахе каждого «цветка» нашего «букета».

Бесконечно много хочется сказать о Сослане Андиеве, одном из самых близких моих друзей. Человек с обостренным чувством долга, с повышенной ответственностью перед теми, кого полюбил...

Первую золотую медаль он завоевал в Монреале. Вторую в Москве. После этого он внутренне был готов оставить Большой ковер. Лавры Александра Медведя его не прельщали. Желания сравниться с ним в количестве олимпийского золота он не ощущал.

Его вполне удовлетворяло сделанное, тем более что слишком болезненно он переживал неудачи.

И вот 1982 год. Грядет тот самый Кубок мира, на который я везу несколько новичков. Как уже сказано выше, я сильно рискую. И Сослан нужен

possess a special sort of self-respect which offends no one.

I remember the brothers at the competition «Friendship-84» in Sofia, where we took seven gold medals. Both Beloglazovs became champions. I was especially glad for Anatoli. A year before he took part in the world championship in Kiev after a difficult operation on his stomach and got nothing but the bronze. Tolia did not want to hear any consolations. But here, in Sofia, his very first bout was, according to the lot, to be with the Bulgarian Yordanov to whom Tolia had lost in Kiev.

Lord, what he did with the poor ex-winner! Tolia's extraordinary actions made him fade already at the beginning of the first period.

I remembered the brothers and Vitiya Alexeev immediately came to my mind. At all preparations and competitions these three never part. Victor has the same self-respect, the same views on life, the same capacity of saying the right word at the right moment. But he is not so lucky. He could have become an Olympic champion, but that did not happen. In Sofia he also had bad luck. In the final bout with the Bulgarian Shterev he made a mistake at the very beginning and lost a point. The cunning Shterev who had been losing weight before the competition, understood he would not hold on for a long time and feigned an injury. He rested for five minutes allowed by the rules while the doctor was tending him. Then he rose but a few seconds later fell again. Victor was furious. He was ready to tear his rival apart, but he could not do anything. Besides, the referee to some reason took sides with the Bulgarian. The referee «failed to see» the Bulgarian was simulating. And the gong sounded.

Mindiashvili (Victor was his pupil) protested. One of the referees supported him. But the video record appeared not to be available: at the «right» moment electricity had failed in the gym...

But I am digressing. I was speaking about the scent of every «flower» in our «bunch».

So much I would like to say about Soslan Andiev, one of my closest friends. He is a man with a sharp sense of duty, with a high responsibility before those he cares for...

He won his first gold medal in Montreal and the second one in Moscow. After this he was psychologically ready to leave the big mat. The laurels of Alexander Medved did not tempt him. He had no wish to catch up with him in the quantity of Olympic gold. He was quite satisfied with what he had done, besides, he took his failures too close to heart.

And then it is 1982, the eve of that very world Cup to which I am taking several «beginners». As I have already said, the risk is immense. And I need

мне для того, чтобы снизить этот риск. Но сам Андиев ехать не хочет. Им уже овладело чувство, что лучше уйти в зените славы, чем медленно, но неуклонно катиться под гору. И наступает день, когда он прямо заявляет, что его место в рядах не борцов, а тренеров. Но я, прошедший вместе с Сосланом огонь, воду и медные трубы, не слышу друга. Не чувствую его боли. Я настаиваю на своем: лучшего тяжеловеса у меня нет. И Сослан борется на Кубке. Все идет хорошо до встречи с гороподобным (180 кг), американцем Джими Джексонсом. Сослан выглядит перед ним тростиночкой. Он вынужден рисковать и идет на бросок с прогибом. Но вдруг скользнула пятка по влажному от пота коврику...

Как потом переживал мой дорогой друг!

Все проходит... Сослан стал тренером сборной. Много и очень полезно работал, помогая мне советом и делом. И хочу думать, забыл о той неудаче. Вот только я, Сослан, никогда не забуду, что однажды не понял твоей боли.

Большой спортсмен — это всегда своеобразная личность. Если Андиева тренеры и товарищи порой упрекали за отсутствие агрессивности, той самой «спортивной злости» на ковре, о которой я уже писал, то Салмана Хасимикова, представителя чеченской школы борьбы, — за излишнюю горяч-

Soslan to lower that risk. But Andiev does not want to go. He has got the feeling he'd better leave in the prime of his fame than go slowly but inevitably downwards. And the day comes when he directly announces that his place is not among the wrestlers but among the coaches. But I, the man who has gone through all the trouble under the sun together with Soslan, I don't hear my friend. I don't feel his pain. I insist: I have no better superheavy-weight wrestler. And Soslan takes part in the competition. Everything is all right until he wrestles the mountain-like (180 kg) American Jimmy Jackson. Soslan looks a thin reed near him. He has to take a risk and makes a throw with a bend. But suddenly his heel slips on the mat wet with sweat...

How he was distressed afterwards, my poor friend!

Everything passes... Soslan became a coach of the national team. He worked much and very efficiently, he helped me by advice and by action. As for me, Soslan, I'll never forget I once failed to understand your pain.

A great sportsman is always a peculiar personality. While Andiev was sometimes reproved by his coaches and fellow-wrestlers for the lack of aggressiveness, that very «sporting anger» on the mat I

ность, резкость, которая часто оборачивалась против него.

На чемпионате Европы-80, в финале, зная этот недостаток, соперник специально стал выводить Салмана из себя ударами по шее. Салман, конечно, не стерпел — врезал иностранцу. Арбитр тут же объявил ему предупреждение... Это был единственный за всю спортивную карьеру Хасиминова случай, когда он проиграл зарубежному борцу.

Служба в армии, влияние тренеров сборной научили Салмана управлять своими эмоциями. Сейчас он — четырехкратный чемпион мира, двукратный — Европы, обладатель Кубка мира. Расскажи его жене Лале и четырем детишкам, как не просто приходилось тренерам с их горячим отцом, — пожалуй, и не поверят.

Да, сборная всегда была командой не похожих друг на друга личностей. В любом другом человеческом объединении, пожалуй, невозможно представить их мирное сосуществование, не то что дружбу и взаимную любовь, какая была, например, между тувинцем Держу, «мухачом», и Санасаром Оганесяном, «полутяжем». Саша — восьмой ребенок из деревенской семьи каменщика. Санасар — москвич, закончил музыкальную школу по классу фортепиано, среднюю школу с физико-математическим уклоном и Московский инженерно-строительный институт. Круглый отличник, он стал аспирантом этого института. Санасар — олимпийский чемпион, чемпион Европы и мира.

Что объединяло этих людей? Что делало их друзьями? Я думаю — изначальная, страстная увлеченность одним делом, влюбленность в вольную борьбу.

Одна из важнейших и труднейших задач — моя и всех тренеров сборной — заключалась в том, чтобы огромными физическими нагрузками, ежедневной черновой работой не задавить, не засушить эту влюбленность, сохранить радость от занятий спортом.

have already mentioned, Salman Chassimikov, a representative of the Chechen school of wrestling, was too sharp, too explosive, and this often turned against him.

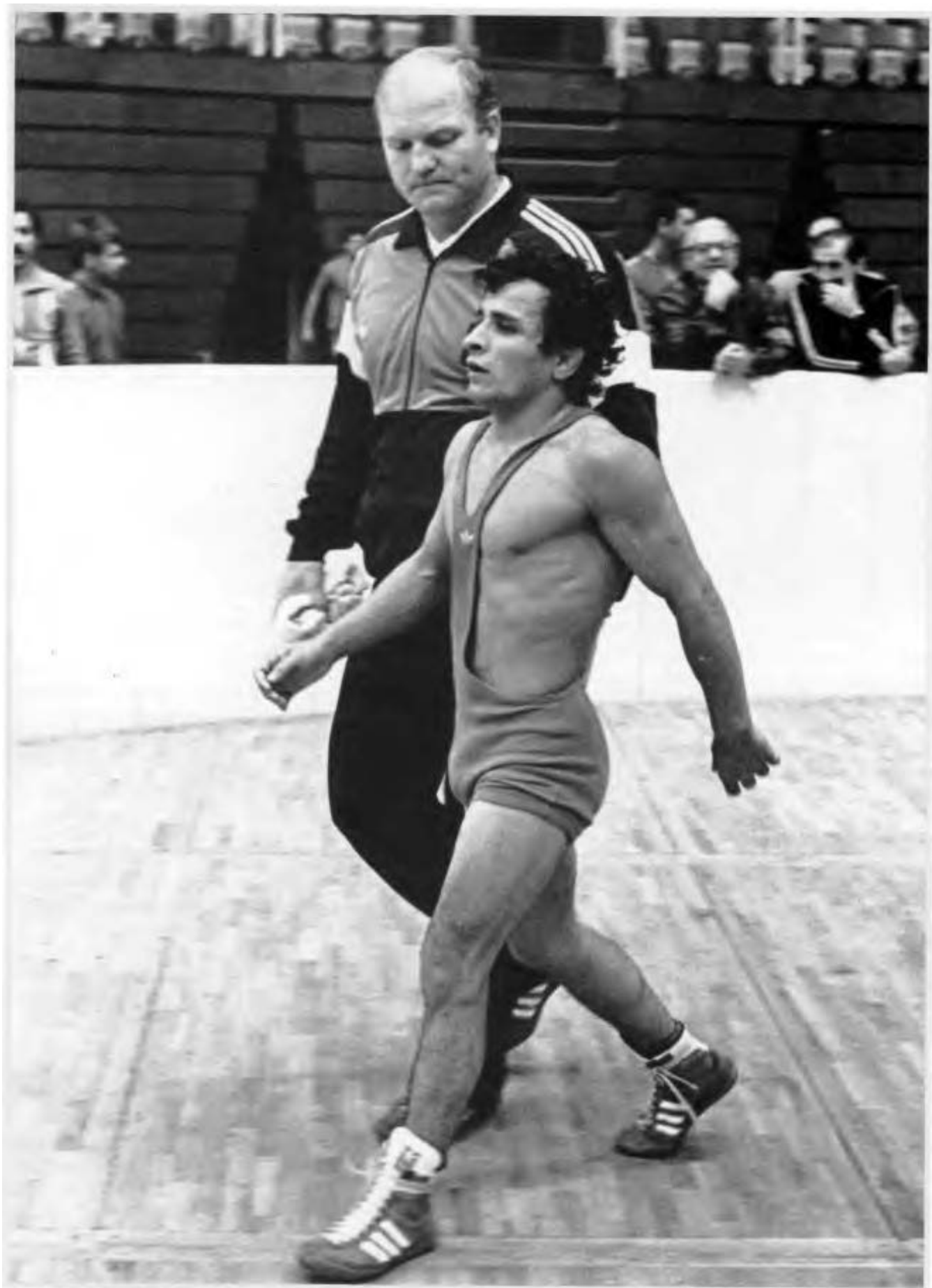
At the Europe-80 Salman's rival who knew about that drawback of his deliberately began to make him lose his temper by striking blows on his neck. Of course Salman lost control and struck the foreigner. The referee gave him a warning immediately... That was the only time in Chassimikov sports career that he was beaten by a foreign wrestler.

The Army service and the coach's influence taught Salman to keep his emotions in check. Now he is a fourfold champion of the world, a twofold champion of Europe, a winner of the world Cup. If one tells his wife Lala and his four children how hard it was for the coaches to deal with their hottempered father, they are not Likely to believe.

In fact, the national team has always been an assembly of different personalities. In any other kind of community it is difficult to imagine their peaceful coexistence, to say nothing of friendship and mutual love like that between the Touvinian Derzhu, a «flyman», and the heavy Sanassar Oganessian. Sasha is the eighth son in the family of a village stonemason, Sanassar is a Muscovite, has finished the piano class of a music school, a secondary school specializing in physics and mathematics, graduated from the Moscow Institute of Building Engineers. An excellent student, he took a postgraduate course at that Institute. Sa-nassar is an Olympic champion, a champion of Europe and of the world.

What united those people? What made them friends? I think it was the initial passion for one and the same cause, the love for free-style wrestling.

One of the most important and most difficult tasks of mine and of all the coaches of the national team was not to stifle, not to wither that love by great physical loadings, by everyday hard work, to retain the joy of going in for sport.

THE EVE OF THE OLYMPIC GAMES IN SEOUL

...
КАК помнит читатель, я приступил к руководству сборной вскоре после московской Олимпиады. Очередные Олимпийские игры должны были пройти в США, в Лос-Анджелесе, и стать моим главным экзаменом. Как и все спортсмены и тренеры, я надеялся, что к 1984 году напряженность в международных отношениях спадет и советские борцы примут участие в Олимпиаде. Решение не ехать в США стало для нас страшным психологическим ударом. Не стану вдаваться в оценки этого шага советского правительства. Он лишний раз подтвердил недопустимость привнесения политики в спорт. Скажу лишь, что для многих спортсменов решение «не ехать» стало огромной личной драмой. Готовиться в течение четырех лет к самым главным в жизни каждого из нас соревнованиям, отдать этому все, что у тебя есть, и проиграть, даже не померившись силами с соперниками, — такое может случиться только в страшном сне.

Конечно, «Дружба-84» в какой-то мере смягчила удар. Но даже в душах победителей тех соревнований оставалось чувство неудовлетворенности. Это было типичное «не то».

Нечто подобное, несмотря на победу моей сборной в Софии, ощущал и я. Время, как известно,

АS THE reader remembers I became the head of the national team soon after the Moscow Olympic games. The next Olympic games were to take place in Los Angeles, USA, and to be my main exam. Like all sportsmen and coaches I hoped that by 1984 the international tension would relax and the Soviet wrestlers would take part in the Games. The decision not to go to the USA was a great psychological blow for us. I won't try to evaluate this step of the Soviet government. It just proved once again that bringing politics into sports was inadmissible. I'll only say that for many sportsmen the decision not to go became a great personal drama. To prepare for the most important competition in the life of each of us, to give everything to it, and to lose without even measuring strength with the rival — such a thing can be imagined only in a nightmare.

Of course, «Friendship-84» gilded the pill to some extent. But even the winners of that competition remained unsatisfied. Certainly that wasn't «it».

I also felt something of the kind in spite of the victory of my team in Sofia. Time is known to be the best healer. Besides, we had no time to indulge in distress. The world and Europe championships went

лечит. Да и некогда было предаваться переживаниям. Чемпионаты мира и Европы следовали по своему календарю. Надо было готовиться к ним, доказывать наше право называться сильнейшими...

Уже два года спустя, на чемпионате мира в Будапеште, мы вовсе почувствовали дыхание приближающейся сеульской Олимпиады.

Выступили так, что казалось, особых причин для беспокойства не должно быть. Вместо запланированных пяти золотых медалей взяли шесть. Сергей Белоглазов стал здесь пятикратным чемпионом мира, Арсен Фадзаев — трехкратным, Аслан Хадарцев — во второй раз завоевал это звание. «Золото» взяли и наши дебютанты: Махарбек Хадарцев (брат Аслана), Хазар Исаев и Володя Модосян.

Здесь позволю себе отвлечься. Володя Модосян — ученик Дмитрия Георгиевича. Его золотая медаль несколько снизила напряженность, которая сложилась в наших отношениях из-за того, что вместо красноярца Виктора Алексеева я взял на этот чемпионат бакинца Исаева. Ситуация возникла почти стандартная: главный тренер выступил против предложения тренера с места. В результате — более или менее острый конфликт.

А теперь процитирую самого Миндиашвили. Вот что он пишет в своих воспоминаниях:

«У Ярыгина хватило мудрости предвидеть, что до 1988 года его земляк (В. Алексеев. — И. Я.) мо-

according to the schedule. We had to get ready for them, to prove our right to be called the strongest.

Two years later, at the world championship in Budapest, we distinctly felt the breath of the coming Olympic games in Seoul.

The way we performed there seemed to give no grounds for worry. Instead of the planned five gold medals we took six. Sergei Beloglazov became a fivefold world champion there, Arsen Fadzaev became a three-fold champion, Aslan Chadartsev won this title for the second time. Our debutante Maharbek Chadartsev (Aslan's brother), Hazar Issayev and Volodia Modossian also won the gold.

Here I'll allow myself another digression. Volodia Modossian is a pupil of Dmitri Georgievitch. His gold medal somehow relaxed the tension that had appeared in our relationships due to the fact that I took to that championship Issayev from Baku instead of Victor Alexeev from Krasnoyarsk. It was almost a standard situation: the chief coach was against the proposal of a local coach. The result of such a situation is a more or less sharp conflict.

And now I'll quote Mindiashvili himself. This is what he writes in his memoirs:

«Yarygin was wise enough to foresee that his fellow-townsmen Victor Alexeev might not linger till 1988, and he sent the young Issayev from Baku

жет не дотянуть, и на чемпионат мира 1986 года он послал молодого Исаева из Баку, чтобы «обстрелять» его.

Как главный тренер Ярыгин был прав. Я же, честно говоря, думал тогда иначе, смотрел с другой, своей колокольни, возведенной, чего греха таить, на фундаменте интересов города да и своего личного престижа... Тренер с места частенько обижается на главного: «Мой не хуже, а его не взяли...» И все же чаще прав главный тренер сборной. Он обязан думать об интересах и престиже всей страны, и если умен и принципиален, так и думает».

Рассказываю об этом эпизоде с единственной целью: чтобы обрисовать еще одну грань работы «главного» — его непростые отношения с другими тренерами сборной. Что же касается и моего учителя, то подобные ситуации были скорее исключением, чем правилом.

Вернусь, однако, к моим тренерским мыслям в Будапеште и позже в Велико-Тырново, где на майском чемпионате Европы 1987 года наша команда вновь выступила прекрасно — семь золотых и две серебряные медали. Мысли эти, несмотря на все наши победы, были тревожные: что дальше? Не последует ли за нашим триумфом позорный провал?

Тревога эта была обоснованной. Наше неучастие даже в одной Олимпиаде не прошло бесследно. За это время наши традиционные соперники прибавили в силе и мастерстве. А главное — укрепились морально. Звание олимпийского чемпиона или призера Игр прибавляет уверенности спортсмену. Даже на тех чемпионатах мира, где мы побеждали, мы почувствовали, что исчез страх перед непобедимыми «советскими». «Золото» мы пока добывали, но уже куда большей «кровью», чем прежде.

Чемпионат мира-87 углубляет мою тревогу. Проходит он в небольшом городке у подножия французских Альп — Клермон-Ферране. Здесь ФИЛА празднует свое 75-летие. В честь юбилея развернута выставка книг, значков, марок, рассказывающих о борьбе. Здесь же проходит Международная научно-практическая конференция. Ученые, медики, тренеры единодушны в своем предвиденье: резко повысится темп поединков, борец, чтобы побеждать, должен будет обладать сверхвыносливостью, фантастической реакцией и быстротой, владеть в совершенстве 30-40 рабочими приемами, ведущую роль в подготовке атлетов станут играть компьютеры.

О чем бы ни говорили участники конференции, за их словами и схемами маячит Сеул. Будущее борьбы как вида спорта начнется именно в этом городе. И все присутствующие понимают это. Я не исключение.

Здесь, в Клермон-ферране, проходит и юбилейный для нас 25-й чемпионат мира. Пока мы снова

to the world championship of 1986 in order to test him.

As a chief coach Yarygin was right. As for me, to tell the truth, at that time I looked at all this from a different belfry built on the foundation of the city's interests and of my personal prestige. A local coach often feels hurt by the chief coach: «My sportsman is as good, but they haven't taken him...» But the coach of the national team is usually right. He must think of the interests and the prestige of the whole country, and he does think of them if he is clever and a man of principle».

I tell about this episode with the only purpose: to show one more aspect of the work of the «chief», his complicated relationships with other coaches of the national team. As for me and my teacher, such situations were rather an exception than a rule.

Now I'm returning to my coach's thoughts in Budapest and, later, in Veliko Turnovo where at the May championship of Europe in 1987 our team did a wonderful performance again: seven gold and two silver medals. In spite of all our victories these thoughts were alarming: what will go next? Won't a shameful failure follow our triumph?

My anxiety was grounded. The fact we had not taken part even in only one Olympic Games did not pass traceless. In that time our traditional rivals had gained strength technique, and, what is more important, moral strength. The title of an Olympic champion or prizeman increases a sportsman's self-confidence. Even at the championships that we were winning we felt that the fear of the invincible «Soviets» had disappeared. We still got the gold but it cost us much more effort than before.

The world championship of 1987 deepens my anxiety. It takes place in a small town at the foot of the French Alps, Clairmont-Ferran. Here the FILA celebrates its 75-th anniversary. In honour of the anniversary, an exhibition of books, badges, stamps devoted to wrestling is organized. An International scientific and practical conference takes place here. Scientists, medical men, coaches are unanimous in their forecasts: the tempo of the bouts will increase sharply, in order to win a wrestler will have to possess excessive endurance, fantastic reaction, master 30-40 working actions to perfection; the leading role in the preparation of athletes will be played by computers.

No matter what the participants of the conference speak about, Seoul is looming behind their words and schedules. All those present understand it. I am not an exception.

Here, in Clairmont-Ferran, our anniversary 25-th world championship takes place. We are still

лучше всех. В 21-й раз одерживаем победу: завоевываем шесть золотых, одну серебряную и две бронзовые медали. Сергей Белоглазов становится шестикратным, Арсен Фадзаев — четырех, Аслан Хадарцев — трехкратным чемпионом мира. Мы вопим от радости, разрешив себе выплеснуть эмоции до конца. Я ору со всеми. Но при этом где-то в потаенном уголке мозга вижу три ковра турнира, а на них соперники моих ребят: американцы, болгары, японцы, южнокорейцы... Никогда они не сражались с таким упорством, с такой настойчивостью. Никогда так широко и умело не использовали наши же лучшие, накопленные за долгие годы приемы. Там, в Сеуле, борьба будет, как никогда, трудной и непредсказуемой.

the best. For the 21-th time we win: get six gold, one silver and two bronze medals. Sergei Beloglazov becomes a sixfold, Arsen Fadzaev a fourfold, Aslan Chadartsev — a triple champion of the world. We shout with joy having allowed ourselves to express our emotions frankly. I yell together with the others. But at the same time in some secret part of my mind I see the three mats of the tournament, and my lad's rivals on them: Americans, Bulgarians, South Koreans, Japanese... Never have they fought so steadfastly, so persistently. Never have they used our best techniques so broadly and skilfully. The struggle in Seoul will be unusually difficult and unpredictable.

THE OLYMPIC GAMES IN SEOUL

ПРЕДОЛИМПИЙСКОЕ напряжение столь велико, что я испытываю облегчение, когда мы наконец в самолете. Предполетная суета истомила ребят, и почти все сразу же задремали. По крайней мере, сидят с закрытыми глазами. А только спят ли? У каждого есть о чем подумать. У меня — тоже. Гляжу на милого Сережу Карамчакова — дважды земляка. Он хакас, а Хакасия тогда еще входила в Красноярский край. Ее столица Абакан и для меня совсем не чужой город. Сережа — олимпийская надежда моего Д. Г. Взгляд мой тут же обращается на Сашу Тамбовцева. Миндиашвили хотел, чтобы в этом весе в сборную вошел его Володя Модосян. Я настоял на том, чтобы выступил Саша. Я еще не знаю, что ошибся.

В сборной тренер Миндиашвили отвечает за «тяжей» и «полутяжей». Давид Гобеджашвили тренировался у него. Д. Г. верит в Давида, я тоже. Но не ошиблись ли мы оба?

На летнем, решающем для отбора олимпийцев чемпионате страны ситуация сложилась не из простых. Официально от этих соревнований были освобождены только Сережа Белоглазов и Арсен Фадзаев. И вдруг Аслан Хадарцев сослался на плохое самочувствие и выступить не стал. А Давид на этом

ТHE pre-Olympic tension is so great that I feel relaxed only in the plane. The commotion preceding the trip had exhausted the lads and almost all of them have dozed at once. At least, they are sitting with their eyes closed. But are they really sleeping? Each has things to think about. So do I. I look at my dear Seriozha Karamchakov, twice a fellow-countryman of mine. He is a Khakassian, and at that time Khakassia was part of the Krasnoyarsk district. Its capital Abakan is not a strange town to me. Seriozha is the Olympic hope of my D. G. I immediately turn my look to Sasha Tambovtsev. Mindiashvili wanted his pupil Volodia Modossian to appear in that weight. I have insisted on including Sasha into the team. I don't know yet I have made a mistake.

The coach Mindiashvili is responsible for the superheavies and the heavies of the team. David Gobejashvili was his pupil. D. G. trusts in David, so do I. But aren't we both mistaken?

At the summer country championship which was of decisive importance for selecting the Olympic team, the situation was rather complicated. Officially only Seriozha Beloglazov and Arsen Fadzaev were freed from this competition. And suddenly Aslan Chadartsev alleged illness and refused to take part in

чемпионате боролся так, словно решил доказать, что «серебро» на первенстве мира в Будапеште — не более чем «опечатка» и на него можно положиться. Что делать? Блестяще выступивший Давид и не боровшийся на чемпионате СССР Аслан, скорей всего, равны по силам. Оба побеждали и своего главного соперника на предстоящих Играх — американца Брюса Баумгартнера. Кого же из двух послать в Сеул?

Тренерский совет принял решение как будто самое справедливое — контрольная схватка. Кто выиграет, тот и поедет в Сеул.

В августе в Кисловодске, где проводился предолимпийский сбор, обговорили правила: если в основное время — ничья, то поединок продолжается до тех пор, пока кто-либо из борцов не произведет техническое действие... Только на 27-й минуте Давиду удалось выиграть у Аслана Хадарцева балл.

И вот он летит. Как будет там, в Сеуле? Цена победы и обретения вечного титула олимпийского чемпиона так велика, что нужно обладать огромной психологической устойчивостью.

А пока все складывается так, будто кто-то решил нас прокзаменовывать на эту устойчивость.

Едва прилетели в Благовещенск, как узнали ре-

it. As for David, he wrestled in such a way at that championship as if he was trying to prove that his «silver» at the world championship in Budapest was nothing but a «misprint» and that one could rely on him. What were we to do? The brilliant David and Aslan who didn't take part in the championship are, most probably, equally strong. Both have also defeated their main rival at the coming Olympic, the American Bruce Baumgartner. Which of the two should be sent to Seoul?

In August, in Kislovodsk where the pre-Olympic preparations were held, the rules were discussed: if the main time ends in a draw the bout continues until someone of the wrestlers executes a technical action... Only on the 27-th minute David managed to win a point from Aslan.

So he is flying. What will it be like there, in Seoul? The cost of the victory and of getting the perpetual title is so high that one must possess an immense psychological stability.

Up till now everything looked as if someone had decided to test this stability of ours.

As soon as we came to Blagoveshensk we learned the results of our perpetual brother-in-arms, the «Greco-Romans»: only four gold medals,

зультаты выступлений наших вечных соратников «классиков»: всего четыре золотые медали, по одной серебряной и бронзовой. Четверо ребят не попали даже в призеры. А ведь наша сборная по греко-римской всегда считалась лучшей в мире!

Невольно с чувством, далеко не благостным, вспоминаю наше возвращение с апрельского чемпионата Европы в Манчестере. Небывалое и непроизвольное достижение — девять золотых медалей из десяти возможных. Плюс одна серебряная.

В Госкомспорте СССР к этому отнеслись так, как будто теперь и за олимпийским золотом нам стоит лишь протянуть руку. Эх, ребята, дорогие мои, вам-то в ваших сферах надо знать, что Игры не сравнимы ни с одним другим самого высокого ранга соревнованием.

И вот Сеул. Когда все осталось позади, я понял, что Игры были организованы первоклассно. По всем параметрам. Но в первые два дня ликующие толпы туристов, концерты, дискотеки, фанфары в честь победителей — все меня раздражало.

Борцовский турнир складывался для нас драматично. Сережа Карамчаков в предварительных схватках убедительно выиграл у болгарского борца — чемпиона Европы. Но при счете 7 : 0 на последних секундах почти равнодушно отдал противнику один балл. Этот единственный балл впоследствии изменил всю картину: Сережа в финале мог бороться только за «бронзу». Победил же среди «мухачей» японец, который в различных соревнованиях четырежды проигрывал Карамчакову.

Сергей Белоглазов боролся настолько блестяще, что побежденный им в финале противник на руках унес его с ковра. Наша первая золотая медаль. И Сергей становится двукратным олимпийским чемпионом.

Поразительно легко побеждает всех своих соперников Арсен Фадзаев. Вторая медаль.

Пока все идет по плану. Первый сбой — Варавев. Он недостаточно убедителен в финальной схватке с американцем, в результате только «серебро». Слава Богу. Не подвел Хадарцев: «золото».

И вдруг терпит поражение Лери Хабелов, в чьей победе я не сомневался. Особенно когда узнал, что финальный поединок ему предстоит с румыном, которому исполнилось ни много ни мало 40 лет. Румын — костляв, нескладен, поймать его на прием очень трудно. Но Лери, рассчитывая на свою молодость, сразу же бросается в атаку. Не получилось... Еще одна атака — снова нулевой результат. Хабелов в растерянности. А «старик» все более ловко ускользает от него. Судьи предупреждают, что снимут обоих. Лери без подготовки бросается на румына и... попадает на прием. А в следующую минуту — гонг.

one silver and one bronze. Four Lads have not even got prizes. And our Greco-Roman team was always considered the best in the world!

Involuntarily I remember our return from the April Europe championship. An unheardof and undeliberate achievement: nine gold medals often possible. Plus one silver medal.

In the Goscomsport of the USSR this was understood in such a way as if we had nothing but to stretch out our hands to get the Olympic gold as well. Oh, my dear fellows, you in your spheres should know only too well that the Olympic games cannot be compared to any competition even of the highest rank.

So we came to Seoul. When everything was over I understood the organization of the Games had been first-class by all the parameters. But during the first two days everything irritated me: the rejoicing crowds of tourists, the concerts, the discotheques, the trumpets in honour of the winners.

The wrestlers' tournament had taken a dramatic course for us. In the preliminary bout Seriozha Karamtchakov had convincingly defeated the Bulgarian wrestler, the champion of Europe. But with the score 7 : 0, during the last seconds he almost indifferently lost one point to his rival. This only point changed the whole picture afterwards: in the finals Seriozha could wrestle only for the «bronze». Among the «flyweights» a Japanese won who had been beaten by Karamtchakov four times in various competitions.

Sergei Beloglazov wrestled so brilliantly that the rival he defeated in the finals carried him away from the mat on his arms. That was our first gold medal. And Sergei became a twofold Olympic champion.

Arsen Fadzaev defeats all his rivals with an astounding ease. The second medal.

Up till now everything is going according to the plan. Then the first mischance comes: it is Varavev. He is not convincing enough in the final bout with the American, and gets only silver as the result. Thank God, Chadartsev did not let us down: he got gold.

And suddenly Leri Habelov suffers a defeat. I was always sure of his victory, especially after I had learned that in the final bout he was to wrestle a 40-year-old Rumanian. The Rumanian is bony and awkward and it is very difficult to catch him with a grip. But Leri counts on his youth and rushes in attack immediately. But no result. Another attack, and no result again. Habelov is at a loss. And «the old man» escapes him more and more adroitly. The referees warn they will disqualify both. Leri attacks the Rumanian without prepara-

Словом, перед заключительной схваткой у нас вместо пяти запланированных золотых медалей только три. Главный тренер любой другой команды мира, наверное, плясал бы от радости, а у меня настроение — хуже некуда. И вот теперь последняя схватка: Давид Гобеджашвили встречается с Брюсом Баумгартнером, чемпионом Олимпиады в Лос-Анджелесе. Вспоминаю, что в споре Давид — Хадарцев я был за первого. Даже осетины нашли это решение справедливым. Но сейчас кое у кого зашевелился червячок сомнения. Не дай Бог, разговоры на эту тему дойдут до Давида. Он и так перегружен переживаниями сверх всякой меры. Сейчас ему нужен покой и полнейшая убежденность, что он сильнее Брюса.

Вспоминаю наши с Миндиашвили Олимпиады. Вот кто умеет настроить, убедить ученика, что «разорвать» противника ему ничего не стоит. К тому же Д. Г., отвечающий в сборной за тяжелые категории, хорошо знает Давида, и тот ему доверяет. Отдаю уникальную команду: к Давиду никому не подходить! Ни под каким предлогом! К схватке с Баумгартнером его готовит один Миндиашвили.

На финальный поединок мы выводим нашего борца вдвоем: я и Д. Г. Оба хорошо осознаем драматизм нашего положения: мы активней, чем кто-либо, отстаивали кандидатуру Давида...

Давид на первой минуте выигрывает у американца балл. Тот тут же отыгрывается. Но вот Давид выигрывает два балла. Во всей его повадке чувствуется несокрушимая вера в свои силы. Этого мы и добивались. И вдруг одновременно почувствовали, что наш парень решил, будто дело уже сделано. Его напор ослабел. Он переходит к обороне. Миндиашвили орет, перекрывая безумный шум зала:

— Ты что делаешь?! Работать! Слышишь — работать!

Этот яростный крик подхлестывает Давида. Напоследок он вырывает у Баумгартнера еще одно очко.

Победа! Миндиашвили подхватывает двухметрового Давида и уносит его с ковра. А я вспоминаю, как в Мюнхене унес из зала его самого. Я счастлив... Почти как тогда...

Теперь, выиграв в самой престижной весовой категории, мы можем чувствовать себя удовлетворенными: четыре золотые, две серебряные и три бронзовые медали. Только Саша Тамбовцев остался без награды. Д. Г. мог бы напомнить мне, что из всех сил отстаивал Владимира Модосяна. Но он молчит. Знает, что я сам напомню себе об этом. Однако попробуй не ошибись в такой работе...

tion and... meets the action. The next minute the gong sounds.

In short, before the last bout we have only three gold medals instead of the planned five. The chief coach of any other national team would have danced with joy, but I am in the worst mood possible. And now the last bout is ahead. David Gobejashvili is to wrestle Bruce Baumgartner, the champion of the Olympic Games in Los Angeles. I remember that in the argument David — Chadartsev I backed the former. Even the Ossets found that decision fair. But now someone has begun to doubt. God save David from hearing any of these talks. He is overloaded with anxiety as it is. Now he needs peace and a full confidence that he is stronger than Bruce.

I recollect my Olympic Games with Mindiasvili. This is the man who can give David the right mood, convince him that he will easily «tear the rival apart». Besides, D. G. who is responsible for super-heavy categories in the national team knows David well, and the latter trusts him. And I give a unique command: no one is allowed to approach David! On no pretext! Mindiasvili alone prepares him for the bout with Baumgartner.

We lead our wrestler to the final bout together: Mindiasvili and I. Both of us understand our dramatic situation: we were the most active supporters of David's candidature.

In the first minute David wins a point from the American. The latter wins it back at once. But then David wins two points. All his manner shows an unshakable belief in his own strength. This is what we have desired. But at the same time we feel: our lad has decided that the bout is already won. His onslaught has weakened. He begins to defend. Covering the terrific roar of the stands Mindiasvili yells:

«What are you doing?! To work! Do you hear me: TO WORK!»

This fierce yell invigorates David. In the end he tears one more point from the American.

Victory! Mindiasvili seizes the two-meter tall David and carries him away from the mat. And I remember the way I carried himself away in Munich. I am happy. It is almost like that time...

Now, having won in the most prestigious weight category we can feel satisfied: four gold, two silver and three bronze medals. Only Sasha Tambovtsev remained without a prize. D. G. could remind me he had backed Vladimir Modossian. But he says nothing. He knows I will do it myself. But try and do without mistakes in such work...

A FAREWELL IN BARCELONA

И СНОВА — в который раз за эти четыре года! — самолет. Мы летим на Олимпиаду. Но не на Восток, в Сеул, а на Запад — в Барселону. Нет, мне не кажется, что Сеул был вчера, что эти сумасшедшие четыре года пролетели быстро: слишком много произошло за эти годы — слишком много порушено. Но ненарушаемый календарь чемпионатов страны, Европы, мира не позволил слишком углубиться в переживания, связанные с событиями в стране.

Переживай не переживай, а надо проводить сборы. Надо отбирать ребят. От нас всегда ждут только побед — красивых и убедительных. Сначала это вдохновляет, но со временем задаешь себе вопрос: ну сколько же можно? Правда, вслух этот вопрос не задаешь... И все как будто понимают, что есть такая вещь, как, например, обновление состава сборной. Есть эксперимент. Но все равно — поражение воспринимается почти трагически.

Сколько радости было у спортсменов, когда Тернер предложил провести в 1990 году Игры Доброй Воли. Мы восприняли это как конец холодной войны в спорте. И во второй раз, в Сиэтле, мы решили привезти молодых и способных. Мы вняли просьбам тренеров не ставить на одних фаворитов.

Конечно, я предполагал, что американцы захо-

A GAIN a plane, one more plane during these four years. We are flying to the Olympic Games. But this time not to the East, to Seoul, but to the West, to Barcelona. No, it does not seem to me that Seoul was only yesterday, that those crazy four years passed quickly. There were too many events during those four years, too much was ruined. But the unbreakable schedule of the country, Europe and the world championships did not allow to indulge in the emotions concerning the events in the country. Emotions or no emotions, one must organize preparations. One must select people. Everybody expects only victories from us, beautiful and convincing victories. At first this inspires, but in the course of time one asks oneself: well, how long can it last? However, this question is not asked out loud. And everybody seems to understand that such a thing as the renewal of the national team exists. Experiment exists. But anyhow, a defeat is taken almost as a tragedy.

How glad the sportsmen were when Turner proposed that Games of Good Will should be held in 1990. We took it as the end of the cold war in sports. And for the second time, in Seattle, we decided to take there the young and the capable sportsmen. We took into consideration the coaches' requests not to send only «certs».

тят любой ценой побить нас. Но я и думать не мог, что такой ценой окажется бесчестное судейство. Да, борцы США были в ударе, наши ребята, главным образом молодые, немного растерялись, но не настолько, чтобы команда проиграла со счетом 13 : 17!

Даже Милан Эрцеган, президент ФИЛА, признал, что судейство было предвзятым. Было дисквалифицировано сразу четыре арбитра. Неужели нечто подобное повторится сейчас в Барселоне? Ведь оттого, что судьи дисквалифицированы, нам было не легче. Москва восприняла наше поражение драматически. Так, как будто в 1989 году мы начисто не выиграли первенство Европы в Анкаре, не победили в командном зачете на чемпионате мира-89 в швейцарском городе Мартине.

Черт, даже сейчас, три года спустя, приятно вспомнить тот чемпионат. Не только из-за полной нашей победы. Боря Будаев стал там чемпионом мира в весе 68 кг. Скромнейший, добрейший Боря плясал и пел свои бурятские песни. Еще бы — его Бурятия получила первого чемпиона мира! Школа, в которую он ходил, была в пятнадцати километрах от деревни. Летом — бегом, зимой — на лыжах! А секцию борьбы в этой школе вел учитель... физики и математики. Огромный талант надо иметь, чтобы со временем пробиться в элиту «вольников». Еще в 1985 году он стал чемпионом СССР, но так сложилось, что на первенство мира поехал другой... И только четыре года спустя Боря оказался в Мартини...

Были победы! Да еще какие! Там же, в Швейцарии, мы не только одержали командную победу. В Мартини наш Ахмед Атавов стал первым абсолютным чемпионом мира.

Вспоминаешь одно, и тут же в памяти возникают совсем другие картины.

Чемпионат Союза в Махачкале. Болельщики здесь, в Дагестане, понимают толк в борьбе. Но далеко не всегда объективны, в результате могут вдруг стать буйными и неуправляемыми.

Ахмед Атавов приехал из Красноярска, куда его, битого-перебитого, не раз оперированного после травм, забрал мой учитель Миндиашвили. Но Ахмед — свой, из Дагестана. А милый Санасар Оганесян, олимпийский чемпион, — москвич. Они встречаются в финальном поединке, и победу присуждают Санасару. Стадион решил, что это несправедливо, и на ковер полетело все, что было под руками болельщиков.

Для охлаждения страстей судьи решили назвать чемпионом Атавова. А ночью приняли небывалое решение — обоих борцов наградить золотыми медалями...

Там, в Швейцарии, Ахмед доказал, что достоин огромного серебряного орла, которым ФИЛА реши-

Of course I supposed that the Americans would try to beat us at any cost. But I could not think that such a cost would be the biased judgment. Yes, the American wrestlers were at their best, our lads, mostly the young ones, were at a loss, but not to an extent that could make the team lose with the score 13 : 17!

Even Milan Ercegan, the FILA President, agreed that the judgment was biased. Four referees were disqualified at once. Can anything like this repeat in Barcelona? For it was no easier for us that the referees had been disqualified. Moscow took our defeat dramatically. As if we had not won the Europe championship in Ankara in 1989, had not been the first among the teams at the world championship-89 in the Swiss town of Martigny.

Damn, even now, three years later, it is nice to remember that championship. Not only because of our complete victory. Boria Budaev became the champion in the weight of 68 there. The modest, kind Boria danced and sang his Buryat songs. No wonder - his native Buryatia got its first world champion. The school he studied at was in 15 kilometers from his village. He had to run there in summer and to ski in winter. And the head of the wrestling section at that school was the teacher... of physics and maths. One must possess a great talent to get to the free-stylers elite in the course of time. As early as in 1985 he became the champion of the USSR, but it happened so that another sportsman went to the world championship... And only four years later Boria appeared in Martigny.

We did win victories! And what victories! There, in Switzerland, we were not only the best among the teams. In Martigny our Akhmed Atavov became the first absolute champion of the world.

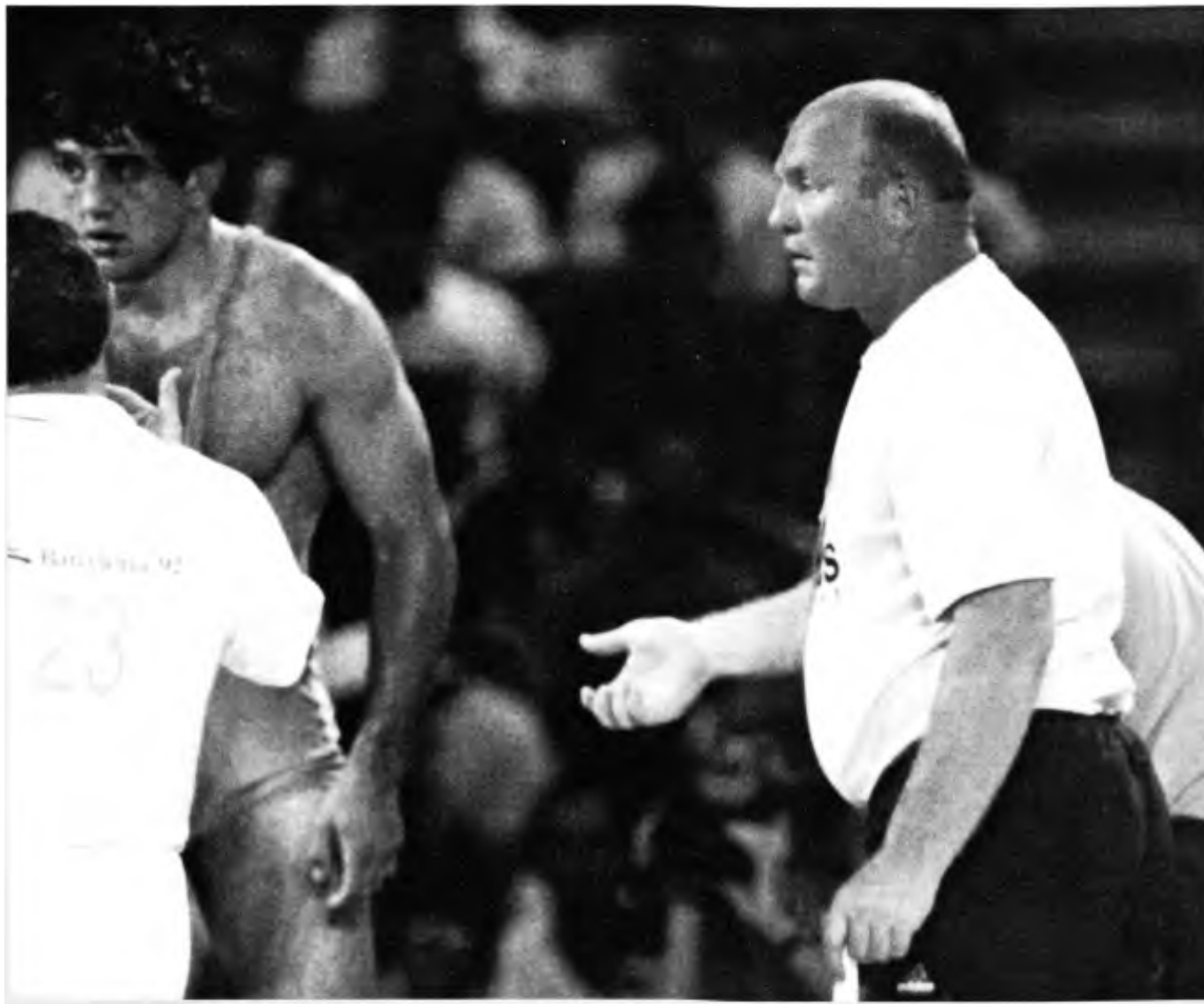
I remember some episode, and other pictures immediately flash across my mind.

The country championship in Makhachkala. The fans in Dagestan know something about wrestling. But not always they are unbiased, and, as the result, they easily lose control and become violent.

Akhmed Atavov has come from Krasnoyarsk where my teacher Mindiashvili had taken him after many beatings and operations brought about by trauma. But Akhmed is a compatriot, a Dagestanian. And the dear Sanassar Oganessian, the Olympic champion, is a Muscovite. They met in the final match and the victory was adjudged to Sanassar. The stadium thought that unfair and everything the fans had at hand was thrown to the mat.

To cool down the passions the referees decided to proclaim Atavov the champion. And at night they made an unheard of decision: to award both the wrestlers gold medals.

In Switzerland Akhmed proved he was worth the

ла наградить первого абсолютного чемпиона мира. Тяжеловес Али Реза Солеймани, усатый иранец, так убедительно переиграл знаменитого Баумгартнера, тоже тяжеловеса, что в его победе над «полутяжем» Атавовым никто не сомневался. Ахмед вначале и правда проигрывал мощному усачу. А затем провел-таки две блестящие атаки. Победа!

... После Сиэтла — мы на качелях. Прекрасно выступили на чемпионате мира в Токио. Зато в 1991 году проиграли Кубок мира в милом сердцу Толидо. Реабилитировали себя в Штутгарте на чемпионате Европы: четыре золотых медали!

Август 1991-го. ГКЧП. Победа демократических сил. Мы радуемся: они не прошли. Мы еще не знаем: это начало перемен, которые закончатся распадом Союза и нашей команды.

28-й чемпионат мира в октябрьской солнечной Варне — столь безоблачной, как и погода. Я уже

huge silver eagle which the FILA had decided to award to the first absolute world champion. The superheavyweight Ali Reza Soleimam, a mustached Iranian, had beaten the famous Baumgartner, also a superheavyweight, so convincingly that no one doubted his victory over the «heavy» Atavov. True, at first Atavov was losing to the powerful mustachio. But then he made two brilliant assaults. Victory!

...After Seattle we were on the see-saw. We did brilliantly at the world championship in Tokyo. But in 1991 we lost the Cup of the world in my dear Toledo. Then we justified ourselves in Stuttgart, at the Europe championship: four gold medals!

August 1991. The SEC. The victory of democratic forces. We are glad: they haven't passed. We don't know yet this is the beginning of the changes which will end in the disintegration of the Union and of our team.

The 28th world championship in the sunny October

упомянул о нем: пять золотых, две серебряные и три бронзовые медали. В Госкомспорте кричат «ура!» Сизтл забыт,

А до декабря, до Беловежской пуши, остались считанные дни. Но мы не догадываемся о будущем. И когда Союза не стало, на первых порах не чувствуем заметных перемен. Ну, вместо «СССР», кажется нам, будут три другие буквы — «СНГ». Слово «независимых» в этой аббревиатуре нам еще не кажется опасным.

Но день ото дня все яснее становится: сформировать олимпийскую команду дьявольски трудно. Да и будет ли она, общая олимпийская команда? Мне все труднее отстаивать ее перед тренерами из республик. Каждый теперь за себя, за свое независимое государство. Очень, похоже, что слово «содружество» для многих уже ничего не значит.

Вспоминаю первый чемпионат СНГ — в Москве, в зале «Дружба». Шесть борцов на этот взрослый чемпионат послала молодежная сборная страны, которой много лет великолепно руководил Валерий Онопко. Из этой шестерки трое стали чемпионами СНГ. В том числе и Магомед Гаджиев из Махачкалы.

Случилось так, что на этом первенстве Магомед не встретился с Адланом Вараевым, серебряным призером Сеула, чемпионом мира 1987 года, четырехкратным чемпионом Европы, который тоже претендовал на путевку в Барселону.

Тренерский совет и федерация борьбы России пришли к выводу, что между двумя претендентами нужна контрольная встреча. Она была назначена на нашей базе в Кисловодске. Тысячи болельщиков — и Гаджиева из Дагестана, и Вараева из Чечни — явились на эту встречу. Некоторые из них, как выяснилось позже, с оружием. Понадобилось серьезное милицейское подкрепление на случай беспорядков.

Как уже бывало, победителя выявило дополнительное время — один балл выиграл у Вараева Гаджиев. Не согласившись с этим, делегация Чечни прибыла на заседание Спортивного совета СНГ. Совет поручил федерации борьбы разобраться в сложившейся ситуации. Здесь, просмотрев видеоролик, сошлись во мнении, что нужна еще одна встреча. Но на нее явился только Вараев. Одним словом, в Барселону все-таки летит Гаджиев...

Господи, как после распада Союза обострились национальные конфликты! Как выросли амбиции местных руководителей!

Смотрю на Давида Гобеджашвили. Он совсем неплохо выступал весь предолимпийский цикл. В злополучном Сизтле еще раз подтвердил свое превосходство над Баумгартнером. Но мог бы быть к Барселоне в лучшей форме. Если бы новые власти

Varna. It is as cloudless as the weather. I have already mentioned it: five gold, two silver and three bronze medals. The Goscomsport is giving three cheers. Seattle is forgotten.

Little time is left before December, before the Belovezh treaties. But we cannot divine the future. And when the Union is no more we don't feel any changes at first. Well, there will be other three letters, CIS instead of USSR. The word «independent» in this abbreviation does not seem dangerous to us.

But every day it becomes more and more clear: it is terribly difficult to form the Olympic team. And will it exist at all, our Olympic team? It becomes more and more difficult for me to back it before the coaches from the republics. Each is for himself now, for his independent state. It is very likely that the word «commonwealth» means nothing for many of them.

I remember the first championship of the CIS in Moscow, in the «Druzhba» hall. The junior combined team of the country which had been brilliantly coached by Valeri Onopko for many years, sent six wrestlers to that «adult» championship. Three of the six became champions of the CIS. Among them was Magomed Gadjiyev from Makhatchkala.

It happened so that at the championship Magomed did not encounter with Adlan Varaev, the silver prizeman of Seoul, the world champion of 1987, the four-fold champion of Europe who also for claimed the trip to Barcelona.

The Coach's board and the Russian Federation of Wrestling came to the conclusion that a test bout between the champions was necessary. It was fixed at our base in Kislovodsk. Thousands of fans — those of Gadjiyev from Dagestan and those of Varaev from Chechnia — came to the match. Many of them, as it turned out Later, were armed. The serious militia support was needed for fear of violence.

As it had often occurred, the winner was determined during the additional time: Gadjiyev won a point from Varaev. The Chechen delegation disagreed and came to the sitting of the CIS Sports Council. The Council obliged the Wrestling Federation to make the situation clear. After watching a video record the lat-ter decided that one more bout was necessary. But only Varaev turned up. As the result it was Gadjiyev who went to Barcelona.

Lord, how the national conflicts sharpened after the disintegration of the Union! How the ambitions of Local administrators grew!

I look at David Gobedjashvili. He has conducted the whole pre-Olympic cycle quite well. In the ill-starred Seattle he confirmed his advantage over Baumgartner once more. But in Barcelona he could have appeared in a better form if the new government of Georgia had not conducted the policy of the

Грузии не проводили политики на полное отделение от советского, российского спорта.

Как-то все сложится? Как будут чувствовать себя наши ребята, которым предстоит выйти не под привычным флагом, а под белым, с пятью кольцами флагом Олимпийского движения? В последний раз МОК разрешил нам выступать единой сборной, но у каждой республики уже свое руководство делегации, свой флаг...

Я и сейчас ощущаю острое чувство восторга, огромной любви ко всем нашим независимо от национальности и гражданства спортсменам, когда вспоминаю Барселону. Ощущение, что мы все вместе, может быть, в последний раз, придало им особую силу. Вопреки прогнозам спортсмены бывшего СССР победили по всем статьям, заняли в неофициальном зачете первое место и по количеству золотых медалей.

Не подвела и моя родная сборная по вольной борьбе. В неофициальном зачете она снова опередила американцев. При равном с нами количестве золотых медалей — по три — мы превзошли наших соперников по «серебру» и «бронзе». «Бронзу» получил Давид Гобеджашвили.

Замечательный успех выпал на долю тренера Казбека Магомедовича Дедекаева из Северной Осетии: сразу два его ученика — Арсен Фадзаев и Махарбек Хадарцев — стали олимпийскими чемпионами. Сразу! На одной Олимпиаде! Так бывает очень редко. После схватки в Сеуле с сорокалетним румыном Лери Хабелов целый год приходил в себя.

В Барселоне судьба словно решила вознаградить его за мужество — он стал чемпионом.

Обидно, несправедливо та же судьба, но уже в лице судей, поступила с Эльмади Жабраиловым. На последних секундах основного времени он провел техническое действие, которое следовало вознаградить баллом. Но арбитры не пожелали заметить этого действия. Их предвзятость была столь очевидна, что я, кажется, впервые за всю свою тренерскую карьеру не выдержал и бросился на ковер. Стал спорить с судьями... Конечно же, переубедить их не смог.

В дополнительное время подавленный проигравшим Эльмади допустил ошибку... И поплатился баллом, который и позволил судьям объявить американца победителем. Правда, зрители рассудили иначе. Они гробовым молчанием встретили «чемпиона», когда он поднялся на высшую ступень пьедестала почета, и оглушительной овацией — борца, поднявшегося на вторую ступень.

Радость и грусть шли в обнимку со мной на этой Олимпиаде. То та, то другая припадали к моему плечу. Как бы там ни было, мы победили. Но той

complete separation from the Soviet and Russian sport.

How will everything turn out? How will our lads feel who are to appear not under the usual flag, but under a white one with five rings, the flag of the Olympic movement? The International Olympic Committee has allowed us to wrestle as a single combined team for the last time, but each republic has its own delegation Leaders and its own flag.

On recollecting Barcelona, I still feel great enthusiasm, great love for all our sportsmen notwithstanding their nationality and citizenship. The feeling that we might be together for the last time gave them a special strength. In spite of the forecasts, the sportsmen of the former USSR won in all points and took the first place in the unofficial competition for the number of gold medals.

My free-style wrestling team did not let me down either. In the unofficial counting it left the Americans behind again. The teams won an equal number of gold medals — four apiece — but we outstripped our rival in silver and bronze. The bronze was won by David Gobjashvili.

An outstanding triumph was experienced by the coach Kazbek Magomedovitch Dedekaev from the Northern Ossetia: two of his pupils at once, Arsen Fadzaev and Maharbek Chadartsev became Olympic champions. At once! At the same Olympic games. It is a very rare occurrence.

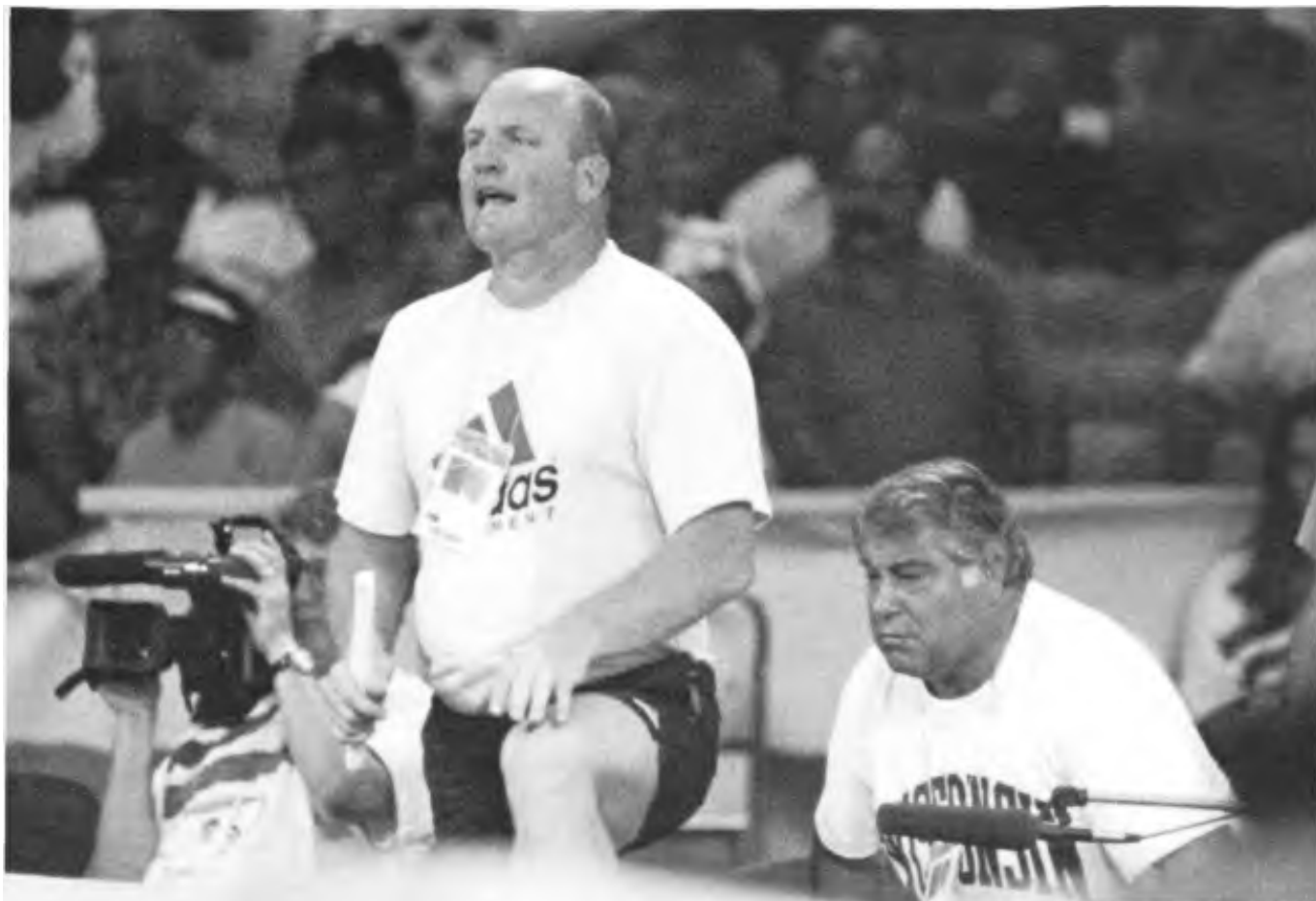
After the bout with the forty-year-old Rumanian in Seoul, it took Leri Habelov a whole year to come round.

In Barcelona the Luck seemed to have rewarded his courage: he became a champion.

The same luck behaved in a hurting, unfair way towards Elmadi Jabrailov, but this time it was impersonated by the referees. During the last seconds of the main time Elmadi made technical actions which ought to have been rewarded with a point. But the referees preferred to ignore those actions. Their biased approach was so evident that I lost control and rushed to the mat, perhaps for the first time in my coach's career. I began to argue with the referees... But I did not manage to convince them.

During the additional time Elmadi, depressed by the occurrence, made a mistake... And he lost a point which let the referees proclaim the American the winner. But the spectators saw it in a different way. When the champion rose to the highest step of the victory stand they met him with dead silence, but an uproarious ovation greeted the wrestler who mounted the second step.

Joy and sadness followed me close at those Olympic games. Now the former, now the latter leaned on my shoulder. Anyway, we won. But the great team I

великой команды, которую я принял и которой отдавал себя целиком, уже не будет.

Настала пора подумать и о своей личной судьбе. Нет больше сборной — ни СССР, ни СНГ, — не нужен и ее главный тренер. Я заявил о своем уходе. Во второй раз в жизни я оказался в ситуации, когда не знаешь, с чего начать новый день. Но теперь я был на двенадцать лет старше. В течение этих лет я продолжал постигать вольную борьбу. И, похоже, немало узнал, многому научился. Востребует ли жизнь эти мои знания и умения? А если нет?

— Пойдешь в киноартисты, — желая подбодрить меня, шутила Наташа, вспоминая, что в молодости я успешно прошел кинопробу на роль Ивана Поддубного, но так и не снялся в картине: слишком был занят тренировками. Но и Наташа хорошо понимала, что я всем своим существом — в борьбе. Только в ней.

had taken over, the team to which I devoted myself completely, that team will exist no more.

Time came to think of my personal future. The national team, either of the USSR or of the CIS, exists no more; the need of the chief coach has disappeared. I retired. For the second time in my life I turned out to be in a situation in which I did not know what I would do the next day. But this time I was twelve years older. During those years I continued mastering free-style wrestling. And I seemed to learn much, to get new skills. Will anyone require that knowledge and those skills? What if they won't?

«You can become a film star», Natasha joked in order to encourage me. She remembered I had successfully been tried for the part of Ivan Poddubny, but had not taken part in the film for all my time had been devoted to training. But Natasha understood only too well that all my self was given to wrestling. Nothing else.

ПРЕЗИДЕНТ

The President

Мусу 6с —

FROM TOLEDO ATLANTA

НЕ в пример годам, когда в трудные дни я спался воздухом моей Сизой, в ту осень после Барселоны помочь мне не могли ни тайга, ни что-то другое. Ходить, доказывать кому-то, что меня нельзя лишать дела моей жизни, я, естественно, не мог. Говорить за меня могла только сама моя жизнь, прошедшая на глазах людей. К счастью, в мою судьбу вмешались обстоятельства.

Олимпийский комитет России получил письмо от президента ФИЛА Милана Эрцегана. Он просил содействовать объединению в России двух видов борьбы — вольной и греко-римской, поскольку Устав ФИЛА допускает наличие в стране лишь одной национальной Федерации.

Объединительная конференция состоялась 2 марта 1993 года. Здесь и была создана Федерация спортивной борьбы России, а я стал ее президентом.

Федерации предстояла огромная работа. Подобно тому, как сама Российская Федерация стала правопреемницей СССР, так и сборная команда должна была стать «правопреемницей» той, что была в Союзе. Конечно, не юридически, а по своей си-

UNLIKE the years when the air of Sizaya had saved me in hard times, in the autumn after Barcelona neither the taiga nor anything else could help me. Of course, I could not go and convince everybody that I wasn't to be deprived of the cause of my whole Life. Only my life that had passed before the people's eyes could speak for me. Fortunately, circumstances interfered with my fate.

The Olympic Committee of Russia received a letter from Milan Ercegan. He asked to help to unite the two kinds of wrestling in Russia, the free-style and the Greco-Roman wrestling, for the Rules of the FILA allowed the existence of only one national Federation in a country.

The uniting conference took place on March 2, 1993. At that conference the Russian Federation of Amateur wrestling was created, and I became its President.

The Federation was to do an immense work. In the way the Russian Federation had become the successor of that of the USSR, the national team was to become the successor of that existing in the Union. Not juridically, of course, but in strength and skill. It

ле и мастерству. Сделать это было ох как непросто. Предстояло найти и воспитать борцов, не уступающих тем, кого поставляли в прежнюю сборную Украины, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Узбекистан.

К счастью, такая возможность существовала. Для русского народа, для осетин и дагестанцев, тувинцев и якутов, бурятов и хакасов вольная борьба в ее национальных проявлениях была таким же естественным видом спорта, как и для народов упомянутых выше государств. А за годы советской власти в этих регионах возникло немало борцовских центров.

Многое зависело от личности главного тренера сборной. Федерация остановила свой выбор на Арсене Фадзаеве.

Ему в тридцать два года предстояло проделать путь, который прошли Юрий Шахмуратов и я: прямо с ковра — на ковер же, но уже в качестве не борца, а главного тренера.

Арсен Фадзаев — один из талантливейших наших борцов. Менее способный человек не мог бы стать двукратным олимпийским чемпионом, шестикратным чемпионом мира. Да и третье олимпийское «золото» уплыло от него в самый последний момент. Впрочем, об этом расскажу чуть позже.

Прибавьте к этому высочайшую техническую оснащенность Фадзаева. Он единственный борец вольного стиля, который удостоен высшей награды

was a very difficult task. We had to find and to bring up wrestlers equal to the members of the former national team gathered from the Ukraine, Belorussia, Georgia, Azerbaijan, Uzbekistan.

Fortunately, such an opportunity existed. For the Russian people, for Ossets and Dagestanians, Touvinians and Yakuts, Buryats and Khakassians, free-style wrestling in its national forms was as natural a sport as for the nations of the mentioned above states. And during the Soviet years many wrestling centres had appeared in those regions.

Much depended on the personality of the chief coach of the national team. The Federation chose Arsen Fadzaev.

At his thirtytwo he was to advance the same way as Yuri Shakhmuradov and myself: from the mat immediately to the mat, now not as a wrestler but as the chief coach.

Arsen Fadzaev is one of our most talented wrestlers. A less capable man would not have been able to become a twofold Olympic champion and a six-fold world champion. As for the chance to take the third Olympic gold medal, he had Lost it at the very last moment. But I'll tell about this below.

To all this the highest technical skill of Fadzaev should be added. He is the only free-styler who was awarded the highest FILA prize for the technique «The Gold Wrestling-Boot». Moreover, he got it twice.

ФИЛА за технику — «Золотая борцовка». Причем дважды.

В новом для себя качестве сборная России и ее главный тренер дебютировали в Толидо на очередном Кубке мира. Финальная встреча с американцами закончилась со счетом 5 : 5, но количество побед по баллам у соперников оказалось больше.

Не слишком много времени имел Фадзаев и для того, чтобы подготовить команду к чемпионату Европы-93, который прошел в Стамбуле. Мягко говоря, судейство здесь было не на высоте. Командное первенство мы уступили туркам.

Я, как мог, утешал Арсена: ты ведь еще только формируешь сборную. Все впереди.

Но и 29-й чемпионат мира в Торонто не стал этим «впереди». У нас лишь один чемпион — известный Лери Хабелов, из старой, сформированной еще мною гвардии.

Не принес успокоения и Кубок мира-94. Только третье место.

На «Европе-94» в Италии, в Лидо-ди-Антике — городке неподалеку от Рима — я встретил старого знакомого Юрия Шахмуратова. Он работает здесь в Олимпийском центре ФИЛА, главным специалистом Международной любительской федерации борьбы.

Не он один из наших борцов находится по контракту вдали от России. Сергей и Анатолий Белоглазовы — тоже. Умные, опытные, талантливые,

In their new quality the Russian national team and its chief coach started in Toledo at the next world Cup. The final meeting with the Americans ended with the score 5 : 5, but our rivals had more victories by points.

Fadzaev also had too little time to prepare the team for the Europe-93 which took place in Istanbul. To put it mildly, the referees were not at their best at that competition. We lost the team championship to the Turks.

I did my best to comfort Arsen. You'll have time to form a national team, I said. Everything is ahead.

But the 29-th world championship in Toronto did not become that «ahead» either. We had only one champion: the well-known Leri Habelov from the old team formed by me.

The 1994 world Cup brought no relaxation. Only the third place.

At the Europe-94 in Italy, in Lido di Antica, a town near Rome, I met my old acquaintance, Yuri Shakhmuratov. He works there at the FILA Olympic centre as the chief specialist of the FILA.

He isn't the only Russian wrestler who works far from Russia on a contract. Sergei and Anatoli Beloglazov also do. Clever, experienced and talented, they know the «secrets» of the Soviet school better than anyone else. Foreigners have always learned from us conscientiously. They learned by books,

«секреты» советской школы они знают лучше других. Иностранцы и прежде прилежно учились у нас. По книгам, записям, видеофильмам. Сейчас у них еще и наши тренеры. Не случайно время от времени у меня возникает чувство, что на крупных международных соревнованиях российские ребята борются со своими же. Иногда обидно бывает, но трезвый рассудок диктует: это на пользу вольной борьбе во всем мире. Только легче ли нам от этого? Вот и получается, что победы прежней советской сборной если и придут к российской команде, то только в необозримом будущем. Уезжают работать за рубеж тренеры, уезжают в заграничные клубы сами борцы. Их можно понять: нынешняя экономическая ситуация в стране — не сахар. О прежнем государственном обеспечении сборных команд остается только мечтать.

Ну и будем мечтать. И мечты, уверен, сбудутся. Я верю в свою Россию.

А пока, бывает, и российская борцовская сборная выдает на международных чемпионатах такие фейерверки медалей, как советская — лет двадцать назад.

В той же Италии на чемпионате Европы мы взяли четыре золотые медали. По «золоту» получили также украинец, азербайджанец, два армянина. Я радовался и за них: ведь это наша общая школа!

Правда, после Рима — новый провал. На первенстве мира в Стамбуле наши «вольники» завоевали только одно «золото». Все специалисты сошлись во мнении: меняется общий расклад сил на миро-

records, video films. Now they have our coaches as well. It is not by chance that from time to time I have a feeling that at big international competitions our lads wrestle with their compatriots. Sometimes it seems offending, but the sober reason says: this contributes to the free-style wrestling in all the world. But to us it is a feeble consolation. It looks as if the victories similar to those of the former Soviet national team can be won by the Russian team only in the far future if ever. Coaches leave the country to work abroad, wrestlers themselves leave for foreign clubs. They are easy to understand: the economic situation in the country is difficult. One can only dream of the former state provision for the national teams.

Well, let us dream. And the dreams are sure to come true. I believe in my country.

And in the meantime, the Russian wrestling team sometimes shows such fireworks of medals at international championships as the Soviet team did twenty years ago.

In Italy at the Europe championship we got four gold medals. A Ukrainian, An Azerbaijanian and two Armenians also won gold. I was glad for them: it was our common school!

But after Rome there was a new failure. At the world championship in Sтамбул our free-stylers won only one gold medal. All the specialists agreed that the general correlation of forces on the international wrestling mats was changing. I have already mentioned that thanks to our coaches, the nations which

вых борцовских коврах. Я уже упоминал, что во многом благодаря нашим тренерам успехов стали добиваться и такие государства, которые прежде считались в борьбе «середнячками». А главного лидера — каким являлась когда-то наша сборная — не стало.

Впрочем, окончательные выводы можно сделать только на очередной Олимпиаде.

И вот она пришла — невыносимо жаркая, душная, расслабляющая Атланта 1996 года.

Эта жара и сыграла с нами злую шутку. А точнее — сами мы и виноваты. Приехали в эту духоту за две недели до старта: нужно было акклиматизироваться. А вместо акклиматизации получили такую тепловую перегрузку, что она из нас все силы вытянула. Некоторые борцы даже вес стали терять — да так, что в пору было в более легкую категорию переходить.

Еще один просчет — поездка всей олимпийской командой в Польшу, на международный турнир дней за двадцать до начала Олимпиады. В Польше ребята хотя и «разорвали» всех, да выло-жились и козыри свои выложили на стол. А те же поляки — «классики», которые были нашими у себя дома «разорваны», — в Атлантае побии русских их же оружием: на каждый прием за эти двадцать дней соперники нашли свои контраргументы.

Собственно, я как президент объединенной Федерации, надеялся в первую очередь на греко-римскую борьбу. А как раз здесь мы и проиграли. Только одна золотая медаль — у ставшего уже легендарным Саши Карелина.

Саша в Атлантае повторил подвиг Александра Медведя — стал трехкратным олимпийским чемпионом. Их часто сравнивают, двух Александров. В одном они, несомненно, похожи: в той видимой легкости, с которой одерживают феноменальные победы. Кажется, что соперников у них просто не существует!

В Атлантае Карелин был, пожалуй, самой популярной личностью среди россиян. Не случайно именно его назначили знаменосцем всей нашей олимпийской команды, и когда он нес флаг России по стадиону, я вспоминал себя в Монреале, двадцать лет назад. А уже по возвращении в Москву Саше присвоили звание Героя России!

Самое удивительное и прекрасное в том, что после всех этих достижений Саша нос не задрал. В отношениях со мной он остался тем же пацаном, что и десять лет назад. Да и с другими тоже — ни-какой «звездной болезни». Молодец.

Знаю, что ему по силам первым в истории борьбы стать четырехкратным олимпийским чемпионом. Равных Саше по-прежнему нет. Только сейчас ему нужно не рваться ни к каким новым вершинам, а пару лет отдохнуть. Большие мышцы часто не вы-

had been considered mediocre in wrestling began to achieve success. And a leader like our former national team was no more.

But the final conclusions could be made only after the next Olympic games.

And they came. It was in 1996, in the unbearably hot, sultry, enfeebling Atlanta.

The heat played a foul joke on us. To be more precise, it was our own fault. We had come to that sultry place two weeks before the start; it was necessary to acclimatize. But instead of acclimation, we got such an overheating that it took away all our strength. Some wrestlers even began to lose weight, so that they could pass to a lighter weight category.

There was one more mistake: about twenty days before the beginning of the Olympic games, the whole team had gone to Poland to an international tournament. Although our lads «tore everyone apart» in Poland, they were exhausted; besides, they had revealed all their secrets. As for the Polish Greco-Romans which had been «torn apart» by our team at their home, they beat the Russian with their own arms in Atlanta. During those twenty days our rivals had found their «counter-arguments» to each action.

In fact, as the President of the united Federation, I relied mainly on the Greco-Roman wrestling. But we Lost in this kind. There was only one gold medal taken by Sasha Karelin who has by now become a legend.

In Atlanta Sasha repeated the feat of Alexander Medved: he became the three-fold Olympic champion. They are often compared, the two Alexanders. They have at least one common trait: the seeming easiness with which they win phenomenal victories. It seems their rivals simply don't exist!

In Atlanta Karelin was, perhaps, the most popular person among the Russians. It is not by chance that he was appointed the standard-bearer of the whole Olympic team; and when he was carrying the Russian flag I remembered myself in Montreal twenty years before. On his return home Sasha was conferred the title of the Hero of Russia!

The most surprising and wonderful thing is that after all those achievements Sasha has not put on airs. In his relationships with me he has remained the same lad he was ten years ago. His relationships with others have not changed either: no star disease at all. Good man.

I know that he is strong enough to become the first in the history of wrestling four-fold Olympic champion. Sasha still has no equals. But now he should have a couple of years rest instead of rushing to new heights. Large muscles often fail to endure

держивают продолжительных нагрузок, особенно если тебе уже тридцать лет. Так что Саше самое время побережь свой организм, а за годик до очередной Олимпиады начать наращивать обороты. Тогда все у него получится.

«Вольники» в Атланте выступили лучше «классиков» — три золотых медали. Трехкратными чемпионами, как Карелин, могли стать здесь Арсен Фадзаев, вернувшийся на ковер после своего президентства, и Махарбек Хадарцев. Арсен выступил неудачно — проиграл. А Махарбек, считаю, сотворил подвиг не хуже карелинского: с тяжелой травмой позвоночника он стал вторым призером. По мне, так его «серебро» сверкает не хуже «золота».

Да и в целом всю команду «вольников» обвинить не в чем: ребята сделали все, что могли. Кто не дотянул до «золота» — переживал так, что ни слова упрека ему не скажешь. А чемпионами впервые стали молодые ребята — Богиев, Сайтиев и Магомедов.

Да, прошли те времена, когда мы могли, как когда-то в Манчестере на чемпионате Европы, завоевать девять золотых медалей и одно «серебро». Сейчас основную конкуренцию нам составляют бывшие партнеры — Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения. И все-таки сильнейшей державой остается Россия.

Сборная по вольной борьбе у нас сейчас новая. Из ветеранов в команде — только двукратный олимпийский чемпион, пятикратный чемпион мира Махарбек Хадарцев. Есть уже и три новоиспеченных олимпийских чемпиона. А возглавляет сейчас команду — кто бы вы думали? — ваш старый знакомый, мой любимый тренер Дмитрий Георгиевич Миндиашвили.

Его красноярская школа борьбы известна уже во всем мире. Скольких ребят, включая меня, вытаскил Дмитрий Георгиевич на пьедестал! Вот и Бувайсар Сайтиев, признанный на Олимпиаде лучшим борцом-вольником мира, — его ученик.

Заслуга и Миндиашвили, и, надеюсь, моя, и всех сибиряков-чемпионов — в том, что очередное первенство мира по вольной борьбе пройдет в августе-сентябре 1997 года в Красноярске. Борцовская элита и прежде съезжалась на мою родину — на международные турниры имени Ярыгина, — но чемпионат мира — это все же особое событие. Мне иногда кажется, что провести достойно этот чемпионат, сделать его настоящим праздником — главное дело всей моей послеспортивной жизни.

Как выступит на «домашнем» чемпионате наша команда? Могу пообещать: выступит успешно, по общему «золотому» улову должна всех опередить. Ну а сколько конкретно медалей завоюем в Красноярске, загадывать рано.

the continuous Loadings, especially when you are thirty. So it is high time for Sasha to take care of his organism, and to begin gaining new strength a year before the next Olympic games. Then he will manage everything.

The free-stylers did better than the Greco-Romans in Atlanta: they took three gold medals. Arsen Fadzaev who had returned to the mat after his presidency, and Maharbek Chadartsev could have become threefold champions here like Karelin. But Arsen made a poor performance and lost. As for Maharbek, I think his feat was as great as Karelin's: he became the second prizeman with a severe spinal trauma. For me, his silver sparkles as brightly as gold!

On the whole our team of free-stylers is nothing to blame of: they did their best. Those who did not win gold were in such a distress that no word of reproach could be said to them. And the young fellows Bogiev, Soitiev and Magomedov became champions for the first time.

Well, the time when we could win nine gold and one silver medals like at the Europe championship in Manchester, was gone. Now our main rivals are our former partners: the Ukraine, Belorussia, Azerbaijan, Armenia. But still Russia is the strongest.

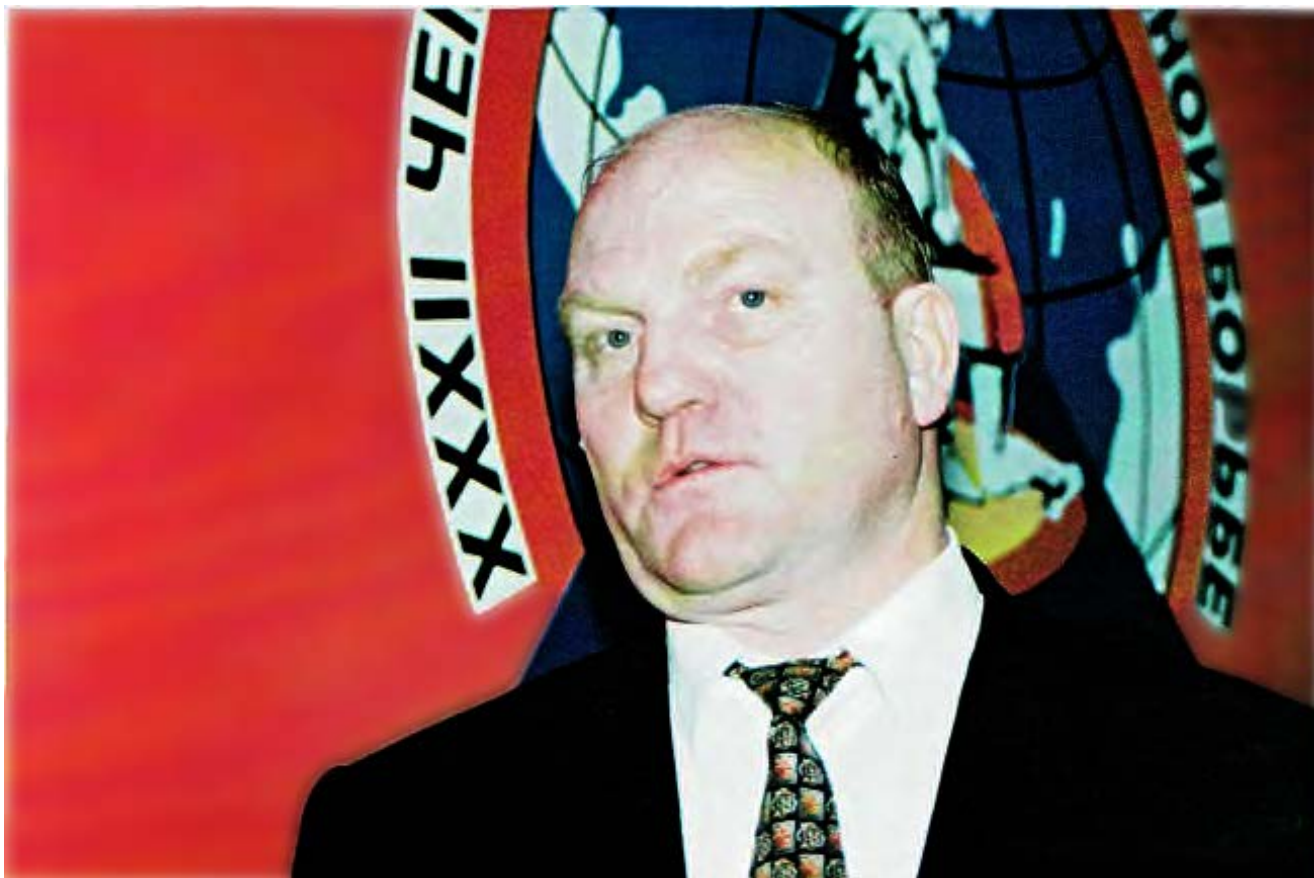
At present we have a new free-style wrestling national team. There is only one veteran in it, the twofold Olympic and fivefold world champion Maharbek Chadartsev. We have got also three fresh Olympic champions. And who do you think is the head of the team? It is your old acquaintance, my dear coach, Dmitri Georgievitch Mindiashvili.

His Krasnoyarsk school of wrestling is already worldfamous. What a lot of fellows including myself Dmitri Georgievitch has brought to the victory stand! Buyvassar Saitiev who was proclaimed the best free-style wrestler of the world at the Olympic games, is his pupil as well.

It is the achievement of Mindiashvili's, and also, as I hope, of mine and of all the Siberian champions, that the next world championship in free-style wrestling will take place in August and September 1997 in Krasnoyarsk. The wrestling elite has already come to my native city to the international Yarygin tournaments, but the world championship is a special event. Sometimes I think that making this championship a worthy event, a genuine festival is the main task of my after-sports Life.

How will our team perform at this «athome» championship? I can promise: it will do successfully, it must leave everybody behind in total gold trophies. And it is too early to guess how many gold medals we will win in Krasnoyarsk.

1997

, 8

THE LUZHNETSKAYA EMBANKMENT 8

ЭТО адрес Олимпийского комитета России. Здесь в нескольких небольших комнатах располагается Федерация спортивной борьбы.

Я уже говорил, что по сравнению с советскими временами характер работы Федерации изменился в корне. В то время фактически всей учебной, тренировочной, организационной работой руководило управление борьбы Спорткомитета страны. Сейчас практически все эти обязанности легли на плечи Федерации — организации, по своей сути общественной. К счастью, руководящее ядро Федерации сложилось из людей, беззаветно преданных борьбе и любящих работу.

В первую очередь, с чувством искренней благодарности хочу назвать членов бюро Федерации Валерия Онопко и Шамиля Невретдинова.

Я уже упоминал о Валерии как о «маршале» молодежного войска борцов вольного стиля. Руководя много лет «молодежной», он со своими воспитанниками добыл на всякого рода юношеских соревнованиях фантастическое количество медалей. Молодежная сборная была основным поставщиком

THIS is the address of the Olympic Committee of Russia. Here, in several small rooms, the Federation of Amateur wrestling is Located.

I have already said that in comparison with the Soviet times, the work of the Federation has crucially changed its character. At that time it was the Wrestling Department of the Sports Committee of the country that headed all the learning, training and organizational work. Now practically all these responsibilities have been laid on the Federation, which is, in its essence, a public organization. Fortunately, the directing link of the Federation consist of people who are selflessly devoted to wrestling and who like their work.

First of all, with a sincere gratitude I'd like to name the members of the Federation Bureau Valeri Onopko and Shamil Nevretdinov.

I have already mentioned Valeri as the «marshal» of the junior corps of free-style wrestlers. For many years he headed the junior team and his wards took a fantastic number of medals at various junior competitions. The junior team was the main provider

кадров во взрослую команду. Почти все большие чемпионы, о которых я упоминал в своем рассказе, и те, о ком не пришлось вспомнить, в той или иной мере прошли через руки Валерия Онопко. Чемпионы покидали ковер, становились тренерами, директорами предприятий и бизнесменами, но связей со своим Валерием Максимовичем не прерывали.

Бывший преподаватель Института физической культуры Шамиль Невретдинов тоже имеет тысячи учеников, считающих своим долгом помогать ему. Шамиль, если угодно — стратег, математик, великий знаток новых и старых правил вольной борьбы.

Хочу на этих страницах выразить особую благодарность Отделу классической борьбы нашей Федерации. К этой благодарности примешивается чувство искреннего восхищения, когда я думаю о руководителе отдела Михаиле Мамиашвили. В возрасте всего тридцати трех лет он проявляет себя как человек, которому все по плечу: начиная с формирования и подготовки сборной по греко-римской борьбе и кончая организацией коммерческих структур, финансирующих эту подготовку.

Конечно, все непросто в наше время. И здесь надо сказать, что многое зависит от фона, на котором существует Федерация спортивной борьбы России. Этот фон — общее состояние спорта в стране. Если борьба не потонула в волнах нашей штормо-

of cadres to the adult national team. Almost all the champions I have mentioned in my story, as well as those whom I have not named, had been pupils of Valeri Onopko to a certain extent. Champions left the mat, became coaches, directors of enterprises and businessmen, but they never broke the contact with their Valeri Maximovitch.

Shamil Nevretdinov, a former instructor at the Institute of Physical Culture, also has thousands of pupils who think it their duty to help him. Shamil is, shall we say, a strategist, a mathematician, a great specialist in new and old rules of free-style wrestling.

On these pages I want to express a special gratitude to the Greco-Roman Wrestling Department of our Federation. This gratitude is mingled with a feeling of sincere admiration when I think of the head of the Department Mikhail Mamiashvili. At his young age of thirty-three he manifests himself as a man who is capable of everything, from forming and training the national team in Greco-Roman wrestling to organizing commercial structures which finance that preparation.

Of course, in our times nothing is easy. And I must say that much depends on the background on which the Amateur wrestling Federation exists. This background is the general condition of sports in this

вой жизни, то во многом потому, что на плаву держится олимпийское движение в России. Назову капитана нашего спортивного корабля — Виталия Георгиевича Смирнова, президента Российского Олимпийского комитета, первого вице-президента МОК. Поистине чудо, что ему удастся провести российский спорт через политические штормы, денежное мелководье, рифы наших экономических невзгод. Но ведь удастся. И нам, тем, кто в трюме и на палубе, просто невозможно не следовать за человеком в капитанской рубке.

Когда по утрам во время бритья я вижу себя в зеркале и в очередной раз сам с собой уточняю программу на день, то частенько вспоминаю любимое выражение нашего пресс-атташе и корреспондента «Советского спорта» Володи Голубева. Он утверждает, что журналиста, как и волка, «ноги кормят». А я мысленно добавляю: «и президента», имея в виду не столько себя, сколько нашу Федерацию.

Деньги!

Деньги — вот проблема, которую приходится решать президенту практически ежегодно.

Ушли в прошлое те времена, когда спорт почти полностью существовал на государственные субсидии. Сегодня бюджет не покрывает и десятой части необходимых расходов. Наследство, полученное от наших предшественников, имеет свойство обесцениваться, если его постоянно не увеличивать.

country. If wrestling has not sunk in the waves of our stormy life, it is largely due to the fact that the Olympic movement of Russia is keeping afloat. The captain of our sporting ship is Vitali Georgievitch Smirnov, the President of the Russian Olympic Committee, the first Vice-president of the IOC. It is a miracle that he has managed to lead the Russian sports through the political storms, financial shoals, reefs of our economic disasters. But he manages it. And we, those on the deck and in the hold, have nothing to do but follow the man in the captain's deckhouse.

In the morning when I look at myself in the mirror after shaving and once again specify my daily plans to myself, I often remember the favourite saying of our press-attache and the reporter of «Sovetski Sport» Volodia Golubev. He says that a reporter is «fed by his legs», like a wolf. And I add to myself: so is the president (meaning not so much myself as our Federation).

Money!

Money is the problem the President has to solve practically every year.

The times when sports were almost completely subsidized by the state, have passed. Now the budget does not cover a tenth part of the necessary expenditures. The inheritance received from the predecessors tends to lose value if it is not constantly increased.

Можно по-разному относиться к тому, что государство перестало финансировать в необходимых размерах спорт. В странах развитого, цивилизованного капитализма это явление стало привычным, к нему приспособились. У нас иная психология, иной, куда менее коммерческий взгляд на вещи. Этот взгляд исходит из того, что здоровье не может быть заботой частных лиц, что это задача государственная. И потому решать эту задачу на основе меценатства и благотворительности нельзя.

Признаюсь откровенно: я сторонник такого взгляда. Но изменить что-либо здесь не в силах даже президент Федерации. И если я хочу, чтобы дело моей жизни не умерло, приходится действовать по принципу «хочешь жить — умей вертеться».

Довольно быстро выяснилось, что к такому «верчению» я не очень приспособлен. Этому надо учиться, и еще как. К счастью, Бог не обидел меня встречами с людьми, которые стали моими учителями и у которых я учился с радостью. Я уже говорил об Александре Сергеевиче Кардаше, директоре Абаканского мясокомбината. Я немало рассказывал здесь о Дмитрие Георгиевиче Миндиашвили. В один ряд с ними я должен поставить и Владимира Ивановича Малышкова.

One can treat the fact the state has ceased to finance sports to a necessary extent in different ways. In the countries of developed, civilized capitalism this phenomenon has become habitual, everybody has accommodated to it. We have a different psychology, our attitudes are different, much less commercial. This attitude is based on the belief that health cannot be a care of private persons, that it is a matter of state concern. That is why this task cannot be fulfilled on the base of charity and philanthropy.

I must confess I support this belief. But even the President of the Federation cannot change anything here. And if I don't want the cause of my life to die, I must be inventive to survive.

It turned out rather quickly that I wasn't very good in the art of survival. One must work a lot to learn it. Fortunately, God hasn't done me out of my share of meeting people who had become my teachers and from whom I learned gladly. I have already spoken about Alexander Sergeevitch Kardash, the director of the meatpacking plant in Abakan. I have also told a lot about Dmitri Georgievitch Mindiashvili. Vladimir Ivanovitch Malyshev should be ranked with them.

VICE-PREMIER VOLODIA

СЕЙЧАС Владимир Иванович — заместитель премьера правительства Москвы, руководитель департамента потребительского рынка и услуг.

А когда в 1973 году мы познакомились, он был директором Красноярского треста общепита. Скажу честно, свеженький олимпийский чемпион Иван Ярыгин хоть никогда не был зазнайкой, но к представителям этой профессии относился несколько снобистски: дескать, знаем вас, торгашей. Свело нас занятие, не имеющее отношения ни к спорту, ни к торговле, — рыбалка. Рыбаком Володя оказался таким же страстным, как и я, но обладал тем преимуществом, что умел украсить наши вылазки на природу, очень часто семейные, — гитарой, на которой он прекрасно играл, и песнями, которые сочинял сам.

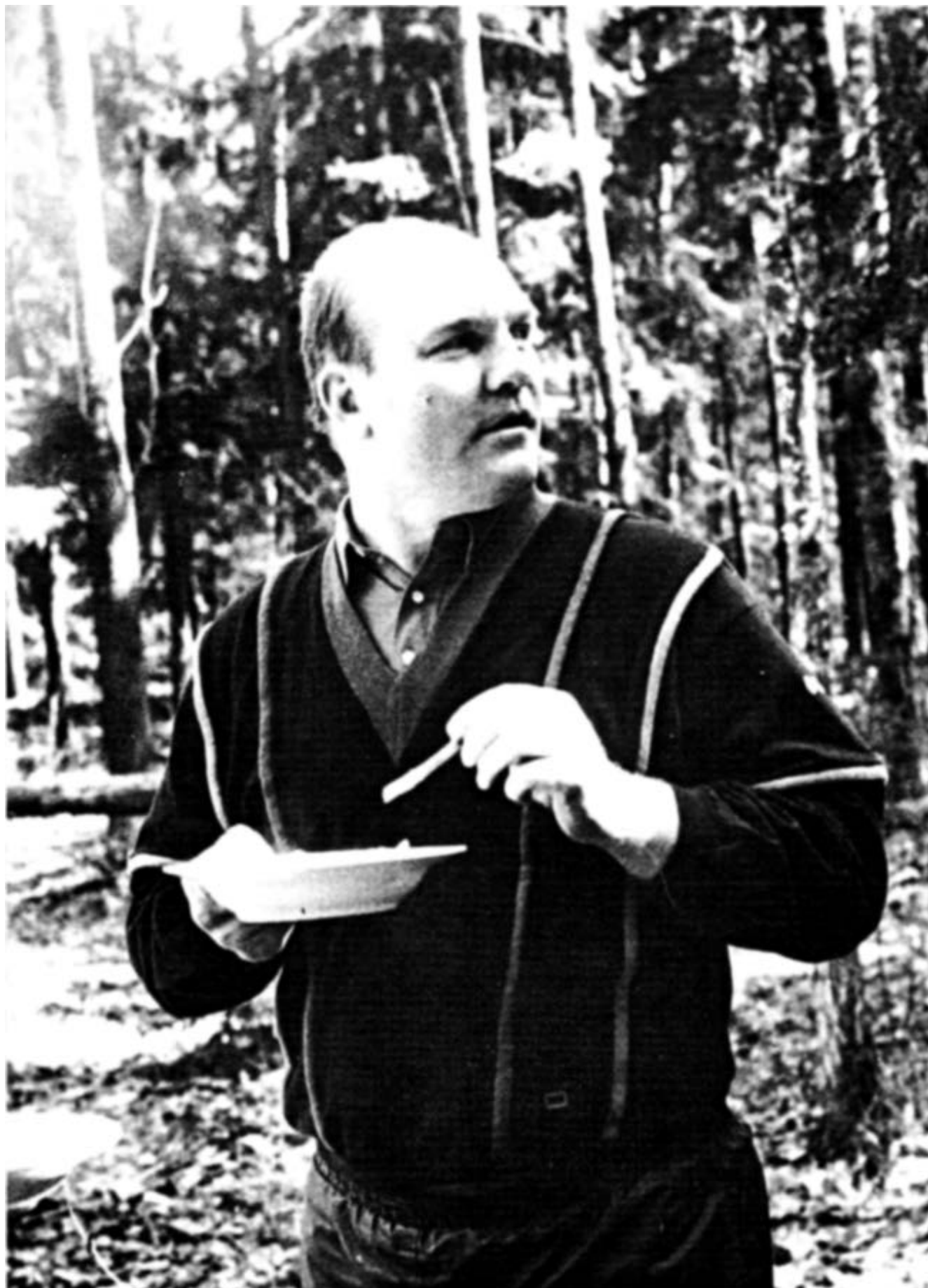
Скоро я сделал открытие: никакой он не «торгаш», а спортсмен. Не в том смысле, что отлично играл в теннис и баскетбол, а в том, что, как настоящий спортсмен, жаждал быть первым. А раз судьбе было угодно сделать его работником общепита, то первым на этом общепитовском поприще. С появлением Малышкова в Красноярске стали возникать невиданные до сей поры кафе, рестораны, столовые прямо-таки столичного образца. Сколько вкуса и

NOW Vladimir Ivanovitch is a vice-premier of the Moscow government, the head of the department of the consumer market and service.

When we got acquainted in 1973 he was the director of the Krasnoyarsk public feeding trust. To tell the truth, although the fresh Olympic champion Ivan Yarygin had never been a snob he treated the representatives of this profession rather snobbishly: you, shopkeepers! We were brought together by an occupation which had nothing to do either with trading or with sports: it was fishing. Volodia turned out as passionate an angler as I, but he had an advantage: he could make our trips to the river, often together with our families, real holidays with the help of his guitar and the songs he made up himself.

Soon I made a discovery: he was not a «shop-keeper» but a sportsman. Not because he was an excellent tennis- and basketball-player, but because he always desired to be the first like a genuine sportsman. If fortune had made him a worker of the public feeding, he was to be the first in that sphere. With the coming of Malyshkov, cafes, restaurants and canteens of the capital standard began to appear in

изобретательности вкладывал он в свои новостройки! Был замечен властями и сделал стремительную карьеру: Генеральный директор городского объединения, заместитель председателя горисполкома, начальник краевого управления торговли.

Когда в 1980 году я приехал в Москву, мы продолжали дружить, встречаться в столице и в Красноярске. И я не переставал удивляться его неиссякаемой изобретательности, напору, тому, как работал он — словно играючи.

В общем, я ничуть не удивился, когда в 1987 году первый секретарь Московского горкома партии Борис Николаевич Ельцин, решивший собрать принципиально новую московскую команду, затребовал в столицу Малышкова и поставил его на одну из самых горячих и опасных точек — московский общепит.

Володя в столице остался верным своему спортивному принципу: если быть, так быть первым.

Руководя московским общепитом, Малышков создает первое во всей стране совместное предприятие — «Ресторан Дели». Дальше больше. Сколько билась всемирно известная канадская фирма «Макдональдс» с московскими чиновниками, чтобы те разрешили открыть здесь хотя бы один ее филиал. Никто не смог, а мой друг сумел: на площади Пушкина он так открыл «Макдональдс». Первый!

Семь лет жизни в разных городах не отразились

Krasnoyarsk. What taste, what inventiveness he put into his new buildings! He was noticed by the administration and made a rapid career: became the General Director of the city Association, then vice-chairman of the city Executive Committee, the head of the District Trade Department.

When I came to Moscow in 1980 we continued to be friends, we met in the capital and in Krasnoyarsk. And I kept admiring his ceaseless inventiveness, his energy, the ease with which he worked.

In short, I was not at all surprised when in 1987 the first Secretary of the Moscow Party Committee, Boris Nikolaevitch Yeltsin who had decided to gather a radically new team, demanded Malyshev to Moscow and handed him one of the most difficult and dangerous spheres — the Moscow public feeding.

In the capital Volodia remained faithful to his main principle: to be the first.

As the head of the Moscow public feeding business Volodia created the first joint venture in the capital, the restaurant «Delhi». Then he went further. Long had the world-famous Canadian firm «McDonald's» fought with the Moscow functionaries in order to get permission to open at least one filial here. No one had managed this, but Volodia did: he opened a «McDonald's» in the Pushkin square. The first one!

на наших отношениях, и когда я был избран президентом, один из первых звонков был от Володи:

— Чем могу тебе помочь?

Трудно выразить, как меня тронул этот звонок. В свое время немало людей клялись мне в любви, уверяли, что в трудную минуту придут на помощь. Но когда такая минута настала, они не слышали моего сигнала «SOS».

Владимир Иванович не на словах, а на деле поддерживает нашу Федерацию. В различных интервью объясняет, что без культуры, без спорта нация зачахнет. В связи с этим радуется, что в правительстве Москвы много спортивных людей, думающих как он. На деле же его помощь выглядит как будто просто. Мы в Федерации понимаем: чтобы борьба выжила, надо заниматься бизнесом. Но ведь опыта и сноровки у нас совершенно нет! Зато они есть у Володи Малышкова. И едва не по каждому поводу президент звонит именно ему. А Володя, внимательно выслушав, произносит свой вердикт: стоит ли браться за то или иное дело. И объясняет почему.

— Понял? — слышу я в трубке. — Ну и хорошо. Как дела дома? Как Наташа? Что у Ани? Сережи? Привет им...

О моей семье Володя знает все не хуже меня. Встречаемся практически еженедельно. Признается, что скучает без нас. А мы, Володя, без вас: без твоей Зины, без твоего сына Игоря и дочери Тани,

Seven years of Life in different cities had not affected our relationships, and when I was elected President one of the first telephone calls was from Volodia:

«What can I do for you?»

It is difficult to express how I was moved by this call. Many people had declared their love to me and promised they would help me in need. But when the need came they did not hear my «SOS» signal.

Vladimir Ivanovitch supports our Federation by deed, not by word. In different interviews he explains the nation will pine without sports. In this connection he is glad that there are many sporting people in the Moscow Government who think in the same way. His actions of help look simple. Our Federation understands: for wrestling to survive we must take up business. But we have neither experience nor skill! And Volodia Malyshev has both. And it is he whom the President phones almost on every occasion. Volodia listens attentively and then passes his verdict whether the matter is worth taking up. And explains why.

«Got it?» I hear in the receiver. «Good. How are things? How's Natasha? What about Anya? And Seriozha? Send my Love to them...»

Volodia knows everything about my family, almost like myself. We meet, in fact, every week. He confesses he misses us. And we miss you Volodia, your wife Zina, your son Igor and your daughter

без внучки Ксении и внука Артемки, без Алены, жены Игоря.

Что же касается непосредственного увлечения спортом, то для самого Малышкова сегодня это футбол. Практически каждую субботу и среду члены правительства Москвы играют в Лужниках с артистами, журналистами, с ветеранами «Спартака». В команде, где капитанствует Юрий Лужков, мой друг Володя один из лучших футболистов.

На этом я хотел закончить мой по необходимости очень короткий рассказ о Владимире Ивановиче. Но случилось так, что Наташа прочла одно неопубликованное интервью Малышкова и решительно обратилась ко мне:

— А тебе не кажется, что он тоже имеет право на слово в твоей книге?

Цитирую Володю. И пусть всякие лестные елова в мой адрес будут, Наташа, на твоей совести.

«В Ярыгине уживаются детскость, незащитность и напор. Он невероятно переживает за свое дело, думает о нем денно и ночью. У него нет свободной минуты, он мчится по Москве в горячие точки, в его кабинете ждут десятки людей. Кто такие нагрузки выдержит? Я думаю: ну почему такой заслуженный в спорте человек должен так себя изводить? Порой боязно за него. Ведь он не коммерсант, некоторые нюансы просто не знает. Непосредственный, иногда наивный, он часто совершает мужественные, решительные поступки.

От него какая-то космическая энергия. С ним надежно. И это судьба послала Ивану очаровательную жену Наталью. Он с ней счастлив».

Именно Володя Малышков привлек меня к своей идее открыть по всей России сеть закусовых «Русское бистро».

Идею эту он вынашивал лет пять. С того самого дня, как в Москве появился первый ресторан быстрого питания «Макдональдс». Наверное, за державу стало обидно: что же за дела — везде о «Макдональдсе» только и говорят, вон в него очереди какие на Пушкинской площади. А неужели русская кухня хуже? А само название «бистро», пришедшее из Франции, тоже имеет русские корни. Говорят, что казаки, гнавшие Наполеона из Москвы во Францию, задержались на пару месяцев в Париже — чтобы отметить свою победу. И в парижских кабачках, подзывая к себе раз за разом официантов, чаще всего употребляли слово «быстро». Видно, понравилось оно местным жителям — вот и стали они называть свои питейные заведения русским словом на французский манер.

Идея Володи приглянулась мэру Москвы Юрию Михайловичу Лужкову. Михалыч дал добро. А президентом всего акционерного общества «Русское бистро» московские начальники поставили меня.

Tanya, your granddaughter Xerria and your grandson Artiomka, Igor's wife Aliona.

As for going in for sport itself, at present it is football for Malyshev. Practically every Saturday the members of the Moscow government play in Luzhniky with actors, journalists, «Spartak» veterans. Volodya is one of the best football-players in the team where Yuri Luzhkov is the captain.

At this point I wanted to end my story of Malyshev, which was too short out of necessity. But Natasha happened to read an unpublished interview of Malyshev and said to me: «Don't you think he has a right of a floor in your book? »

Now I am quoting Volodya. And let all the flattering words in my address be on your conscience, Natasha.

«In Yarygin childishness is combined with defenselessness and energy. He is fantastically wrapped up in his work, thinks of it day and night. He hasn't a minute of free time, he rushes to hot places across Moscow, dozens of people are waiting in his office. Who can endure such loadings? I am wondering: why such a famous sportsman should exhaust himself so? Sometimes I feel fear for him. He is not a commercial man, there are some nuances he does not know. A frank, sometimes naive man, he often does courageous, resolute actions.

He irradiates some cosmic energy. One feels secure with him. And luck has sent to Ivan a charming wife, Natalia. He is happy with her.»

It was Volodya Malyshev who attracted me to his idea of opening a network of cafes «The Russian Bistro» all over Russia.

He was working out this idea for about five years, since the very day the first fast-food restaurant «McDonald's» had appeared in Moscow. I think he felt hurt for his nation: why, everybody is speaking of nothing but «McDonald's», long queues are standing to it in the Pushkin square; isn't the Russian cooking as good? And the word «bistro» which came from France also has a Russian origin. The Cossacks who had driven Napoleon from Moscow to France are said to have stopped in Paris for a couple of months to celebrate their victory. Calling up garçons in the Paris cafes they often repeated the word «bystro» («quick»). The natives must have liked it and so they began to call their pubs with the Russian word pronounced in the French manner.

Yuri Mikhailovitch Luzhkov, the Mayor of Moscow, liked the idea. He gave his permission. As for me, the Moscow functionaries made me the President of the jointstock association «The Russian Bistro». For this post they needed a famous man who was at the same time a genuine «Russian Ivan». Thus I became president for the second time.

ПРЕЗИДЕНТ

Нужен был человек на это место узнаваемый и в то же время — настоящий «русский Иван». Так я повторно стал президентом. В основном я, конечно, в кухню всего проекта не влезаю — просто курирую эти заведения, подписываю важные бумаги. И очень благодарен своим заместителям, что они меня не очень нагружают, потому что дел и в Федерации борьбы хватает.

Скажу не как президент, а как простой и не очень-то привередливый в еде человек: «Русское бистро» это здорово! Тут тебе и напитки, и настойки, и медовуха, и пирожков 30 видов. Сейчас начинаем квас выпускать. И все быстро, удобно, дешевле в три раза, чем в «Макдональдсе», а главное, вкуснее.

Проект очень перспективный. Есть распоряжение Черномырдина открыть 200 бистро в Москве и 1000 — по всей России. Уже существуют они на Северном Кавказе, в Красноярске, Екатеринбурге, а скоро будут в каждом регионе страны.

Да что Россия — много заявок из-за рубежа открыть «Русское бистро», например, Япония и Китай просят об этом. Уже есть наше бистро в Америке, в Бостоне, и скоро несколько таких закусовых появятся и в Европе. И иностранцы, уверен, станут посещать бистро не хуже, чем «Макдональдс».

Меня часто спрашивают, зачем я взялся за это дело. Неужели мне одной борьбы мало? Похоже, чтобы ответить на этот вопрос, не избежать высокопарности, красивых слов. Наверное, мною двигала убежденность, что это нужно России.

В политику я стараюсь не лезть, поэтому о России могу порассуждать как простой обыватель. Помоему, сегодня существует две России. Одна из них — Москва, другая — остальная страна. Если проехать в провинцию, в регионы, совсем не чувствуется, что Россия поднимается, расцветает. В наших местах — в Красноярске, Абакане — люди месяцами зарплату не получают. И законы не одни для всех. Тот, у кого деньги, может все: к примеру, приватизировать какой-нибудь крупный завод, предприятие. По мне, так это неправильно, не по-людски.

Зато Москва, стараниями Лужкова и его команды, действительно красавицей становится. Лет через пять, если все пойдет нормально, столица наша будет красивейшим городом в мире. Я это твердо знаю, поскольку сам поездил, повидал городов во всем свете немало. Уже сейчас в Москве есть куда сходить. Про музеи, стадионы, выставки я и не говорю — здесь все на европейском уровне. А насчет ресторанов... На сегодня в Москве свои национальные кухни представляют более 80 стран. Через пару лет будет и того больше.

Хорошо, если и наше «Русское бистро» сделает столицу еще краше.

Of course, I have little to do with the «kitchen » of the whole project; I just supervise these establishments and sign important papers. And I am very grateful to my deputies who don't load me too much, for I have enough business in the Wrestling Federation as it is.

Now I am speaking not as a president but as an ordinary man who is not too fastidious with food. «The Russian Bistro» is a wonderful thing! Here you have drinks, nastoykas, medovukha, 30 different kinds of pies. Soon we will produce kvass as well. Everything is quick, comfortable, three times cheaper than at «McDonald's» and, what is important, tastier.

The project has very good prospects. Tchernomyrdin has ordered to open 200 bistros in Moscow and 1000 all over Russia. They already exist in the North Caucuses, in Krasnoyarsk, in Yekaterinburg, and soon they will be opened in all the regions of the country.

But, to leave alone Russia, there are many applications from abroad for opening «The Russian Bistro»; for instance, Japan and China are asking about this. We have already got our bistros in America, in Boston, and soon several cafes of this kind will appear in Europe. I'm sure that the bistros will be as popular among the foreigners as «McDonald's».

I am often asked why I have taken up this business. Is wrestling alone not enough for me? I am afraid I cannot avoid highfalutin words in answering this question. I think I was sure Russia needed it.

I try to avoid politics, that is why I reflect about Russia like an ordinary bourgeois. To my mind, two Russias exist today. One of the them is Moscow, the other is the rest of the country. On seeing the provinces, the regions, one cannot feel that Russia is rising. In my native regions — in Krasnoyarsk, in Abakan — people don't get their wages for months. And the laws are not the same for everybody. Those who have money can do anything they Like, for instance, privatize a large factory or enterprise. I think it incorrect, inhuman.

But Moscow, thanks to Luzhkov and his team, is really becoming a beauty. In some five years, if everything goes all right, our capital will become the most beautiful city in the world. I know it for certain, because I have travelled much and seen a lot of cities in my life. Even now one can go places in Moscow. I don't mean stadiums, exhibitions, museums, for here everything is on the European Level. As for restaurants... Today more than 80 countries present their national cooking in Moscow. In a couple of years their number will increase.

I'd Like our «Russian Bistro» to make the capital still more beautiful.

ST EUDOKIA'S CHURCH

ГОВОРЯТ, что детство человека кончается тогда, когда он остается без матери. Если так, то, значит, я стал окончательно взрослым позапрошлым августом, когда умерла моя мама, Евдокия Павловна.

Все свои 76 лет она вела очень правильную жизнь — не пила никогда, не курила, была глубоко верующим человеком, соблюдала пост. И поэтому на здоровье никогда не жаловалась. Вот мы, дети, и прозевали у нее тяжелую болезнь — рак печени. Сражаться было уже бесполезно.

До последнего дня мама сама хозяйничала по дому: на наши просьбы поухаживать за ней даже обижалась. А как-то обмолвилась, чтобы похоронили ее тихо, скромно — зачем, мол, лишняя суета... на похоронах же собралось огромное количество людей. Любили нашу Евдокию Павловну и в Сизой, и в окрестных деревнях.

Тогда-то и возникла задумка построить церковь Святой Евдокии.

Дело в том, что, как я уже сказал, мама была искренно верующим человеком и всю свою жизнь мечтала о церкви неподалеку. В Сизой церквушки не было, и молиться ездили за несколько километров — в Минусинск. Когда началась перестройка и стали церкви опять возводить, мама радова-

ТHEY say one's childhood ends with the death of one's mother. If it is true I became a real adult two years ago in August when my Mum, Yevdokia Pavlovna, died.

All her 76 years she led a very regular life: she never drank or smoked, was a deep believer, kept all the fasts. That is why she never complained of her health. Thus we, her children failed to notice her dangerous disease — the liver cancer. It was already late to fight.

Up to her last days she kept the house herself and even got offended when we offered her help. Once she said she wanted to be buried quietly and modestly, that she did not want any fuss... but an enormous crowd of people came to the funeral. For Yevdokia Pavlovna was loved both in Sizaya and in the neighboring villages.

At that time the idea of building a St Eudokia's Church appeared.

The thing is, Mother was a sincere believer and all her life she dreamed of a church nearby. There was no church in Sizaya, and people had to go to pray to the town of Minusinsk at the distance of several kilometres. When the perestroyka began and churches started to be built again Mother was glad: at last people have returned to God...

лась: наконец-то люди снова к Богу обратились...

Сначала мы думали построить в нашей деревне часовенку. Потом сами же и решили: на столько километров вокруг — ни одной церквушки нет. Непорядок. Выбрали для строительства прекрасное место: рядом с Енисеем, на пригорке — издали видно.

Наш местный батюшка обратился с письмом к самому Патриарху Всея Руси Алексию Второму — разрешит ли возвести церковь в далекой Сизой. Алексий дал благословение. И одобрил нашу задумку назвать ее в честь Святой Евдокии.

Мама ведь моя, Евдокия Павловна, десятерых детей воспитала, и по светским, и по церковным законам выходит, что героиня.

И вот уже почти два года строим эту церковь всем миром — я с братьями, да и деревенские жители помогают, чем могут. Благо, мрамор у нас есть свой — белый, чистый, как бумага. Карьер этого мрамора открыл неподалеку от родительского дома в Майне. Отсюда поставляют мрамор не только на материнскую церковь, но и в Москву — на Храм Христа Спасителя. На открытии карьера был и Юрий Лужков: отметил, что такого белого мрамора больше нигде в мире нет...

Планируем уже 15 сентября этого года открыть нашу церковь. Основная работа практически сделана — осталось довершить только купол и внутреннюю отделку. Возможно, что и Алексий Второй приедет на открытие в Сизой церкви Святой Евдокии. Во всяком случае, я с ним на эту тему говорил. Таким образом, Патриарх хочет отблагодарить нас за мрамор, который пошел на Храм Христа Спасителя.

... А родительский дом мы с братьями решили отреставрировать, хотим оставить, каким он был при родителях. Чтобы каждый из нашей огромной семьи мог приехать на свою родину, остановиться здесь, вспомнить былую — трудную, но счастливую жизнь.

Может, благодаря воспоминаниям детства и юности, вот уже два года, как мы переехали из Москвы в загородный дом в Александровке — километрах в двадцати от кольцевой дороги, по Симферопольскому шоссе.

Сначала просто строили дачу. Но неожиданно размахнулись — и огромный вышел дом. Жалко в такой навеваться только на выходные. В общем, стали здесь жить. Понравилось: никакой суеты, хороший воздух, тихая деревенская обстановка.

Вдвоем с Наташей, может, нам и скучновато здесь бы было. Поэтому живем мы ввосьмером! Дочь с зятем, сын, Наташина мама. Переехала к нам моя сестричка Людмила с сыном. Зовут племянника Иваном — и не случайно: он серьезно занимается вольной борьбой. Сейчас ему 17 лет, так что не ис-

At first we wanted to build a chapel in our village. But then we realized there was not a single church for many kilometres around. That won't do. We chose a beautiful place for the church, on a hill near Yenissey, so that it could be seen from a long distance.

Our local priest sent a letter to the Patriarch of All Russia Alexiy II asking permission to build a church in the faraway Sizaya. Alexiy gave his blessing and approved of our idea to consecrate the church to St Eudokia.

For my Mother Yevdokia Pavlovna brought up ten children; she was a heroine according to all Laws, both church and secular.

Now for almost two years we have been building the church all together: my brothers and I, and the villagers do their best to help us. Fortunately, we have our own marble, white and clear like paper. The marble quarry was discovered not far from my parent's home, in Maina. From here marble is delivered not only to the building of my mother's church but also to Moscow, for the Christ the Saviour's Church. Yuri Luzhkov was present at the opening of the quarry and said the marble there was the whitest in the world.

We are planning to open the church this year, by September 15. The main work is practically done; only the dome and the interior decoration are left. Maybe Alexiy II himself will come to the opening of St Eudokia's Church in Sizaya. At any rate, I have discussed the matter with him. In such a way the Patriarch wants to thank us for the marble that went for the building of the Christ the Saviour's Church.

As for our parent's house, my brothers and I have decided to repair it; we want to leave it the way it looked when our parents lived there, so that any member of the family could come home, stay here and remember the past Life, hard but happy.

Maybe thanks to the recollections of my childhood and youth two years ago we moved from Moscow to a countryhouse in Alexandrovka, about twenty kilometres from the circuit road along the Simferopol highway.

At first we were building a mere summerhouse. But the scope was too great and the house turned out huge. It seemed a pity to come here only for weekends. And we began to Live there. We Liked it: no fuss, good air, quiet village atmosphere.

Perhaps it would have been boring to live there for us two, Natasha and me. But there are eight of us! Our daughter with her husband, our son, Natasha's mother. My sister has also come to live here with her son. My nephew's name is Ivan — and this is not in vain: he has taken up free-style wrestling seriously.

ключено, что и он когда-нибудь станет прославленным чемпионом. Кровь-то наша, сибирская!

Занимался борьбой и мой Сережка, да чемпиона из него не вышло. Наверное, зря я когда-то загорелся делать из него борца — его самого в хоккей тянуло. Впрочем, папиных титулов он бы все равно не достиг: нет в нем того спортивного «завода», которым я раньше славился. Сергею недавно 24 исполнилось, он понемногу занимается бизнесом, в чем-то и мне помогает — в «Русском бистро».

А вот у старшенькой, у Ани, наверняка что-нибудь получилось бы в спортивной гимнастике. У нее характер, без лишней скромности, — в меня. Она уже до кандидатов в мастера выросла, но здесь уж мы с матерью (вспоминая, видно, мои борцовские синяки и разочарования) твердо сказали: хватит! Физкультурный Аня, правда, закончила, вышла замуж, и теперь мы с Наташей уже ждем не дождемся, когда станем внуков нянчить.

Помимо восьмерых обитателей нашего дома (а уж гостей, которые постоянно навещают нас в гости, просто не счесть!) живут у нас в Александровке и животные. Кот Проша, всеобщий любимец. Порода персидская, морда широкая, глаза хитрые. Взяли мы его прошлой осенью вынужденно — в доме появились мыши, — да так к нему и привыкли. Хотя он, стервец, порой таскает продукты со стола. На улицу он гулять не выходит — боится нашу овчарку, которую зовут Нест. Нест на самом деле

Now he is 17 and it is quite possible he will also become a famous wrestler some time. For he's got our Siberian blood in his veins!

My son Seriozha also went in for wrestling but he did not become a champion. I must have been mistaken when I longed to make a wrestler of him, for he himself preferred hockey. Anyhow, he would never have achieved his Dad's titles: he did not possess the sporting «wind-up» I was once famous for. Sergei is 24, he is a businessman, sometimes he helps me with «The Russian Bistro».

As for my elder daughter Anna, she could have achieved something in gymnastics. She has inherited my character; I am saying this without excessive modesty. She had already grown to be a candidate to masters, but at that point her mother and I said firmly: that's enough! (For we remembered my wrestler's bruises and disappointments). Still Anya graduated from the Institute of Physical Culture, got married, and now Natasha and I are looking forward to nursing grandchildren.

Besides the eight inhabitants of our house (to say nothing about the innumerable guests who constantly come to see us), animals live in Alexandrovka as well. We have a cat Prosha, the common pet. We took him last autumn out of necessity, for mice had appeared in the house, but then we got used to him, although the beast sometimes steals food from the table. He never Leaves the house for he is afraid of

добрый, вряд ли тронет кота. Живет он во дворе, иногда, правда, перепрыгивает через забор и гуляет по деревне.

Еще в нашем дворе живет дворняга, дети нашли его совсем маленького, голодного около деревенского киоска и назвали Ларек.

В аквариуме у нас живут три рыбки. Было и два попугайчика, да пожилы недолго — улетели. Еще до этого, в городской квартире в Чертанове, жил у нас попугай Кузя. Больше всего на свете он любил соленую рыбу, сосиски и водку. Кто-то из наших гостей приучил его к алкоголю, и по праздникам он «нарушал режим». Летал по квартире, пел свои песни, в дверной проем не мог попасть. А по утрам мучился похмельем — сидел на жердочке смурной, с одним открытым глазом. Хотя Кузя и не говорил, но очень умело имитировал дверной и телефонный звонок. Вечером, бывало, «завонит», кто-то идет открывать, а Кузя еще и чирикает издевательски — «Ваня! Ваня!»...

Вот так с живностью, огородом, домом в деревне я возвращаюсь потихоньку к той размеренной сельской жизни, с которой начинал. Когда мы только переехали в Александровку, я был категорически против любых грядок: мы можем себе позволить покупать картошку и капусту на рынке. Выращиваем с Наташей первоклассные помидоры и огурцы. (Хотя еще в Чертанове было дело: однажды с грядки, на обычном балконе, я собрал 6 ведер помидоров!)

our Alsatian whose name is Chest. In fact, Chest is kind, he is not likely to hurt the cat. He lives in the yard, but sometimes he jumps over the fence and goes to the village for a walk.

Besides, we've got a common dog in our yard. The children found it as a hungry puppy near the village stall and called it Lariok («Stall»).

We have an aquarium with three fish. We also had two parrots but they did not remain long with us. They flew away. Before that in our city flat in Tchernanovo we had a parrot Kuzia. Most of all he liked salted fish, sausages and vodka. Some of our guests had taught him to drink, and on holidays he «broke the regime». He flew about the flat, sang his songs, couldn't get through the doorway. And in the morning he had hangover and sat on his perch dejected, with one eye open. Although Kuzia could not talk he was very skilful at imitating the doorbell and the phone. In the evenings he used to «ring», someone went to open the door and Kuzia chirrupped mockingly: «Vanya! Vanya!»

Thus, with my animals, with my kitchen-garden, with my countryhouse, I am gradually returning to the regulated village life I began with. When we just moved to Alexandrovka I was decidedly against any kind of vegetable beds: we could afford buying cabbages and potatoes in the market. Now Natasha and I are growing excellent cucumbers and tomatoes (although we had started it back in Tchernanovo:

Если бы у моей жены спросили, помогаю ли я ей по дому (помимо грядки, конечно), то она бы рассказала, как я умею готовить. Это у меня действительно неплохо получается. Когда есть время, могу состряпать настоящих сибирских пельменей — минут за сорок.

Но времени почему-то с каждым годом все больше не хватает. Когда был спортсменом, когда мотался по сборам и соревнованиям, утешал Наташу тем, что вот уйду из спорта — поживем в свое удовольствие. Но оказалось, что тренерство отнимает еще больше времени и сил. Ну, уж после Барселоны уйду с поста главного, рассуждал я тогда, — наконец-то посвящу себя семье, буду чаще бывать дома...

Сейчас, когда я, можно сказать, дважды президент, встаю по утрам в 7 : 30, возвращаюсь домой после десяти вечера. Редко выдается выходной, когда не нужно спешить в Федерацию. Ну а уж об отпуске (том, который больше десяти дней длится) остаются последние годы только мечтать.

Каждый чемпионат России (среди детей, среди юношей, среди женщин), каждый международный турнир — везде я просто обязан присутствовать. Такой вот ритм сумасшедший. Правда, с недавних пор я взял себе за правило даже в таком напряженном графике находить время для поддержания спортивной формы. По утрам бегаю. Иногда играю в футбол с командой правительства Москвы. А на втором этаже нашего большого дома мы поставили стол для настольного тенниса и иногда проводим настоящие чемпионаты всей семьи.

Одним словом, за последние три месяца я похудел килограммов на пятнадцать. Приближаюсь к своему боевому весу.

А домой, в Сизую, которая раньше столько раз спасала меня, вырваться все трудней. На день-два порой слетаю — и обратно в Москву. У Шурика, младшего брата, о котором я уже писал, — своя заимка в тайге. Чуть только случай выдастся — я к нему, порыбачить.

Теперь вот еще дело в Сизой появилось, которое требует моего постоянного присутствия, — церковь Святой Евдокии.

Дело, которое нужно всей нашей семье как память о матери. Да и об отце, погибшем еще в 1978 году в тайге: задавило его, крепкого, здорового мужика, лесинной.

А главное, что появится теперь в нашей, затерянной в сибирских лесах деревеньке настоящая церковь. Построенная из чистейшего белого мрамора — на пригорке, над Енисеем. Наверное, именно о такой мечтала всю свою жизнь наша мама.

Честное слово, она заслужила того, чтобы ее заветная мечта сбылась.

once I had gathered six pails of tomatoes from a bed on an ordinary balcony!)

If my wife were asked whether I help her at home (besides the kitchen-garden, of course), she could tell how well I can cook. True, I am rather good at it. When I have time I can cook genuine Siberian pelmeni in about forty minutes.

But to some reason from year to year I have less and less free time. When I was a sportsman, when I devoted nearly all my time to preparations and competitions I comforted Natasha saying that when I give up sports we will Live Like people. But coaching turned out to take even more time and energy. Well, I thought, after Barcelona I'll retire from the post of the chief coach, devote myself to my family and stay at home...

Now, being, so to say, a twofold president, I get up at 7 : 30 and return home after 10 p. m. I rarely have a day off when I needn't hurry to the Federation. As for a holiday (longer than 10 days), I can only dream of it all these years.

It is my duty to be present at every championship of Russia (among children, among juniors, among women), at every international tournament. This is a crazy rhythm. However, since recent time I have made it a rule for myself to find time for keep-ing up my sporting form in spite of such an intense schedule. In the mornings I run. Sometimes I play football with the team of the Moscow government. On the first floor of our Large house we have put a table for table-tennis and sometimes hold championships of the family.

In short, in the Last three months I have Lost 15 kilograms of weight. I am approaching my wrest-ling weight.

But is more and more difficult to find time to go to Sizaya which saved me so many times. I can fly there for a day or two, and then I must return to Moscow. My brother Sasha whom I have already mentioned has his own forestry in the taiga. I come there to fish at every occasion.

And now I have got affairs in Sizaya which re-quire my constant presence, those connected with the St Eudokia's Church.

This affair is needful for our whole family as the memory of our mother. And of our father too, who perished in 1978; a strong, healthy man, he was killed by a log.

But what is most important, there is a genuine church in our Siberian forest village now. It is built of the clearest white marble in a hill on the bank of the Yenissey. Perhaps Mother dreamed about such a church all her life.

On my word of honor, she deserved her dream to come true.

THE ALBUM AGAIN

ТОЛСТАЯ пачка фотографий появляется дома после каждого турнира. Сейчас Наташа еще не разобрала те, что мы привезли из Варшавы чемпионата Европы-97.

А я, вернувшись домой, пролистал наши альбомы, чтобы снова увидеть лица дорогих друзей: Шоты Ломидзе, Виктора Новожилова, Сергея Преображенского, Владимира Горбатенко, Аркадия Карапетяна, Асламбека Дзгоева, Аслана Хадарцева, Авива Аникина, Сефибека Мукаилова...

Им уже не суждено побывать на этом празднике любимой ими вольной борьбы, порадоваться с нами. Они ушли в другой, и, хочется верить, лучший мир...

А вот о новых снимках следует рассказать чуть-чуть подробней. Вот Сослан Андиев, двукратный олимпийский чемпион. Сейчас он министр спорта своей замечательной Северной Осетии. Володя Юмин, вместе с которым мы стали чемпионами монреальской Олимпиады, по-прежнему живет и работает в своем Каспийске. Двукратный чемпион мира Виктор Алексеев, которому так и не довелось участвовать в Олимпийских играх, процветает в моем родном Красноярске: основал спортивный клуб «ВИКТОР», фонд социальной защиты борцов, с нарастающим успехом проходят международные юношеские турниры на его призы...

На одной из фотографий Виктор снят с земля-

ATHICK pack of photographs appears at home after every tournament. Natasha has not yet sorted out those we had brought from the 1997 Europe championship in Warsaw.

On returning home I looked through our albums to see once more the faces of our dear friends: Shota Lomidze, Victor Novozhilov, Sergei Preobrazhenski, Vladimir Gorbatenko, Arkadi Karapetian, Aslambek Dzгоеv, Aslan Chadartsev, Aviv Anikin, Sefibek Mukailov...

They were not destined to be present at that festival of free-style wrestling, to share joy with us. They have passed to the other, let's hope, the better world.

But the new photos should be told of in more detail. Here is Soslan Andiev, the two-fold Olympic champion. Now he is the Minister of Sports in his wonderful Northern Ossetia. Volodia Yumin with whom we became champions of the Montreal Olympic Games, is still Living and working in the town of Kaspiysk. The two-fold world champion Victor Alexeev who had not chanced to take part in the Olympic Games, is prospering in my native Krasnoyarsk: he has founded a sports club «Victor» and a foundation of social defence for wrestlers; the international junior tournaments for his prizes are becoming more and more popular...

In one of the snapshots Victor is photographed

ками. Это мой добрый товарищ председатель Красноярского спорткомитета Владимир Черных — человек, который очень много делает для того, чтобы Международный турнир на призы Ярыгина завоевал авторитет во всем борцовском мире. Это Валерий Иванович Сергиенко. Именно он когда-то, будучи председателем Крайисполкома, приложил массу усилий, чтобы в крае состоялся «ярыгинский» турнир. И сейчас он делает все возможное, чтобы чемпионат мира в Красноярске прошел наилучшим образом.

Когда-то известный во всем мире Красноярский Государственный ансамбль танца Сибири называли визитной карточкой края. Сейчас эта «карточка» имеет второй вариант — Красноярскую школу высшего спортивного мастерства по видам борьбы. В 1973 году ее основал мой учитель Дмитрий Георгиевич Миндиашвили. По своим тренерским и научным кадрам, по накопленному опыту подготовки высококлассных спортсменов эта школа уже сегодня может стать Международной академией единоборств.

Работа с тренерами подвигла Д. Г. на научные занятия. Он теперь профессор Красноярского педагогического университета, где благодаря его настойчивости, если не сказать — одержимости, удалось открыть кафедру борьбы. Забота об институте не мешает основной нынешней должности Миндиашвили — главного тренера сборной России по вольной борьбе.

По моему мнению, любой главный тренер не должен долго задерживаться на своем посту. Цикл олимпийский закончил — и хватит. Дальше переработка наступает. Арсен Фадзаев закончил свою деятельность после Атланты. И он не затерялся, теперь он — вице-президент Федерации вольной борьбы. Вместе с еще одним прославленным борцом Адланом Вараевым.

...На очередном снимке с какого-то турнира — два моих тренера рядом, Миндиашвили и Чарков. Владимир Ильич нынче — главный тренер сборной Хакасии, центральное лицо во всех близлежащих окрестностях. Сколько уже талантливых ребят подготовил он для национальных российских команд. Недавно я вырвался из Москвы на денек, съездил на 60-летие Чаркова в Абакан. Сколько там теплых слов сказали о моем тренере — этого в книге не опишешь. Скажу лишь, что наша Федерация сделала ему к 60-летию подарок со смыслом: открыла в Абакане новую борцовскую школу — школу Ивана Ярыгина.

А вот и мой вечный друг-соперник Володя Гультюкин. Собственно, соперником в смысле «противник, враг» он для меня никогда не был. Покидая ковер, мы всегда жали друг другу руки и оставались в

with his fellow-townsmen. This is my good comrade, the chairman of the Krasnoyarsk Sports Committee Vladimir Tchernych, a man who does a lot for the Yarygin International tournament to win authority in the whole realm of wrestling. This is Valeri Ivanovitch Sergienko. When he occupied the post of the chairman of the district Executive Committee he did not spare effort to conduct the «Yarygin tournament» in the district. And now he is doing his best for the championship in Krasnoyarsk to go as well as possible.

Once the world-famous Krasnoyarsk National Song and Dance Ensemble was the visiting card of the district. Now that card has one more variant. It is the Krasnoyarsk School of High Sporting Skills in Wrestling. In 1973 it was founded by my teacher Dmitri Georgievitch Mindiashvili. With its coaching and scientific staff, with his experience of preparing high-class sportsmen this school can become an International Academy of Wrestling even now.

The work with coaches inspired Mindiashvili for scientific research. Now he is professor at the Krasnoyarsk Teachers Training Institute where thanks to his persistence, if not obsession, he has managed to open the chair of free-style wrestling. The Institute affairs don't interfere with Mindiashvili's work at his principal post, that of the chief coach of the Russian national team in free-style wrestling.

In my opinion, no chief coach should stay at his post for a long time. One Olympic cycle is enough for him. Then he becomes overworked. Arsen Fadzaev had ended his activities after Atlanta. And he has not got lost, now he is a vicepresident of the Federation of free-style wrestling, together with another outstanding wrestler Adlan Varaev.

In the next snapshot of some tournament I see my two coaches together, Mindiashvili and Tcharkov. Now Vladimir Ilyitch is the chief coach of the Khakassian national team. He is the central figure in the whole district. He has prepared many talented sportsmen for the national teams of Russia. Recently I managed to leave Moscow for a couple of days and visited Abakan where Tcharkov 60th anniversary was celebrated. So many warm words were spoken there about the coach that no book can describe them. As for our Federation, it gave him a «meaningful» birthday present: it opened a new wrestling school in Abakan, the Ivan Yarygin School.

And here is my perpetual rival-friend, Volodia Gulyutkin. In fact, he never was my rival in the sense of being «an adversary», «an enemy». Leaving the mat we always shook hands and kept

хороших отношениях. Пока он еще в Киеве, в местной Федерации борьбы. Но скоро хочу перетащить его к себе, в Москву. Со старыми, проверенными товарищами всегда работать приятнее.

... Я разбираю старые и новые фотографии, а мысли сами собой устремляются к сегодняшней работе. К бесконечным телефонным звонкам со всего мира, которые непрерывно раздаются на Лужнецкой набережной и у меня дома не только по вечерам, но и частенько глубокой ночью. Мысли обращаются к непрерывным встречам с людьми: я так и не научился запирается от них в кабинете.

И я не без грусти вспоминаю о борцовском ковре. У спортсменов он всего лишь призван смягчить жесткость пола. Став президентом, я вынужден был перейти с борцовского ковра на другие — в кабинетах разных руководителей. Бои, которые приходится разыгрывать на этих коврах, порой куда сложнее, чем прежде. Они, как правило, проходят без зрителей, без болельщиков. Но главное — по совсем другим правилам.

А порой и вовсе без правил. И я вряд ли бы мог одерживать на них невидимые другим победы, не будь со мной верных «секундантов» — моей Наташи, моих Ани и Сережи, моих старых друзей...

good relationships. He is still in Kiev in the local Federation of wrestling. But I want to draw him to Moscow as soon as possible. It is always pleasant to work with old tested friends.

I Look at the old and new photos and my thoughts involuntarily turn to my present work, to the incessant telephone calls from the whole world which I hear day and night not only in the Luzhnetskaya embankment 8 but also at home. My thoughts turn to the endless encounters with people: I never learned to Lock up in my office from them.

And I remember the wrestling mat with regret. In sports its only purpose is to soften the hard floor. Having become president I had to change the wrestling mat for other mats and carpets, those in the offices of various bosses. The fights which take place on these mats are often much more difficult than before. Usually they pass without spectators, without fans. And, which is more important, they have different rules.

Sometimes there are no rules whatever. And I would have hardly been able to win on them, hadn't it been for my faithful «seconds» — Natasha, my children Anya and Seriozha and my old friends.

HOW YOUNG WE WERE

ГОСПОДЬ послал мне четверых друзей. Из тех, о ком говорят: «Старый друг — лучше новых двух».

Об одном — Володе Малышкове — я, как мог, рассказал. Но были еще Вячеслав Васильевич, Лев Николаевич и Виктор Кириллович. Как и Володя, они из моей и Наташиной молодости, той, что прошла в Красноярске.

Что сближает молодых людей? Возможно, читатель на этот вопрос многозначительно улыбнется. Но я не советую торопиться. Личный опыт читателя в данном случае может оказаться не востребовавшим. Я, к примеру, не пил. Совсем, ни капли. Это во-первых, а во-вторых, женился очень рано, на Наташе, которой не было еще и семнадцати лет. И женился по любви — большой, настоящей. Так что говорить о сближении молодых людей, выпивках и амурных делах не приходится. Наши приключения в те славные годы связаны были с семейными выездами на природу, на рыбалку, которую мы любили.

Для тех, кто не знает, что такое настоящая ры-

GOD has sent me four friends. They are the kind of friends about whom the proverb says «One old friend is better than two new ones».

I have told about one of them, Volodia Malyshev. But there were also Viatcheslav Vassilievitch, Lev Nikolaevitch and Victor Kirillovitch. Like Volodia, all of them come from the youth of Natasha's and mine, from our youth that passed in Krasnoyarsk.

What brings young people together? Perhaps the reader will smile meaningfully instead of the answer. But I don't advise to hurry. The reader's personal experience in this case may turn out inappropriate. As for me I never drank at all. This is the first. And the second is I married very early, married Natasha who was not yet seventeen. I married her out of love, great, genuine love. So in our case one cannot talk of drinking parties and Love affairs that bring young people together. Our adventures in those glorious years were connected with our family trips to the countryside, with our common passion for fishing.

. 1996

балка: это оптимальная для мужчины форма отдыха, если под ней понимать не абсолютный покой, а смену занятий. Рыбе безразлично, кто ты, какую должность занимаешь. Рыба дается тому, кто знает ее любимые места, привычки, хитрости, кто чувствует ее душой. Известный вам парень из Сизой, с самого детства постигший все это, приобщал к секретам рыбалки своих друзей.

И должно быть, открывался для них с некой новой стороны. Точно так же открывались для него друзья. И оказалось, что мы интересны друг другу. То же следует сказать и о наших женах.

Очень важно, что они, наши жены, нравились друг другу. Это было добрым и сильным катализатором наших отношений. Наташа, например, и сегодня, много лет спустя, считает Тамару Иванову, жену Славы, одной из лучших подруг. Я очень рад дружбе Наташи со Светой Сергиенко и Зиной Малышковой. У них много общего: любовь к книгам, театру, живописи. При встречах они разговаривают часами, и мы до обидного им не нужны.

Сам Вячеслав Иванов, как и Володя Малышков, работник торговли. Вячеслав, безусловно, один из самых умных и знающих людей в своем деле. Но поражало и увлекало в нем другое: какая-то бескрайняя широта интересов, тонкое понимание людей, деликатность в общении. При этом не бросающаяся в глаза внутренняя сила, смелость в принятии

To those who don't know what fishing actually is I will explain: it is the optimal form of rest for a man if it is understood not as complete idleness but as a change of occupation. Fish doesn't care who you are, what post you occupy. Fish gives up to those who know its favorite places, habits, tricks, who feel and understand it. The acquaintance of yours, the fellow from Sizaya who had Learned all this since his child-hood, taught his friends the secrets of fishing.

Perhaps, thanks to this he turned to them an unexpected side of his character. In the same way he got to know his friends. We appeared to be interested in one another. The same can be said about our wives.

It was very important that our wives liked one another. It was a good and strong catalyzer of our relationships. Natasha, for instance, considers Tamara Ivanova, Slava's wife, one of her best friends. Natasha's friendship with Sveta Sergienko and Zina Malyshkova gives me great joy. They have a lot in common: all of them like books, theatre, painting. When they meet together they talk for hours and don't need us at all, so that we even feel hurt.

Viatcheslav Ivanov is a businessman as well as Volodia Malyshev. Viatcheslav is, undoubtedly, one of the most clever and competent men in his business. But it was another thing in him that amazed and attracted: the boundless broadness of interests, the subtle understanding of people, the delicacy in com-

решений. Не случайно и в наше время В. В. Иванов стал руководителем крупнейшего в крае торгового предприятия АО «Кооператор».

А Лев Николаевич Логинов — генеральный директор объединения зерноуборочных комбайнов. С ним я познакомился через Миндиашвили. Они почти одновременно начинали в спорте. Только Лев Николаевич был боксером. Борцы и боксеры дружили, помогали друг другу.

Когда Миндиашвили создавал свои первые секции вольной борьбы, инженер Лев Логинов вместе с другими помогал носить маты с левого берега Енисея на правый.

Веселый и остроумный Лев Николаевич принадлежит к тем людям, которые одинаково хорошо себя чувствуют в рабочей куртке и на великосветском рауте, в брезентовой робе и в смокинге, который, по мнению Наташи, просто великолепно сидит на его мощной фигуре.

Мой друг Виктор Кириллович Гупалов — директор Красноярского машиностроительного завода — прежде всего первоклассный инженер. Его интересы широки и для непосвященных неожиданны.

Так, кандидатом технических наук он стал, изобретя приспособление для лечения такого страшного недуга, как детский сколиоз. Сейчас Виктор Ки-

мунікація. Besides, he possesses an inner strength that does not leap into the eye, and boldness in making decisions. It is not by chance that in our times Ivanov has become the director of the trading enterprise «Kooperator», the largest in the district.

Lev Nikolaevitch Loginov is the general director of the association for harvesting combines. I got acquainted with him through Mindiashvili. They started their way in sport almost at the same time. But Lev Nikolaevitch was a boxer. Wrestlers and boxers made friends, helped each other.

When Mindiashvili was organizing his first free-style wrestling sections, the engineer Lev Loginov together with others helped to carry mats from the left to the right bank of the Yenisey.

The gay and witty Lev Nikolaevitch belongs to people who feel at home both in a worker's smoking room and at a fashionable reception, wearing both a tarpaulin coat and a dinner-jacket which, in Natasha's opinion, fits his powerful figure perfectly.

My third friend Victor Kirillovitch Gupalov is the director of the Krasnoyarsk machine-building plant, a firstclass engineer. His interests are broad and unexpected to those who don't know him well.

He became a candidate of technical sciences having invented a device to cure such a serious disease as children's scoliosis. Now Victor Kirillovitch is

риллович — доктор наук, академик Инженерной академии России.

А в наши молодые годы Виктор Гупалов был борцом и весьма преуспевал на ковре. Когда ушел с него, остался верным нашему виду спорта: много лет возглавлял Красноярскую федерацию вольной борьбы.

Что ни говори, а самое важное в жизни мужчины — его работа. И давняя дружба крепится взаимной помощью в этом главном мужском деле. Для нашей Федерации спортивной борьбы России друзья моей молодости делают все, что могут. И сверх того. Касается ли это Международного турнира на призы Ярыгина в Красноярске, других ли соревнований и нужд.

Они всегда первыми и без зова приходят на помощь.

Когда речь идет об организации тех или иных соревнований по борьбе, президенту Федерации не избежать общения с высшим начальством — губернаторами, руководителями краев, мэрами...

Поначалу, разговаривая с «первыми лицами», я чувствовал себя не в своей тарелке. Но как-то само собой получалось, а порой перерастало и в подобие дружбы.

Сейчас у меня очень хорошие отношения с президентами и руководителями Северной Осетии, Дагестана, Бурятии, Якутии...

doctor of science, an academician at the Engineering Academy of Russia.

And when we were young Victor GupaLov was a wrestler and made great progress on the mat. Having given it up he remained faithful to our kind of sports: for many years he headed the Krasnoyarsk Federation of free-style wrestling.

Whatever you may say, the most important thing in a man's life is his work. And the old friendship is strengthened by the mutual aid in this principal cause of men. My friends do everything they can for our Federation of amateur wrestling. And even more, whether it concerns the International Yarygin tournament in Krasnoyarsk or some other needs.

They always come to help the first and without asking.

When it goes about the organization of some competition in wrestling the President of the Federation cannot avoid contact with the high administrators: governors, district leaders, mayors...

At the beginning I felt awkward while talking to the «first figures». But the contacts were successful and sometimes even grew into something like friendship.

Now I have very good relationships with the Presidents and Leaders of the Northern Ossetia, Dagestan, Buryatia, Yakutia...

I feel a great respect toward the president of

Очень уважаю президента Кабардино-Балкарии Валерия Мухамедовича Кокова, а его жену Виолетту люблю за ее доброту и сердечность.

Недавно вот и новый президент Тувы пригласил меня на свою инаугурацию. Не хочу этим подчеркнуть какую-то свою значимость. Скорее, наверное, такое общение с «сильными мира сего» свидетельствует, что чаще всего «первые лица» и на высоком посту остаются нормальными людьми, способными на дружбу и радеющими за процветание своей родины. А эти качества я особенно уважаю.

Самые теплые отношения сложились у меня с мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым. Не знаю, могу ли назвать их дружбой. Но времени вместе мы проводим довольно много. В основном пересекаемся по делам «Русского бистро». Юрий Михайлович с Леной и ко мне на родину, в Сизую, приезжали не один раз. Никогда не забуду те минуты, которые мы провели вместе на сибирских горных речках, в тайге. Л всегда поражался и восхищался трудоспособностью и энергией Юрия Михайловича. Мне кажется, что Лена Лужкова — вдохновитель этой энергии. Семья Лужковых очень спортивная, их всегда можно увидеть и на теннисном корте, и на горнолыжной трассе, и на конном манеже...

Все-таки огромная сила — любовь, всегда приятно видеть рядом с собой любящую пару и ее прекрасных детей.

Последнее время Новый год семьями справляем на даче у Лужковых. Бывает, и на другие праздники собираемся вместе.

Настойчиво зову Юрия Михайловича на чемпионат мира, который пройдет в Красноярске. Такого события, говорю ему, нельзя упустить. Так что, если отпустят московские дела, Лужков в августе приедет в Красноярск.

Особое место в своем рассказе я хотел бы уделить Павлу Павловичу Бородину и его семье.

Хотя, может быть, мы и не так давно знакомы, но успели искренне полюбить друг друга. Ведь вся наша жизнь прошла как бы параллельно. Родились мы в одном районе, затем жили в Туве, в Якутии. Павел Павлович работал председателем Вилуйского райисполкома, а я строил там буровые вышки. А познакомились мы в Якутске. Я проводил там матчевую встречу сборных СССР и США. Бородин работал в это время мэром города и очень помог мне в проведении этих соревнований.

Для меня семья Бородиных стала родной. Это люди необыкновенной доброты и чистоты. Я не встречал более открытого дома, у них постоянно люди, которым нужна помощь.

А Валю Бородину я считаю просто идеалом женщины, жены. О ее доброте можно говорить бес-

Kabardino-Balkaria, Valeri Muhammedovitch Kokov, and I am fond of his wife Violeta for her kindness and cordiality.

Recently the new President of Touva invited me to his inauguration. I am not speaking of this in order to stress my importance. More likely, such contacts with «the powers that be» testify to the fact that even occupying high posts the «first figures» remain normal people who are capable of friendship and who want their country to prosper.

I am in warmest relationships with the Mayor of Moscow, Yuri Mikhailovitch Luzhkov. I don't know whether I can call them friendship. But we spend quite a lot of time together. Usually we meet to discuss the issues of «The Russian Bistro». Yuri Mikhailovitch and Lena have visited my native Sizaya more than once. I will never forget the time we spent together at the Siberian mountain rivers and in the taiga. Yuri Mikhailovitch's energy and efficiency have always caused surprise and admiration in me. Lena Luzhkova seems to me the inspirer of this energy. The Luzhkov family is very sporting; one can see them at the tennis court, at the mountain-skiing route, at the equestrian manege...

Indeed, love is a great power, it is always pleasant to see a loving couple and their wonderful children nearby.

Lately our families have celebrated the New Year at the Luzhkov's countryhouse. Sometimes we meet together on other holidays as well.

I am persistently inviting Yuri Mikhailovitch to the world championship which is to take place in Krasnoyarsk. You mustn't miss such an event, I am saying to him. So, if the Moscow affairs allow Luzhkov will come to Krasnoyarsk in August.

In my story I would like to give a special attention to Pavel Pavlovitch Borodin and his family.

Although our acquaintance does not last very long, we have grown sincerely fond of each other. Our lives seem to have moved along parallel lines. We were born in one and the same district, then we lived in Touva and in Yakutia. Pavel Pavlovitch was the chairman of the Vilyusk Executive Committee while I was building derricks there. We got acquainted in Yakutsk. I conducted a match between the national teams of the USSR and the USA there. Borodin was the mayor of the city at that time and helped me greatly in the organization of that competition.

The Borodin family has become dear to me. They are people of extraordinary kindness and purity. I have never seen a more open home, they are constantly receiving people who need help.

As for Valia Borodina, I consider her an ideal of a woman and of a wife. One can never cease talking about her kindness. What a number of children she

конечно. Скольким детям она помогла встать на ноги, обрести родителей или просто накормила и одела.

Дочь Бородиных Катюша во всем помогает своей маме. Казалось бы, благополучная, обеспеченная всем девочка, а смогла сохранить открытое для чужой боли сердце. Она никогда не пройдет мимо бездомной собаки или кошки, а уж о нуждающихся в помощи людях нечего и говорить.

Супруг Кати Андрей тоже борец, а для меня это говорит о многом. Он много помогает мне в федерации, в проведении соревнований. Андрей преданно и беззаветно любит борьбу. У нас с ним большие планы на будущее, мечтаем поднять выше вольную борьбу, сделать ее более популярной и интересной.

И наши дети дружат, чему я очень рад! В Москве мы подружились с Алексеем Ильющенко и его женой Таней. Когда мы жили в Красноярске, Алексей был студентом. А вот его отец Николай Ильющенко, был поклонником борьбы и другом моего тренера Миндиашвили. Он очень часто ездил на соревнования поболеть за меня, поддерживал в трудную минуту. К сожалению, он очень рано ушел из жизни.

А с Алексеем и Таней мы «породнились» — я крестный отец их сына Коли. У нас крепкая, семейная дружба, и мы очень дорожим нашими отношениями.

has helped to get positions in life, to obtain parents, or just fed and dressed them.

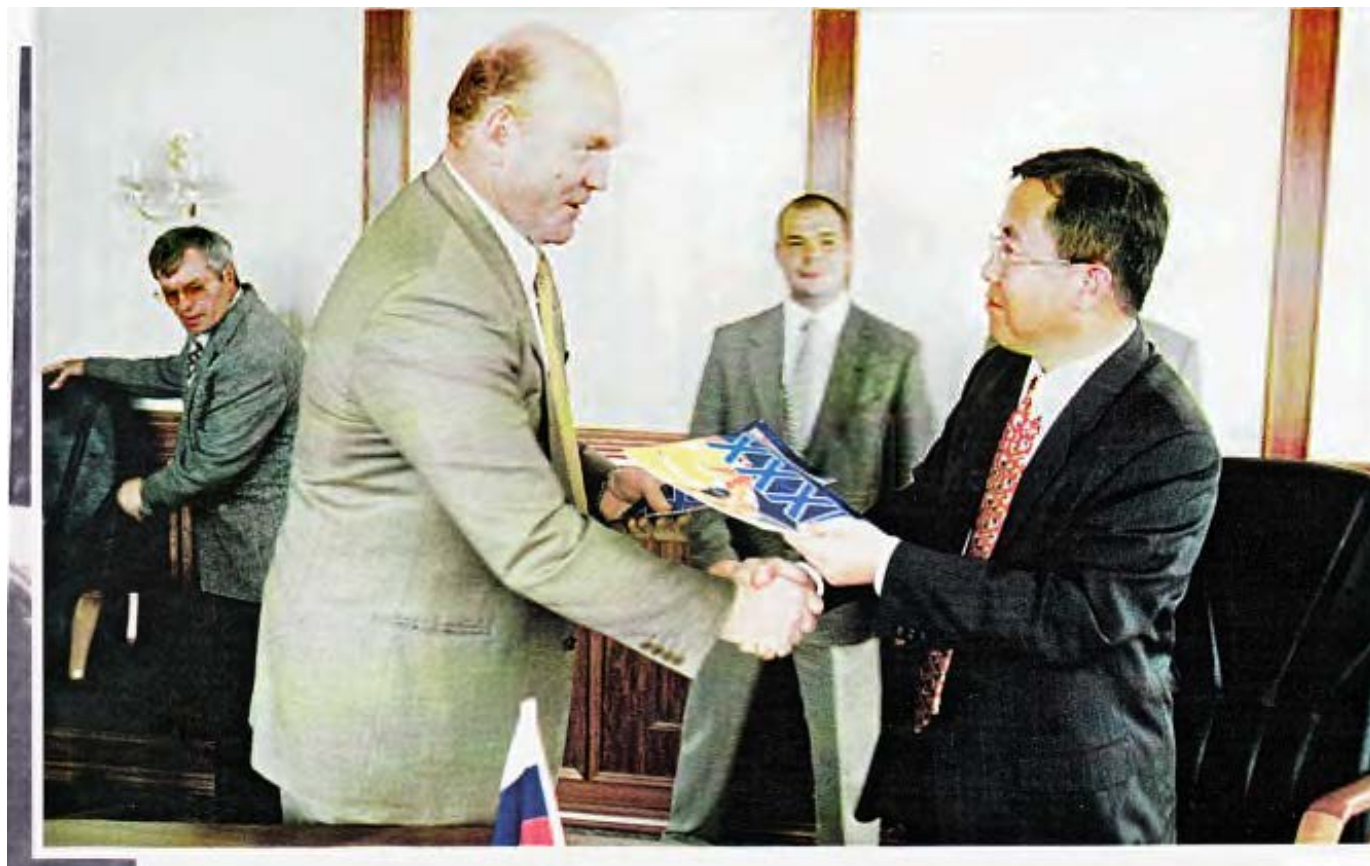
The daughter of the Borodins, Katyusha, helps her mother in everything. This well-provided for, happy girl has managed to retain a heart open to other people's pain. She never ignores a homeless cat or dog, to say nothing of people who need help.

Katya's husband, Andrei, is also a wrestler, and this means much to me. He helps me a lot at the Federation in conducting competitions. Andrei loves wrestling faithfully and selflessly. We have fargoing plans for the future; we dream of elevating free-style wrestling to a higher Level, of making it more popular and interesting.

Our children are also friends, and this is a great joy to me!

In Moscow we have made friends with Alexei Ilyushenko and his wife Tania. When we lived in Krasnoyarsk Alexei was a student. But his father, Nikolai Ilyushenko, was a wrestling fan and a friend of my coach Mindiashvili. He often attended competitions where he supported me, encouraged me when I had hard times. Unfortunately, he passed away very early.

As for Alexei and Tania, we have become «related»: I am the godfather of their son Kolia. We have a strong family friendship and our relationships are precious for us.

РАСС ХЕЛИКСОН И ДРУГИЕ

ПОМНИТЕ ли вы Расса Хеликсона, того самого голубоглазого гиганта, с которым я впервые встретился в Толидо на Кубке мира и на свою голову учил новым приемам, за что чуть не поплатился в Монреале? Вам интересно, что с ним стало? Так вот, сообщаю: вместе с женой Ненси он живет в Колумбусе (штат Огайо), работает на телевидении спортивным комментатором. Ненси — журналистка местной газеты. У них три дочери. Очень красивые девочки, но я каждый раз с трудом удерживаюсь от желания напомнить Рассу, что именно в Толидо пришла мне телеграмма о рождении Сережки. Сына! С тех пор мы и встречаемся каждый раз, когда мы с Наташей прилетаем в Штаты или они в Россию.

Дружба с этой милой семьей вошла в нашу жизнь. Она очень помогает нам понять тех, кого называют американским средним классом.

А вот представление об американских непоседливых пенсионерах нам дали наши милые, любимые Джоан и Крисс Бурки. Я так и не понял, что их впервые занесло на матч по вольной борьбе, который состоялся в одном из американских городов во время Кубка мира. Но по таким же неясным для меня причинам преподаватели колледжа в отставке

RASS HELIKSON AND OTHERS

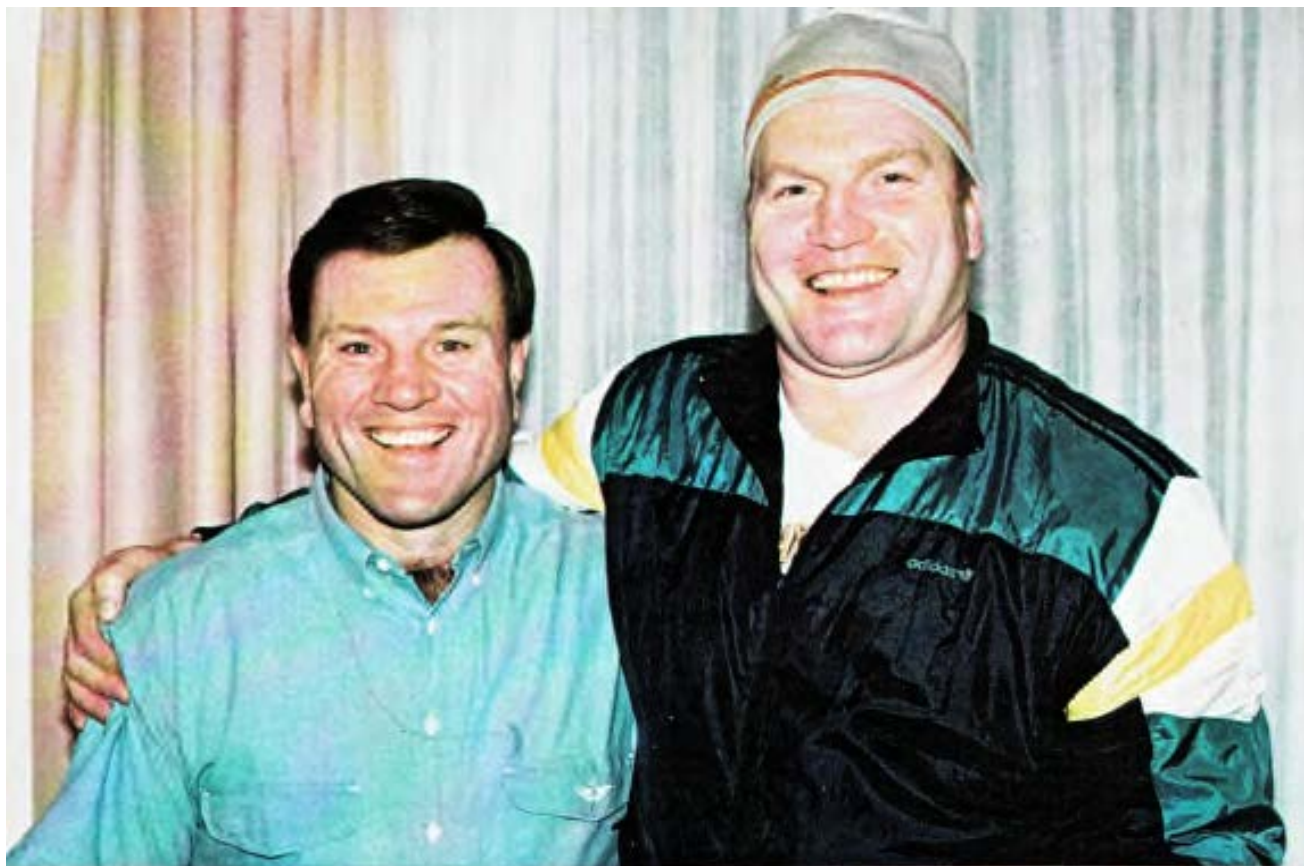
DO you remember Rass Helikson, the blue eyed giant I had met first at the world Cup in Toledo, taught him new actions to my misfortune own and nearly paid for that in Montreal? Do you want to know what has become of him? Then listen: he lives with his wife Nancy in Columbus, Ohio, works at the TV as a sports com-mentator. Nancy is a reporter of a sports newspa-per. They have three daughters. They are very pret-ty girls, but every time I hardly refrain from reminding Rass it was in Toledo that I received the telegram informing me of the birth of Seriozhka. Of my son!

Since then we meet every time Natasha and I come to the States or they visit Russia.

The friendship with this nice family has become part of our life. It helps us to understand the so-called American middle-class.

We have also got an idea of the restless American pensioners thanks to our good, darling Joan and Chris Burke. I never understood what had brought them first to the free-style wrestling match which took place in one of the American towns during the world Cup competition. To some

предметом своей любви избрали именно Ярыгина. С той далекой поры все и началось. Не было случая, чтобы Бурки не встретили нас с Наташей в аэропорту, когда мы прилетаем в Америку. Любить — так любить! Джоан и Крисс явились в Россию специально, чтобы побывать в Красноярске — на турнире на призы их Ивана. В другой раз прилетели еще дальше, в Бурятию, в Улан-Удэ.

Вот такие они, наши американские друзья-пенсионеры.

А в Южной Корее у нас есть Ким. Призер Олимпийских игр, затем тренер южнокорейской сборной и, наконец, — руководитель Федерации борьбы. За счет своего фантастического обаяния он заставляет богатых людей раскошелиться на нужды федерации. Ким — человек и не менее фантастического гостеприимства. Я не знаю российского, а до этого советского борца, который, приехав в Республику Корея, не побывал у него дома. Стоит ли говорить, что в нашей семье Ким всегда желанный гость?

Пятьдесят три раза за время своей борцовой, тренерской и президентской карьеры я побывал в Японии. И вот уже двадцать пять лет каждый раз лечу сюда с чувством радостного волнения: ведь мы вновь — в который раз — встретимся с одним из самых близких моих зарубежных друзей Томиака Фукудой. Фукуда — чемпион мира по воль-

equally obscure reasons these retired college instructors chose Yarygin as the object of love. That was the beginning. The Burkes never fail to meet Natasha and me at the airport when we come to the States. Love is love! Joan and Chris specially came to Russia to visit Krasnoyarsk and to see the tournament for the prize of their dear Ivan. On their second visit they flew still farther, to Buryatia, to Ulan-Ude.

They are like this, our pensioner friends from America.

In the South Korea we have Kim, a prizeman of the Olympic games, then a coach of the South Korean national team, and finally the head of the Wrestling Federation. Thanks to his fantastic charm he makes rich people come down with money to meet the needs of the federation. Kim's hospitality is as fantastic. I don't know a Russian and formerly a Soviet wrestler who was not Kim's guest while in Korean Republic. Is it worth saying Kim is always a desired guest in our family?

Throughout my wrestler's, coach's and president's career I visited Japan fifty three times. Every time in these twenty five year I fly there with the feeling of joyful excitement, for once again I am to meet one of my closest foreign friends, Tomiaka Fukuda. Fukuda is the world champion in free-style wrestling. In his sports-

ной борьбе. В его спортивной биографии — встречи с нашим великим борцом Али Алиевым. Происходя из бедной семьи, он, покинув Большой ковер, сделал блистательную деловую карьеру. Сейчас Томиака — президент крупнейшей корпорации с годовым оборотом в пять миллиардов долларов. Очень богатый человек, он имеет большой политический вес в обществе и использует свое богатство и влияние для поощрения и развития любимого вида спорта. Более того, ухитряется помогать не только своим борцам, но и нашей сборной, другом которой, себя считает.

Но это, так сказать, общественное и деловое лицо Томиака Фукуды. Четверть века мы дружим семьями. Томиака не только много раз бывал в моем Северном Чертанове, а мы с Наташей в его доме. Достаточно сказать, что мы с ним съездили даже в мою Сизую, где его принимала моя мама. И, наконец, мы вместе рыбачили, что само по себе говорит о крепкой мужской дружбе...

Иногда на различных соревнованиях вижу с своими зарубежными соперниками, которым в былое время, надо признать, немало попортили крови. Но, встречаясь сейчас, жмем друг другу руки, обнимаемся.

Баянмунх теперь — министр спорта Монголии. То есть по-прежнему он занимается своим любимым делом, как и я. А значит, все у него хорошо.

Немец Бюттнер, ставший когда-то для меня «камнем преткновения», по последним сведениям,

man's biography there are bouts with our great wrestler Ali Aliev. A man from a poor family, he made a brilliant business career after he had left the mat. Now Tomiaka is the president of a large corporation with the annual turnover of five billion dollars. He is a very rich man and possesses a great political influence in the society. He uses his wealth and influence for encouragement and development of his favorite kind of sports. Moreover, he manages to help not only the Japanese wrestlers, but also our national team a friend of which he considers himself.

But this is just the social and business image of Tomiaka Fukuda. For a quarter of a century our families have been friends. Tomiaka had visited me in the Northern Tchertanovo more than once, and Natasha and I were his guests. We even were to Sizaya together where my mother received him. And, finally, we fished together which in itself testifies to a strong male friendship.

Sometimes at different competitions I meet my foreign rivals; to tell the truth, in my time I spoiled them a lot of blood. But now when meeting each other we shake hands and embrace.

Bayamunh has become the Sports Minister in Mongolia. Like me, he still does his favorite work. This means everything is all right with him.

The German Buettner who had once become «the stumbling stone» for me, according to the

имеет собственную строительную фирму. Тоже нашел себя.

Все отлично и у Ахмета Айика, преподавшего мне 27 лет назад горький, но полезный урок. Мало того, что Ахмет недавно избран президентом Федерации Турции по борьбе, — он еще крупный бизнесмен. Владеет несколькими отелями в знакомом каждому русскому человеку курорте Анталии. В прошлом году мы с Наташей ездили в Анталию, так он встречал нас, как самых почетных и дорогих гостей. Надо же, не забыл наших упорнейших схваток на ковре.

Общаемся со своими зарубежными приятелями где-то по-английски, где-то по-русски, а порой — и на языке жестов. Борец борца, скажу я вам, поймет и без слов.

Нет, все-таки тысячу раз прав мой японский друг Томиака Фукуда, сказавший в каком-то интервью, что своим нынешним высоким положением, своим огромным состоянием он всецело обязан борьбе. Она воспитала его характер, волю, умение держать удары судьбы.

Подписываясь под каждым сказанным им словом, могу добавить: лично я благодарен борьбе и за то, что она одарила меня большим богатством — верными, добрыми, умными друзьями. Теми, что живут в моей стране, и теми, у кого в кармане паспорта других государств. Но повторю однажды сказанное мной: сердце не приучено заглядывать в паспорта.

latest information is the proprietor of a building firm. He has also found himself.

Akhmet Aik who taught me a bitter but useful lesson 27 years ago is also prospering. Besides the fact that Akhmet has recently been elected president of the Turkish Federation of Wrestling, he is also a large-scale businessman. He is the proprietor of several hotels in Antalia, the resort familiar to all the Russians. Last year Natasha and I were to Antalia, and he met us as the highest and dearest guests. You see, he has not forgotten our stubborn bouts on the mat.

We speak with our foreign friends now in Russian, now in English, now with the help of gestures. A wrestler understands another wrestler without words.

Yes, my Japanese friend Tomiaka Fukuda was absolutely right when he said in some interview that he is obliged to nothing but wrestling with his present high status and great wealth. Wrestling has developed his character, his will, the capacity of enduring the fate's blows.

I can sign under every word of his and add on my own part that I am grateful to wrestling also for the greatest treasure it has given to me — for the faithful, clever, kind friends. Those who live in this country and those who have passports of other states. But let me repeat what I have already said: my heart never learned to read passports.

GIVE IN ORDER   REMAIN

ЗРИТЕЛЬ, пришедший на соревнования по борьбе, видит на ковре двух «разноцветных» борцов. Один из них в красном, другой в синем трико. Цвет выпадает по жребию. Во время взвешивания борец получает свой номер в протоколе. Если номер нечетный — надеваешь красное, четный — синее. Узкие повязки на рукавах арбитра — тех же цветов. Заработал борец в красном балл или три — арбитр поднимает руку с соответствующей повязкой и растопыренными пальцами показывает количество баллов.

Некоторые борцы считают своим счастливым цветом красный, другие — синий. Вольники, как и все спортсмены, — народ суеверный.

Но нет такого везучего цвета, который хоть кому-нибудь позволил бы выиграть бой со временем. Неизбежным итогом этого боя становится наш переход в небытие. Может быть, поэтому так важна для человека память о нем — условная жизнь после смерти.

— Теперь ты навечно внесен в историю Олимпийских игр, — сказал мне Д. Г. после победы в Мюнхене.

«Навечно» — удивительно сильное слово, и оно обрадовало меня.

АSPECTATOR who has come to a wrestling competition sees two wrestlers of different colours on the mat. One of them has blue and the other red leotards on. The colour is chosen by the drawing of lots. During the weighing in the wrestler receives his number in the record. If the number is odd, you put on the red, if it is even, the blue. If a wrestler in red has won a point or three the referee indicates the scoring points by raising his hand with the corresponding band and signalling with the thumb and first two fingers the points scored — one, two or three.

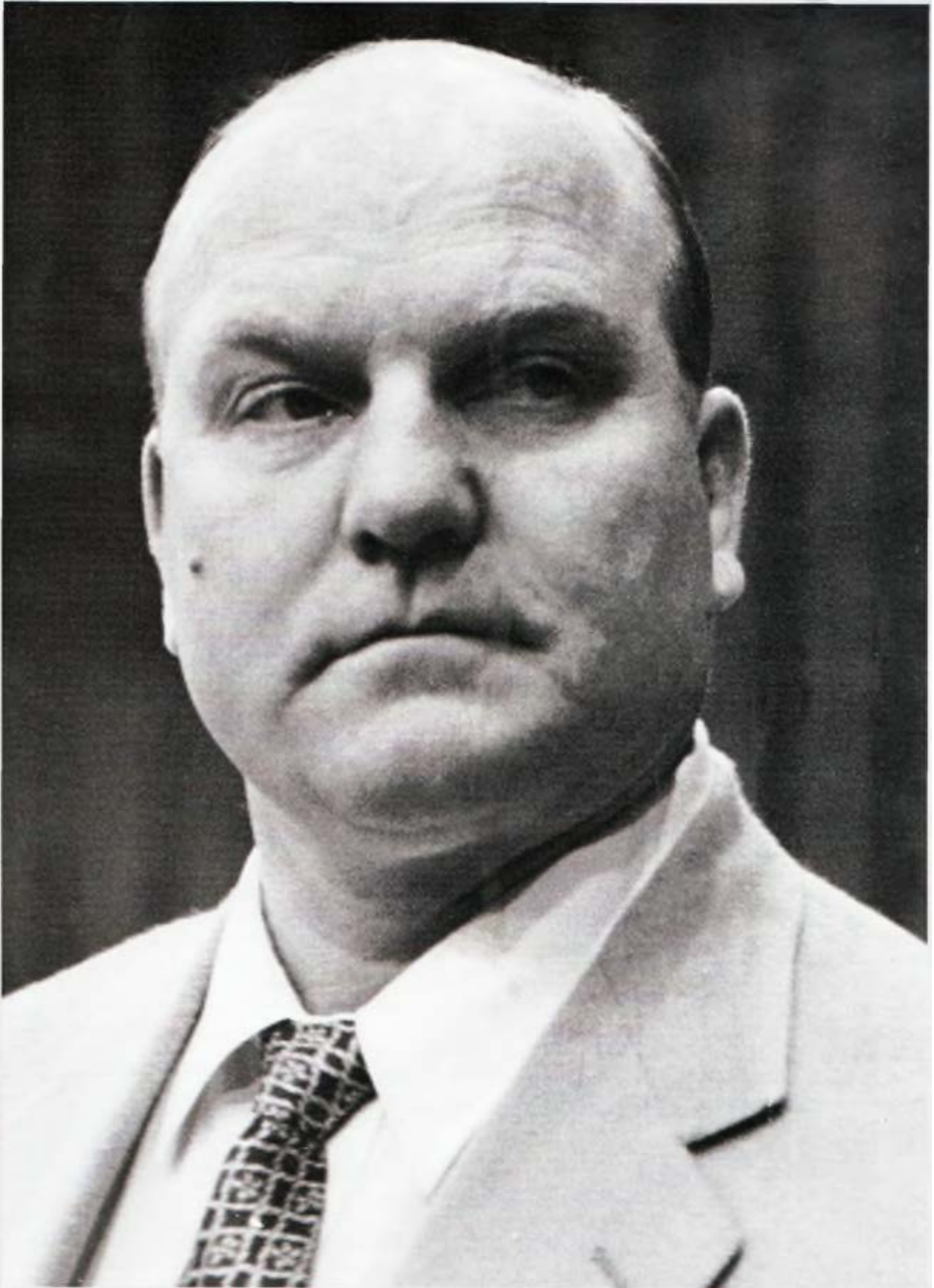
Some wrestlers consider red their lucky color, others blue. Free-stylers are superstitious Like all sportsmen.

But no lucky color can allow anyone to win the bout with time. The inevitable result of this bout is our passing to the next world. Maybe that is why every person is so anxious about the memory of him, the wouldbe life after death.

«Now you are in the history of the Olympic games forever», D. G. said to me after the victory in Munich.

«Forever» is an amazingly powerful word. I was glad to hear it.

ПРЕЗИДЕНТ

— И твой рекорд войдет в историю, — продолжал мой тренер. — Вряд ли его кто-нибудь когда-нибудь повторит.

Он говорит о тех самых восьми минутах и сорока секундах, которые я затратил на семь олимпийских поединков.

У меня было достаточно времени после Мюнхена (и это время вместило, как знает читатель, немало горьких часов и дней), чтобы отнестись к словам Д. Г. более трезво. Историю Олимпийских игр я начал воспринимать как большую толстую книгу, которую, может, раскроет какой-нибудь студент, чтобы выудить для своего диплома нужные факты и имена. Список олимпийских чемпионов так велик, что вряд ли обыкновенный человек способен запомнить его.

Монреаль перенес мою фамилию в другой, более короткий перечень: двукратных чемпионов. В сочетании с упомянутыми минутами и секундами это повысило мои шансы удержаться на волнах той реки забвения, которую древние называли Летой.

Признаюсь: и в этой своей книге я сначала видел некий дополнительный «поплавок». Но чем больше я вспоминал прошлое, чем серьезней думал о прожитом, тем спокойней относился к тому, «останусь» я или «не останусь». Ведь человечеству следовало бы сохранить в памяти имена если не тысяч, то по меньшей мере сотен живших на земле людей. А на поверку оказывается:

«And your record will become historic», my coach continued. «There will hardly be a man to repeat it».

He spoke about the eight minutes forty seconds I needed for seven Olympic bouts.

I had enough time after Munich (and that time contained, as the reader knows, many bitter hours and days) to take D. G. 's words more soberly. I began to see the history of the Olympic games as a Large thick book which perhaps some student will open to find the necessary facts and names for his diploma work. The List of Olympic champions is so long that an ordinary person can hardly remember it.

Montreal has transferred my name to another List, a shorter one: that of two-fold champions. Together with the mentioned above minutes and seconds, this has increased my chance to remain afloat on the wave of the river of oblivion which the ancient people called the Lethe.

I should confess that initially I had seen this book as some additional float. But the more I remembered the past, the more seriously I thought of my Life, the less it troubled me whether I would «remain» or not. The mankind should have kept in its memory the names of hundreds if not thousands of people who live in the world. But actually it appears that few are

ПРЕЗИДЕНТ

без объяснений, кто и что сделал в жизни, помнят совсем немногих. Ну, Христа... Ну, Магомета или Будду... Тысячелетия нас отделяют от них, и пройдут еще тысячелетия, прежде чем в этом коротеньком ряду появится хоть одно новое имя.

Значит ли это, что человек, если он не Христос и не Магомет, умирает, так сказать, окончательно и бесповоротно? Думаю, что нет. Действительно вечно будет жить Россия. Вечно будет жить мой народ. А в нем всегда будут живы восхищение духовной и физической красотой, преклонение перед мужеством и силой. И если я, Иван Ярыгин, имею шанс уцелеть в памяти народа, то отнюдь не потому, что стал двукратным олимпийским чемпионом, а постольку, поскольку в меру своих трудов способствовал наращиванию этой красоты и силы. Частица меня, скорей всего, безымянная, войдет в поколения новых атлетов, других олимпийских чемпионов. Трудно угадать, в чем выразится эта частица. Но я, например, будучи спортсменом и тренером, учился у моих предшественников. В том числе и у тех, кого нет уже в живых. Значит, они не умерли. Они оживали каждый раз, когда я выходил на ковер. Я или мои ученики.

Нет, наше бессмертие не в одних званиях и титулах. Оно главным образом в нас самих, в том, насколько полно мы отдаем, что имеем. Потому что в конечном счете отдаем своему народу, который будет жить вечно. Будет хранить и развивать то, что мы ему отдали.

Мысль об этом пришла где-то в середине моего рассказа, который, как я помню, начался с грустной ноты: дескать, вторая половина прожитого уходит на то, чтобы уничтожить память о дорогих мне минутах и секундах.

Я понял, что эта вторая половина ничуть не менее ценна, чем первая. Она даже более важна для того, чтобы исполнить такое простое и такое человеческое желание — остаться.

И я сейчас испытываю бескрайнее чувство благодарности ко всем, кто помогал мне делать мое дело. Ко всем, кого я упомянул в этом рассказе и кого по какой-либо причине — чаще всего случайно, из-за отсутствия опыта работы над книгами — упомянуть забыл.

Спасибо и тем, кто помог мне сделать эту непривычную работу: журналистам Михаилу Бриману и Дмитрию Филипченко, моему издателю Георгию Гопиенко, пресс-атташе Федерации Владимиру Голубеву, чьи корреспонденции в «Советском спорте» помогли восстановить детали давних соревнований.

И, конечно же, спасибо тебе, Наташа. За все.

remembered without explaining what they have done. For instance, Christ... Or else, Muhammad of Buddha... Millen-niums separate them from us, millenniums more will pass until at least one new name appears on that list.

Does it mean that a man, if he is not Christ or Buddha, dies, so to say, finally and irrevocably? I don't think so. Russia will live forever. My nation will Live forever. And the admiration of physical and spiritual beauty, the worship of courage and strength will always be alive in it. And if I, Ivan Yarygin, have a chance to remain in the people's memory, it is not because I have become a two-fold champion but because I did everything I could to contribute to the growth of this beauty and strength. A part of me, most likely, a nameless one, will pass to the generations of other athletes, other Olympic champions. It is difficult to foresee what this part will express itself in. But as for me, being a sportsman and a coach I Learned from my predecessors, including those who had already died. This mean they didn't die. They came to Life every time I appeared on the mat. Or else my pupils did.

No, our immortality is not contained in our degrees and titles. It is first of all in ourselves, in the way we give what we have. For we give it to our nation which will live forever. It will keep and devel-op what we have given to it.

This thought occurred to me somewhere in the middle of my story which, as far as I remember, had begun on a sad note, with the reflection about the second half of my life taking away the memory of the minutes and seconds which were dear to me.

I have understood this second half is as valuable as the first one. It is even more important for fulfilling such a simple and human desire to remain.

And now I feel an immense gratitude to those who helped me to do my Life-work. I am grateful to everybody I have mentioned in this story and to those whom I have forgotten to mention to some reason, mainly by chance or due to the lack of experience in writing books.

I also thank those who helped me to do this unfamiliar work: the journalists Mikhail Briman and Dmitri Filiptchenko, my publisher Georgi Gopienko, the press-attache of the Federation Vladimir Golubev whose reports in the «Sovetski Sport» have helped to revive the details of the past competi-tions.

And, of course, thank you, Natasha. Thank you for everything.

—

ПЕРЕДО мной чистый лист бумаги... и лицо живого, могучего и доброго Ивана Сергеевича Ярыгина. Прошел год, как его нет рядом, но никак не верится в это. В таком состоянии писать послесловие к книге его живых воспоминаний необычайно сложно: захлестывают эмоции, сетования на несправедливость судьбы, когда накануне говоришь с человеком по телефону, и вот его уже нет — нелепая автокатастрофа перечеркивает на взлете жизнь и планы на будущее не одного погибшего, а всех, кто был рядом, вместе с ним. Его гибель стала личной трагедией каждого имевшего к нему какое-либо отношение.

Древние римляне оставили миру разные афоризмы и среди них пожелание говорить об усопшем либо правду, либо ничего. Они боялись обидеть ушедшего в мир иной. В данном случае правду говорить легко, потому что всемирно известный боец, тренер, один из известнейших руководителей отечественного спорта Иван Ярыгин жил по правде и все, что он написал в воспоминаниях, — правда. Но, учитывая его природенную скромность, это только часть прожитой им праведной жизни. И я глубоко убежден, что его друзья и родные еще подарят миру воспоминания об этой исключительной личности, ставшей легендой России и мирового спорта.

Иван Ярыгин относился к числу немногих людей, которых Всевышний отметил особенными качествами. Говорят: кому много дано, с того многое спрашивается. В семье, где родился Иван, было 10 детей, но только на его долю выпало так прославить свой род и стать первым в Сибири, где талантливых ребят много, Олимпийским чемпионом. Почему он, а не другой из семьи Ярыгиных, из сотен сибирских первоклассных спортсменов? Почему именно ему было предопределено завоевать симпатии и любовь тысяч болельщиков, стать национальной гордостью страны и подтвердить еще раз, что на таких Иванах стояла и стоит Россия?

Я пытаюсь ответить на эти вопросы, и во мне двоякое чувство. Как человек, которому Иван Сергеевич оказал честь называть себя его другом, я полон горечи переживаний оттого, что его живого нет больше с нами; как историку мне хотелось бы по-

нять, как ему удалось создать неповторимую ауру добра и дружбы, чести и благородной красоты в отношениях со всеми встречавшимися с ним людьми, как были написаны им воспоминания, которые читаются на одном дыхании и после прочтения которых чувствуешь себя освеженным и чистым, будто испившим в жаркую погоду холодной, родниковой, живой воды...

Дважды олимпийский и многократно чемпион мира и страны по вольной борьбе Иван Ярыгин был великим спортсменом и счастливым человеком. У него была прекрасная любящая семья, и он всю жизнь занимался любимым делом — вольной борьбой. В книге этот мужественный и сердечный человек, проживший прекрасную, содержательную жизнь, непринужденно рассказывает о семье, друзьях, жизненных испытаниях, когда и ему приходилось «зажимать сердце в кулаке». Все о себе честно и откровенно.

Вся его спортивная жизнь стала преодолением самого себя. Ведь нужно было побеждать, чтобы двигаться дальше. Он был из тех, кто делал себя сам, хотя и много с благодарностью вспоминает учителей-тренеров В. И. Чаркова, Д. Г. Миндиашвили и других.

Иван Ярыгин родился 7 ноября 1948 г. в селе Усть-Камзасе Кемеровской области. Его детство и юность прошли на берегах сибирской хрустально чистой речки Сизой, впадающей в могучий Енисей, в патриархально настроенной многодетной семье. Это была экологически чистая нравственная среда, крестьянски деловитая, честная, щедрая и благодарная. Это было суровое послевоенное голодное время. В больших семьях дети рано становятся самостоятельными. В 16 лет пошел Иван в люди... У него были природная сила, целеустремленность, желание быть порядочным и честным человеком. И мечта стать шофером... На серьезные занятия спортом его подвигли тренеры, особенно живший тогда в Красноярске Дмитрий Георгиевич Миндиашвили, ставший его наставником и другом на всю жизнь. Начиная Иван еще вратарем леспромхозовской команды — занятия спортом давались ему легко.

Наверное, целомудренное домашнее воспитание помогло ему выработать основу своего понима-

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ния сущности спортивной борьбы, где, казалось бы, должны присутствовать не только воля к победе, но и агрессивность, злость, торжество над повергнутым противником. В Ярыгине все восставало против словосочетаний «добро с кулаками» или «спортивная злость». Ему претили ожесточение и враждебность. Главным в спорте, как и в жизни, он считал преодоление себя, умение победить, никак при этом не унижая соперника. «Злость полезна, злость спортивна, если она направлена... на самого себя, — пишет он. — Мужчина ты или не мужчина, неужели уступишь, неужели позволишь одолеть себя — вот такими приблизительно словами я могу выразить ту "спортивную злость", которую обычно испытывал и даже вызывал в себе. Но это чувство не имеет никакого отношения к злобе, ненависти, вражде». Это обращение к себе, а не к противнику, поиск причин побед и поражений в себе — основное кредо его жизни и спортивной деятельности. Характерно: в воспоминаниях Иван Ярыгин никого ни в чем не обвиняет, обо всех пишет только хорошее и благодарен всем, с кем свела его судьба, будь то друзья детства или соперники на борцовском ковре.

Иван Ярыгин был очень доброжелательным человеком, никогда не напоминающим о сделанном людям добре, более того, считавшим, что несет ответственность за тех, кого пустил в свое сердце, кому помог в жизни. Он был требователен к себе и другим, остро понимая, что такое справедливость и как дорого она стоит. Поэтому он не испытывал чувства разочарования или мстительности к тем, кто был несправедлив к нему самому. Хотя пережитое и позволило ему сделать афористическое замечание: «В счастье все дружат с нами, а в горе нет уж тех друзей».

Много страниц книги посвящены дружбе спортсменов, которые были соперниками на арене, а в жизни помогали друг другу. «В нашем борцовском кругу не приняты сантименты. Вслух не скажешь о любви, — рассуждает автор. — Я любил вас, парни. Мы, сборная, — одна семья. Любовь — трудная штука. И хитрая. В том смысле, что никто не знает, из чего она состоит. Как она рождается. Но вот что мне пришло сейчас в голову. Будучи в Японии, я обратил внимание на то, что в этой сверхмеханизированной стране почти отсутствуют детские коляски. Японские мамы и папы носят своих младенцев с помощью специальных приспособлений на себе. На спине или на груди. Считается, что ребенок, прижимаясь своим тельцем к телу родителя, чувствует себя защищенным. Заряжается его токами. Мы, вольники, классики, тренируясь, работая в спарринге, почти обнаженными телами постоянно касаемся друг друга. Как же нам не передать свое-

му партнеру наши токи, наши чувства, наше понимание друг друга? »

О бескорыстии Ивана Ярыгина ходили легенды. Он делился со своими друзьями всем, что имел. Дом его всегда был открыт для них. Но у него было еще одно свойство характера, которое ужасало тренеров. Миндиашвили признавал, что его пугала открытость Ивана, который был готов любой прием борьбы, наработанный в долгих мучительных тренировках, показать, отдать каждому, в том числе и будущему сопернику. Ярыгин стоял на своем, полагая, что человек должен уметь не только брать, но и отдавать. Ему доставляла радость возможность отдать, хотя его соперники и использовали это его человеческое качество в свою пользу. Это был его образ жизни, естественное поведение. Он не мог иначе. И поступал так, как считал нужным, несмотря на протесты тренеров и удивленное восхищение тех, кто этим пользовался.

Со страниц воспоминаний Иван Ярыгин предстает скромным, благородным и добрым человеком. Нет, он не пишет так о себе. Но это действительно так, и вряд ли найдется кто-либо знавший его, кто станет говорить о нем иначе. Он не страдал «звездной болезнью» и оставался самим собой, когда побеждал на Олимпиадах, иных первенствах, когда стал почетным гражданином города Красноярска, главным тренером сборной страны или Президентом федерации, объединившей всех борцов России. Конечно, у него были минуты личной гордости, когда во время мюнхенской Олимпиады он установил своеобразный рекорд, затратив для победы над семью соперниками всего 8 минут 40 секунд из ответных на поединки 63 минут. Или когда он со сломанным ребром победоносно боролся, а затем нес флаг страны на монреальской Олимпиаде. Вот его собственные комментарии к этим памятным событиям в его жизни.

По поводу своего рекорда на мюнхенской Олимпиаде Ярыгин пишет: «Моими конкурентами в борьбе за мюнхенскую медаль были отнюдь не слабаки. Просто в тот момент я оказался сильнее, лучше подготовленным. Поэтому я думаю, что и мой рекорд можно превзойти. Хочу, чтобы сделал это наш, российский борец. Мечтаю, чтобы это случилось при моей жизни. Встречая новичка в сборной команде, я вглядываюсь в него с волнением: парень, не ты ли самый... Мне чертовски интересно, каким он будет...» О Монреале написал иное: «Настал день и час, который я не забуду до конца дней своих. Перед церемонией официального закрытия Олимпиады — общее собрание нашей делегации.

Вносится предложение: на параде закрытия Игр флаг нашей страны несет Ярыгин. Я растерялся, по-

чувствовал, что кровь прилила к лицу. Предложение принимается единогласно. Начинаю осознавать: не тебе честь, Иван, — всей советской школе борьбы». Он гордо нес этот флаг в обстановке тогдашней антисоветской вакханалии в Канаде, не страшась угрозы расстрела флагоносца, ощущая на себе, по его словам, «дыхание Родины». Этот естественный, а не показной патриотизм также был свойственен Ивану Ярыгину. Когда он стал главным тренером сборной команды, то делал все, чтобы развивать и совершенствовать ту школу борьбы, которая сложилась из всех национальных видов единоборств, характерных для многонациональной страны и представлявших разные народы борцов. Тогда же он постигал педагогику и психологию в отношениях с членами команды, памятуя высказывания своих тренеров: все большие спортсмены — личности, в команде они единый букет, но у каждого цветка свой специфический запах...

Иван Ярыгин был человеком, фанатически преданным своей профессии борца. Он вообще был односторонним и великим подвижником. Для него не было никого дороже и любимее его Наташи, детей и избранной им раз и навсегда специальности — профессионального борца. В последнем случае ему пришлось дважды принимать радикальные решения. Возраст спортсмена-профессионала недолог. Заканчивая карьеру действующего борца, он получил предложение стать главным тренером сборной команды и принял это предложение. Второй раз он растерялся при распаде СССР. Снова наступила пора подумать о личной судьбе. Главный тренер сборной заявил о своем уходе и честно вспоминал, что не знал тогда, с чего начать новый день. Жена шуточно предлагала ему пойти в киноартисты, ведь в свое время он успешно прошел кинопробу на роль Ивана Поддубного, но не снялся в картине, так как был слишком занят тренировками. Разрешилось все в марте 1993 г., когда Иван Ярыгин был избран Президентом Федерации спортивной борьбы России. Ему и его коллегам в то время пришлось многое начинать заново: предстояло найти и воспитать борцов, не уступающих тем, кто приходил раньше в сборную из других республик бывшего СССР, теперь ставших независимыми государствами. Помогли в этом многие турниры, особенно международные, имени Ярыгина, в Красноярске.

Возглавив Федерацию спортивной борьбы России, Иван Ярыгин, по его собственному признанию, часто с грустью вспоминал о борцовском ковре. Ведь он был призван смягчить жесткость пола. И более ничего. Став Президентом, он был вынужден перейти «с борцовского ковра на другие — в кабинетах разных руководителей. Бои, которые прихо-

дится разыгрывать на этих коврах, — вспоминал он, — порой куда сложнее, чем прежде. Они, как правило, проходят без зрителей, без болельщиков. Но главное — по совсем другим правилам. А порой и вовсе без правил. И я вряд ли бы мог одерживать на них невидимые другим победы, не будь со мной верных "секундантов" — моей Наташи, моих Ани и Сережи, моих старых друзей...» Он и в этом высказывании излишне скромно. Никто за него ничего не делал. Теперь он часто был один на один не с соперником-борцом, а с чиновником, которого надо было убедить помочь спорту и спортсменам. Конечно, ему помогали и поддерживали семья и друзья. Но главное — он сам. Его друг Владимир Малышков вспоминал: «В Ярыгине уживаются детскость, беззащитность и напор. Он невероятно переживает за свое дело, думает о нем дено и ношно. У него нет свободной минуты, он мчится по Москве в горячие точки, в его кабинете ждут десятки людей. Кто такие нагрузки выдержит? Я думаю: ну почему такой заслуженный в спорте человек должен так себя изводить? Порой боязно за него. Ведь он не коммерсант, некоторые нюансы просто не знает. Непосредственный, иногда наивный, он часто совершает мужественные, решительные поступки. От него какая-то космическая энергия. С ним надежно. И это судьба послала Ивану очаровательную жену Наталью. Он с ней счастлив».

Иван Ярыгин был профессиональным борцом от Бога. Он был талантлив и был уверен, что непобедим, пока представляет непобедимую страну. После ее распада не он один дрогнул. Но ни Ярыгин, ни его друзья не растерялись, а стали строить новую Россию, как они это понимали, составляя и приумножая ее спортивную славу. Иван Ярыгин мог бы сказать о себе, что всем в жизни он обязан спортивной борьбе. Именно она воспитала его характер, волю, умение держать удары судьбы. Его самозабвение, одержимость своим делом привлекали к нему всеобщее внимание таких же, как и он, увлеченных людей, ставших его друзьями и поклонниками в разных странах мира.

В заключение книги Иван Сергеевич Ярыгин пишет о том, будут ли его и других, принесших неувядаемую спортивную славу стране, помнить. И отвечает утвердительно, замечая, что помнить будут не за звания и титулы, а за то, что они дали людям. Потому и символично название последнего раздела воспоминаний: «Отдать, чтобы остаться».

Его ученики будут по видеороликам учиться у него, как надо побеждать на борцовском ковре; все, кто его знал, будут восхищаться щедростью его души, готовностью широким жестом предложить свою помощь. И это согревало, утешало и помогало

ПОСЛЕСЛОВИЕ

всем, кто знал его или какое-то время был рядом с ним.

Теперь о том страшном, чего нет в книге и о чем особенно тяжело писать и вспоминать не ему, а тем, кто его знал и продолжают жить с непонятным чувством вины, что не смогли его уберечь... Трагедия произошла неожиданно 11 октября 1997 года в 22 часа 30 минут недалеко от города Нефтекумск в Ставропольском крае. Сейчас трудно сказать, кто виноват в столкновении легковой машины с грузовиком. В результате погибли великий борец и 16-летний Расул Кадыров. Брат последнего, водитель машины, 22-летний Максуд Кадыров и их отец Изамутдин были тяжело травмированы.

Иван Сергеевич Ярыгин приехал в Махачкалу 9 октября на Международный турнир по вольной борьбе памяти пятикратного чемпиона мира Али Алиева. Он очень любил Дагестан, республику, где борьба была национальным видом спорта, где началось его собственное восхождение на Олимп славы и бессмертия, где гордые горцы полюбили его за удачу, смелость и мастерство и восхищенно отзывались о нем: «Ярыгин — это мужчина!» Иван Сергеевич дружил и с выдающимся борцом Али Алиевым. Помню, как горевал он о нем, умиравшем от тяжелой и неизлечимой болезни.

8 октября Иван Сергеевич позвонил мне и спросил, буду ли в Махачкале во время турнира. Я ответил, что поехать не смогу, он тоже высказался в том смысле, что вряд ли поедет. Но, как оказалось, поехал вместе с тренером олимпийского резерва Изамутдином Кадыровым. Кроме присутствия на турнире, у него, как Президента Федерации спортивной борьбы России и члена бюро ФИЛА, была почетная миссия — вручить от имени Президента ФИЛА Милана Эрцегана золотую медаль ФИЛА Председателю Госсовета Дагестана Магомеду Магомедову за выдающийся вклад республики в развитие вольной борьбы.

После торжественного акта вручения золотой медали руководителю Дагестана и первого дня соревнований Иван Сергеевич отправился в Кисловодск, где находилась его жена и где он сам собирался продолжить курс лечения. И впервые не доехал до столь любимой Натальи Алексеевны...

Время неумолимо. Вот уже год, как нашего большого друга нет с нами, а 7 ноября 1998 г. ему бы исполнилось только 50 лет. Мне часто видится Иван Ярыгин рядом с прославленными былинными богатырями Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем на картине Виктора Васнецова, тем более что на ней художник оставил место для четвертого богатыря. Или в образе неугомонного, дерзкого и бесстрашного мушкетера, вместе со

своими друзьями успешно выступающего на спортивных аренах и в жизни. К сожалению, в последней действительно трудно быть победителем...

Предлагаемые читателю воспоминания Ивана Сергеевича Ярыгина неполны. Он не успел написать о своей лебединой песне — XXXII Чемпионате мира, который состоялся в конце августа 1997 г. в его родном Красноярске, когда подготовленная им сборная команда России вновь стала лучшей. Подготовка борцов к этому чемпионату досталась ему тяжело. Помню, возвратившись в Москву, он заявил в сердцах: «Все, ухожу». Не ушел — не мог оставить дело всей жизни, — но видно было, как устал Президент Федерации и физически, и морально-психологически. Он один делал то, что было посильно лишь большому коллективу единомышленников.

Когда Иван Сергеевич уставал, то всегда вспоминал речку Сизую, где прошла его юность. Так и тогда, 10 сентября 1997 г., вместе с Владимиром Малышковым, своим ближайшим другом, весельчаком и балагуром, певцом и охотником, баянистом и футболистом, поэтом и рыбаком, профессором и министром, его женой Зинаидой и родной Наташей собрались и улетели на заимку, в тайгу. Там Иван Сергеевич получил из рук своего друга медаль к 850-летию Москвы от имени мэра города Ю. М. Лужкова. У Ивана Сергеевича Ярыгина было много правительственных наград. Эта стала последней и памятной.

И еще. Там, на Родине, он строил церковь в память умершей матери — церковь святой Евдокии, освящать которую собирался патриарх Алексей II...

20 сентября 1997 г. друзья вернулись в Москву. Никому и в голову не приходило, что оставались считанные дни до страшного 11 октября...

Писать о том, что этого доброжелательного, спокойного и веселого гиганта нет с нами больше, невыносимо тяжело. Ведь эту книгу он недавно писал, обсуждал с друзьями, благодарил за помощь и советы. Невыносима боль утраты, неизлечима рана потери. Со смертью всякого человека на одного в роду человеческом становится меньше. С уходом Ивана Сергеевича Ярыгина осиротели все: родные и близкие, друзья и многочисленные болельщики, все россияне. Он был большой, надежный и сильный. В книге славы России есть и его памятная страница.

Как ни удивительно, но его потрясающей энергии хватало на очень многое. Наверное, потому, что он никогда не был равнодушен к людям. Когда я сказал ему о смерти моего учителя академика-историка П. В. Волобуева, то кроме слов сочувствия он тут же предложил свою помощь в том, чтобы похоронить академика достойно. Иван Сергеевич Ярыгин был готов обнять всех и помочь всему миру, не-

ПОСЛЕСЛОВИЕ

смотря на вечную нехватку времени. Человек неспокойной судьбы, борец по характеру и профессии, он в тот черный день не выдержал удара чудовищной силы и погиб. Но все равно остался один на всех, как друг, отец, муж, брат, государственный деятель.

В Лужниках стоят памятники великим футболистам Льву Яшину и Эдуарду Стрельцову. Рядом с ними станет памятник великому спортсмену-борцу Ивану Ярыгину.

Иван Ярыгин прожил яркую, прекрасную жизнь. Предлагаемая читателю книга его воспоминаний еще раз напомнит о мощи человеческого духа, способности увлеченных, одаренных, с искрой Божьей людей осуществлять свою мечту, увлекая бескорыстным примером многих. Прочитав книгу, читатель поймет, что и в нашей сложной жизни есть место добру и благородству, ведь главное, как считал Иван Ярыгин, отдать, подарить что-то людям, чтобы навеки остаться в их благодарной памяти. Работа над жизнеописанием Ивана Сергеевича Ярыгина еще впереди. Очень хотелось бы издать сборник воспоминаний о нем, в котором бы приняли участие его родные и друзья. Среди них жена Наталья Алексеевна, сестры и братья Ивана Сергеевича, Ю. М. Лужков, П. П. Бородин, В. И. Малышков, С. П. Миронов, В. Г. Смирнов, Л. В. Тягачев, А. Н. Чилингаров, В. И. Волконский, П. С. Дейнекин, А. Е. Сафонов, А. Н. Ильюшенко, Милан Эрцеган, Вячеслав Иванов, Лев Логинов, Виктор Гупалов, Дмитрий Миндиашвили, Владимир Чарков, Николай Пархоменко, Юрий Шахмурадов, Петр Токмаков, Михаил Мамаишвили, Валерий Онопоко, Шамиль Невретдинов, Изамутдин Кадыров, Георгий Брюсов, Борис Жаворонков, Валерий Сергиенко, Владимир Черных, Евгений Пархаев, Юрий Непомнящий, Омар Муртузалиев, Евгений Фионов, Геннадий Бездетный, Андрей Силецкий, Расс Хеликсон, Джоан и Крисс Бурки, Ким Ик Енг, Томпака Фукуда, Хологин Баянмунх, Харальд Бюттнер, Ахмет Айик, Александр Медведь, Владимир Гулюткин, Леван Тедиашвили, Загалав Абдулбеков, Сослан Андиев, Арсен Фадзаев, братья Анатолий и Сергей Белоглазовы, Махарбек Хадарцев, Александр Тихонов, Александр Якушев, Александр Карелин, Илья Мате, Сергей Корнилаев, Салман Хасимиков, Роман Дмитриев, Павел Пинигин, Ваха Евлоев, Виктор Алексеев, Борис Будаев, Алексей Атаманов, Адлан Вараев.

Это далеко не полный список тех, кто смог бы поделиться своими воспоминаниями об Иване Сергеевиче Ярыгине. Мы приглашаем всех, кто знал великого борца и человека, участвовать в создании сборника воспоминаний о нем. Это приглашение и от Натальи Алексеевны Ярыгиной, которая просила выразить свою искреннюю признательность всем, кто на него откликнется.

* * *

Ивана Сергеевича Ярыгина хоронили как народного героя на одном из священных погостов России — Троекуровском кладбище. Было много людей и море цветов в траурных лентах. С человеком, всю свою жизнь поднимавшим планку мощи и величия страны, с одним из самых светлых и трогательных своих сыновей просталась вся Россия, весь спортивный мир. Это был удивительный русский богатырь: самообытный, сильный, щедрый. Иван Ярыгин был могуч и скромн, его высокие человеческие качества, умение спланивать людей, решать важные государственные вопросы, созидать, нести полезное людям — достойны подражания, того, чтобы делать жизнь по Ярыгину.

В России много героев, былинных — единицы. Иван Ярыгин — один из них. И чем дальше мы живем без него, тем больше понимаем, кого мы потеряли, какое счастье было — быть рядом с ним, общаться, слушать его добрые советы и осуществлять их. Потому не было дня, когда бы его не было рядом со мной, и я мысленно часто спрашивал себя: а как бы в этом случае поступил Иван Сергеевич? Что бы он мне сказал?.. Иван Сергеевич был и навечно остался моим милым, добрым, бескорыстным и совестью старшим братом.

На русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, в парижском пригороде, похоронен великий русский кинорежиссер Андрей Тарковский. На надгробной плите надпись: «Человеку, который увидел ангела». Иван Ярыгин тоже видел ангела, более того, иногда мне казалось, что ангел вселился в его большую и величественную душу и вершил вместе с ним... Убежден, что грядущая Россия будет вечно хранить неотделимое от нее имя своего верного и великого сына Ивана Сергеевича Ярыгина. А мы — продолжать его дело, помогать стране и спорту, которые так же бессмертны, как и спортивные подвиги Ивана Ярыгина.

доктор исторических наук

Иван Сергеевич Ярыгин
АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ КОВРА

Редактор
Наталья Ярыгина

Послесловие
Ильи Урилова

Перевод на английский язык
Ольги Бараиш

Макет и оформление
Сергея Стулова

Корректор
Наталья Маркелова

Подписано в печать 30. 10. 98.
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Печ. л. 29.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1401

ЛР № 010304 от 28. 07. 1998 г.
Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46

